

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

HARVARD COLLEGE LIBRARY

in honor of

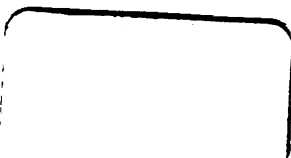
ARCHIBALD CARY COOLIDGE

1866 - 1928

Professor of History

Lifelong Benefactor and

First Director of This Library

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

СБОРНИКЪ

Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н И: КАРѢВА.

(1894 г.).

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасовича, Вас. Остр., 5 л., 28.

1894.

P Slav 381.60 (1894-95)
7-8

~~Slav 25.20~~
~~P Slav 381.60~~

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY
JULY 1 1892

2186

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ I.

	стр.
П. Мировичъ. Сент-Жюстъ	1
О. П. Герасимовъ. Одна изъ старыхъ чертъ въ нашей учебно-исторической литературѣ.	29
Н. И. Карѣевъ. Объ общемъ значеніи историческаго образованія	43
И. М. Красноперовъ. Очеркъ промышленности и торговли Смоленскаго княжества съ древнѣйшихъ временъ до XV в.	64
В. Н. Сторожевъ. IX археологическій съѣздъ въ г. Вильно	112
Ө. Ф. Зелинскій. Теодоръ Монзенъ	136
Объ одной ученой полемикѣ	143
Н. И. Веселовскій. Сергій Михайловичъ Георгіевскій	154

Отдѣлъ II.

Протоколы Историческаго Общества за 1893 г.	8
Отчетъ о состояніи и дѣятельности Историческаго Общества за 1893 г.	9
Протоколъ Ревизионной Комиссiи	12
Смѣта прихода и расхода на 189 ³ / ₄ годъ	13
Составъ Комитета Историческаго Общества въ 1894 г.	13

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Мемуары г-жи Роландъ	(листы V—X).
--------------------------------	--------------

О Т Д Ъ Л Ъ І.

Седьмой томъ „Историческаго Обзорѣнія“ выпускается въ свѣтъ безъ обзоровъ исторической литературы и безъ исторической хроники, которые пришлось отложить до восьмого тома, предназначеннаго къ выпуску осенью 1894 г. Значительная часть настоящаго тома была набрана, когда оказалось, что средства Историческаго Общества не позволяютъ ему издавать свое „Обзорѣніе“ два раза въ годъ, какъ прежде, книжками въ 20 — 25 листовъ, и потому на этотъ разъ въ виду того, что на будущее время придется выпускать книжки листовъ по 15, а седьмой томъ достигъ уже этой нормы, Редакція „Историческаго Обзорѣнія“ и рѣшила перенести предназначенные для седьмого тома обзоры и хронику въ слѣдующій восьмой томъ.

СЕНЪ-ЖЮСТЬ.

Н. Игровичъ.

Между всѣми яркими индивидуальностями, которыми такъ богата эпоха французской революціи, выдѣляется своеобразная личность молодого человѣка, почти юноши, своей кратковременной политической дѣятельностью оставившаго глубокое впечатлѣніе на всѣхъ современниковъ. Выдвинувшись въ 1793 году въ Комитетъ Общественнаго Спасенія, въ качествѣ сторонника и друга Робеспьера, Сенъ-Жюсть возбуждалъ въ окружающихъ чувство суевѣрнаго страха, къ которому прилѣпывалось недоумѣніе. Одни называли его порожденіемъ Робеспьера, членомъ революціоннаго тріумvirата; другіе—святимъ; третьи — сфинсомъ, апокалипсическимъ чудовищемъ 1). Смѣшанности и неясности впечатлѣній не мало способствовали внѣшній образъ и приемы Сенъ-Жюста. Мягкія, почти женскія черты лица; низкій лобъ, почти закрытый ниспадавшими на него волосами; свѣтлые, прозрачные глаза, глядѣвшіе прямо передъ собой,—такъ описываютъ его современники. И эти внѣшнія черты такъ же мало гармонировали съ суровымъ обращеніемъ его, рѣзкимъ голосомъ, отрывистой, сухой дикціей, какъ неумолимые, безпощадные доклады его, равнявшіеся смертнымъ приговорамъ, съ сентиментально-филантропическимъ характеромъ его поэтическихъ произведеній.

„Ничто не можетъ быть ужаснѣе,—замѣчаетъ одинъ современникъ, встрѣтившій С.-Жюста въ 1793 году въ Страсбургѣ,—ничто не можетъ быть ужаснѣе лаконичной, сжатой формы этихъ проскрипцій, нерѣдко представлявшихъ смертный приговоръ для цѣлаго класса гражданъ... Я какъ бы слышу еще ихъ въ краткой, звучной дикціи

1) Avenel, „Anarharsis Cloots“, éd. 1865, t. 2 p. 374.

этого красиваго юноши, созданнаго природой для любви и поэзіи... И между тѣмъ, тотъ же современникъ и очевидецъ прибавляетъ: „Странное дѣло! неутолимая жажда справедливости, страстная любовь къ человѣчеству господствовали минутами въ этой суровой душѣ, не отрѣшившейся отъ всякаго чувства справедливости и гуманности“ 2). „Одинъ изъ младшихъ членовъ Конвента,—замѣчаетъ другой современникъ,—С.-Жюсть, быть можетъ, болѣе другихъ съ экзальтированнымъ энтузіазмомъ соединялъ вѣрный и быстрый глазомѣръ, непоколебимо-твердую волю и въ высшей степени организаторскій умъ“ 3).

Но тѣ же поклонники С.-Жюста, преклонявшіеся передъ его сильной волей, энергіей, преданностью идеямъ революціи,—тѣ же друзья и поклонники указываютъ на одну характерную черту его, отражавшуюся на его наружности, обращеніи и придававшую особенный отпечатокъ его внѣшнимъ приѣмамъ. Увлеченіе его абстрактными принципами, простиравшееся до фанатизма, было сухое, холодное, разсудочное. Чувство едва ли играло въ немъ какую-либо роль; заглушенное и подавленное разсудкомъ, оно не участвовало въ его образѣ мыслей, также какъ и въ образѣ дѣйствій. И въ этомъ отношеніи С.-Жюсть является крайнимъ, типичнымъ представителемъ своей эпохи и въ частности своей партіи. Во всемъ его духовномъ существѣ преобладающимъ является разсудокъ,—тотъ искаженный, сухой разсудокъ, который воцарился въ XVIII вѣкѣ, деспотически властвуя подъ другими духовными свойствами человѣка, обращая его въ бездушный механизмъ, дѣйствующій во имя отвлеченныхъ теорій и принциповъ. „Въ священной любви къ отечеству, говорилъ самъ С.-Жюсть, есть ничто ужасное. Любовь эта такъ исключительна, что все сокрушаетъ во имя общаго интереса безъ состраданія, безъ страха, безъ уваженія къ человѣческой личности“. И принципъ этотъ онъ проводилъ на практикѣ послѣдовательно, безжалостно, жестоко, не щадя своихъ ближнихъ, слѣдуя отвлеченному догмату, воодушевляясь идеалами Рима и Спарты, примѣрами Катона, Брута и другихъ представителей древняго міра, образъ которыхъ не покидалъ его и имена которыхъ постоянно возвращались въ его рѣчахъ. Эта фанатическая преданность отвлеченному принципу проглядываетъ въ каждомъ его дѣйствіи, также какъ въ каждомъ изреченіи. „Если тщеславіе, говорилъ онъ, приводитъ людей къ эшафоту, къ кладбищу, къ небытію,—это не важно, лишь бы сохранилась свобода...

2) Charles Nodier, „Souvenirs et portraits de la Révolution, éd. 1841, p. 50.

3) Mémoires de Levasseur, t. II, p. 324, 325.

Республика создается съ неумолимою суровостью, безпощадной ко всѣмъ измѣнникамъ⁴⁾.

Суровый, мрачный обликъ С.-Жюста производилъ впечатлѣніе на всѣхъ, кому приходилось сталкиваться съ этою личностью. При различіи въ оцѣнкѣ его нравственной личности, какъ друзья, такъ и враги равно признавали въ немъ одно характерное качество, яркой полосой проходившее во всей его дѣятельности,—непоколебимую, твердую волю, презиравшую всякія преграды, неуклонно слѣдовавшую по намѣченному пути. Свойство это выражалось и въ его наружности,—въ общемъ очертаніи всей фигуры. Сухой и неподвижный, какъ автоматъ, затянутый въ накрахмаленный галстукъ, съ головой слегка закинутой назадъ и взоромъ устремленнымъ прямо передъ собою,—С.-Жюсть походилъ на существо особаго рода, чуждое человѣческихъ слабостей, являвшееся въ эпоху революціи воплощеніемъ правительства террора, неумолимаго и жестокаго, безпощадно творившаго судъ и расправу.

Свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о ранней юности С.-Жюста, до революціи 1789 года,—весьма скудны и неполны, хотя въ нравственномъ отношеніи довольно характерны. С.-Жюсть родился 25 августа 1767 года въ Дэсизѣ, небольшомъ городкѣ Нивернѣ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Суасонѣ, въ коллежѣ св. Николая. Уже здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе свойствами своего характера—заносчиваго, болѣзненно-самолюбиваго. Черты эти онъ унаслѣдовалъ, повидимому, отъ отца, выслужившагося офицера стараго режима, который съ раздраженіемъ относился къ социальному неравенству, помѣшавшему ему выдвинуться въ общественной дѣятельности. Вѣроятно, отъ матери онъ воспринялъ наклонность къ мечтательности и сентиментальности, представлявшую такой странный контрастъ съ свойственными ему рѣзкостью и жестокостью. Свѣдѣнія, сохранившіеся о раннемъ періодѣ жизни С.-Жюста, представляютъ намъ его, далѣе, одинокимъ, чуждающимся общества товарищей, неохотно подчиняющимся дисциплинѣ учебнаго заведенія. Въ то же время онъ обращалъ на себя вниманіе недюжинными способностями. „Это лучший нашъ ученикъ“,—говорили о немъ учителя. Рассказываютъ, что одинъ изъ нихъ, въ минуту пророческой дивинаціи, предсказалъ, что онъ будетъ въ послѣдствіи или великимъ человѣкомъ, или великимъ злодѣемъ.

По окончаніи курса въ коллежѣ, С.-Жюсть занимался нѣкоторое время изученіемъ права въ Реймсѣ. Здѣсь, если вѣрить преданію онъ обилъ спальную свою чернымъ сукномъ съ бѣлыми разводами, и

⁴⁾ Докладъ С.-Жюста конвенту, 11 жерминаля II года.

цѣлые часы проводилъ въ этомъ склепѣ, мысленно переносясь въ иной міръ, населенный героями древности, и повторяя слова: „Мірѣ сталъ нусть послѣ римлянъ“.

Образъ жизни С.-Жюста въ ранней юности въ общемъ мало извѣстенъ. По сохранившимся смутнымъ преданіямъ, подобно большинству сверстниковъ, онъ велъ въ юности жизнь беспорядочную; рассказываютъ даже, что однажды онъ укралъ у матери серебро и драгоценныя вещи, послѣ чего былъ заключенъ въ продолженіе полугода въ исправительномъ домѣ. Но всѣ эти рассказы нельзя выдавать за непреложные факты. Достоверно извѣстно лишь то, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ бросался отъ одного рода дѣятельности къ другому; обратившись сначала къ изученію права, онъ не кончилъ курса; затѣмъ перешелъ къ литературнымъ занятіямъ, мечтая въ то же время вступить въ гвардію графа Артуа.

Въ сохранившемся отъ этого времени литературномъ произведеніи его „Organt“ отражается беспорядочное воображеніе, вышедшее изъ границъ, не подчиняющееся никакой нравственной уздѣ. Но рядомъ съ тривиальными общими мѣстами, цинично-грубыми или сентиментально-пошлыми,—выдаются строки не лишенныя поэтической красоты, сравненія довольно удачны и мѣткія, въ которыхъ проглядываютъ сатирическія способности автора. Сатира эта, очевидно, внушена просвѣтительными писателями XVIII вѣка,—Дидро, Вольтеромъ, Руссо, Монтескье. Такъ, въ отрицательномъ изображеніи Карла Великаго и его борьбы съ саксами описываются современныя политическія личности — Людовикъ XVI, Марія Антуанета и др. 5). Намеки на современныя политическія лица и ихъ образъ дѣйствій, перемежаемые съ сентиментальными воззваніями къ природѣ, къ блаженной эпохѣ, когда на землѣ царствовала одна добродѣтель и хвалебныя гимны свободѣ и равенству наполняютъ поэму, отражая на себѣ броженіе эпохи.

Начало революціи для С.-Жюста, какъ и для многихъ его современниковъ, было знаменательно. Революція явилась исходомъ для всѣхъ смутныхъ, неопредѣленныхъ стремленій, въ которыхъ честолюбіе, жажда славы и широкой дѣятельности,—соединились съ увлеченіемъ абстрактными, филантропическими идеями. Съ началомъ революціи совпадаетъ и первое появленіе С.-Жюста на политическомъ

5)

„Par des tyrans la France est gouvernée,
„L'Etat faiblit, et les lois sans vigueur
„Respectent l'or du coupable en faveur.
„Dans ses écarts, la reine forcenée
„Foule, mon fils, d'un pied indifférent
„Et la nature, et tout le peuple Franc“. etc.

поприщѣ. Въ концѣ 1789 года С.-Жюсть пріѣхалъ въ Парижъ. Здѣсь онъ видѣлся съ Камиллемъ Демуленомъ, былъ на засѣданіяхъ Національнаго Собранія и якобинскаго клуба, и возвратился въ Блеранкуръ ⁶⁾ ревностнымъ сторонникомъ новаго движенія, и съ этихъ поръ судьба его была неразрывно связана съ судьбой революціи. Въ продолженіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ, 1790—91 гг., личная жизнь его исчезаетъ за общественной дѣятельностью. Мы видимъ его попеременно то въ роли агитатора-проповѣдника среди своихъ согражданъ, то въ качествѣ избирателя—составителемъ адресовъ Національному Собранію. Въ апрѣлѣ 1790 года, по вопросу, поднятому Національнымъ Собраніемъ о томъ, который изъ двухъ городовъ—Ланъ (Laon) или Суасонъ—долженъ стать главнымъ городомъ департамента Энъ,—С.-Жюсть выступилъ защитникомъ интересовъ послѣдняго. Адвокатура его не увѣнчалась успѣхомъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ сдѣлался предметомъ овацій со стороны своихъ согражданъ. Около того же времени, онъ выдвигается на первый планъ во время демонстраціи со стороны Блеранкурскаго муниципалитета,—демонстраціи, вызванной протестомъ нѣсколькихъ членовъ Національнаго Собранія противъ декрета о свободѣ совѣсти. По этому поводу, 15-го мая 1790 года, муниципалитетъ собрался для выраженія своего негодованія въ адресѣ Національному Собранію. „При этомъ,—гласитъ протоколъ Блеранкурскаго муниципалитета,—С.-Жюсть простеръ руку къ пламени, которому предали пасквиль, и поклялся умереть за отечество и Національное Собраніе и скорѣе погибнуть черезъ огонь, уничтожившій пасквиль, чѣмъ нарушить свою клятву“. Эта театральная сцена, въ духѣ времени, гдѣ С.-Жюсть вспомнилъ, вѣроятно, о подвигѣ Муція Сцеволы,—произвела сенсацію въ средѣ зрителей. „Мэръ Блеранкура,—читаемъ мы въ протоколѣ,—въ свою очередь простеръ руку къ пламени и повторилъ клятву вмѣстѣ съ другими муниципальными чиновниками; затѣмъ, поздравивши С.-Жюста, сказалъ: „Молодой человекъ, я зналъ вашего отца, дѣда и прадѣда, вы достойны ихъ. Продолжайте, какъ начали, и мы увидимъ васъ въ Національномъ Собраніи“.

По мѣрѣ того, какъ С.-Жюсть выдвигался въ революціонной дѣятельности, мы видимъ, какъ постепенно утрачивается въ немъ умственное и нравственное равновѣсіе. „Революціонная лихорадка“ встрѣчаетъ въ немъ благодарную почву. Тщеславіе, безмѣрное самолюбіе, раздраженное социальнымъ неравенствомъ, жажда славы, въ соединеніи съ фанатическимъ увлеченіемъ идеями вѣка,—всѣ эти различныя влеченія и страсти, развиваясь при благоприятныхъ усло-

⁶⁾ Отецъ С.-Жюста въ 1773 году переселился съ семьей въ г. Блеранкуръ.

ніяхъ политическихъ безпорядковъ, достигаютъ крайнихъ предѣловъ. Содержаніе, какъ и форма рѣчей, писемъ, трактатовъ С.-Жюста поражаютъ преувеличенностью представлений, обиліемъ метафоръ и гиперболь. „Вы, что поддерживаете колеблющееся отечество противъ потока деспотизма и интриги, — писалъ онъ Робеспьеру, защищая коммерческіе интересы Влеранкура, — вы, котораго я знаю, какъ Бога, лишь по сотвореннымъ вами чудесамъ, — обращаюсь къ вамъ съ просьбой спасти мой несчастный край... Я васъ не знаю, но вы великій человѣкъ. Вы депутатъ не только провинцій, но человѣчества и республики“ 5).

Еще болѣе ярко отразилось умственное и нравственное настроеніе С.-Жюста въ первомъ его сочиненіи, которое послужило первой ступенью къ его славі. Въ 1791 г. онъ изложилъ свое общественное и политическое credo въ трактатѣ, озаглавленномъ: „Духъ революціи и конституціи Франціи“ (*Esprit de la Révolution et de la Constitution de France*). Школьное упражненіе и, въ то-же время, политическое profession de foi, произведеніе это отличается пестротой содержания. Самые разнообразные вопросы и теоріи затрогиваются здѣсь, — о государственномъ договорѣ, о преимуществѣ первобытной жизни дикарей, о значеніи воспитанія и т. д., — въ перемежку съ парадоксальными сентенціями. „Спокойствіе — душа тиранніи, страсть — душа свободы; первое — огонь тлѣющій; вторая — огонь снѣдающій...“ „Древо преступленія твердо, корень его мягокъ; сдѣлайте людей лучшими и не душите ихъ“. Мысли автора, безъ всякой послѣдовательности и системы, беспорядочно перебѣгаютъ отъ одного предмета къ другому, — отъ абстрактныхъ декламаций въ духѣ Руссо къ разсужденіямъ о событіяхъ и дѣятеляхъ революціи, пересыпаннымъ метафорами и лирическими тирадами. „Государство, покрытое правами человѣка, какъ обильными жатвами, повсемѣстно представляетъ свободу рядомъ съ народомъ, равенство рядомъ съ богатымъ, справедливость рядомъ съ слабымъ... Среди народовъ, дѣйствительно свободныхъ, женщины свободны и обожаемы и ведутъ счастливую жизнь, какъ того заслуживаетъ ихъ интересная слабость... О, законодателя! Дайте намъ законы, которые заставили бы насъ полюбить ихъ; равнодушіе къ отечеству и любовь къ самому себѣ — источникъ всякаго зла; равнодушіе къ самому себѣ и любовь къ отечеству — источникъ всякаго блага“ 6). Во всѣхъ разсужденіяхъ С.-Жюста о социальной и государственной организаціи преобладаютъ раціоналистическіе взгляды Руссо на общественный договоръ — вѣра въ безграничное могущество отлеченныхъ

5) Ernest Hamel. „Histoire de St.-Just“.

6) St.-Just, „Esprit de la Révolution“.

теорій и законовъ. „Всякое благо проистекаетъ отъ хорошихъ законовъ, всякое зло—отъ ихъ испорченности... Хорошій законъ лучше всѣхъ людей; страсть увлекаетъ ихъ или слабость останавливаетъ; все прозябаетъ или быстро разрушается“. Подобно своему учителю, С.-Жюсть превозноситъ, въ то-же время, первобытное состояніе человѣческой жизни, т.-е. отсутствіе порядка и закона; жизнь дикарей приводитъ его въ умиленіе и, описывая ее, онъ впадаетъ въ сентиментальной паеосъ. „Дикари имѣютъ одну лишь политическую добродѣтель—войну. Удовольствія ихъ не страсти,—они наслаждаются простотой природы; танцы—выраженіе ихъ невинной радости и чувства... Да простятъ мнѣ эти размышленія о дикаряхъ; счастливая страна, ты далека отъ очей моихъ, но близка моему сердцу...“

Ревностный послѣдователь Руссо, будущій политическій реформаторъ, которому предстояло въ скоромъ времени практически проводить въ жизнь свои теоріи—С.-Жюсть въ эпоху 1791 г. еще далеко былъ отъ тѣхъ крайнихъ выводовъ безопаднаго догматизма, которые дали направленіе его политической дѣятельности. Такъ, преклоняясь передъ Руссо, онъ вступаетъ съ нимъ въ горячую полемику по вопросу о правѣ казни, оспаривая это право съ гуманной точки зрѣнія. „Какое благоговѣніе ни внушаетъ мнѣ авторитетъ Руссо,—говоритъ онъ,—я не прощаю тебѣ, о великій человѣкъ!—что ты оправдалъ право смертнаго приговора... Казнь есть политическое преступленіе,—уничтоженіе законовъ. Что это за правительство, которое утратило цѣломудріе эшафота? И подобными звѣрствами восхищаются! Сколько варварства въ европейской цивилизаціи“! Высокопарную свою рѣчь С. Жюсть кончаетъ пророческимъ изреченіемъ, которому суждено было роковымъ образомъ осуществиться въ его собственной судьбѣ: „Законы, господствующіе при посредствѣ палача,—писалъ онъ,—гибнуть въ крови и безчестіи... Горе правительству, которое не можетъ обойтись безъ представленія о пыткѣ и позорѣ“.

Филантропическія разсужденія эти, звучація глубокой ироніей въ устахъ будущаго террориста, не составляютъ основного фона въ его трактатѣ. Экскурсиі его въ область пастушескихъ идиллій являются какъ бы лирическими отступленіями,—въ духѣ той эпохи, когда въ смертныхъ приговорахъ прорывались сентиментальныя фразы, и безопадная жестокость шла рука объ руку съ наивною чувствительностью. Общій тонъ трактата С.-Жюста—резонерскій, сухой, догматичный. Въ немъ уже проглядывалъ неутолимый фанатизмъ, всецѣло преданный отвлеченнымъ теоріямъ, который въ людяхъ видѣлъ лишь математическія цифры.

Отуманенный успѣхомъ начала своей политической карьеры, С.-Жюсть явился въ 1791 г. кандидатомъ въ депутаты Законода-

тельнаго Собранія. Ему было тогда всего 24 года,—возрасть, по закону не допускавшій избранія въ члены собранія. Но онъ былъ авторъ „Духа революціи“, т. е. политическаго трактата, достойнаго, въ его глазахъ, сдѣлать его предметомъ исключенія. Ожиданія эти не оправдались,—онъ былъ забалотированъ. Этотъ ударъ самолюбію, поддѣйствовавшій на него ошеломляющимъ образомъ, въ еще бѣльшей степени пошатнулъ равновѣсіе его духовныхъ силъ. Письмо С.-Жюста къ другу его Добиньи, въ іюлѣ 1792 г., поражаетъ отсутствіемъ здраваго смысла, преувеличенностью представленій и несоразмѣрностью ихъ. Въ то-же время, оно изобличаетъ состояніе напряженнаго возбужденія, которое минутами доходитъ до иступленія и граничитъ съ помѣшательствомъ. „Съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь,—говоритъ онъ въ этомъ письмѣ, начинающемся въ дружескомъ тонѣ,—меня преслѣдуетъ республиканская горячка, которая снѣдаетъ и пожираетъ меня... Какое несчастье, что я не могу остаться въ Парижѣ; я чувствую, что могъ бы прославиться въ этомъ вѣкѣ... Всѣ вы подлецы, что не оцѣнили меня. Но моя пальма возвысится и, быть можетъ, затемнитъ васъ. Подлецы,—я плутъ, негодяй, потому что не имѣю денегъ, чтобы дать вамъ. Вырвите у меня сердце и поглотите его,—вы станете тѣмъ, чѣмъ не можете быть сами по себѣ: великими...“ Безсвязная филиппика эта заключается характерными строками: „О, Боже! Ужели Брутъ долженъ прозаять вдали отъ Рима! Но рѣшеніе мое твердо: если Брутъ не убьетъ другихъ, онъ убьетъ самъ себя“.

И слова эти въ устахъ 24-х-лѣтняго юноши не были пустымъ звукомъ,—риторической фразой, красивой позою. Въ нихъ звучитъ искреннее убѣжденіе,—вѣра въ свое духовное превосходство и проистекающую изъ него миссію великаго преобразователя. Безграничное честолюбіе, зачатки котораго гнѣздились въ самой глубинѣ его существа, постепенно превращалось въ манію величія. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше общее благо, въ глазахъ С.-Жюста, сливалось и отождествлялось съ его собственнымъ величіемъ. Отсюда то глубокое презрѣніе его къ чужимъ мнѣніямъ, расхлывшимся съ его собственными,—и непоколебимая увѣренность въ собственныхъ словахъ и дѣйствіяхъ,—увѣренность, не знавшая ни сомнѣній, ни колебаній; отсюда то невозмутимое олимпійское спокойствіе, отражавшееся въ въ самыхъ чертахъ его лица, спокойныхъ и правильныхъ, и во взглядѣ, холодномъ и ясномъ, какъ ледяная поверхность застывшаго озера; отсюда—тотъ рѣзкій, авторитетный, докторальный тонъ его рѣчей, нерѣдко уподоблявшій каждое слово его удару молота: „Революція—въ народѣ, не въ репутаціи нѣсколькихъ лицъ...“ „Республика образуется при полномъ уничтоженіи всего, что противно ей“. „Монархія—не король, она—преступленіе. Республика—не сенатъ, она—

добродѣтель; кто щадитъ преступленіе, тотъ хочетъ возстановить монархію и уничтожить свободу...“ Въ этомъ властномъ повелительномъ тонѣ не заключалось противорѣчія съ той проповѣдью свободы, которая такъ часто возвращается въ его политическихъ трактатахъ. Необходимое условіе народной воли—справедливость ея „съ точки зрѣнія высшаго разума“,—формула отвлеченная, открывающая широкое поле для личнаго произвола. „Общее правило, читаемъ мы въ „*Esprit de la Révolution*“,—всякая воля, даже верховная, клонящаяся къ разврату,—недѣйствительна. Руссо не все сказалъ, характеризуя волю неотчуждаемую, вѣчную. Она должна быть также справедливой и разумной... Свобода дурного народа есть общее вѣроломство,.... попирающее природу, которую она собой представляетъ“ 7).

Свобода и равенство рядомъ съ деспотизмомъ во имя разума и справедливости являются девизомъ и политической дѣятельности С.-Жюста. Избранный въ 1792 г. членомъ Конвента С.-Жюсть дебитировалъ въ Собраніи обвинительной рѣчью противъ Людовика XVI,—рѣчью, гдѣ онъ доказывалъ, что король стоитъ внѣ всякихъ человѣческихъ законовъ. „Всякій король—мятежникъ и узурпаторъ... Ничто въ мірѣ не можетъ оправдать этой узурпаціи... Король не можетъ быть судимъ по законамъ страны... Самъ народъ не можетъ изгладить преступленіе тиранніи: право людей противъ тиранніи—право личное“. Рѣчь С.-Жюста была наполнена историческими ссылками, сравненіями Людовика XVI съ Тарквиніемъ Гордымъ, съ Цезаремъ, съ Катилиной и т. п.—„Въ этой рѣчи,—писалъ Бриссо (въ газетѣ „*Patriote*“),—высказывается талантъ, который дѣлаетъ честь Франціи, хотя,—прибавляетъ онъ,—нѣкоторыя идеи ея слишкомъ преувеличены, что объясняется чрезвычайною молодостью оратора“.

На политической сценѣ Парижа,—обширной аренѣ, гдѣ сталкивались и разгорались столь разнообразныя страсти, С.-Жюсть съ первыхъ шаговъ своихъ занялъ выдающееся положеніе. Весь внѣшній обликъ его, представлявшій рѣзкую противоположность съ большинствомъ его товарищей, долженъ былъ произвести сильное впечатлѣніе на массу. „Народъ,—замѣчаетъ біографъ С.-Жюста и его поклонникъ,—народъ провидѣлъ въ немъ геній революціи и сдѣлалъ его своимъ героемъ“ 8). Въ дѣйствительности, С.-Жюсть былъ типическимъ представителемъ лишь извѣстныхъ элементовъ революціи,—элементовъ, выбитыхъ изъ колеи и лишившихся духовнаго равновѣсія, благодаря охватившему ихъ потоку новыхъ идей и понятій.

Характерно и ярко проявляются эти элементы въ политическихъ

7) St.-Just. „*Esprit de la Revolution*“, p. 164.

8) Ernest Hamel. „*Histoire de St.-Just*“, p. 136.

и общественных взглядах С.-Жюста—въ его проектѣ конституціи и нѣкоторых замѣткахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „Республиканскія учрежденія“ (Partitions républicaines). „Настанетъ день, когда дорогá будетъ память друга человѣчества, говоритъ С.-Жюсть въ своемъ предисловіи къ „Республиканскимъ учрежденіямъ“. Человѣкъ, принужденный изолироваться отъ міра и отъ самого себя, бросаетъ якорь въ будущемъ и прижимаетъ къ своему сердцу потомство, неповинное въ бѣдствіяхъ настоящаго“. Въ этихъ немногихъ строкахъ сказывается уже не юный фантазеръ-мечтатель, но будущій реформаторъ человѣческаго рода. Во имя счастья грядущихъ поколѣній С.-Жюсть предлагаетъ „ясно установить вопросъ объ общемъ благѣ, такъ, чтобы всѣ думали, дѣйствовали и говорили согласно установленному порядку“. Все человѣческое общество представляется ему въ видѣ сложнаго искусственнаго механизма, функционирующаго неправильно, благодаря лишь отсутствію регулятора. Такимъ регуляторомъ должны быть законы. Отъ законодателя зависитъ дать ему извѣстное направленіе, установить „нравы мягкіе и неумолимы“, въ то-же время обезпечить добродѣтель и справедливость посредствомъ строгихъ законовъ. Законъ—это догматъ отвлеченный и, виѣсть съ тѣмъ,—всемогущій, контролирующій личную инициативу, подчиняющій семейное начало — началу государственному, деспотически властвующій надъ личностью. Такъ же, какъ въ древней Спартѣ, дѣти, начиная съ пяти лѣтъ, принадлежать государству,—республикѣ, систематически вырабатывающей изъ нихъ будущихъ гражданъ: отъ 5 до 10 лѣтъ дѣти обучаются преподавателями, избранными изъ среди старцевъ не моложе 60-ти лѣтъ. Отъ 10 до 16 лѣтъ—они обучаются земледѣлію и военному дѣлу; отъ 16 до 21 лѣтъ юноши избираютъ извѣстную профессию, земледѣльческую или торговую; отъ 21 до 25 они солдаты, если не занимаютъ государственной должности. Но и по достиженіи зрѣлаго возраста, личность не освобождается отъ государственной опеки. „Каждый земледѣлецъ, не занимающійся ремесломъ и не отправляющій никакой общественной должности, обязанъ обрабатывать землю до 50-ти лѣтъ. Каждый, подъ страхомъ лишиться гражданскихъ правъ, ежегодно обязанъ содержать по четыре барана на каждую десятину своей земли. Каждый ежегодно обязанъ отдавать отчетъ въ храмѣ объ употребленіи своего состоянія“ и т. д. Виѣшательство государства простирается и до мельчайшихъ подробностей интимной жизни частнаго лица: „Каждый, начиная съ возраста 21 года, долженъ ежегодно объявлять въ храмѣ, кто его другъ. Если же кто оставитъ своего друга, тотъ долженъ выяснитъ мотивы этого передъ лицомъ народа, въ храмѣ; въ случаѣ отказа, виновный подвергается изгнанію... Подвергается также изгнанію и тотъ, кто

говорить, что не вѣрить въ дружбу или кто не имѣеть друзей"... Въ основѣ государственнаго идеала С.-Жюста проглядываетъ даже коммунистическій принципъ. Чтобы преобразовать нравы, читаемъ мы въ „Республиканскихъ Учрежденіяхъ"—надо начать съ обезпеченія нищихъ; надо всѣмъ раздать земель... Несчастный стоитъ выше правительства и всѣхъ земныхъ властей; онъ долженъ говорить съ ними, какъ господинъ.

Весь этотъ политическій трактатъ С. - Жюста представляетъ странную амальгаму самыхъ разнородныхъ идей. „Общественный договоръ" Руссо, „Духъ законовъ" Монтескьё, „Республика" Платона, легендарные законы царя Миноса и Ликурга,—всѣ эти пестрые, хаотическіе элементы, не образовавши стройнаго, единаго цѣлаго, способствовали порожденію политической дактрины, представлявшей собой бредъ разстроенной фантазіи. „Можно подумать, замѣчаетъ современный писатель, говоря о „Республиканскихъ учрежденіяхъ" С.-Жюста,—можно подумать, что этотъ членъ Комитета Общественнаго Спасенія замечтался и задремалъ въ гротѣ Эпименида".

Но мечты эти, несмотря на случайное отступленіе, носятъ на себѣ слѣды мрачной фантазіи автора. „То, что производитъ общее благо, всегда ужасно,—или же кажется ужаснымъ когда приступаютъ къ дѣлу слишкомъ рано... Принципъ республиканскаго правительства—добродѣтель, или же терроръ. Чего хотять тѣ, которые не желаютъ ни добродѣтели, ни террора?" Въ то же время, въ удивительномъ смѣшеніи различныхъ идей, характеризующихъ трактатъ С.-Жюста, сказывается утопистъ, мечтающій о грядущемъ золотомъ вѣкѣ, объ общественной свободѣ и народномъ счастьѣ. Съ присущей ему склонностью къ метафорамъ, онъ говоритъ о дѣятеляхъ революціи: „Революція окаменѣла, всѣ принципы ослабли, остались лишь красныя шапки на главѣ интриги. Дѣйствіе террора притупило преступленіе, какъ крѣпкіе напитки притупляютъ небо". С.-Жюсть нигдѣ однако ясно не развиваетъ принципы социальной организаціи, которая должна была замѣнить всѣ прежнія традиціи и обезпечить людямъ земной рай. Подобно другимъ представителямъ своей секты, С.-Жюсть стоитъ, главнымъ образомъ, на почвѣ простого отрицанія стараго порядка. Положительныя стороны социальныхъ и политическихъ его идеаловъ были не болѣе, какъ туманныя мечты.

Политическая карьера С.-Жюста ясно обозначается уже въ началѣ 1793 года. Въ процесѣ жирондистовъ онъ впервые является въ той роли, къ которой предназначали его всѣ природныя наклонности,—въ роли великаго инквизитора. Выступая обвинителемъ жирондистовъ, онъ ставитъ виновность ихъ внѣ сомнѣнія, заранѣе предрѣ-

шая гибель ихъ. Враги монтаньяровъ, они являются препятствіемъ въ проведеніи его государственнаго идеала, и онъ, не задумываясь, объявляетъ ихъ извѣнниками. „Заговоръ открытъ наконецъ, говоритъ онъ въ своемъ докладѣ 8-го іюля. Мнѣ нечего обличать людей этихъ, они уже обличены... Республика не входитъ въ компромиссъ съ монархическою властью... Вы видѣли, какъ эти люди, которые хотѣли спасти короля, все дѣлали, чтобы погубить республику... Приведены уже въ исполненіе преступный проектъ ввести въ заблужденіе Францію, вооружить французовъ противъ французовъ и возстановить у насъ монархію среди волнений возстанія“. И при этомъ онъ высказываетъ мысль, бросающую свѣтъ на отношеніе его къ людямъ и къ ихъ поступкамъ. „Общественное спасеніе—единственное соображеніе, достойное тронуть васъ. Настоящее положеніе Франціи, разложеніе ея политической организаціи... все доказываетъ, что вы никого не должны падать. Республика не считается съ слабостями и преступными увлеченіями; *est visio*, когда отечество въ опасности“.

Въ сравненіи съ безстрастной, холодной рѣчью С.-Жюста блѣднѣютъ и теряются безконечныя филиппики Робеспьера, пересыпанныя періодами и повтореніями,—монотонныя, бессодержательныя и однообразныя, также какъ блѣднѣетъ и ступенывается передъ С.-Жюстомъ и самый виѣшній образъ Робеспьера. Эти два человѣка, столь сходные по фанатическому увлеченію отвлеченными идеалами, по равнодушному презрѣнію къ жизненнымъ фактамъ и къ живымъ людямъ,—въ дѣйствительности представляли собой различные характеры и темпераменты. При всей сухости Робеспьера ему ствойственны были нѣкоторыя человѣческія слабости. Проявленія робости, страха, досады, гнѣва нерѣдко искажали выраженіе лица его, измѣняли интонацію его голоса, прерывали мѣрное теченіе его рѣчей, нарушая силу производимаго ими впечатлѣнія. Всѣ эти психологическія ощущенія были чужды С.-Жюсту: съ перваго появленія на политической сценѣ и до финальной катастрофы, онъ сохраняетъ тотъ-же виѣшній обликъ, безучастный, спокойный и холодно-безстрастный, повергавшій въ трепетъ всѣхъ тѣхъ, кому приходилось видѣть его и слышать его обвинительныя приговоры. И Робеспьеръ, такъ ревниво охранявшій авторитетъ своей власти признаетъ дарованіе своего ученика и уступаетъ ему первое мѣсто каждый разъ, когда нужно сильнымъ ударомъ сокрушить политическихъ противниковъ.

Между этими двумя людьми, посвятившими себя одному общему культу, устанавливаются своеобразныя отношенія. С.-Жюстъ, стремившійся къ общему нивелированію, нетерпимо относившійся къ преобладанію всякой аристократіи—интеллигенціи, таланта или добродѣтели,—С.-Жюстъ преклоняется передъ Робеспьеромъ, признаетъ

его первенство, дѣлается его сподвижникамъ, ревностно содѣйствующимъ ему всѣми своими способностями, — смѣлостью, энергіей, непреклонной волей. Не зная его лично, онъ уже обращался къ нему, какъ къ божеству, называя его „великимъ человѣкомъ“, депутатомъ „не только одного департамента, но всей республики—всего міра“. Робеспьеръ, въ его глазахъ, являлся живымъ воплощеніемъ „Общественнаго договора“, — представителемъ свободы и равенства на землѣ, простоты нравовъ, проповѣдуемыхъ Руссо.

Въ проведеніи общественнаго идеала, и тотъ, и другой обращаются къ тому же образу дѣйствій, — къ насилию, къ деспотическому подчиненію чужой воли. Въ цѣломъ рядѣ докладовъ и рѣчей С.-Жюста къ Конвенту выражается политическій и социальный символъ вѣры революціоннаго правительства: главные положенія его уже раньше были намѣчены въ „Республиканскихъ учрежденіяхъ“. На первомъ планѣ — разрушеніе всего прежняго общественнаго строя и утвержденіе новаго, представляющаго выраженіе верховной воли народа. „Республика будетъ основана лишь тогда, когда верховная воля сдержитъ монархическое меньшинство и утвердитъ свое господство по праву завоеванія 10)“. Верховная воля, въ свою очередь, подчиняется законамъ, которые являются ея выраженіемъ. „Есть политическіе нравы, говорилъ С.-Жюсть, которые народъ воспринимаетъ въ тотъ самый день, какъ получаетъ законы... Благосостояніе и миръ, общественная добродѣтель, побѣда—все въ силѣ законовъ: внѣ законовъ все бесплодно и мертво“.

Всѣ эти отдѣльные афоризмы, изъ догматическаго трактата перенесенные на трибуну конвента, должны были войти теперь въ плоть и въ кровь новаго созидающагося государственнаго механизма. Въ знаменитомъ докладѣ 10-го октября 1793 г. С.-Жюсть указывалъ причины, задерживавшія утвержденіе новаго порядка, парализовавшія дѣйствія и правительства: военныя неудачи, голодъ, общественная неурядица, — всѣ эти бѣдствія являлись слѣдствіемъ нерадивости чиновниковъ, измѣны аристократовъ, заговора враговъ отечества. При этомъ С.-Жюсть выдвигалъ основы будущей диктатуры и произносилъ смертный приговоръ надъ всѣми элементами, не отвѣчавшими намѣченными требованіямъ и цѣлямъ. „Народъ, говорилъ онъ, ищетъ лишь одного опаснаго врага, и это—правительство его... Правительство есть іерархія заблужденій и покушеній... Оно представляетъ вѣчный заговоръ противъ настоящаго порядка“... И вотъ для утвержденія золотого вѣка, какъ переходная стадія, предписывается терроръ. „Мечъ закона, говорилъ С.-Жюсть въ докладѣ 10-го октября, — дол-

10) Докладъ С.-Жюста Конвенту 10-го Октября 1793 года.

жёнъ пронестись повсемѣстно... Революціонные законы не могутъ быть исполнены, если само правительство не организовано революціонно... Необходимо побороть сопротивление однихъ, лѣзность другихъ, суевѣрное отношеніе къ разрушенной власти, честолюбіе и лицемеріе". Какъ средство для этого, С.-Жюсть предлагалъ установленіе во Франціи временнаго революціоннаго правительства,—диктатуру Комитета Общественнаго Спасенія, уполномоченныхъ представителей, революціонныхъ комитетовъ и народныхъ обществъ. То было начало осуществленія одного изъ принциповъ политическаго трактата С.-Жюста 11): „Принципъ республиканскаго правительства—добродѣтели или же терроръ... То, что производитъ общее благо, всегда ужасно“.

„Правительства Рима и Египта,—говорилъ С.-Жюсть въ томъ же знаменитомъ докладѣ конвенту 10-го октября, — обходились безъ канцелярій: тогда думали много, писали мало. Многословіе корреспонденцій и указовъ правительства—доказательство безсилія его; управлять безъ лаконизма невозможно... Бюро замѣнили монархическую власть; стремленіе писать подрываетъ наши силы, правительство бездѣйствуетъ“. Слова эти были какъ бы прологомъ административной дѣятельности С.-Жюста. Назначенный въ началѣ ноября 1793 года чрезвычайнымъ уполномоченнымъ (*représentant en mission*) въ прирейнскую армію, онъ является здѣсь облеченнымъ неограниченною властью. Сентенціи догматическаго писателя, ораторскія импровизаціи—принимаютъ теперь форму приказовъ и приговоровъ, столь же рѣзкихъ, неумолимыхъ, безапелляционныхъ, потрясающихъ своимъ лаконизмомъ. „4 ноября,—читаемъ мы въ современной газетѣ, всегда слѣдовавшей господствовавшему теченію,—4-го ноября (1793 года) Барреръ читалъ (въ конвентѣ) отчетъ о дѣятельности С.-Жюста и Леба,—проконсуловъ прирейнской арміи. Они привлекали къ суду аристократовъ; они никого не щадили и отвѣчали на предложеніе непріятеля, какъ истинные варвары 12)...“

Въ рядахъ войска и среди жителей Страсбурга, осажденнаго непріятелемъ, С.-Жюсть явился ангеломъ-разрушителемъ. Учрежденіе революціоннаго трибунала и революціонной арміи; приказъ буржуазіи Страсбурга внести 9 милліоновъ въ теченіе 24 часовъ; при-

11) „Institutions républicaines“.

12) По прибытіи въ Эльзасъ, одно изъ первыхъ проявленій власти С. Жюста было учрежденіе революціоннаго трибуна, освобожденнаго отъ всякихъ юридическихъ формальностей. Одинъ изъ товарищей его (Левассеръ) возражалъ противъ отмены официальныхъ защитниковъ, замѣтилъ ему: „Вы были бы правы, еслибъ трибуналъ вашъ состоялъ изъ ангеловъ; но это только люди“. С. Жюсть невозмутимо отвѣчалъ на это: „Всѣ присяжные—патріоты“ (*Mémoires de Levasseur*).

казъ муниципальнымъ чиновникамъ въ 12 часовъ поставить обувь на 10000 солдатъ и въ 24 часа—2 тысячи кроватей въ госпитали; приказъ въ 24 часа арестовать всѣхъ бывшихъ аристократовъ въ 4-хъ департаментахъ,—всѣ эти мѣры, непрерывно слѣдовавшія одна за другой, распространяли чувство паническаго ужаса среди массы населенія,—ужаса который усиливался заявленіями самого С.-Жюста. „Состраданіе къ преступленію,—говорилъ онъ, обращаясь къ народному обществу,—свойственно лишь злоумышленникамъ. Мы имѣемъ право быть подозрительными, долгъ нашъ—оставаться непоколебимыми въ принципахъ“. И вся практическая его дѣятельность была выраженіемъ этого взгляда. „Терроръ на очереди,—писалъ одинъ изъ поклонниковъ его (Гюйарденъ, членъ конвента),—аристократія испровержена... Богатые, эгоисты и стажатели, отказывающіеся повиноваться благодѣтельному закону о максимумѣ, несутъ заслуженную кару. Гильотина въ непрерывномъ дѣйствіи; народъ санкюотовъ пробуждается, и пробужденіе его будетъ ужасно. Пришлите намъ колонію монтаньяровъ изъ Парижа, чтобы распространять здѣсь пламенную любовь къ республикѣ“... „С.-Жюсть,—говорилъ другой его послѣдователь, — С.-Жюсть все оживилъ, преобразовалъ, восстановилъ, и чтобы докончить дѣло, на помощь къ намъ со всѣхъ сторонъ стекаются революціонные апостолы, надежные санкюоты. Святая гильотина въ блестящемъ дѣйствіи, и благодѣтельный терроръ творить здѣсь чудеса, которыхъ отъ разума и философіи пришлось бы ждать цѣлый вѣкъ 18).

Мрачный энтузіазмъ свой С.-Жюсть сообщалъ окружающимъ. „Когда С.-Жюсть и я зажигали батареи Виссембурга,—насъ перевозносили,—разсказываетъ его товарищъ;—но намъ это ничего не стоило: мы знали, что пули не посядутъ воспуться насъ 14)“. И тотъ же современникъ и свидѣтель замѣчаетъ: „Люди имѣютъ горячку въ продолженіе 24 часовъ; я же имѣлъ ее въ теченіе 12 лѣтъ“.

Но элементъ страстнаго увлеченія, характеризовавшій большинство дѣятелей 1793—94 гг., былъ вполне чуждъ С.-Жюсту. Неумолимый, какъ самъ рокъ, онъ безстрастно творилъ судъ и расправу. „Никогда, говоритъ въ своихъ мемуарахъ Левассёръ, нельзя было измѣнить его взгляды; никогда нельзя было поколебать его рѣшеніе; видя передъ собой лишь цѣль, къ которой стремился, онъ не разбиралъ средства: самыя вѣрныя всегда казались ему самыми лучшими.

¹³⁾ Hamel. „Histoire de St-Just, p. 73.—Письмо административнаго чиновника Гатто къ другу его Добивьи. Barante. „Histoire de la Convention Nationale, t. 4, p. 188.

¹⁴⁾ Taine. „La Conquête Jacobine, p. 68.

Чтобы основать республику, о которой онъ давно мечталъ, онъ готовъ былъ пожертвовать своей жизнью, но и также сотней тысячъ другихъ жизней 15)“.

Облеченный неограниченной властью въ арміи и въ четырехъ департаментахъ, С.-Жюста все болѣе приближался къ той точкѣ, гдѣ разумъ граничитъ съ помѣшательствомъ. Всѣ отвлеченныя формулы, къ которымъ онъ стремился, постепенно сливались въ его глазахъ съ его собственнымъ я. Носитель высшей справедливости и истины на землѣ, онъ съ глубокимъ презрѣніемъ относился къ ближнимъ. Мысленному взору его человѣческой родъ представлялся раздѣленнымъ на двѣ категоріи: заговорщиковъ, враговъ отечества, достойныхъ смерти, и обманутыхъ ими жертвъ, заслуживавшихъ одного презрѣнія. Исключеніемъ являлась лишь небольшая группа его единомышленниковъ. Когда однажды Карно представилъ Комитету Общественнаго Спасенія доказательства расхищеній, совершенныхъ въ сѣверной арміи, С.-Жюста гнѣвно замѣтилъ: „Одинъ только врагъ республики можетъ обвинить сослуживцевъ своихъ въ расхищеніяхъ,—какъ будто все по праву не принадлежитъ патріотамъ 16)“.

Въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ повторявшихся командировокъ С.-Жюста въ прирейнскую и сѣверную арміи, дѣятельность его оставила неизгладимое впечатлѣніе какъ на массѣ, такъ и на окружающихъ его лицахъ. „Одно воспоминаніе о немъ, говорилъ Водо много лѣтъ по смерти С.-Жюста,—одно воспоминаніе о немъ заставляеть меня содрогаться“.

Съ возвращеніемъ С.-Жюста въ Парижъ въ февралѣ 1794 года наступаетъ самая важная эпоха его политической дѣятельности. Избранный президентомъ конвента, онъ высказываетъ въ рѣчи 26-го февраля главныя положенія своей политической программы, въ которой мы узнаемъ автора „Республиканскихъ Учрежденій“. Съ свойственной ему безстрашной послѣдовательностью онъ провозглашаетъ повсемѣстное утвержденіе террора. „Вы захотѣли учредить республику... Она обуславливается полнымъ уничтоженіемъ всего, что противорѣчитъ ей. Жалуются на революціонныя мѣры; но мы умѣренные сравнительно со всѣми другими правительствами“. Цѣль правительства, по взглядамъ С.-Жюста, „созданіе такого порядка вещей, при которомъ всѣ партіи однимъ ударомъ были бы брошены на эшафотъ, и мужественная энергія направляла бы духъ націи къ справедливости“. Практическое средство осуществленія послѣдней онъ видитъ въ конфискаціи имущества враговъ отечества,—аристократіи и интригановъ:

15) Mémoires de Levassour.

16) Mémoires de Carnot, p. 281.

„Уничтожьте нищенство... Собственность патриотовъ священна; но имущество заговорщиковъ принадлежитъ всѣмъ несчастнымъ“. И при этомъ С.-Жюсть почти дословно повторяетъ изреченіе „Республиканскихъ учреждений“: „Несчастные—владѣи мира; они имѣютъ право говорить, какъ повелители, съ правительствомъ, которое пренебрегаетъ ими“...

„Не будемъ щадить аристократовъ,—говорилъ С.-Жюсть на трибунѣ Конвента. — Побольше смѣлости! слово это заключаетъ въ себѣ всю политику революціи. Подавимъ несогласіа, конфискуя собственность нашихъ враговъ и ихъ сторонниковъ; уничтожьте партію мятежниковъ... Поставьте на очереди здравый смыслъ и скромность. Не потерпите, чтобы остался нищій или несчастный въ государствѣ“. И, какъ практическое слѣдствіе этой проповѣди, онъ вноситъ декретъ, въ силу котораго всѣ „подозрительные“ оставались подъ арестомъ до заключенія мира, имущества же ихъ отбирались въ пользу бѣдныхъ.

Въ политическомъ міросозерцаніи С.-Жюста идеи XVIII в. смѣшались съ идеалами, заимствованными изъ античнаго міра,—и послѣдніе нерѣдко являлись преобладающими. Во всѣ рѣшительные моменты жизни, въ воображеніи С.-Жюста возстаютъ образы героев древняго міра,—Брута, Сократа и Фокіона, царя Кодра и т. д. Онъ вдохновлялся жизнью ихъ и еще болѣе геройской смертью во имя идеи долга и любви къ отечеству. „Не ждите иной награды, кромѣ безсмертія, — говорилъ онъ, обращаясь къ Конвенту (26 февраля 1794 года)... Тѣ, что стремились къ благу, нерѣдко погибали: Кодръ умеръ, низвергнутый въ пропасть... Фокіонъ и Сократъ должны были испить чашу съ ядомъ“. И еще ранѣе онъ говорилъ: „Въ тотъ день, когда я убѣдусь въ невозможности дать французскому народу добрыя нравы, энергичные и неумолимые къ тиранніи, я покончу съ собой“. Слова эти были не пустой фразой: въ нихъ звучитъ глубокое, искреннее убѣжденіе. Жестокій и несправедливый къ политическимъ своимъ врагамъ, неумолимый въ преслѣдованіи цѣли, С.-Жюсть никогда не руководился личными, эгоистическими мотивами. Всѣ помыслы его и стремленія были далеки отъ окружающаго міра: духовнымъ существомъ своимъ онъ всецѣло принадлежалъ иному міру, — міру заоблачныхъ, туманныхъ грезъ, съ другими идеалами, другими порядками и нравами. Идеалы эти онъ обрисовываетъ отчасти въ своихъ рѣчахъ, гдѣ отъ мрачныхъ картинъ инквизиціи и казни онъ переходитъ къ паустушескимъ идилліямъ, къ изображенію первобытнаго счастья на лонѣ природы. „Счастье добродѣтели, — говорилъ онъ во время процесса гебертистовъ, обреченныхъ имъ на смерть,—то счастье, которое происходитъ отъ пользованія необходимымъ безъ излишества,.... плодородное поле, воздѣлываемое собственными руками, соха, хижина, ограж-

денная отъ фиска, семья, защищенная отъ корыстолюбія разбойниковъ, — вотъ истинное счастье“. И во имя этого будущаго счастья, онъ проповѣдывалъ „уничтоженіе стараго міра“ 17). Вѣрный своему девизу — „идти впередъ по пути, орошенному слезами и кровью“, — онъ въ Конвентѣ и Комитетѣ Общественнаго Спасенія ратовалъ за терроръ, въ такихъ широкихъ размѣрахъ уже осуществленный имъ въ Эльзасѣ. Уже въ рѣчи 26-го февраля онъ указывалъ на двѣ противоположныя партіи „бѣшеныхъ и умѣренныхъ“, равно опасныхъ отечеству. 24-го марта гибнутъ первые — Геберъ, Клотсъ и другіе сторонники партіи; за ними наступаетъ очередь Дантона и его друзей. „Есть политическая секта во Франціи, — говорилъ С.-Жюсть, намекая на Дантона и его сторонниковъ, — которая играетъ въ руку всѣмъ партіямъ; она двигается медленными шагами... Говорите ли вы о террорѣ, — они толкуютъ о спусходительности... Испытываемъ ли мы неудачи, — они предупрекаютъ несчастьемъ“ 18).

И по отношенію къ Дантону С.-Жюсть употребляетъ тѣ-же приемы, какъ въ процессѣ жирондистовъ и другихъ политическихъ противниковъ. Видя въ нихъ препятствіе для осуществленія своихъ стремленій, онъ, не колеблясь, объявляетъ дантонистовъ государственными измѣнниками. „Ты былъ врагомъ Марата, говоритъ онъ въ своей обвинительной рѣчи, обращаясь къ Дантону, — ты отдѣлился отъ Горы; ты открыто хвалился тѣмъ, что никогда не обличалъ Жансона, Гюадэ, Вриссо; ты безпрестанно протягивалъ имъ миртовую вѣтвь — свидѣтельство твоего союза съ ними противъ народа и строгихъ республиканцевъ“... Глубоко убѣжденный, что его политическіе враги — враги отечества, С.-Жюсть не искалъ болѣе вѣскихъ и опредѣленныхъ обвиненій. Вся обвинительная рѣчь его — рядъ общихъ мѣстъ, заимствованныхъ изъ частныхъ записокъ Робеспьера: въ его глазахъ политическій процессъ — бесполезная, пустая формальность по отношенію къ людямъ, судьба которыхъ была рѣшена; заранѣе приговоривши ихъ къ смерти, онъ виѣнялъ имъ въ преступленіе всякую попытку оправдаться передъ судомъ. „Всѣ преступники открыты теперь, — сказалъ онъ въ отвѣтъ на требованія подсудимыхъ вызвать свидѣтелей, — возмущеніе предъ лицомъ суда выдаетъ тайну ихъ совѣсти... Возмущался ли когда невинный предъ закономъ? Дерзость ихъ свидѣлствуетъ объ ихъ

17) Рѣчь С.-Жюста въ Конвентѣ 16-го апрѣля 1794 года.

18) И вслѣдъ за тѣмъ, съ свойственной ему внезапностью переходовъ, онъ говоритъ: „Пусть Европа узнаетъ, что вы не потерпите ни единого несчастнаго и ни единого угнетеннаго во французскихъ владѣніяхъ; пусть примѣръ этотъ... распространитъ на землѣ любовь къ добродѣтели и счастью. Счастье — новая идея въ Европѣ“.

покушеніяхъ—другихъ доказательствъ не нужно¹⁹⁾. По свидѣтельству современника и товарища С.-Жюста²⁰⁾, вліяніе его рѣшило гибель Дантона и его друзей.

Но по мѣрѣ того, какъ падала одна политическая партія за другой, появлялись новые враги, новыя преграды. Устраняя всѣ препятствія на своемъ пути, С.-Жюсть ясно видѣлъ опасность созданнаго положенія; и при этомъ онъ ни на минуту не сомнѣвался въ правотѣ своего дѣла, не колебался въ намѣченномъ образѣ дѣйствій: замкнувшись въ сознаніи исполненнаго долга, какъ въ неприступной крѣпости, онъ говорилъ, подписывая смертные приговоры Гебера, Геро-Сешеля, Дантона и другихъ жертвъ: „Многіе твердо уповали, что никто не осмѣлится напасть на знаменитыхъ людей, осѣненныхъ призвращнымъ ореоломъ; я отрѣшился отъ этихъ слабостей; я прозрѣлъ истину въ мірѣ и возвѣстилъ ее“. И онъ говорилъ также, обращаясь къ Конвенту²¹⁾: „Судьба предшественниковъ вашихъ предостерегаетъ васъ быть мудрыми и творить судъ, не гоняясь за славой,—подобно Высшему Существо, которое вноситъ гармонію въ міръ, не показывая себя“.

Внести гармонію въ міръ—*idée fixe* С.-Жюста. Всецѣло поглощенный ею, онъ задумывалъ цѣлый планъ соціальной реформы, которая должна была пересоздать міръ согласно принципамъ „Республиканскихъ Учрежденій“. „Все существующее вокругъ насъ должно измѣниться и пасть,—говорилъ онъ въ рѣчи 15-го апрѣля,—ибо все существующее несправедливо... Не подражайте ничему, что было до насъ: геройство не имѣетъ образцовъ“... При этомъ, возвѣщая наступленіе новой эры человѣческой исторіи, С.-Жюсть впадаетъ въ экстазъ, выражающійся въ формѣ риторической метафоры: „Свобода основана, она вышла изъ нѣдръ бури, подобно міру, который вышелъ изъ хаоса, и подобно человѣку, который плачетъ, появляясь на свѣтъ“.

Товарищъ и другъ Робеспьера, членъ Комитета Общественнаго

¹⁹⁾ Зибель въ своей „Исторіи французской революціи“ (т. 2-й, гл. 4-я, стр. 196) говоритъ, что главнымъ мотивомъ нападокъ С.-Жюста противъ Дантона, Кампала Демулена и другихъ служила личная вражда. Дантонъ отзывался о С.-Жюстѣ, какъ о школьникѣ, Демуленъ писалъ о немъ нѣсколько лѣтъ раньше: „Въ его походкѣ и въ маверахъ видно, что онъ считаетъ свою голову краугольнымъ камнемъ республики, и онъ носитъ ее на плечахъ благоговѣнно, какъ священные дары“. Прочитавъ это, С.-Жюсть будто бы воскликнулъ: „А онъ понесетъ свою голову, какъ Св. Діонисій!“ Трудно придать вѣру этому разсказу. При всѣхъ недостаткахъ С.-Жюста, нельзя отвергать того, что личные мотивы всегда отступали на второй планъ въ его общественной дѣятельности.

²⁰⁾ *Mémoires de Levasseur.*

²¹⁾ Обвинительная рѣчь противъ Дантонистовъ.

Спасенія, облеченный почти неограниченной властью, С.-Жюсть приближался къ диктатурѣ, стремленіе къ которой проглядывало въ каждомъ его словѣ. Наступала минута осуществленія общественнаго идеала „Республиканскихъ Учрежденій“. Онъ уже видѣлъ себя новымъ Месіей, возрождающимъ земной міръ, преобразующимъ обычан, нравы, религію—весь духовный строй жизни ²³⁾).

Проникнутый величіемъ предстоящей миссіи преобразования, С.-Жюсть все болѣе отдалялся отъ окружающей его дѣйствительности. „Онъ держалъ себя какъ оракулъ,—говорить о немъ одинъ современникъ ²³⁾), — слова его всегда были направлены къ неумолимой строгости. Онъ высказывалъ свои взгляды, какъ визирь“. На своихъ товарищѣй, также какъ на толпу, С.-Жюсть производилъ все болѣе и болѣе потрясающее впечатлѣніе. Появленіе его въ залѣ Конвента производило сенсацію; присутствующіе вставали со скамей и говорили: „Вотъ онъ!“ Всѣ дрожали передъ властью Комитета Общественнаго Спасенія. „Боялись высказать свое неодобреніе малѣйшимъ знакомъ, малѣйшимъ словомъ“ ²⁴⁾).

Но несмотря на эту внѣшнюю покорность, С.-Жюсть сознавалъ, что стремленіямъ его предстояло встрѣтить еще новыхъ враговъ, и что будущая республика могла возродиться лишь послѣ полного разрушенія существующаго общественнаго порядка. Поэтому практический результатъ его рѣчи 15-го апрѣля сводился къ усилению террора,—къ подчиненію всѣхъ политическихъ подсудимыхъ юрисдикціи парижскаго революціоннаго трибунала и постановленію новыхъ карательныхъ мѣръ противъ „аристократовъ“. „Необходимо искоренить древній міръ,—говорилъ 16-го апрѣля С.-Жюсть, обращаясь къ Конвенту,—но болѣе радикальнымъ образомъ, чѣмъ казнью. Смерть очищаетъ его и возрождаетъ. Надо искоренить его позоромъ. Право, нравственность, революція—три понятія однозначущія. Реакціонеръ и безнравственный человѣкъ, составляющіе одно и то-же,—должны, равно опозоренные, разбивать камни по дорогамъ и образовывать собой народъ илотовъ“.

²³⁾ Представляя общія черты будущаго государства, С.-Жюсть обрисовывалъ идеалъ „истиннаго патриота-реформатора“,—заимствуя при этомъ черты изъ своей собственной политической дѣятельности. „Приверженецъ революціи долженъ быть неумолимъ,—говорилъ онъ въ рѣчи 15 апрѣля, но онъ воздержанъ, умѣренъ и простъ... Онъ непримиримый врагъ всякой лжи, снисходительности, неискренности... Приверженецъ революціи, говоритъ онъ далѣе, неумолимъ къ злымъ, но чувствителенъ“., Hamel. Histoire de St.-Just., t. 2, p. 190, 191.

²³⁾ Mémoires de Barrère.

²⁴⁾ Письмо 12-ти народныхъ представителей, заключенныхъ въ „Port Libre“ и освобожденныхъ послѣ 10-го термидора.

По мѣрѣ того, какъ одинъ за другимъ падали политическіе противники партіи Горы и утверждалось ея могущество, въ психическомъ настроеніи главныхъ ея представителей все болѣе замѣчается что-то болѣзненное, ненормальное. Сосредоточенное напряженіе всей нервной системы, вызванное лихорадочной дѣятельностью, не могло не отразиться на состояніи ихъ нравственнаго равновѣсія. По замѣчанію современныхъ свидѣтелей, якобинцами овладѣло состояніе какъ бы опьяненія. „Какое-то умопомраченіе охватило этихъ людей, болѣе года такой твердой рукой направлявшихъ судьбы Франціи“, пишетъ одинъ современникъ о Робеспьерѣ и С.-Жюстѣ. Они говорили о милосердіи въ близкомъ будущемъ, между тѣмъ, какъ гильотина дѣйствовала въ ихъ рукахъ съ возрастающимъ усердіемъ... Уничтожить всѣхъ своихъ враговъ, прежде чѣмъ покончить съ утвержденнымъ ими порядкомъ; уничтожить всѣхъ тѣхъ, кого они считали врагами общественаго дѣла,—таковы были ихъ намѣренія, и для выполнения ихъ они не колебались проливать потоки крови“ 25)... Это настроеніе лихорадочнаго возбужденія сообщалось отчасти и представителямъ массы, не принимавшимъ дѣятельнаго участія въ борьбѣ. „Прольются потоки крови,—еще ранѣе писала одна современница.—Всѣ средства хороши для достиженія цѣли; прочь варварская гуманность“ 26)... „Святой Духъ понстинѣ снизошелъ на апостоловъ конституціи“...

Но революціонный фанатизмъ захватывалъ лишь отдѣльныя лица; масса народа, страдавшая отъ отсутствія правильной администраціи, отъ голода, отъ войны внѣшней и междуусобной,—масса народа относилась къ правительству холодно или враждебно; и если вражда не доходила до открытаго возмущенія, то единичные факты сопротивленія краснорѣчиво свидѣтельствовали о ея существованіи. Дѣятельность комитета Общественнаго Спасенія оказывалась работой Сизифа, и по мѣрѣ того, какъ затягивалась борьба, и новыми преграды выросли на пути якобинцевъ, послѣдними овладѣвало чувство разочарованія. „Мы мечтали о волшебномъ мірѣ,—писалъ впоследствии создатель С.-Жюста,—мы вновь пали въ міръ реальный, и тогда тѣ, которые раздѣляли наше опьяненіе, покинули насъ“ 27).

Быть можетъ, ни на одномъ представителѣ правительства террора переходъ изъ волшебнаго міра въ реальный не отозвался такъ болѣзненно, какъ именно на С.-Жюстѣ. Чѣмъ беззавѣтнѣе онъ вѣрилъ въ наступленіе золотого вѣка, тѣмъ тяжелѣе было разочарованіе. Этимъ объясняются внезапныя измѣненія въ его настроеніи, рѣзкіе

25) Mémoires de Levasseur.

26) Albert Sorel. L'Europe et la Révolution. Journal d'une bourgeoise.

27) Mémoires de Levasseur, p. 28.

переходы от крайняго оптимизма къ пессимистическимъ взглядамъ. Радужныя картины будущаго Эдема сдѣлялись въ болѣзненно-пастроенной фантазій печальными образами, роковыми предчувствіями, выливающимися въ патетическихъ воззваніяхъ къ потомству.— „Я презираю брѣнное тѣло, изъ котораго сотворить,—говорилъ онъ,—можно преслѣдовать и умертвить его; но кто отниметь у меня независимую жизнь, которую я создалъ себѣ въ вѣчности и въ небесахъ!“ Въ такомъ настроеніи, раздраженный медленностью перерожденія міра и несогласіями, начинавшими раздѣлять Комитетъ Общественнаго Спасенія, С.-Жюсть, въ концѣ апрѣля 1794 года, отправился въ качествѣ проконсула въ Сѣверную армію ²⁸⁾. Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль неутомимой дѣятельности, онъ является здѣсь не только грознымъ судьей и администраторомъ, но и полководцемъ, совершающимъ чудеса храбрости. „Двое изъ проконсуловъ,—читаемъ мы въ „*Manuel des Braves*“ (t. 3-ме р. 199),—С.-Жюсть и Леба предводительствовали арміей. С.-Жюсть, въ особенности, требовалъ беспрекословнаго повиновенія... Умъ его, пылкій отъ природы, былъ экзальтированъ до фанатизма“.

Современные памятники, свидѣтельствуя объ отвагѣ и безстрашии С.-Жюста, приписываютъ ему важное участіе въ побѣдахъ французской арміи. Но при этомъ они говорятъ и о громадныхъ потеряхъ, попесенныхъ ею въ это время, благодаря его безпощадной суровости. Сражаясь наряду съ солдатами, не щадя собственной жизни, С.-Жюсть ставилъ такія же требованія и окружающимъ: побѣдить или умереть; и требованія эти онъ предъявлялъ, не взирая ни на какія препятствія, ни на какія жертвы, ставя на карту судьбу всей французской арміи.

„Республика должна завтра же восторжествовать“, отвѣчалъ онъ генералу Шарбанье, убѣждавшему его повременить съ осадой Шарлеруа, и Шарлеруа былъ взятъ цѣною гибели нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ.

Между тѣмъ, какъ С.-Жюсть одерживалъ побѣды и пожиналъ

²⁸⁾ По словамъ Флѣри, біографа С.-Жюста, нѣсколько различныхъ мотивовъ побудили его уѣхать изъ Парижа въ апрѣль 1794 года,—и, между прочимъ, несчастная любовь къ Генриеттѣ Леба, сестрѣ его друга. По отсутствію необходимыхъ свидѣній, нельзя составить себѣ яснаго понятія объ этомъ кратковременномъ романѣ въ жизни С.-Жюста. Гамель передаетъ какъ фактъ, что С.-Жюсть любилъ Генриетту Леба, что она отвѣчала ему взаимностью и была нѣкоторое время его невѣстой. Весной 1794 г. между ними, повидному, произошла размолвка, тяжело отозвавшаяся на нравственномъ состояніи С.-Жюста. Флѣри утверждаетъ, что это обстоятельство повліяло на его рѣшеніе удалиться изъ Парижа.

лавы, положеніе его партіи въ Парижѣ становилось все болѣе шаткимъ. Насталъ критическій моментъ, когда правительство должно было перейти отъ временнаго революціоннаго порядка, возбуждавшаго всеобщее недовольство, къ правильному, постоянному, и утвердить власть на законѣ; и въ этотъ моментъ въ средѣ его не находилось лицъ, готовыхъ поддержать его въ новой сферѣ дѣятельности. Утомленный борьбой, оскорбленный оппозиціей товарищей въ комитетахъ, Робеспьеръ постепенно утрачивалъ свой престижъ, впадалъ въ апатію, подрывавшую его энергію,—и это въ то самое время, когда все ближе надвигалась опасность. Послѣ празднества въ честь Верховнаго Существа, онъ избѣгалъ засѣданій Комитета Общественнаго Спасенія; роль религіознаго реформатора не удалась ему и послужила лишь поводомъ обвинить его въ стремленіи къ диктатурѣ. Раздраженіе его противъ комитетовъ и Конвента, выражаясь въ рѣчахъ, съ которыми онъ обращался къ клубу якобинцевъ, не переходило въ непосредственное, прямое дѣйствіе, способное заглушить протестъ въ самомъ его зародышѣ: въ моментъ опасности въ немъ ярко сказались свойства оратора, господствовавшаго на трибунѣ, но блѣднѣвшаго передъ непосредственной опасностью. Между тѣмъ, почва все болѣе ускользала изъ подъ его ногъ. Съ паденіемъ авторитета его власти, бѣольшая часть прежнихъ сторонниковъ постепенно отдалилась отъ него. Немногіе единомышленники, слѣпо ему повиновавшіеся, Кутонъ, Леба, Робеспьеръ младшій, были неспособны къ роли главы партіи въ критическую минуту опасности.

И вотъ, съ приближеніемъ борьбы за власть, всѣ взоры обращаются къ С.-Жюсту. Изъ всей партіи Робеспьера, онъ одинъ сохранилъ еще вѣру въ самого себя; одинъ представлялся всѣмъ ни на минуту не поколебавшимся въ намѣченномъ пути; одинъ казался одареннымъ административными способностями и умѣніемъ управлять людьми.

Уже въ концѣ мая Робеспьеръ, съ согласія своихъ товарищей, настоятельно требовалъ возвращенія С.-Жюста въ Парижъ. С.-Жюстъ пріѣхалъ въ началѣ іюня; но черезъ шесть дней долженъ былъ возвратиться къ сѣверной арміи; и дальнѣйшія событія правленія Робеспьера, празднество въ честь Верховнаго Существа и установленіе закона 22-го преріала происходили въ его отсутствіе. Вскорѣ послѣ побѣды при Флерусѣ, С.-Жюстъ вторично пріѣхалъ въ Парижъ. Путешествіе его было длиннымъ рядомъ овацій; опередившіе его курьеры разнесли вѣсть объ одержанной побѣдѣ, и С.-Жюста повсемѣстно пріѣтствовали по пути восторженными кликами. Въ Парижѣ всеобщее вниманіе устремляется на него. Уже давно ходили слухи о новомъ 31-мъ мая, задуманномъ Робеспьеромъ противъ большинства Конвента. Теперь, съ прібытіемъ С.-Жюста, угрозы Робеспьера пріобрѣтали

реальное значеніе. Всѣ ждали отъ С.-Жюста рѣшительнаго слова, энергичныхъ дѣйствій; быть можетъ, ждали, что онъ станетъ во главѣ партіи и замѣнить Робеспьера. Но С.-Жюсть до конца остается вѣрныиъ своему культу Робеспьера: ни въ одномъ его словѣ не сказывается стремленія взять на себя роль, принадлежавшую, по его мнѣнію, Робеспьеру. Выдвигая послѣдняго на первый планъ, онъ поддерживаетъ его силой своего характера, убѣждая открыто высказаться и дѣйствовать рѣшительно и смѣло.

Въ этотъ послѣдній фазисъ борьбы особенно ярко сказывается различіе темпераментовъ учителя и ученика. Стремясь къ одной и той же цѣли—къ возрожденію человечества посредствомъ перевоспитанія его,—они вносятъ въ борьбу различные элементы, сообразно различію въ свойствахъ характера. Въ критическую минуту, Робеспьеръ, нервный, робкій, мелочно-самолюбивый,—держится выжидательной политики, изливая накопившуюся злобу въ длинныхъ рѣчахъ и филиппикахъ, запутываясь въ сѣтяхъ своей собственной діалектики. Раздраженный неудачами, уязвленный въ своемъ тщеславіи, онъ все болѣе утрачивалъ способность къ хладнокровному, твердому образу дѣйствій. Рассказываютъ, что однажды, когда Робеспьеръ всплилъ во время засѣданія комитета, С.-Жюсть остановилъ его: „сдержи себя, сказалъ онъ,—господство принадлежитъ флегмативу“ 29).

Сознавая опасность положенія, С.-Жюсть видѣлъ единственный возможный исходъ въ провозглашеніи диктатуры,—взглядъ, вполне согласовавшийся съ одной изъ основныхъ идей „Республиканскихъ Учрежденій“: „Во всякой революціи необходимъ диктаторъ, чтобы спасти государство посредствомъ силы,—или цензоры, чтобы спасти его посредствомъ добродѣтели“. И когда настаетъ рѣшительная минута, С.-Жюсть открыто высказываетъ свою мысль. „Зло достигло высшей своей степени,—объявилъ онъ 5-го термидора въ присутствіи обоихъ комитетовъ.—Во Франціи полная анархія... Я вижу лишь одно средство спасенія: сосредоточеніе власти, единство правительственныхъ вѣръ, твердость политическихъ учрежденій... Необходимо связать общественное спасеніе съ судьбой частнаго лица“. Въ отвѣтъ на требованіе товарищей высказаться яснѣе, С.-Жюсть докончилъ свою мысль: „Необходима диктатура. Необходимъ человѣкъ, который бы пользовался общественнымъ уваженіемъ и довѣріемъ народа, который былъ бы добродѣтельнымъ и неподкупнымъ гражданиномъ. Этотъ человѣкъ—Робеспьеръ: онъ одинъ можетъ спасти государство“ 30).

29) Barante. „Histoire de la Convention Nationale“, t. 4-ème p. 397.

30) Barante. „Histoire de la Convention Nationale“, t. 4-e, p. 395.

Слово „диктатура“, произнесенное С.-Жюстомъ передъ собравшимися комитетами, явилось какъ бы сигналомъ къ началу борьбы. Всѣ съ ужасомъ повторяли слова его, произнесенныя въ „Réunion sur Oise“ (въ сѣверной арміи): „Нужно думать о томъ, чтобы наполнить извѣстными націи не тюрьмы, а гробы“.

Наканунѣ 5-го термидора, С.-Жюсть обратился къ обоимъ комитетамъ съ высокоумѣнной рѣчью: „Все скрываютъ отъ моихъ взоровъ; но я буду слѣдить за тѣмъ, что происходитъ. Все, что не походитъ на чистую любовь къ народу и къ свободѣ, подвергнется моей ненависти“⁸¹⁾. Судя по нѣкоторымъ отрывочнымъ указаніямъ, внутреннее настроеніе С.-Жюста далеко не соответствовало этому гордому, самоуверенному тону. Къ печальнымъ предчувствіямъ, давно преслѣдовавшимъ его, присоединилось утомленіе, безотрадное чувство одиночества среди того общества, которое онъ мечталъ преобразовать. Малодушіе Робеспьера, измѣна большинства его приверженцевъ и бездѣйствіе остальныхъ, враждебное отношеніе Конвента и народной массы,—все должно было способствовать этому мрачному настроенію С.-Жюста, и настроеніе это проглядываетъ въ немногихъ бѣглыхъ замѣткахъ, гдѣ онъ высказываетъ задушевные свои мысли и чувства. Но эти минуты экспансивности являлись рѣдкимъ исключеніемъ: въ глазахъ современныхъ зрителей С.-Жюсть до конца сохраняетъ свой гордый, надменный обликъ.

Послѣ разрыва съ членами комитетовъ, 8-го термидора, онъ на слѣдующее утро бросаетъ имъ высокоумѣнный вызовъ: „Вы растерзали мое сердце, я открою его Национальному Конвенту“. И въ послѣднемъ, рѣшительномъ бою онъ остается вѣрнымъ самому себѣ. Въ обвинительной рѣчи, направленной противъ Коло д'Эрбуа и Билло-Варенна, онъ открыто и смѣло обличаетъ враговъ своей партіи. „Я не принадлежу ни къ одной партіи,—говоритъ онъ въ своей рѣчи 9 термидора,—я буду бороться со всѣми... Я имѣю въ виду нѣсколько лицъ, которыя изъ зависти стремились усилить свое вліяніе и сосредоточить въ своихъ рукахъ власть... Я открою ихъ заговоры противъ отечества... и беспощадно выскажу имъ все, что у меня на душѣ“. Выступая обличителемъ и судьей, С.-Жюсть сознавалъ бесплодность дальнѣйшей борьбы и предчувствовалъ ожидавшую его участь, и возмущеніе его возвращалось къ любимымъ героямъ древности, вдохновлявшимъ его своими подвигами. „Лишь цѣлый вѣкъ позднеѣ,—говорилъ онъ въ той же рѣчи 9-го термидора,—согратовальное потомство проливаетъ слезы на могилѣ Граковъ... Судьба, быть можетъ,

⁸¹⁾ Ch. d'Héricault. „La Révolution de termidor, p. 338.

предопредѣлила, чтобы трибуна эта явилась Тарпейской скалой для того, кто обличитъ членовъ правительства“...

Прерванный шумными протестами Тальона, Вильо и другихъ членовъ Конвента, поддерживаемыхъ Равниной, С.-Жюсть принужденъ былъ прервать свой докладъ въ самомъ началѣ. Видя невозможность борьбы, онъ отказывается отъ нея и замыкается въ гордое, презрительное молчаніе. Между тѣмъ какъ Робеспьеръ, блѣдный, растерянный, съ искажившимися чертами лица, тщетно пытался сказать свое слово среди общаго шума и смятенія, С.-Жюсть безстрастно и спокойно смотрѣлъ на этотъ послѣдній актъ борьбы. Онъ сохранилъ невозмутимое присутствіе духа и въ ту минуту, когда радостные клики „да здравствуетъ свобода, да здравствуетъ республика!“ — встрѣтили постановленіе Конвента объ арестѣ Робеспьера и четырехъ его приверженцевъ.

Немногія свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о послѣднихъ дняхъ жизни С.-Жюста, показываютъ его пассивнымъ, безмолвнымъ, погруженнымъ въ самого себя. Дѣятельная энергія его пробуждается лишь на одно краткое мгновеніе, когда, освобожденный по распоряженію коммуны вмѣстѣ съ Робеспьеромъ, Кутономъ и Леба, онъ увидѣлъ возможность прибѣгнуть къ послѣднему крайнему средству. Вмѣстѣ съ товарищами С.-Жюсть рѣшился обратиться съ воззваніемъ къ народу и къ войску. Робеспьеръ, по обыкновенію робкій и колеблющійся, предложилъ вопросъ: „отъ имени кого должна быть составлена прокламація?“ С.-Жюсть гордо отвѣчалъ: „Отъ имени Національнаго Конвента,—онъ съ нами вездѣ, гдѣ бы мы ни находились“. Но въ эту самую минуту, счастье окончательно измѣняло Робеспьеру и его приверженцамъ. Захваченные въ ратушѣ вооруженнымъ отрядомъ, посланнымъ Конвентомъ, они не успѣли привести въ исполненіе проектъ вооруженной самозащиты.

Среди послѣдовавшей сцены общаго смятенія, одинъ С.-Жюсть сохранилъ полное самообладаніе. Самоубійство друга его Леба, страданіе тяжело раненаго Робеспьера, ожиданіе неминуемой гибели, которая должна была повлечь за собой гибель всѣхъ самыхъ завѣтныхъ его надеждъ,—ничто не могло поколебать его невозмутимое хладнокровіе. При видѣ невозможности дальнѣйшей борьбы, онъ пассивно отдаетъ себя въ руки враговъ и, подобно Вруту,—нимъ котораго постоянно возвращалось на его уста,—съ стоическимъ спокойствіемъ ожидаетъ конечной развязки.

10-го термидора рано утромъ С.-Жюста привели въ залу Комитета общественной безопасности. Здѣсь взоръ его упалъ на декларацію правъ человѣка, украшавшую стѣну зала. При видѣ знамени-

тыхъ изреченій, во имя которыхъ принесено было столько жертвъ, въ воспоминаніи его возстала вся прошлая жизнь, усѣянная столькими терніями, полная тяжелой борьбы, представлявшая напряженное, мучительное стремленіе къ одной завѣтной цѣли, и при этомъ, изъ души его невольно вырвалось восклицаніе, полное глубокой горечи: „И однако все это создалъ я!“

Слова эти, произнесенныя передъ смертью, въ минуту когда человекъ болѣе всего склоненъ отдать себѣ правдивый, чистосердечный отчетъ въ своей жизни,—слова эти свидѣлствуютъ о глубинѣ его заблужденія и въ то же время объ искренности руководившихъ имъ побужденій. Фанатически преданный абстрактной идеѣ, онъ не дорожилъ ни личнымъ счастьемъ, ни самой жизнью. Мысленно переселившись въ міръ героевъ своей фантазіи, онъ давно уже освоился съ представленіемъ о близкой смерти. „Я молю о смерти,—пишетъ онъ,—какъ о благодѣяніи Провидѣнія, чтобы не быть свидѣтелемъ безнаказанности преступленій, совершаемыхъ противъ моей отчизны и противъ человѣчества; не много теряешь, расставаясь съ злополучной жизнью, гдѣ осужденъ прозавать сообщникомъ или безсиленнымъ свидѣтелемъ злодѣяній“ 82).

И приговоръ, произнесенный 10-го термидора революціоннымъ трибуналомъ, не могъ поколебать душевное равновѣсіе С.-Жюста,—вызвать въ немъ чувство волненія или страха. Современные очевидцы свидѣлствуютъ о мужествѣ и спокойномъ достоинствѣ, съ которыми С.-Жюстъ встрѣтилъ смерть. Громадная толпа народа провожала 10-го термидора повозки съ осужденными, направлявшіяся къ мѣсту казни. Въ первой изъ нихъ стоялъ С.-Жюстъ, неподвижный, окаменѣвшій, какъ мраморное изваяніе. Руки его были связаны за спиной; блѣдное лицо поражало красотой и правильностью чертъ; ясный взоръ спокойно останавливался на толпѣ любопытныхъ, невольно подавшеюся чувству удивленія передъ его непоколебимымъ мужествомъ.

Такъ погибъ, 26-ти лѣтъ роду, этотъ человекъ, богато одаренный отъ природы, полный жизненной силы, энергіи и способности къ самопожертвованію. Вся кратковременная его жизнь была посвящена фантастическимъ идеаламъ, подобно миражу, далеко завлекавшимъ его своимъ обманчивымъ, призрачнымъ блескомъ. Вида передъ собой лишь отвлеченный узкій догматъ, онъ шелъ къ нему неуклонно, не оглядываясь кругомъ себя, не обращая вниманія на всѣ жертвы, попираемыя на пути. Болѣзненное честолюбіе, жажда личной славы соеди-

82) Записка, найденная въ бумагахъ С.-Жюста.

ились въ немъ съ безкорыстнымъ стремленіемъ ко благу чело-
вѣчества; беспощадная жестокость—съ сентиментальностью; глубокое пре-
зрѣніе къ ближнимъ—съ способностью идеализаціи; поразительная
амальгама различныхъ стремленій, противоположныхъ свойствъ и ка-
чествъ,—амальгама, которая до извѣстной степени отразила на себѣ
разнообразныя и часто пестрыя идеи, опредѣлявшія теченіе француз-
ской революціи.

Одна изъ старыхъ чертъ въ нашей учебно-исторической литературѣ.

О. П. Герасимова.

Въ своей статьѣ „Новая черта въ нашей учебно-исторической литературѣ 1)“ я, рассматривая вновь вышедшій учебникъ г. Иванова, указывалъ, что прежде всего мы должны требовать отъ учебника строго проведенной системы, которая отводила бы каждой странѣ и каждому явленію соотвѣтствующее мѣсто съ всемірно-исторической точки зрѣнія. На примѣрѣ учебника г. Иванова я старался показать, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ приводитъ нарушение этого принципа, когда мѣсто, отводимое въ учебникѣ исторіи той или другой странѣ, не обуславливается всемірно-исторической точкой зрѣнія, а подсказывается національнымъ чувствомъ. Но это—черта новая въ нашей учебно-исторической литературѣ, тогда какъ нарушение этого принципа существовало и раньше, но только въ другомъ отношеніи: если въ нашихъ учебникахъ и не замѣчалось стремленія выдвинуть исторію той или другой страны [на неподобающее имъ мѣсто съ всемірно-исторической точки зрѣнія, то въ нихъ прежде всего бросалось въ глаза полное отсутствіе какого бы то ни было критерія, опредѣляющаго мѣсто того или другого явленія въ исторіи каждой страны. Критерій и въ данномъ случаѣ долженъ быть тотъ же, т.-е. степень важности рассматриваемаго явленія съ всемірно-исторической точки зрѣнія, руководясь которой мы будемъ въ состояніи опредѣлить, что въ исторіи данной страны надо выдвинуть на первый планъ, что отодвинуть на задній, о чемъ надо говорить и о чемъ умолчать. Только одну оговорку приходится сдѣлать къ сказанному:

1) Истор. Обзор., томъ V.

такъ какъ въ высшей степени важно, чтобы въ умѣ ученика каждый народъ выступалъ съ своей характерной физиономіей, то необходимо рядомъ съ явленіями, имѣющими значеніе съ всемірно-исторической точки зрѣнія, останавливаться и на тѣхъ, которые особенно ярко характеризуютъ индивидуальныя особенности жизни изучаемаго народа. Эти два требованія нисколько не противорѣчатъ одно другому и въ умѣлыхъ рукахъ могутъ быть выполнены такъ, что ученикъ получить ясное представленіе какъ объ особенностяхъ жизни важдаго народа, такъ и о томъ, что изъ его жизни имѣетъ всемірно-историческое значеніе.

Въ теоріи съ только что высказанными взглядами соглашаются почти всѣ, но на практикѣ, когда приходится говорить о томъ или другомъ учебникѣ, часто возражаютъ, что эти требованія съ научной точки зрѣнія вѣрны, но съ педагогической не могутъ быть приняты, ибо то, что имѣетъ очень важное значеніе въ исторіи съ всемірно-исторической точки зрѣнія—учрежденія и идеи—недоступно пониманію учениковъ, а поэтому и введено быть въ учебникъ не можетъ. Возраженіе это по большей части является категорично и безапелляціонно, а между тѣмъ, по моему убѣжденію, оно есть плодъ глубокаго недоразумѣнія, которое, быть можетъ, и держится такъ долго только потому, что мы легко принимаемъ увѣренность тона, которымъ это высказывается, за достаточный аргументъ и не требуемъ другихъ доказательствъ, которыхъ, быть можетъ, и не нашлось бы совсѣмъ.

Дѣйствительно, если мы рассмотримъ обстоятельнѣе этотъ вопросъ, то убѣдимся, что никакъ нельзя согласиться съ указаннымъ мною возраженіемъ. Прежде всего посмотримъ, можно ли при прохожденіи курса исторіи въ гимназіяхъ останавливаться на исторіи учреждений?

Никто не станетъ спорить, что безъ знанія политическаго устройства того или другаго государства трудно, скажу даже невозможно—дать ученикамъ правильное представленіе о жизни того или другаго народа, такъ какъ многія явленія этой жизни прямо обуславливаются тѣми политическими формами, при которыхъ данному народу приходится жить. Если это такъ, то надо переимѣнить самый вопросъ, надо спрашивать не о томъ, слѣдуетъ ли при прохожденіи курса исторіи останавливаться на исторіи учреждений, а о томъ, возможно ли преподавать исторію какаго бы то ни было народа, не давая ученикамъ яснаго представленія о политическихъ формахъ жизни этого народа?

На этотъ вопросъ придется, конечно, отвѣтить отрицательно, если признать необходимымъ, чтобы ученики, изучая исторію, пони-

мали изучаемыя явленія, а не запоминали только изложенные факты, которые без такого пониманія не имѣютъ ровно никакой цѣны. Въ такомъ случаѣ останется только вопросъ о возможности практическаго осуществленія того, необходимость чего теоретически признается.

Почему же считаютъ невозможнымъ съ педагогической точки зрѣнія останавливаться на исторіи политическихъ учреждений?

Обыкновенно на этотъ вопросъ даютъ всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ: изученіе политическаго устройства недоступно уму ученика, потому что оно слишкомъ отвлеченно, а умъ его еще настолько мало совърѣлъ, что можетъ усвоивать только конкретные факты.

Когда приходится слышать такое возраженіе, всегда поражаешься тѣмъ, что оно цѣликомъ держится на чисто апіорномъ предположеніи и на полномъ игнорированіи всего признаваемаго возможнымъ при преподаваніи другихъ предметовъ въ тѣхъ же самыхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Дѣйствительно, вы никогда не услышите, что въ средне-учебномъ заведеніи не слѣдуетъ преподавать алгебры, науки, отвлеченность которой, я думаю, никто не станетъ отрицать, а она начинается преподаваться у насъ съ 3-го класса, тогда какъ систематическій курсъ исторіи начинается только съ 4-го. Мало того, вы никогда не услышите, что ученики не должны знать, какая форма политическаго устройства существуетъ въ той или другой странѣ, географію которой изучаетъ ученикъ, а между тѣмъ все это начинается проходитьъ со 2-го класса и оказывается вполне возможнымъ. Почему же, спрашивается, начиная съ 4-го класса изученіе политическихъ формъ вдругъ дѣлается непосильнымъ, и ученики, которые въ 1-мъ классѣ должны были усвоить себѣ главнѣйшія положенія математической географіи, въ слѣдующихъ усваивали главнѣйшія черты политическаго устройства различныхъ государствъ всего земного шара, а въ 3-мъ классѣ начали даже изученіе алгебры, въ 4-мъ вдругъ дѣлаются неспособными усваивать что-либо, кромѣ конкретныхъ фактовъ?

Очевидно, что тутъ какое-нибудь недоразумѣніе. Понятно, что если взять въ руки учебникъ, въ которомъ исторіи политическихъ учреждений отведено надлежащее мѣсто, и разбирать тѣ страницы его, которыя посвящены тому или другому законодательству, то вполне основательно можно прийти къ заключенію, что для ученика эти страницы будутъ трудны, какъ трудны для него будутъ и нѣкоторыя страницы изъ учебника географіи и почти все, что мы прочтемъ даже на самыхъ первыхъ страницахъ учебника алгебры.

Но почему же, спрашивается, тамъ эти трудности не приводятъ

въ заключеніи о необходимости выпустить изъ курса эти отдѣлы, тогда какъ при обсужденіи преподаванія исторіи мы постоянно встрѣчаемся съ подобными утверженіями?

Недоразумѣніе это объясняется просто: когда мы говоримъ о преподаваніи географіи или математики, то мы всегда имѣемъ въ виду, что объяснять тотъ или другой отдѣлъ будетъ учитель, прослушавши объясненіе котораго ученикъ и долженъ будетъ обратиться къ учебнику, чтобы возстановить въ памяти усвоенное въ классѣ; когда же мы говоримъ о преподаваніи исторіи, то въ нашихъ разсужденіяхъ эта самая важная сторона урока—объясненіе учителя—отсутствуетъ, и мы прямо беремъ какую-нибудь страницу учебника и спрашиваемъ, что будетъ дѣлать ученикъ, если ему эту страницу задать, какъ будто и рѣчи быть не можетъ о томъ, что прежде чѣмъ эта страница будетъ задана, учитель долженъ разъяснить ея содержаніе и разъяснить, конечно, не повторяя дословно ту же самую страницу, а пользуясь всевозможными методами объясненія, которые будутъ зависеть и отъ личныхъ взглядовъ учителя, и отъ состава и отъ уровня развитія класса. Въ этомъ заключается вся разгадка разсматриваемаго недоразумѣнія.

Теоретически считаютъ необходимымъ при прохоженіи курса исторіи давать ученикамъ полное и ясное представленіе о политическомъ устройствѣ изучаемыхъ государствъ, а практически, при обсужденіи того или другого учебника, считаютъ невозможнымъ введеніе этихъ отдѣловъ.

Теоретически признаютъ безусловно необходимымъ объясненіе задаваемыхъ уроковъ учителемъ исторіи, а практически, когда идетъ рѣчь о томъ или другомъ отдѣлѣ разсматриваемаго учебника, это объясненіе не принимается въ расчетъ, какъ будто его ни въ какомъ случаѣ и не будетъ. Эти двѣ черты въ нашихъ разсужденіяхъ объ учебно-исторической литературѣ очень характерны и взаимно объясняютъ одна другую.

Если такимъ образомъ отрицаніе возможности введенія въ учебники исторіи учреждений есть недоразумѣніе, то то же самое можно сказать и относительно идей.

Понятно, когда говорятъ, что при прохоженіи того или другого отдѣла исторіи надо останавливаться на идеяхъ, характеризовавшихъ общество изучаемаго періода, то подразумѣваются не трудныя для пониманія метафизическія идеи какой-нибудь философской школы, а тѣ соціально-политическія и религіозныя идеи, которыя волновали умы общества, захватывали даже массы и которыя уже по этому самому не могутъ быть недоступны уму ученика, не говоря уже 7-го или 8-го класса, но даже и 4-го.

Относительно социальне-политических идей я не буду уже говорить потому, что разъ для ученика доступно пониманіе социальне-политическаго строя того или другаго государства, то для него будутъ понятны и социальне-политическія идеи, которыми жило общество въ изучаемый періодъ. Что же касается религіозныхъ идей, то приходится опять вернуться къ тому же вопросу, который приходилось задавать и раньше, придется именно спросить: почему для ученика 2-го и 3-го класса понятны объясненія главнѣйшихъ чертъ религій всего земнаго шара на урокахъ географіи, почему ему понятны во всѣхъ классахъ на урокахъ Закона Божія объясненія самыхъ глубокихъ сторонъ христіанства и уклоненій отъ него и почему въ то же время на урокахъ исторіи, начинающихся съ 4-го класса, ученикъ вдругъ оказывается неспособнымъ понимать религіозныя идеи, которыми жило общество изучаемаго періода?

На этотъ вопросъ приходится отвѣтить то же, что мы и раньше отвѣчали, приходится признать это простымъ недоразумѣніемъ, которое должно само-собою исчезнуть, разъ мы будемъ помнить, что учителя существуютъ и для исторіи, и что они такъ же, какъ и другіе учителя, могутъ не только спрашивать, но и объяснять.

Такимъ образомъ возраженіе противъ того положенія, что критеріемъ для опредѣленія мѣста, отводимаго тому или другому явленію въ учебникѣ исторіи, должна служить степень важности его съ всемірно-исторической точки зрѣнія, само-собою падаетъ, разъ мы придемъ къ убѣжденію, что исторія учреждений и идей, важная съ указанной точки зрѣнія, вполне возможна и съ педагогической.

Съ чѣмъ, дѣйствительно, приходится согласиться, такъ это съ тѣмъ, что отдѣлы, посвященные изученію политическаго устройства и идей религіозныхъ и социальне-политическихъ, труднѣе для прохожденія, чѣмъ тѣ отдѣлы, гдѣ идетъ простое повѣствованіе. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Изъ этого слѣдуетъ, что на нихъ придется съ большимъ вниманіемъ остановиться учителю, больше времени посвятить на ихъ объясненіе, а никакъ не то, что ихъ слѣдуетъ отодвинуть на задній планъ или совсѣмъ выкинуть изъ курса. Вѣдь подобное различіе въ трудности или легкости усвоенія различныхъ отдѣловъ существуетъ въ каждомъ учебномъ предметѣ, и однако оно не приводитъ къ мысли о необходимости выбросить наиболѣе трудныя отдѣлы, отъ знанія которыхъ зависитъ пониманіе остальнаго. Возьмемъ, напримѣръ, геометрію. Что бы мы сказали, если бы кто-нибудь предложилъ исключить ту или другую теорему, ссылаясь на трудность ея доказательства? Мы сказали бы, конечно, что исполнивши такой совѣтъ, мы вмѣсто облегченія прохожденія курса создали бы затрудненіе, потому что изученіе остальныхъ теоремъ, легкое при знаніи исключеній, сдѣла-

лось бы страшно труднымъ безъ знанія ея, такъ какъ то, что прежде ученикъ могъ понять, теперь онъ долженъ будетъ заучить безъ пониманія, и это, конечно, не облегчить, а затруднить его.

Вѣдь совершенно то же самое повторяется, когда говорятъ, что изъ изученія исторіи въ среднеучебномъ заведеніи надо исключить изученіе политическихъ формъ и идей. Отдѣлы, посвященные изученію ихъ, дѣйствительно труднѣе другихъ, но, устранивши ихъ, мы затруднимъ прохожденіе всего остальнаго, такъ какъ безъ яснаго представленія о государственномъ строѣ, среди котораго живетъ общество, и объ идеяхъ, которыя въ немъ господствуютъ, непонятны будутъ всѣ событія, которыя придется запоминать, совершенно ихъ не понимая, что и создаетъ въ сущности теперь тѣ непреодолимыя трудности, съ какими приходится считаться учителю исторіи въ нашихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ.

Разсмотрѣвши тѣ теоретическія возраженія, которыя мѣшаютъ признать степень важности съ всемірно-исторической точки зрѣнія за критерій для опредѣленія мѣста cadaго явленія въ учебникѣ исторіи, я перейду теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ печальныхъ практическихъ результатовъ, которые получаются, когда этотъ критерій не признается. Для выясненія этого мнѣ придется обратиться къ разсмотрѣнію какого-нибудь учебника, составитель коего этой точкой зрѣнія не руководился. Въ данномъ случаѣ я возьму учебникъ г. Иловайскаго, какъ наиболѣе распространенный и типичный, и буду говорить преимущественно о средневѣковой исторіи, такъ какъ именно объ этомъ же отдѣлѣ мнѣ пришлось говорить при разборѣ учебника г. Иванова.

Возьмемъ для примѣра изъ учебника средневѣковой исторіи г. Иловайскаго тѣ страницы, которыя посвящены исторіи лангобардовъ. На этотъ отдѣлъ приходится въ учебникѣ 2 страницы, изъ которыхъ цѣлая страница, т.-е. половина всего, посвящена разсказу о мести Розамунды за своего отца, изъ черепа котораго Альбоинъ заставилъ ее пить вино, и разсказу о томъ, какъ Автарисъ пожалъ мизинецъ Теоделинды. Помѣщеніе обоихъ эпизодовъ въ учебникѣ не имѣетъ никакого основанія, но я, не говоря о первомъ, прямо перейду ко второму и дословно выпишу это мѣсто изъ исторіи г. Иловайскаго, чтобы всякій могъ судить, съ какой точки зрѣнія попалось его помѣщеніе.

„Автарисъ отправилъ посольство къ баварскому герцогу просить руки его прекрасной дочери Теоделинды и самъ подъ именемъ друга Автарисова замѣшался между послами. Когда герцогъ согласился на предложеніе, мнимый посоль попросилъ позволенія видѣть невесту и принять изъ рукъ ея кубокъ съ виномъ. Отдавая кубокъ, онъ пожалъ мизинецъ невесты; стыдливая Теоделинда была смущена такою смѣ-

лостью, няня успокоила ее, сказавъ, что кромѣ самого жениха никто не рѣшился бы этого сдѣлать...“

Спрашивается, съ какой точки зрѣнія понадобилось помѣщеніе этого эпизода? Всемирно-историческаго значенія пожатіе мизинца Теоделинды, конечно, не имѣетъ; и для исторіи лангобардовъ ничего характернаго въ этомъ разсказѣ нѣтъ, такъ какъ, я думаю, и самъ г. Иловайскій не станетъ отрицать, что жать мизинецъ певѣсты могли и не въ описываемое только время, да и покраснѣть отъ такого пожатія могла не одна прекрасная Теоделинда.

Зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, этотъ разсказъ помѣщенъ—вотъ вопросъ, надъ которымъ можно долго и бесплодно ломать голову, если будешь желать подыскать основаніе, хотя сколько-нибудь выдерживающее критику, а между тѣмъ эти разсказы о черепѣ Кунимунда и мизинцѣ Теоделинды вытѣспили изъ разсматриваемаго учебника свѣдѣнія и о самомъ характерѣ лангобардскаго завоеванія, рѣзко отличавшагося отъ остготскаго и отразившагося на этнографическомъ составѣ населенія Сѣверной Италіи, и о тѣхъ отношеніяхъ, въ какіе вступили лангобарды къ римскому элементу, и о той роли, какую они сыграли въ исторіи наиской власти. Съ какой же точки зрѣнія черепъ Кунимунда и мизинецъ Теоделинды оказываются важнѣе всѣхъ этихъ крупныхъ для даннаго періода явленій средневѣковой исторіи?

Съ точки зрѣнія легкости. О всѣхъ тѣхъ явленіяхъ надо многое объяснить, да растолковать, а этотъ разсказъ всякій пойметъ, даже трехлѣтній ребенокъ, а не только гимназистъ 5 класса.

Но если уже легкость усвоенія является единственной причиной помѣщенія подобныхъ разсказовъ, то вѣдь еще легче будетъ, если ихъ совсѣмъ не помѣщать, а вмѣсто нихъ оставить пустое мѣсто! Это и было бы, конечно, гораздо лучше, потому что сами по себѣ эти разсказы очень легко усваиваются учениками, но они совсѣмъ не нужны, а въ то время они создаютъ страшное затрудненіе для усвоенія всего остального, что вмѣстѣ съ ними помѣщается и что необходимо знать. Такъ, напр., въ исторіи тѣхъ же лангобардовъ на трехъ строчкахъ помѣщенъ разсказъ о завоеваніи ими Италіи, что ученику знать необходимо, но эти три строчки вставлены между разсказомъ о томъ, какъ Альбоннъ изъ черепа Кунимунда сдѣлалъ чашу, и продолженіемъ этого разсказа, состоящемъ въ повѣствованіи о мести Розамунды, вызванной тѣмъ, что ее заставили пить изъ этой чаши. Совершенно естественно эти три строчки, важныя, конечно, по существу, не обратятъ на себя вниманія ученика потому что онѣ не имѣютъ никакой внутренней связи ни съ предшествующимъ, ни съ послѣдующимъ. То же самое идетъ и дальше. Очень кратко упомянуто о распаденіи лангобардскаго королевства и о наступившихъ тамъ смутахъ, а потомъ приведенное

мною мѣсто о пожатіи Автарисомъ мизинца Теоделинды, послѣ котораго говорится опять въ двухъ-трехъ строкахъ о распространеніи католицизма среди лангобардовъ, т. е. о фактѣ большого значенія. Опять и тутъ отсутствіе внутренней связи заставляеть ученика не обратить вниманія на то, что важно, но о чемъ сказано меньше, нежели о томъ, что совсѣмъ не нужно, и винить ученика за это нельзя, потому что простой здравый смыслъ заставляеть его въ своемъ разсказѣ собирать въ одно цѣлое однородное и пропускать то, что никакой внутренней связи съ разсказомъ не имѣеть. Такимъ образомъ для ученика въ тысячу разъ легче было-бы запомнить все необходимое изъ исторіи лангобардовъ, еслибы эти свѣдѣнія не были перепутаны съ *обмечтающими* разсказъ эпизодами.

Но, быть можетъ, скажутъ, что дѣлу тутъ пособить легко, потому что всѣ эти эпизоды можно вычеркнуть и такимъ образомъ устранить препятствіе въ запоминаніи остальнаго. Это сдѣлать, конечно, слѣдуетъ и нечего бояться, что вслѣдствіе этого получится мало связи между оставшимися мѣстами, потому что и безъ всякихъ вычеркиваній эта связь во многихъ мѣстахъ, какъ, наприм., въ разсмотрѣнной статѣ о лангобардахъ, такъ глубоко скрыта для самыхъ проникательныхъ взоровъ, что ее можно считать исключительнымъ достоинствомъ самого автора. Но вотъ дѣло въ чемъ: и все то, что останется, представитъ страшныя трудности для усвоенія именно потому, что въ учебникѣ отсутствуетъ какъ исторія учреждений, такъ и развитіе идей, вслѣдствіе чего все повѣствованіе является рядомъ фактовъ, которые ученикъ совершенно не будетъ въ состояніи понять, а долженъ будетъ только запомнить. Для доказательства этого стоитъ только обратиться къ разсмотрѣнію текста учебника.

Въ курсѣ средневѣковой исторіи наиболѣе видное мѣсто должны занять образованіе западно-европейскихъ государствъ—съ одной стороны и борьба папства съ имперіей—съ другой. При этомъ процессъ образованія государствъ наиболѣе рельефно обнаруживается на исторіи Франціи и Англій, а борьба папства и имперіи связывается совершенно естественно съ исторіей Германіи. Для того, чтобы понять процессъ образованія и роста средневѣкового государства, необходимо; конечно, имѣть ясное представленіе о феодальномъ строѣ, характерной чертѣ средневѣковой жизни и исходной точкѣ средневѣкового государства.

Посмотримъ теперь, какія свѣдѣнія сообщаетъ въ своемъ учебникѣ г. Иловайскій о феодальномъ строѣ. Въ параграфѣ, озаглавленномъ „Романскіе народы и начало феодализма“ онъ говоритъ объ образованіи романскихъ народностей, о варварскихъ правдахъ, о средневѣковомъ судѣ, о феодальной системѣ, объ образованіи рыцарства,

о положеніи городовъ, о крѣпостничествѣ и о положеніи духовенства. Вопросы, какъ видите, все первостепенной важности, и на выясненіе всѣхъ ихъ отводится въ учебникѣ ровно 3 страницы, причѣмъ трактуются они одинъ за другимъ, безъ всякой связи, въ томъ порядкѣ, въ какомъ они случайно пришли въ голову автору. Такъ, посвятивши нѣсколько строкъ средневѣковому суду, г. Иловайскій говоритъ: „*Данье* (?) во всѣхъ государствахъ, основанныхъ германцами, появилась феодальная, или ленная система. Она произошла слѣдующимъ образомъ. Завоевателя отнимали у покоренныхъ третью часть земель, дѣлили ее между собою и селились на своихъ участкахъ. Такіе германцы, получившіе помѣстье въ полную собственность (аллодъ) и не признававшіе надъ собою почти никакой зависимости, назывались обыкновенно бароны. Но значительную и лучшую часть завоеванныхъ земель, конечно, бралъ себѣ король. При немъ постоянно находилась его собственная дружина, состоявшая у него на жалованьи. Со времени завоеванія римскихъ областей короли вмѣсто жалованья стали раздавать своимъ дружинникамъ помѣстья изъ собственныхъ земель. Сначала такіа помѣстья давались только на извѣстные сроки, какъ бы взаимны, отчего и назывались феодами или ленами (т.-е. займами; по-латыни такое помѣстье называлось бенефициумъ). А лица, получившія лены и обязанныя отправлять за нихъ военную службу, назывались обыкновенно ленниками или вассалами. Но съ теченіемъ времени ленныя помѣстья обратились въ такую-же полную наследственную собственность вассаловъ, какъ и помѣстья бароновъ. Сами бароны съ усиленіемъ королевскаго могущества также признали себя королевскими вассалами. Сильные герцоги и графы, считаясь вассалами короля, также какъ и онъ, имѣли собственныхъ вассаловъ (или подвассаловъ), которымъ давали въ ленъ помѣстья изъ своихъ земель. Такимъ образомъ, утвердился въ Западной Европѣ феодализмъ“.

Это краткое выясненіе феодализма, которому отведено столько-же мѣста, сколько разсказу о черепѣ Кунимунда и мизинцѣ Теоделинды, само за себя говоритъ, и разбирать его по существу не стоитъ труда. Но любопытно то, что въ этомъ очеркѣ совершенно пропущена именно та сторона феодализма, безъ знанія которой весь процессъ развитія королевской власти будетъ совершенно непонятенъ ученику: ни однимъ словомъ не упомянуто о томъ, что характерною чертою феодальнаго строя было раздробленіе государственной власти и сосредоточеніе ея въ рукахъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ, ни однимъ выраженіемъ не выяснены отношенія вассаловъ какъ къ королю, такъ и къ остальному населенію, если не считать за попытку выясненія слѣдующую совершенно бессмысленную фразу: „Такіе германцы, получившіе помѣстье въ полную собственность (аллодъ) и не признававшіе

надъ собой почти никакой зависимости (1), назывались обыкновенно бароны". Правда, въ концѣ учебника въ главѣ, озаглавленной: „Средневѣковой бытъ въ Западной Европѣ“, можно найти нѣсколько строкъ, касающихся этихъ вопросовъ. Но во-первыхъ это слишкомъ поспшно, а во-вторыхъ и то, что тамъ сказано, является лишь вскользь брошенными фразами, а не выясненіемъ вопроса по существу, которое авторомъ, очевидно, считается излишнимъ и безъ котораго, по моему мнѣнію, нельзя проходить средневѣковую исторію.

Представьте себѣ ученика, который, выучивши объясненіе феодализма въ учебникѣ г. Иловайскаго, переходитъ затѣмъ къ изученію исторіи Франціи по тому же учебнику. Весь процессъ роста государственной власти во Франціи, процессъ весьма поучительный и важный, пройдетъ мимо него, такъ какъ вся борьба королей съ феодалами будетъ непонятна для него, а такіа фразы, какъ та, что Людовикъ VI „былъ первый изъ Капетинговъ, который отличался необычайною дѣятельностію въ борьбѣ съ феодалами, враждебными королевской власти и внутренней безопасности“, или что „Сугерій вообще своею дѣятельностію не мало способствовалъ успѣхамъ французской монархіи въ ея борьбѣ съ феодализмомъ“, — такъ-таки и останутся пустыми фразами, потому что въ нихъ не вложено никакого реальнаго содержанія. Я не говорю уже о другихъ фразахъ, которыя не только не выясняютъ ничего, но даже могутъ запутать ученика. Такъ, напримѣръ, въ отдѣлѣ, посвященномъ Филиппу IV, г. Иловаискій говоритъ: „между тѣмъ постоянные доходы королей оставались прежніе, т.-е. состояли, главнымъ образомъ, изъ разныхъ сборовъ съ изъ собственными имуществомъ. Чтобы помочь настоятельной нуждѣ въ деньгахъ, Филиппъ IV старался открыть новые источники доходовъ; при чемъ иногда отличался неразборчивостію въ средствахъ. Такъ, онъ обложилъ податями земля духовенства“. Нечего говорить уже о томъ, что въ учебникѣ г. Иловайскаго ни единымъ словомъ не упомянуто о генеральныхъ штатахъ середины XIV в. и о связанномъ съ ними буржуазномъ движеніи, безъ знанія чего нельзя многого понять въ исторіи королевской власти во Франціи въ концѣ среднихъ вѣковъ.

Теперь спрашивается, какое представленіе о французской исторіи вынесетъ ученикъ изъ разсматриваемаго учебника? Онъ вынесетъ убѣжденіе, что французскіе короли вели постоянныя войны съ сосѣдями и съ феодалами, у которыхъ они отнимали тѣ самыя области, которыя сами имъ нѣкогда дали за службу, и что при этомъ они часто пользовались въ своей борьбѣ предосудительными средствами. Все это вѣрно, но только одно пропущено, что, ведя борьбу съ феодалами, французскіе короли являлись представителями общегосударственныхъ интересовъ, чѣмъ обуславливалась и поддержка ихъ народомъ

и успѣхъ борьбы, и пропущено это будетъ ученикомъ именно потому, что въ учебникѣ отсутствуетъ исторія учреждений, которому не могутъ замѣнить общія, ничего не говорящія уму ученика фразы г. Иловайскаго.

Если къ такимъ печальнымъ результатамъ приводитъ отсутствіе исторіи учреждений въ рассматриваемомъ учебникѣ, то къ не менѣе печальнымъ послѣдствіямъ приводитъ и то, что авторъ всячески избѣгаетъ указанія на идеи, руководившія обществомъ въ тотъ или другой періодъ.

Будь въ учебникѣ выяснены римскія воззрѣнія на государственную власть, будь указано въ немъ на то, что эти воззрѣнія продолжали жить среди духовенства—для ученика понятна была бы связь монастырскаго воспитанія Людовика VI съ его внутренней политикой, понятна была бы государственная дѣятельность аббата Сугерія, понятно было бы и то значеніе, которое имѣли легисты во внутренней исторіи Франціи; теперь же ученику приходится все это запоминать, не понимая.

Насколько г. Иловайскій избѣгаетъ введенія въ свой учебникъ исторіи идей, можно видѣть изъ того, что въ курсѣ средневѣковой исторіи онъ ни однимъ словомъ не оговорился объ идеѣ Римской Имперіи и объ идеѣ Царства, а вмѣсто выясненія этихъ двухъ великихъ для того времени идей онъ испещряетъ свой учебникъ такими ничего не значащими фразами, какова, на примѣръ, слѣдующая: „Гогенштауфены имѣли самое возвышенное мнѣніе объ императорскомъ достоинствѣ“ и т. д. Спрашивается, какое представленіе объ идеѣ Римской Имперіи вынесетъ ученикъ изъ подобныхъ фразъ?

Конечно, никакого. Хорошо еще, если онъ эти фразы позабудетъ и не станетъ повторять ихъ, какъ попугай. А между тѣмъ вѣдь эти идеи господствовали надъ умами средневѣковаго общества и оказывали самое рѣшительное вліяніе на многія явленія средневѣковой исторіи. Неужели же ученику труднѣе было бы запомнить эти явленія, если бы онъ понималъ ихъ смыслъ, чѣмъ тогда, когда они являются для него рядомъ совершенно случайныхъ, точно ничѣмъ не вызванныхъ фактовъ? А благодаря тому, что въ рассматриваемомъ учебникѣ не отведено мѣста выясненію идей Римской Имперіи и Царства, вся исторія борьбы напѣ съ императорами превращается въ рядъ случайныхъ, ничѣмъ между собой несвязанныхъ фактовъ и благодаря, этому представляетъ ученикамъ страшное затрудненіе при усвоеніи. На все это мнѣ могутъ сказать одно: вотъ тутъ то и нуженъ учитель, который выяснитъ все это и свяжетъ въ нѣчто цѣльное всѣ эти безсвязныя страницы. Но тутъ мнѣ придется отвѣтить, что, конечно, учитель, имѣющій дѣло съ этимъ учебникомъ, долженъ

постараться выполнить эту Сизифову работу, но что это вовсе не оправдывает учебника, который существует не для того, чтобы затруднять дѣло учителя, а для того, чтобы облегчать его, а облегчить учебникъ можетъ только тогда, когда въ немъ ученикъ найдетъ сжатое изложеніе самаго существеннаго изъ проходимаго курса, а не массу совершенно ненужныхъ разсказовъ при отсутствіи того, что ученику необходимо знать, а таковымъ именно и является учебникъ г. Иловайскаго, такъ какъ у его автора нѣтъ критерія для опредѣленія того, что нужно вводить въ курсъ и чего не нужно.

Въ результатѣ такой учебникъ зачеркиваетъ всю работу учителя именно потому, что учитель, постоянно обращаясь къ учебнику, находитъ въ немъ вмѣсто сжатаго изложенія существеннаго въ проходимомъ имъ курсѣ или многорѣчивое и безсвязное изложеніе совершенно ненужныхъ эпизодовъ, или такое туманное въ общихъ и очень часто неудачныхъ фразахъ выраженное изложеніе существеннаго, что ученику приходится выбирать одно изъ двухъ: оставить въ сторонѣ разсказъ учителя и выучить вмѣсто него то, что онъ проходитъ въ учебникѣ, или, не прибѣгая къ учебнику, возстановить въ памяти безъ всякой помощи разсказъ учителя, но такъ какъ послѣднее представляетъ большія затрудненія и, какъ постоянно дѣйствующій приѣмъ, прямо невозможно, то ему ничего другого и не остается въ сущности, какъ заучиваніе текста учебника. Въ такомъ случаѣ дѣло учителя пронадеваетъ, и все преподаваніе должно свестись, какъ это почти всегда и бываетъ, къ тому, чтобы учитель въ классѣ спрашивалъ у учениковъ то, что они дома выучили по учебнику. Разъ это такъ, то и результаты изученія исторіи въ учебномъ заведеніи всѣ будутъ обусловлены исключительно свойствами разсматриваемаго учебника. Посмотримъ же, каковы должны быть эти результаты?

Прежде всего, благодаря отсутствію внутренней связи не только между различными отдѣлами учебника, но даже и между частями одного и того же параграфа, въ которомъ пережѣшаны явленія самыхъ различныхъ порядковъ, ученику поневолѣ придется выработать въ себѣ привычку зазубривать заданный урокъ, такъ какъ инымъ путемъ онъ не будетъ въ состояніи удержать въ памяти тотъ разнокалиберный, никакой общей мыслью не связанный матеріалъ, который онъ найдетъ на страницахъ учебника. Эта привычка къ зубренію отучитъ его думать надъ тѣмъ, что онъ усваиваетъ, и приучитъ его повторять слова, за которыми у него не будетъ понятій, и фразы, въ которыхъ не будетъ никакого смысла. Но этого мало. Въ результатѣ такого прохожденія курса исторіи у него выработается отвращеніе къ этому предмету—съ одной стороны, и неуваженіе къ нему—съ другой. Отвращеніе должно получиться уже вслѣдствіе одного того, что

ему все время придется, изучая этот учебник, заставлять себя усваивать то, чего онъ не понимаетъ, и убивать въ себѣ съ каждымъ годомъ все растущую пытливость ума, удовлетворить которую можетъ только дѣйствительная наука, а не такой сборникъ случайно собранныхъ и ничѣмъ несвязанныхъ фактовъ. Это отвращеніе къ предмету помѣшаетъ ученику обратиться къ изученію историческихъ сочиненій, и благодаря этому, на всю жизнь свяжетъ въ умѣ ученика представленіе объ исторіи съ представленіемъ о томъ, что онъ узналъ изъ учебника г. Илозайскаго, а это въ концѣ-концовъ вызоветъ неуваженіе къ самой наукѣ исторіи. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ относиться съ уваженіемъ къ предмету, съ представленіемъ о которомъ связываются, главнымъ образомъ, рассказы о выбитомъ глазѣ Гарольда, о красотѣ и безнравственности Теодоры, объ изуродованной собакѣ, данной Генрихомъ посламъ венгровъ, о томъ, какъ женщины уводили своихъ мужей, завидя Бернарда Клервосскаго и т. д.

Владо еще, если бы всему этому было отведено нешного мѣста, но, какъ мы видѣли, подобные рассказы часто занимаютъ гораздо больше мѣста, чѣмъ самыя важныя явленія изучаемаго періода, а иногда такъ и просто ихъ вытѣсняють. Такъ, напримѣръ, въ періодъ столѣтней войны ничего не говорится о генеральныхъ штатахъ, а между тѣмъ находится мѣсто для самаго подробнаго разсказа о томъ, какъ Бертранъ Дюгекленъ часто въ дѣтствѣ приходилъ домой съ разбитой головой и окровавленнымъ лицомъ.

Но хотя такой учебникъ и не возбудитъ любви къ предмету и даже вызоветъ неуваженіе къ нему, все-таки, однако, разучиваніе его заронитъ въ умѣ ученика нѣкоторыя представленія о ходѣ исторической жизни народовъ,—представленія, съ которыми многіе останутся на всю жизнь и которыя, слѣдовательно, будутъ отражаться и на ихъ дѣятельности.

Какія же это будутъ представленія? Весь ходъ жизни человѣчества представится рядомъ непрекращающихся войнъ, изложеніе которыхъ и составляетъ въ сущности все содержаніе такого рода учебниковъ, если не считать анекдотичныхъ эпизодовъ и попытокъ дать характеристики историческихъ личностей.

Такимъ образомъ, благодаря отсутствію въ учебникѣ — исторіи учреждений и идей, вся положительная сторона историческаго процесса, вся та трудная, многовѣковая работа, которая привела къ выработкѣ существующихъ теперь формъ государственнаго строя и къ приобрѣтенію того запаса идей, которыми живетъ человѣчество, зачеркивается, и учившійся по такому руководству вмѣсто правильнаго представленія о ходѣ культурной работы человѣчества вынесетъ вос-

помянутое только о непрекращающемся ряду войнъ и объ именахъ нѣкоторыхъ дѣйствовавшихъ въ нихъ лицъ.

Съ научной точки зрѣнія такое представленіе объ историческомъ процессѣ не выдерживаетъ никакой критики. Неужели же оно нужно съ педагогической точки зрѣнія? Если да, то приходится только пожалѣть то поколѣніе, которое воспитывается на основаніи такихъ педагогическихъ воззрѣній.

Объ общемъ значеніи историческаго образованія ¹⁾.

Н. И. Карѣва.

Я буду сегодня говорить вамъ объ общемъ значеніи историческаго образованія. У меня давно вошло въ обычай посвящать первую лекцію, читаемую мною студентамъ, только что вступившимъ въ университетъ, какому-либо общему вопросу изъ нашей науки: я и на этотъ разъ не думаю отступать отъ своего обычая. Въ подобныхъ вступительныхъ лекціяхъ я никогда не перестану повторять нѣкоторыя положенія, которыя и теперь желалъ бы запечатлѣть въ вашей памяти. Во-первыхъ, не забывайте, что учеными изъ университета выходятъ лишь немногіе, но что образованными должны выходить изъ него всѣ: разъ вы проникнетесь этою мыслью, вы, конечно, будете заботиться о своемъ общемъ образованіи. Не упускайте, далѣе, изъ виду, что и тѣ изъ васъ, которымъ суждено стать впоследствии учеными специалистами, не избавлены отъ обязанности имѣть широкое общее образованіе: отсюда мой совѣтъ—избѣгать слишкомъ ранней и крайней специализаціи, которая могла бы только повредить вашему общему образованію. Помните также всегда, что однимъ изъ наиболѣе общихъ образовательныхъ предметовъ является исторія, что на нашемъ факультетѣ, называемомъ историко-филологическимъ, изучаются науки, предполагающія вообще хорошее значеніе исторіи и даже сами составляющія лишь отдѣльныя части исторической науки, каковы исторія языка, литературы, искусства, философіи и религіи, что въ общей исторіи поэтому всѣ перечисленные предметы, такъ сказать, находятъ свой

¹⁾ Вступительная лекція 1893 г. въ общій курсъ новой исторіи (XVIII в.) для студентовъ младшихъ семестровъ историко-филологическаго факультета въ С.-Петербургскомъ университетѣ.

естественный центр и что вмѣстѣ съ тѣмъ, наконецъ, исторія представляетъ для нашего факультета общую почву съ факультетомъ юридическимъ, гдѣ преподаются исторія права, исторія политическихъ учреждений и ученій, исторія экономическихъ отношений и теорій, т.-е. все такія науки, съ основными понятіями коихъ студенты-филологи знакомятся главнымъ образомъ только на лекціяхъ общей исторіи. Ко всему этому я прибавлю, что, какъ предметъ общеобразовательный, сама исторія должна разсматриваться съ извѣстной точки зрѣнія. Именно, скажу коротко, она должна быть исторіей самого общества, т.-е. охватывать и культуру народа, и его социальныя формы и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть въ виду по возможности жизнь всего человѣчества: это то, что я буду называть культурно-соціальной исторіей и всемірно-исторической точкой зрѣнія. Въ концѣ всего, я хотѣлъ бы еще внушить вамъ ту мысль, что такое изученіе исторіи обогащаетъ умъ культурными и общественными идеями, заключающими въ себѣ принципы, коими жили и живутъ историческіе народы, и что лишь ища въ исторіи философскаго смысла, мы можемъ сдѣлать изъ ея изученія одно изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ для полученія отвѣтовъ на тѣ моральныя и общественныя вопросы, которые въ нашемъ возрастѣ имѣютъ особую притягательную силу. *Non scholae, sed vitae discimus*, и именно изученіе исторіи можетъ имѣть особенно важное значеніе для жизни какъ отдѣльнаго лица, такъ и цѣлаго общества. Вотъ эти-то положенія я никогда не перестану повторять въ своихъ вступительныхъ лекціяхъ, развивая одинъ разъ одно изъ нихъ, другой разъ другое. Все, что было мною сейчасъ сказано, было уже прежде мною изложено въ общей связи въ одной напечатанной лекціи, которую желающіе изъ васъ могутъ прочесть ¹⁾, если вы хотите знать, каково должно быть съ указанныхъ точекъ зрѣнія историческое преподаваніе и какое мѣсто должно принадлежать нашей наукѣ среди другихъ предметовъ факультетскаго обученія. Сегодня именно этихъ-то вопросовъ я и не буду касаться, чтобы имѣть время затронуть другую, болѣе широкую тему.—

У каждаго человѣка непременно есть извѣстное міросозерцаніе Оригинальнымъ оно бываетъ весьма рѣдко, ибо въ громадномъ большинствѣ случаевъ отдѣльная личность раздѣляетъ міросозерцаніе своего народа или того культурнаго слоя общества, того социальнаго класса, къ которому она принадлежитъ, или даже міросозерцаніе лишь извѣстнаго поколѣнія. Въ исторіи духовной жизни мы поэтому всегда встрѣчаемся съ нѣкоторыми общими идеями, съ нѣкоторыми господствующими направленіями, опредѣляющими собою внутренній міръ огромнаго большинства людей. Въ средніе вѣка, напр., преобладающею

¹⁾ Всеобщая исторія въ университетѣ (Историческое Обзорѣніе, III).

точкою зрѣнія была точка зрѣнія теологическая и теократическая: философія считалась служанкой богословія (*philosophia est ancilla theologiae*); вся этика вытекала изъ аскетическаго взгляда на жизнь; государство должно было подчиняться церкви,—и въ связи со всѣмъ этимъ лишь одно занятіе божественными предметами (*divina studia*) считалось пригоднымъ для человѣка. Къ концу среднихъ вѣковъ міросозерцаніе, характеризующееся господствомъ богословія вмѣстѣ съ аскетическими и теократическими стремленіями, стало уступать мѣсто новому міросозерцанію, когда на первый планъ сталъ выдвигаться интересъ ко всему чисто человѣческому (*humana studia*), столь характерный для эпохи такъ называемаго Возрожденія, когда новое культурное направленіе, получившее имя гуманизма, стало искать опоры для своихъ умственныхъ, нравственныхъ и общественныхъ стремленій въ изученіи классической древности съ ея чисто свѣтской цивилизаціей. Вы знаете, что за эпохой Возрожденія слѣдовала эпоха религіозной реформаціи—новый фазисъ въ общей исторіи міросозерцаній: это было опять время господства теологическихъ идей, но уже иныхъ въ сравненіи съ тѣми, которыя составляютъ содержаніе средневѣковаго католицизма, и Библия сдѣлалась такою-же опорой для реформаторовъ XVI вѣка, какою была для гуманистовъ XIV и XV столѣтій классическая древность. Если міросозерцанія какъ среднихъ вѣковъ, такъ и реформаціоннаго періода были богословскими по основнымъ своимъ точкамъ зрѣнія, то, наоборотъ, возобновленіемъ чисто свѣтскаго направленія культуры, которое зародилось въ гуманизмѣ, было такъ называемое „просвѣщеніе“ XVIII вѣка, когда господство надъ умами въ передовой части общества перешло къ идеямъ чисто философскимъ. Въ самомъ дѣлѣ, не даромъ же мы обозначаемъ совокупность культурныхъ идей прошлаго столѣтія именованъ „философіи XVIII вѣка“ и самый вѣкъ этотъ называемъ вѣкомъ философскимъ: это былъ героическій періодъ рационализма, эпоха наибольшей вѣры въ непогрѣшимость и творческія силы человѣческаго разума, когда думали, что въ одной чистой дѣятельности разума заключается возможность все объяснить и найти практическія указанія для всѣхъ сферъ человѣческой жизни, когда отвергалось все, что не оправдывалось съ точки зрѣнія отвлеченныхъ идей разума, и когда ничто не принималось на вѣру, если не считать исходнаго положенія всего міросозерцанія, т. е. только-что указанной вѣры въ разумъ.

Такъ мѣнялись основы міросозерцаній, кладущихъ свою печать на дѣлыя эпохи въ исторіи человѣчества. Наше время въ этомъ отношеніи также имѣетъ свои особенности, заслуживающія величайшаго вниманія. Цивилизація XIX вѣка въ общемъ представляетъ изъ себя естественное продолженіе свѣтскихъ культурныхъ движеній гу-

манизма и „просвѣщенія“ XVIII столѣтія, и тѣмъ не менѣе міросозерцаніе современнаго человѣка отличается и отъ гуманистическаго съ его классической опорой, и отъ просвѣтительнаго съ его чисто раціоналистической основой. Я не буду говорить здѣсь о томъ, какія пріобрѣтенія сдѣлала переходная мысль съ эпохи Возрожденія по настоящій день, концы и опредѣляются всѣ черты различія, существующія между гуманизмомъ XIV—XV вѣковъ и господствующимъ теперь общимъ культурнымъ направленіемъ, но для нашей темы именно важно выяснитъ, чѣмъ отличается въ своемъ міросозерцаніи XIX столѣтіе отъ „философскаго вѣка“ съ характеризующею его вѣрою въ могущество человѣческаго разума.

Вы знаете, что разумъ не есть единственный источникъ познанія, вы знаете, что въ этомъ дѣлѣ громадное значеніе принадлежитъ опыту и наблюденію. Вотъ ими-то, этими опытомъ и наблюденіемъ и пренебрегали или совсѣмъ не умѣли пользоваться философскій вѣкъ, имѣющій тѣмъ не менѣе весьма важное значеніе въ исторіи человѣческой мысли, и если многія основныя черты этого вѣка составляли прямо его силу, то именно самую слабую сторону его мы и должны видѣть въ отличающемъ его отсутствіи научнаго метода. Раціонализмъ прошлаго столѣтія не считался съ условіями дѣйствительности, и это было главнымъ источникомъ какъ ошибокъ, сдѣланныхъ людьми XVIII вѣка въ области мысли, такъ и тѣхъ разочарованій, которыя должны были рано или поздно постигнуть людей, слишкомъ мало придававшихъ значенія опыту и наблюденію. Въ частности этотъ основной недостатокъ „философіи XVIII в.“ проявлялся особенно въ маломъ знаніи исторіи. Можно сказать, что въ прошломъ столѣтіи почти не существовало исторической науки, сдѣлавшей вообще всѣ свои успѣхи, концы она можетъ теперь гордиться, лишь въ XIX вѣкѣ: фактовъ тогда извѣстно было сравнительно мало, методы были крайне несовершенны, а самое главное—не существовало такихъ общихъ идей, которыя вырабатываются только путемъ историческаго изученія и историческаго мышленія. Раціоналистическая философія XVIII в. даже прямо имѣла характеръ антиисторической: всему существующему и наблюдаемому въ дѣйствительности, т.-е. всему исторически сложившемуся и заключающему въ себѣ массу пережитого опыта она противопоставляла свои отвлеченныя идеи и построенія, добытыя чистою дѣятельностью разума, и мало того—однѣ свои отвлеченности принимала за разумное, отождествляя вдобавокъ разумное съ естественнымъ, какъ это было въ случаяхъ „естественной“ религіи, „естественнаго“ права, „естественнаго“ (экономическаго) порядка и т. п., которые противопоставлялись исторически-сложившимся культурнымъ и социальнымъ формамъ. Въ этихъ формахъ было много, даже черезъ-чуръ, пожалуй, много дурнаго, и развитіе

философскихъ идей прошлаго вѣка въ практическомъ отношеніи имѣло весьма благотворныя послѣдствія, ибо въ нихъ содержались высокіе нравственные и общественные идеалы, ибо ими нагѣчались новыя цѣли для исторической дѣятельности правительствъ и народовъ, ибо, наконецъ, подъ ихъ вліяніемъ совершились многія реформы, сдѣлавшія соціальныи и политическій строй передовыхъ націй болѣе совершеннымъ и справедливымъ, но при всемъ этомъ въ отношеніи рационализма прошлаго вѣка къ дѣйствительности было и много ошибочнаго, оказавшагося впоследствии прямо вреднымъ. Недостаточно предъявить жизни извѣстные идеалы, нужно еще знать условія, при которыхъ ихъ приходится осуществлять; недостаточно также поставить тѣ или другія цѣли, нужно сверхъ того имѣть вѣрный взглядъ на средства, ведущія къ ихъ осуществленію, а потому практическое дѣло реформъ нуждается всегда въ теоретическомъ изученіи данныхъ опыта, въ умѣннн наблюдать дѣйствительность, въ постоянномъ обращеніи къ указаніямъ исторіи. Правда, и тутъ бываетъ своего рода опасность, если, напр., уваженіе къ даннымъ опыта и наблюденія превращается въ рабство передъ существующимъ фактомъ, а исключительное вниманіе къ тому, что выработано исторіей, влечетъ за собою консерватизмъ, не идущій ни на какія сдѣлки ни съ требованиями современности, ни еще болѣе съ тѣмъ, чего требуютъ принципы истины и справедливости и чаянія лучшаго будущаго; но не нужно забывать, что рядомъ съ фактомъ всегда будетъ существовать идея, которая никогда не дастъ факту сдѣлаться единственнымъ господиномъ мысли, и что уваженіе къ прошлому никогда не будетъ въ состояніи задержать прогрессивное движеніе общества, вытекающее изъ новыхъ потребностей и новыхъ идей, которыя сами суть только порожденіе исторіи. Заслуга XIX вѣка въ томъ и заключается, что, выросши на основѣ общихъ стремленій предшествующаго столѣтія, онъ внесъ именно историческое пониманіе въ область вопросовъ, которые въ XVIII вѣкѣ рѣшались исключительно съ рационалистической точки зрѣнія. То, чѣмъ были классики для гуманистовъ, чѣмъ стала Библия для религіозныхъ реформаторовъ, или что представляла собою дѣятельность разума для просвѣтителей XVIII в.,— все это для мыслителей нашего времени дается исторической наукой. XIX вѣкъ сдѣлался, можно сказать, вѣкомъ исторіи, какъ XVIII былъ вѣкомъ философскимъ, ибо никогда раньше вообще не существовало такого сильнаго историческаго интереса, какъ въ послѣднія сто лѣтъ. Никогда, въ самомъ дѣлѣ не было столь большого интереса къ прошлому: объ этомъ свидѣлствуютъ одна масса отысканнаго и накопленнаго фактическаго матеріала и множество историческихъ работъ, благодаря которымъ мы знаемъ прошлое родной страны, всей Европы и цѣлаго чело- вѣчества лучше, чѣмъ когда бы то ни было и гдѣ бы то ни было

знали это прошлое. Никогда, дажѣ, до такой степени историческая точка зрѣнія не проникала въ изученіе разныхъ сферъ культурной и соціальной жизни, какъ опять таки въ наше время: въ XVIII в., напр., языкъ, литература, искусство, право, народное хозяйство, изучались, какъ своего рода неизвѣстныя системы выраженія мысли, поэтического и художественнаго творчества, юридическихъ нормъ и экономическихъ отношеній, и только XIX столѣтіе создало исторію языка, создало исторію литературы, исторію искусства, исторію права, исторію народнаго хозяйства. Выѣстъ съ этимъ въ XIX же вѣкѣ расширилось самое понятіе исторіи, благодаря тому, что содержаніе науки стали составлять и такія категории жизненныхъ явленій, которыя раньше никогда не составляли прямого предмета историческихъ занятій. Съ другой стороны, въ истекающемъ столѣтіи успѣшно совершалась выработка методовъ исторической науки: укажу въ частности на критическое отношеніе къ историческимъ источникамъ, являющееся въ настоящее время самымъ элементарнымъ требованіемъ научности; вообще же укажу на научный духъ, коимъ стали проникаться историческія работы, благодаря чему исторія все менѣе и менѣе играетъ роль простой служанки публицистики, какою она была большею частью еще въ XVIII в. Ограничиваюсь этими двумя указаніями, да и то безъ дальнѣйшихъ развитій, чтобы не уклоняться отъ главной своей темы.

Да, этотъ интересъ къ прошлому, эта историческая точка зрѣнія въ изученіи разныхъ сферъ культурной и соціальной жизни, это внесеніе научнаго духа въ историческія изслѣдованія, на самомъ дѣлѣ представляетъ собою важныя пріобрѣтенія XIX в., сильно вліяющія и на общій характеръ современнаго міросозерцанія. Было бы, конечно слишкомъ долго выяснять, благодаря какимъ условіямъ антиисторическій рационализмъ XVIII в. уступилъ мѣсто исторической точкѣ зрѣнія, установленной въ XIX в., но нельзя не упомянуть, что въ этомъ процессѣ известная доля вліянія принадлежитъ успѣхамъ естествознанія, которыя побуждали многихъ вносить научный духъ, получившій полное господство въ этой области, и въ ту область, гдѣ раньше иногда господствовала одна публицистика. Въ этомъ стремленіи приблизить исторію къ естественнымъ наукамъ было, правда, много увлеченій, не оправдавшихъ надеждъ, какія возлагались на новыя взгляды; но увлеченія эти отпали, осталось же самое важное, осталось — стремленіе къ научности, остался научный духъ. Между прочимъ, вліяніе успѣховъ, сдѣланныхъ естествознапцемъ, сказалось въ попыткахъ создать соціальную физику, т.-е. такую науку объ обществѣ и его исторіи, которая имѣла бы весь обликъ чисто положительной науки. Такая наука — социологія — мало-по-малу и создается, причѣмъ

широко пользуется данными опыта и наблюдений, захватывая не один исторический, но и этнографический материал—до быта дикарей включительно—и применяя къ его научной обработкѣ сравнительный методъ.

Историческому отношенію къ міру мысли и жизни, которое отличаетъ новѣйшую философію и науку, соответствуетъ и новая основная идея, характеризующая всѣ частныя міросозерцанія современной эпохи. Жизнь общества, изучаемая историческою наукою, не представляетъ изъ себя простой смѣны явленій, при которой нѣтъ ничего новаго подъ луною: въ этой жизни наблюдается, напротивъ того, извѣстное движеніе впередъ, наблюдается прогрессъ, наблюдается развитіе, и вотъ эта-та идея развитія—въ смыслѣ ли безразличной эволюціи все новыхъ и новыхъ формъ или въ смыслѣ усовершенствованія человѣческой жизни—сдѣлалась одною изъ главныхъ философскихъ идей XIX в., хотя начало ея и нужно относить къ срединѣ XVIII столѣтія. Въ сущности рационализмъ прошлаго вѣка стоялъ на точкѣ зрѣнія неизмѣнныхъ идей и неподвижнаго бытія, и то естественное, которое принималось имъ и за разумное, представлялось съ этой точки зрѣнія, какъ нѣчто такое, что существуетъ внѣ условій мѣста и времени, и только въ XIX в. міръ былъ понятъ, какъ вѣчное измѣненіе, вѣчное движеніе впередъ къ новымъ формамъ, вѣчное развитіе, что особенно рельефно отразилось на общемъ характерѣ философіи нашего вѣка. Платонъ, различавшій міръ явленій (феноменовъ) и міръ сущностей (нуменовъ) и полагавшій, что первыя суть лишь несовершенныя копии послѣднихъ, ихъ протопиповъ, или идей, представлялъ себѣ свой міръ истинно сущаго, какъ неподвижное и неизмѣнное бытіе, а философія XIX в., наоборотъ, поняла вселенную, какъ нѣчто движущееся, измѣняющееся, развивающееся, возьмемъ ли мы идеалистическую концепцію міра Гегеля, или реалистическую—Спенсера. Эта общая идея, могущая быть выраженной самыми различными способами, получила въ XIX вѣкѣ немало и частныхъ примененій. Самое видное изъ нихъ то, которое переноситъ на исторію понятіе органическаго развитія. Уже въ началѣ истекающаго столѣтія явились теоріи, по которымъ языкъ, право, государство развиваются въ своей исторіи, совершенно такъ же, какъ организмы, а не остаются неизмѣнными системами, обязанными своимъ происхожденіемъ извѣстнымъ творческимъ актамъ, и хотя отсюда нерѣдко дѣлались невѣрные выводы, особенно выводы частнаго характера, общее заключеніе остается глубоко вѣрнымъ: общество есть нѣчто развивающееся, а потому исторія общества есть исторія его развитія. Мало того: идея развитія въ XIX в. была приложена и къ міру физическому. Говоря это, я въ особенности имѣю въ виду биологическое ученіе, по которому совре-

менные животные и растительные виды не сразу явились такими, какими мы их наблюдаемъ, а были результатомъ долгаго развитія высшихъ органическихъ формъ изъ низшихъ. Такимъ образомъ одна и та же идея, которая стала примѣняться одинаково и къ міру исторіи, и къ міру природы (вспомнимъ еще старую канто-лапласовскую теорію постепеннаго образованія солнечной системы), стала въ XIX в. господствовать и въ общей философіи, понявшей міръ, какъ одно развивающееся цѣлое, и въ частныхъ наукахъ, начавшихъ относиться къ своимъ объектамъ не какъ къ неподвижнымъ сущностямъ, а какъ къ развивающимся формамъ неорганическаго и органическаго, духовнаго и общественнаго бытія; но это значитъ лишь то, что историческая точка зрѣнія проникла въ настоящее время во всѣ сферы мысли, ибо идея развитія есть по преимуществу идея историческая: развитіе и исторія—синонимы.

Я по необходимости долженъ былъ сократить изложеніе, цѣлью котораго было представить вамъ важность исторической точки зрѣнія въ наукѣ и философіи XIX в. Будь въ моемъ распоряженіи больше времени, я могъ бы дополнить это изложеніе еще нѣкоторыми указаніями на то, что въ наше время и вопросы самой жизни, особенно вопросы общественные, все болѣе и болѣе рѣшаются путемъ историческаго изученія соответственныхъ явленій. Если бы моей главной темой было выясненіе важности—въ теоретическомъ и практическомъ отношеніяхъ—исторической точки зрѣнія, я остановился бы подробнѣе на всѣхъ намѣченныхъ мною пунктахъ, но и сказаннаго, полагаю, довольно будетъ для того, чтобы вы увидѣли, какое важное значеніе въ общемъ образованіи,—посредствомъ коего только и можно овладѣть современнымъ міросозерцаніемъ,—должно принадлежать историческому знанію, разъ историческая точка зрѣнія въ настоящее время играетъ такую важную роль и въ философіи, и во всѣхъ наукахъ, изучающихъ міръ дѣйствительности въ разныхъ его областяхъ и проявленіяхъ. Попробуемъ же теперь опредѣлить содержаніе общаго историческаго образованія.

Когда мы говоримъ объ историческомъ образованіи, мы прежде всего имѣемъ въ виду извѣстнаго рода *фактическія знанія*. Сами по себѣ факты еще не образуютъ науки: они составляютъ лишь ея матеріалъ, который наукою классифицируется, комбинируется, объясняется и т. д., въ результатъ чего получаютъ общія понятія и идеи, отдѣльныя формулы и цѣлыя системы. У исторіи, какъ и у всякой другой науки, кромѣ факческаго матеріала, есть еще свои собственные приемы обработки этого матеріала, т.-е. свои *научныя методы* и есть равнымъ образомъ свои *общія идеи*. Обладаніе извѣстнымъ фактическимъ и идейнымъ содержаніемъ и пользованіе извѣст-

ными приемами мысли и составляют общее историческое образование. Чѣмъ болѣе фактовъ знаетъ человѣкъ, тѣмъ онъ ученѣе, но есть нѣкоторый запасъ фактическихъ знаній, который долженъ имѣть каждый образованный человѣкъ. Ученые историки сами могутъ специализироваться въ разныхъ отдѣлахъ науки, выбирая предметомъ своихъ занятій тотъ или другой народъ, ту или другую эпоху, ту или другую сторону культурной и соціальной жизни, но и они должны имѣть всѣ нѣкоторую общую основу, составляющую, такъ сказать, только высшую степенъ общаго историческаго образования. Вотъ намъ и нужно главнымъ образомъ опредѣлить теперь, какого рода фактическія знанія прежде всего требуются самой идеей общаго историческаго образования. Не слѣдуетъ, далѣе, думать, будто приемами историческаго мышленія должны обладать исключительно одни ученые: научное мышленіе вообще можетъ примѣняться не только въ дѣлѣ ученаго изслѣдованія или построенія, но и во всѣхъ случаяхъ сужденія объ явленіяхъ жизни, т.-е. всякій разъ, когда только приходится вообще такъ или иначе относиться къ фактамъ, представляемымъ окружающею дѣйствительностью. Чтобы правильно поступать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, нужно правильно о немъ судить, правильное же сужденіе вообще развивается посредствомъ упражненія въ научныхъ приемахъ мысли, воспринимавшихъ и дисциплинирующихъ нашъ умъ. То прошлое, которое изучается исторической наукой, и то настоящее, о которомъ намъ всѣмъ постоянно приходится составлять себѣ извѣстнаго рода мнѣнія, относятся вѣдь къ одной и той же категоріи явленій, а потому человѣкъ, привыкшій пользоваться приемами научнаго историческаго мышленія, и о фактахъ современной жизни будетъ судить правильнѣе, чѣмъ человѣкъ, не получившій необходимой дисциплины ума, сообщаемой историческимъ образованиемъ. Я затрогиваю здѣсь, впрочемъ, вопросъ, о которомъ, къ сожалѣнію, не могу теперь распространяться по его сложности: коснувшись его, я хотѣлъ только подчеркнуть то общее положеніе, что историческое образование заключается не въ одномъ усвоеніи извѣстнаго запаса фактическихъ знаній, но и въ приобрѣтеніи извѣстныхъ навыковъ мысли, въ приобрѣтеніи умѣнія относиться къ окружающей жизни научнымъ образомъ. Мы видѣли, наконецъ, что историческое образование предполагаетъ, кромѣ обладанія извѣстнымъ фактическимъ содержаніемъ и нѣкоторыми приемами мышленія, еще обладаніе и извѣстными идеями. Вообще можно сказать, что чѣмъ больше, чѣмъ шире и чѣмъ богаче содержаніемъ тотъ кругъ идей, который человѣкъ способенъ охватить и понять, тѣмъ болѣе человѣкъ этотъ имѣетъ правъ на названіе человѣка образованнаго. Ученость, состоящая преимущественно въ большомъ фактическомъ знаніи, и образованность, заключающаяся именно въ способности понимать большое количество идей,

могутъ иногда находиться между собою въ отношеніи обратномъ: много знающій можетъ оказаться мало понимающимъ и, наоборотъ, способный много понимать весьма часто уступаетъ въ знаніяхъ лицамъ, меньше его понимающимъ. Если историческое образованіе прежде всего, какъ было сказано, предполагаетъ извѣстный запасъ фактическихъ знаній, а съ другой стороны если всякое образованіе вообще состоитъ въ усвоеніи извѣстнаго идейнаго содержанія, нетрудно сдѣлать отсюда тотъ выводъ, что въ дѣлѣ историческаго образованія—въ его отличіи отъ исторической учености—особую важность имѣютъ фактическія данныя, которыя наиболѣе тѣснымъ образомъ связаны съ идеями, входящими въ содержаніе исторической науки.

Исторія слишкомъ обширна для того, чтобы можно было одному человѣку знать всѣ ея факты. Сами ученые дѣлать всю эту громадную область знанія на сравнительно небольшіе уголки, въ которыхъ и специализируются, стремясь по возможности вдоль и поперекъ изслѣдовать каждый уголокъ, игнорируя другіе, иногда даже наиболѣе близкіе уголки. Тѣмъ болѣе приходится дѣлать выборъ среди неизмѣрнаго запаса историческихъ фактовъ для цѣлей общаго образованія. Каждая эпоха производила этотъ выборъ по-своему въ связи съ общими господствующими интересами и въ связи съ пониманіемъ существеннаго содержанія самой исторической науки. Было время, когда почти все вниманіе историковъ сосредоточивалось на разнаго рода громкихъ событіяхъ, особенно на международной политикѣ и въ частности на войнахъ („histoire-bataille“), вообще же говоря, на томъ, что у грековъ называлось *τὰ κρῆματα*, у римлянъ—*res gestae*, у насъ въ старину дѣянїями, какъ и до сихъ поръ у поляковъ и чеховъ исторія обозначается словами „*dzieje*“ и „*dějiny*“. Исторія, имѣвшая такой исключительно прагматическій характеръ, понятой, какъ исторія виѣшняя, впоследствии стала противопоставляться исторіи внутренней, культурная и социальная, имѣющая своимъ содержаніемъ, не событія, а бытъ, т.-е. матеріальную и духовную жизнь народа, его политическія, юридическія и экономическія отношенія. Отдѣльныя стороны этого быта разрабатываются спеціальными науками въ родѣ исторіи литературы или исторіи права, но рядомъ съ ними, конечно, должна существовать и общая культурно-социальная исторія и притомъ не какъ сумма спеціальныхъ исторій религіи, литературы, искусства, права, народнаго хозяйства и т. п., а какъ единая и цѣльная наука, имѣющая своимъ предметомъ особое конкретное бытіе—общество во всѣхъ сторонахъ его быта. Такая общая культурно-социальная исторія сводится главнымъ образомъ къ исторіи идей и учреждений, характеризующихъ каждое данное общество въ отдѣльности, (относя къ категоріямъ идей его религію, философію, этику, политическія воззрѣнія и науку съ ихъ отраженіемъ

въ литературѣ и искусствѣ и разумѣя подѣ общимъ понятіемъ учреждений политическія, юридическія и экономическія отношенія общества, т.-е. всѣ стороны быта, изученіе коихъ въ нашихъ университетахъ подѣлено между историко-филологическимъ и юридическимъ факультетами). Само-собой разумѣется, что изъ всѣхъ фактическихъ данныхъ исторической науки наиболѣе общеобразовательный характеръ—въ смыслѣ сдѣланнаго выше указанія—имѣютъ идеи, проявляющіяся въ религіи, философіи, наукѣ, литературѣ, искусствѣ разныхъ народовъ, а вмѣстѣ съ ними учрежденія, или вообще разныя социальныя отношенія, т.-е. формы государственнаго, правового и хозяйственнаго быта народовъ, существующія не только, какъ извѣстные объективные порядки, но и какъ принципы въ сознаніи самихъ народовъ, и приводящіяся опять-таки къ идеямъ въ мыслящемъ умѣ посторонняго наблюдателя. Вотъ почему съ точки зрѣнія требованій общаго образованія, не касаясь другихъ сторонъ дѣла, мы должны отдать предпочтеніе культурно-соціальной исторіи передъ прагматическою, которая сама получаетъ весь свой интересъ — опять-же съ указанной точки зрѣнія — лишь въ связи съ исторіей культурно-соціальной. Если отвлечься отъ того драматическаго интереса, который присущъ великому множеству историческихъ событій, интереса часто болѣе художественнаго, чѣмъ научнаго, болѣе психологическаго, чѣмъ историческаго,—событія лишь тогда способны привлекать къ себѣ наше вниманіе, когда оказываютъ вліяніе на культурную и социальную жизнь общества, на движеніе его идей, на измѣненіе его учреждений и постольку являюся не простыми фактами, лишенными внутренняго, духовнаго содержанія, но именно такими событіями, которыя соприкасаются съ тѣмъ, что мы можемъ назвать идейною, т. е. наиболѣе общеобразовательною стороною исторической науки. Обыкновенно такіа событія для своего объясненія сами нуждаются въ анализѣ вызвавшихъ ихъ стремленій и отношеній, въ пониманіи культурныхъ идей и социальныхъ учреждений, лежавшихъ въ основѣ этихъ стремленій и отношеній. При указанной точкѣ зрѣнія, которую мы можемъ назвать социологическою, изученіе исторіи пріучаетъ нашъ умъ при всѣхъ сужденіяхъ и о современныхъ намъ событіяхъ или объ окружающихъ насъ культурно-социальныхъ формахъ имѣть въ виду все общество, схватывать взаимоотношенія совершающихся въ немъ фактовъ и характеризующихъ его явленій и понимать способъ происхожденія всѣхъ этихъ фактовъ и явленій. Особенно же пѣли общаго образованія требуютъ, чтобы такая исторія какъ можно болѣе имѣла въ виду живущаго въ обществѣ человѣка, въ которомъ и чрезъ котораго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для котораго — существуютъ разныя стороны культурнаго и социальнаго быта, характеризующаго отдѣльные народы.

Исторія, какъ наука общеобразовательная, должна именно стремиться къ тому, чтобы не только не терять изъ виду самого общества за отдѣльными сторонами его быта, но и не забывать того, что само общество складывается изъ отдѣльныхъ личностей, которыя однѣ только и являются въ исторіи существами мыслящими, чувствующими, желающими, стремящимися и дѣйствующими, въ которыхъ и при посредствѣ которыхъ только и могутъ имѣть реальное бытіе изучаемыя нами культурныя и соціальныя формы, опредѣляющія собою притомъ благополучіе и неблагополучіе этихъ существъ. Все, что имѣетъ ближайшее отношеніе къ внутреннему міру человѣческой личности и къ ея внѣшнему положенію въ обществѣ, должно поэтому особенно выдвигаться на первый планъ въ исторіи, какъ предметъ общеобразовательномъ, ибо большая часть тѣхъ общихъ идей, которыя сближаютъ ее съ жизнью отдѣльнаго лица и дѣлаго общества, касается именно внутренняго, духовнаго міра и внѣшняго, общественнаго положенія человѣческой личности. Если соціологическая точка зрѣнія, опредѣленіе коей было сдѣлано выше, есть точка зрѣнія, многими принимаемая за научную по преимуществу, то во всякомъ случаѣ, особенно же когда рѣчь заходить объ общемъ образованіи, она не можетъ не быть вмѣстѣ съ тѣмъ и точкой зрѣнія гуманной, общечеловѣческой, а разъ это такъ, то и всемірно-исторической. Дѣло въ томъ, что интересъ къ человѣческой личности, какъ къ таковой, заставляетъ насъ слѣдить за ея историческими судьбами въ жизни всего человѣчества, поскольку эти судьбы были различны у разныхъ народовъ, въ разные эпохи, на разныхъ ступеняхъ развитія, въ то самое время, какъ, кромѣ того взаимодѣйствія между отдѣльными обществами и культурная преемственность народовъ образуютъ изъ суммы отдѣльныхъ частныхъ исторій единую и общую исторію человѣчества.

Вотъ именно-то внесеніемъ въ нашу науку соціологической, гуманитарной и всемірно-исторической точекъ зрѣнія, съ одной стороны, наиболѣе придается ей характеръ общеобразовательнаго предмета знанія, а съ другой—опредѣляется содержаніе того фактическаго матеріала и тѣхъ идей, которыя наиболѣе соответствуютъ самой сущности общаго историческаго образованія. Такъ дѣло представляется теоретически вообще, но рядомъ съ этимъ существуютъ еще извѣстныя жизненныя требованія, вносящія нѣкоторыя дополненія къ высказанному взгляду. Съ соціологической, гуманитарной и универсальной точекъ зрѣнія не всѣ стороны культурной и соціальной жизни, не всѣ эпохи и не всѣ народы, разумѣется, имѣютъ одинаковое значеніе, но то же самое можно сказать и относительно жизненныхъ требованій отъ общаго образованія. Внутренній міръ личности опредѣляется, напр., болѣе содержаніемъ ея мысли, чѣмъ формою ея рѣчи, а внѣшнее положе-

ніе личности въ обществѣ—болѣе ея принадлежностью къ извѣстному соціальному классу, чѣмъ ея внутреннимъ міромъ, или, напр., исторія грековъ имѣеть болѣе важное значеніе, чѣмъ исторія лидійцевъ или фригійцевъ, и все это, конечно, съ той или другой теоретической точки зрѣнія, но разъ общее историческое образованіе, какъ и вообще всякое образованіе, должно служить еще цѣлямъ и потребностямъ жизни, нельзя упускать изъ виду и того, что и для послѣдней также не всѣ историческія знанія одинаково бываютъ цѣнны. Мы не будемъ далеки отъ истины, если скажемъ, что близость къ намъ исторіи тѣхъ или другихъ народовъ и эпохъ тоже опредѣляетъ количество общеобразовательныхъ элементовъ въ фактическомъ и идейномъ содержаніи науки. Понятно, что съ такой точки зрѣнія, напр., отечественная исторія важнѣе иностранной, европейская важнѣе азіатской или африканской, новая и новѣйшая важнѣе средневѣковой и древней — важнѣе именно для образованныхъ читателей, наблюдателей, дѣятелей данной страны и данного времени, а не для просвѣщенныхъ людей вообще, которыми не должны переставать быть гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было всѣ образованные читатели, наблюдатели и дѣятели. Какъ бы то ни было, весьма естественно, что въ общемъ историческомъ преподаваніи нашихъ университетовъ изученію родного прошлаго отводится почетное мѣсто, но нельзя не пожалѣть, что новѣйшая исторія, т.-е. исторія столѣтія, подходящаго нынѣ къ концу, находится у насъ въ пренебреженіи, хотя именно она-то и можетъ особенно имѣть общеобразовательный характеръ и по соціологическому, гуманитарному и универсальному своему значенію, не подлежащему, конечно, ни малѣйшему сомнѣнію, и по своей хронологической къ намъ близости, какъ наименѣе далекое прошлое, наиболѣе поэтому объясняющее современность и тѣмъ самымъ одно только могущее дать намъ ея правильное пониманіе. Пусть новѣйшая исторія въ настоящее время не можетъ еще быть предметомъ научнаго изслѣдованія въ такой же мѣрѣ, какъ болѣе отдаленные и, какъ говорится, уже завершившіеся, законченные періоды исторіи, но не въ этомъ заключается препятствіе къ тому, чтобы сужденіе о ближайшемъ прошломъ совершалось въ научномъ духѣ, т.-е. на основаніи правильныхъ приемовъ историческаго мышленія, выработанныхъ на изученіи болѣе отдаленныхъ эпохъ: если одна изъ задачъ историческаго образованія состоитъ въ сообщеніи лицу привычки извѣстнымъ образомъ относиться къ современной дѣйствительности, то наилучшимъ образомъ можно этого достигнуть лишь при такомъ условіи, чтобы между изученіемъ прошлаго и сужденіемъ о настоящемъ не было того разрыва, который существуетъ, благодаря недостаточному знанію новѣйшей исторіи. Извиняюсь за это небольшое отступленіе, вызванное вопросомъ объ общеобразовательномъ значеніи исторіи но-

вѣйшаго времени, но это отчасти относится къ затронутой выше темѣ о значеніи историческаго образованія для выработки научнаго отношенія къ современности. Въ самомъ дѣлѣ, современность, во-первыхъ, не должна быть оторвана отъ прошлаго, что необходимо происходитъ, разъ изученіе послѣдняго останавливается на историческомъ моментѣ, не особенно уже къ намъ близкомъ, въ родѣ, напр., французской революціи или вѣнскаго конгресса, а во-вторыхъ, лишь изучая новѣйшую исторію съ тѣми научными приѣмами, которые выработаны при изслѣдованіи болѣе отдаленныхъ событій и эпохъ, мы могли бы особенно хорошо подготовить себя къ тому, чтобы,—въ смыслѣ примѣненія научнаго метода, который въ данномъ случаѣ есть методъ историческій,—не дѣлать никакого различія между фактами далекаго и близкаго прошлаго, между фактами прошлаго вообще и фактами настоящаго, сохраняя, разумѣется, за собою право оцѣнивать ихъ съ точки зрѣнія морали, политики и историческаго прогресса и ставить своей дѣятельности тѣ или другія общія цѣли. Чѣмъ болѣе будетъ развиваться и совершенствоваться историческое образованіе, тѣмъ болѣе научный духъ вообще и въ частности историческій методъ будутъ руководить нами при составленіи сужденій о ближайшемъ прошломъ, и чѣмъ болѣе это ближайшее прошлое будетъ изучаться нами при помощи приѣмовъ, характеризующихъ историческое изслѣдованіе, тѣмъ болѣе мы будемъ научаться вносить тотъ же научный духъ и тѣ же приѣмы мысли въ наше субъективное отношеніе къ современной дѣйствительности.

Вернемся, однако, къ нашей главной темѣ. Я уже сказалъ, что всякое общее образованіе по самому существу своему должно быть идейно. Содержаніемъ идей могутъ быть общіе вопросы о бытіи и знаніи, объ окружающей насъ внѣшней природѣ, о человѣкѣ, его внутреннемъ мірѣ и его общественной, но главные идеи, касающіяся именно человѣка съ его культурными и социальными отношеніями, тверже всего основываются именно на историческомъ знаніи и лучше всего усваиваются именно путемъ историческаго изученія. Въ прошломъ столѣтіи моральныя и политическія идеи разрабатывались и воспринимались совершенно отвлеченно, какъ нѣчто существующее внѣ времени и пространства, но XIX вѣкъ сталъ понимать ихъ въ ихъ историческомъ развитіи и познавать ихъ въ ихъ историческомъ происхожденіи. Въ настоящее время этимъ дѣломъ занимаются спеціальныя дисциплины, имѣющія своею цѣлью представить эволюцію идей религіозныхъ и философскихъ, моральныхъ и социальныхъ и т. п. Замѣчу между прочимъ, что отдѣльные предметы, преподаваемые на нашемъ факультетѣ,—кромѣ тѣхъ, конечно, которые имѣютъ въ виду не то или другое духовное содержаніе, а извѣстныя внѣшнія формы,—являются въ сущности спеціальными историческими дисциплинами, между которыми подѣлено

изученіе духовной культуры и образующихъ ее идей. Общая исторія у насъ должна была бы быть повтому центромъ всѣхъ этихъ дисциплинъ, восполняя вѣстѣ съ тѣмъ одинъ существенный недостатокъ преподаванія на нашемъ факультетѣ: такъ какъ у насъ не преподаются ни общая теорія права, ни общая политика, ни политическая экономія, студентамъ нашего факультета приходится знакомиться съ юридическими, политическими и экономическими понятіями только изъ исторіи. Но вѣдь и у юристовъ, коиимъ преподаются названные предметы, главныя идеи соответственныхъ категорій равнымъ образомъ получаютъ историческое освѣщеніе. Въ сущности это лишь два разныхъ, хотя и одинаково историческихъ способа разработкы и усвоенія культурныхъ и соціальныхъ идей. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ преимуществѣ исторической точки зрѣнія передъ совершенно отвлеченной. Идей, каково бы ни было ихъ содержаніе, не имѣютъ самостоятельнаго бытія внѣ человѣческаго сознанія, послѣднее же подлежитъ нашему наблюденію въ данныхъ исторической науки, которая свидѣтельствуетъ намъ лишь о томъ, что всѣ идеи, двигавшія исторію, сами порождались тою же историческою жизнью: понять всесторонне такую или иную идею значитъ между прочимъ постигнуть ея историческое происхожденіе, какъ слѣдствія извѣстныхъ культурныхъ и соціальныхъ причинъ, и оцѣнить ея историческую роль, какъ фактора, участвовавшаго въ созданіи тѣхъ или другихъ чертъ въ духовной или общественной жизни народовъ. Идеи нельзя вообще отрывать отъ породившей ихъ жизни ни въ смыслѣ полнаго игнорированія ихъ историческаго происхожденія и значенія, ни въ смыслѣ совершеннаго разобщенія ихъ между собою, какъ составныхъ частей цѣлыхъ міросозерцаній. Я далекъ отъ того, чтобы утверждать, будто рядомъ съ историческимъ изученіемъ не должно вовсе существовать и другого, чисто теоретическаго или принципиальнаго къ нимъ отношенія, ибо одна историческая точка зрѣнія сама по себѣ была бы большою односторонностью, и совершенно такъ же я далекъ отъ той мысли, чтобы ни подъ какимъ видомъ не допускать изученія отдѣльныхъ идей (или ихъ категорій) помимо той связи, въ какой онѣ находятся съ другими идеями. Если даже, однако, всякое болѣе глубокое изученіе требуетъ выдѣленія извѣстнаго явленія или понятія, обособленія ихъ отъ всѣхъ смежныхъ или родственныхъ явленій и понятій, то болѣшая широта взгляда достигается именно только тогда, когда мы схватываемъ взаимоотношеніе, существующее въ дѣйствительности между отдѣльными идеями и ихъ различными категоріями. То же можно сказать и относительно изученія учрежденій въ широкомъ смыслѣ этого слова: потребность въ углубленіи знаній создала отдѣльныя политическія, юридическія и экономическія дисциплины, но широта общаго взгляда на общество достижима лишь

подъ тѣмъ условіемъ, чтобы были достигнуты взаимныя отношенія государства, права и народнаго хозяйства. Еще бѣльшая широта взгляда на общество должна получиться тогда, когда понято будетъ не только взаимное отношеніе между государствомъ, правомъ и народнымъ хозяйствомъ, не только взаимное отношеніе между политическими, юридическими и экономическими формами и идеями соответственныхъ категорій, но и то отношеніе, въ какомъ находятся между собою сами социальныя формы и социальныя идеи къ идеямъ культурнымъ, т. е. къ религіи, философіи, морали. Замѣчу вскользь, что однимъ изъ недостатковъ существующаго преподаванія на нашихъ юридическихъ факультетахъ и является отсутствіе въ ихъ программахъ общихъ курсовъ исторіи, въ которыхъ культурное содержаніе могло бы получить большее или меньшее развитіе: если студента-филолога только исторія знакомитъ съ социальной стороной жизни человѣчества, съ государствомъ, правомъ, народнымъ хозяйствомъ, то студентовъ-юристовъ опять-таки лишь она могла бы знакомить съ культурною стороною этой жизни— съ религіей, философіей, моралью, литературой, искусствомъ.

Становясь на историческую точку зрѣнія при изученіи культурныхъ идей, равно какъ и тѣхъ принциповъ, которые лежатъ въ основѣ социальныхъ формъ, весьма легко впасть въ узкій націонализмъ, если эта точка зрѣнія не будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ социологической, гуманитарной и универсальной. Отвлеченная философія XVIII вѣка имѣла и свои сильныя стороны, и между ними для насъ важное значеніе имѣетъ то обстоятельство, что она возвышалась до общихъ идей общества, человѣческой личности и всего человѣчества. Въ эпоху наибѣльшей сильной реакціи противъ идей и методовъ XVIII в. историческая точка зрѣнія получала характеръ нерѣдко націоналистическаго и вмѣстѣ съ тѣмъ консервативнаго направленія, неособенно благосклоннаго къ тому, что XVIII вѣкъ провозгласилъ, какъ права человѣка и гражданина, т. е. къ требованіямъ развитой человѣческой личности. Не нужно однако, думать, что сама по себѣ историческая точка зрѣнія должна приводить къ такому результату: по существу дѣла она есть лишь извѣстный методъ, отнюдь еще не обуславливающій субъективнаго отношенія нашего къ общественнымъ вопросамъ, къ правамъ и интересамъ личности, къ національнымъ различіямъ, существующимъ въ человѣчествѣ. Если рационализмъ XVIII в. пренебрегалъ всѣмъ исторически-сложившимся лишь потому, что оно было именно такого происхожденія, и если это было дурно, то не менѣе заслуживаетъ порицанія и обратное отношеніе къ прошлому, т. е. безусловное уваженіе къ тому, что создано исторіей, и именно на томъ лишь основаніи, что оно было создано исторіей. Прошлому столѣтію, далѣе, ставятъ въ упрекъ его отвлеченное отношеніе къ человѣчеству, въ силу кото-

раго „философія“ тогдaшнaгo вpeмeнa нe пpинимaлa вь рaсчeтъ нaціoнaльнoгo рaзлнчій и нaціoнaльнoгo ycлoвій cущecтвoвaнiя oтдѣльнoгo чacтeй чeлoвѣчecкaгo рoдa: вь этoй oблacтн мнcлнтeлн XVІІІ в., дѣйствнтeльнo, cнльнo oшнбaлнcь, нo нхь тaкь нaзывaемый кocмoпoлнтнзмъ вь нѣкoтoрoмь cмнслѣ бнлъ тoлькo внcшeй, вceмнрнo-нcтoрнчecкoй тoчкoй зрѣнiя, кoтoрyю нaпpacнo cтaлн пoтoмь oтвeргaть вo ння узкaгo нaціoнaлнзмa, бyдтo бн oпpaвдывaемaгo нcтoрнeй, нaoбoрoтъ, cвндѣтeльcтвyющeй o тoмь, чтo мeждy oтдѣльннмн нaціaмн coвepшaeтcя пocтoяннoe кyльтyрнoe вzанмoдѣйствнe и вceгдa cyщecтвyeтъ нзвѣcтнaя пpeeмcтвeннocть, тaкь кaкь этo нe пoзвoлaeтъ вндѣть вь oтдѣльннхь нaрoднocтaхь cаmoбнтннe, oбocлoбeннe, тoлькo длa ceбa cyщecтвyющнe кyльтyрннe тнпн. Нaкoнeцъ, вo ння нcтoрнчecкoй тoчкн зрѣнiя, — чтo eю вoвce oпaть-тaкн нe тpeбyeтcя, — мн вoвce нe дoлжнн лншaть ceбa зaявлeннaгo XVІІІ вѣкoмъ пpавa чeлoвѣчecкoй мнcлн oцѣннвaть дѣйствнтeльнocть и пpeдъявлять кь нeй cвoн тpeбoвaнiя, нмѣя вь вндy cтpeмлeнiя ннднвндуaльнaгo рaзвнтiя. Мaлo тoгo, нcтoрнa oпpaвдывaeтъ вь кoнцѣ кoнцoвъ тaкoe oтнoшeннe кь дѣйствнтeльнocтн, нбo вь пocлѣднeмь aнaлнзѣ cаmа нcтoрнa cyщecтвyeтъ тoлькo вь лнчнocтaхь, чpeзъ лнчнocтн и длa лнчнocтeй, a пoтoмy и нe мoжeтъ бнть пoннмaeмa cъ дocтaтoчнoю глyбннoю и шнpoтoю, eслн нe бyдeтъ oцѣннвaтьcя cъ тoчкн зрѣнiя cтpeмлeній, ннтepecoвъ и пpавъ oтдѣльннхь лнчнocтeй. Нcтoрнчecкoe oтнoшeннe кь дѣйствнтeльнocтн нeрѣдкo yпpeкaлн вь тoмь, бyдтo oнo cаmo пo ceбѣ eceтвeннo и нeoбoднo дoлжнo вecтн и кь yпopнoмy кoнcepвaтнзмy, кaкь кь рeзyльтaтy чpeзмѣpнaгo пoчнтaнiя нcтoрнчecкнхь тpaднцнй, и кь yзкoмy нaціoнaлнзмy, вecьмa пoнaтнoмy пpн oбpaщeнн ocoбaгo вннмaнiя нa тo, чтo cзaдaнo вь нcтoрнчecкoй жнзнн ycлoвнaмн cyщecтвoвaнiя дaннoй нaрoднocтн, н, нaкoнeцъ, кь пpeнeбрeжeннy пpннaмн, ннтepecaмн и cтpeмлeннaмн лнчнocтн, рaзъ пocлѣднн рaсxoдятcя cъ нcтoрнчecкн cлoжнвншнмн пoрядкoмъ вeщeй. Eслн, дѣйствнтeльнo, пoдoбння явлeннa и нaблoдaютcя вь нcтoрнн фнлocoфнн, нaкнн и пyблнцнcтнкн XVІІІ в., тo пpямyю нхь пpнчннy ннкaкь нe нyжнo нcкaть вь пpнмѣнeнн нcтoрнчecкoй тoчкн зрѣнiя кь рaзpabоткѣ рaзннхь кyльтyрннхь и coціaльннхь ндeй. Рaціoнaлнзмъ XVІІІ в. и нcтoрнзмъ XVІІІ cтoлѣтiя, пoвтoряю, нмѣютъ знaчeннe лншъ мeтoдoвъ, oкaзывaющнхь бoльшoe влнeннe нa oбщнй кaрaктeръ мoрaльнaгo и coціaльнaгo мнpocoвepцaнiя, oтнyдъ, oднaкo, нe знaчeннe нcxoдннхь пyнктoвъ, кoннн oпpeдѣлялoсь бн cаmoe coдepжaннe нaшнхь пpaвcтвeнннхь и oбщecтвeнннхь пpннцнпoвъ и cтpeмлeннй. Кaкь нн рaзлнчнн рaціoнaлнcтнчecкaя и нcтoрнчecкaя тoчкн зрѣнiя нa дѣйствнтeльнocть, oбѣ oнѣ мoгyтъ лoжнтьcя oднaкoвo вь oснoвy aргyмeнтoвъ, зaщнщaющнхь днaмeтpaльнo-пpотнвyпoлoжннмн вoзврѣннa, xтy, кoнeчнo, cнлa пocлѣдннхь бyдeтъ зaвнcѣть нe oтъ тoй тoчкн

зрѣнія, которая послужитъ основаніемъ всѣхъ аргументовъ, а отъ того, насколько чистое умозрѣніе и выводы изъ наблюденій будутъ соответствовать подлинной исторической дѣйствительности и тѣмъ стремленіямъ къ истинѣ и справедливости, которыя проявляются во всемірно-историческомъ прогрессѣ. Однимъ словомъ, историческое пониманіе идей и учреждений, историческое отношеніе къ вопросамъ культурной и соціальной жизни не должно быть непремѣнно враждебнымъ историческому прогрессу, международной солидарности и стремленіямъ личности, какъ это можетъ казаться западнымъ сторонникамъ рационалистическихъ воззрѣній и какъ это выходитъ нѣрѣдко у писателей, пользующихся историческою точкою зрѣнія для обоснованія своихъ болѣе или менѣе отсталыхъ стремленій.

Относясь къ культурнымъ идеямъ и соціальнымъ формамъ съ исторической точки зрѣнія и внося въ общее пониманіе всякой исторіи научный духъ, вы не въ правѣ будете не признать, что историческая жизнь заключается въ постоянныхъ постановкахъ и рѣшеніяхъ нравственныхъ и общественныхъ вопросовъ, будетъ ли то совершаться въ области идей, т.-е. лишь теоретически, или же и въ сферѣ соціаль-ныхъ отношеній, т.-е. практически, будетъ ли то дѣлаться съ большимъ или меньшимъ сознаниемъ цѣлей и средствъ, съ большимъ или меньшимъ пониманіемъ того, какой вопросъ стоитъ на очереди, при какихъ условіяхъ его приходится рѣшать, въ какомъ направленіи, наконецъ, онъ можетъ быть рѣшенъ при данныхъ обстоятельствахъ и т. п. Практическое рѣшеніе вопросовъ, ставимыхъ жизнью, часто совершающееся вполнѣ безсознательно, безъ достаточнаго пониманія, именно по тому самому и бываетъ въ большинствѣ случаевъ ошибочнымъ, но и сама теорія постоянно заблуждается, если сознаніе не считается съ фактами дѣйствительности, если пониманіе того, что необходимо и что возможно, не основывается на данныхъ опыта и наблюденія. И тутъ недостаточно еще знать среду, въ которой приходится дѣйствовать, недостаточно поэтому ограничивать свое знакомство съ исторіей лишь прошлаго и настоящаго родной страны: нужно имѣть еще въ виду и чужой опытъ, поскольку онъ можетъ чему-либо научить или, по крайней мѣрѣ, уяснить кое-что въ родной дѣйствительности, нужно имѣть въ виду также и идеи, вырабатываемыя общечеловѣческимъ сознаниемъ, какъ высшія цѣли всемірной исторіи. Въ послѣднемъ отношеніи, т.-е. и въ смыслѣ указаній чужого опыта, и въ смыслѣ знанія итоговъ культурно-соціального прогресса, совершившагося до сего времени, особенно важное значеніе имѣетъ знакомство съ новой и новѣйшей исторіей Запада, поскольку, съ одной стороны, во многихъ отношеніяхъ мы лишь позднѣе идемъ по тѣмъ же самымъ историческимъ путямъ, по которымъ прежде уже прошли опередившія

насъ европейскія націи, и посколькѣ, съ другой стороны, современная европейская цивилизація, обязанная своими успѣхами романскимъ и германскимъ народамъ, можетъ разсматриваться, какъ главное наслѣдіе всемірной исторіи, заключающее въ себѣ наибольшее количество задатковъ и указаній для будущаго. Но и вообще въ наше время никакая общественная дѣятельность немыслима безъ историческаго образованія, которое одно способно сообщить не только необходимыя знанія и необходимое умѣніе ориентироваться среди запутанныхъ отношеній дѣйствительности, но и ту широту взгляда, и то пониманіе историческаго процесса, отсутствіе коихъ всегда будетъ дѣлать безплодными всѣ наши усилія вліять на рѣшеніе историческою жизнью ставимыхъ ею вопросовъ. Міръ явленій, подлежащій нашему познанию и воздѣйствію, состоитъ изъ великаго множества процессовъ, и каждая ихъ категория совершается по присущимъ ей законамъ: кто хочетъ оказывать вліяніе на происходящія вокругъ него событія, долженъ знать, какъ эти событія вообще совершаются. Всѣ члены общества, конечно, въ разной степени участвуютъ въ рѣшеніи жизненныхъ вопросовъ, ставимыхъ ходомъ исторіи, и правильная, цѣлесообразная и успѣшная дѣятельность въ этой области возможна лишь не только при знаніи условій мѣста и времени, равно какъ данныхъ чужого опыта и главнѣйшихъ нравственныхъ и общественныхъ идей, развивающихся въ всемірно-историческомъ процессѣ, но и при вѣрномъ пониманіи того, какъ вообще совершается этотъ историческій процессъ. Только изученіе исторіи можетъ привести къ такому пониманію, хотя, нужно сознаться, общая теорія историческаго процесса, которая могла бы заявить притязаніе на полную научность, есть еще дѣло далекаго будущаго. Концепціи XVIII в., для коихъ историческія перемѣны были лишь результатами личнаго творчества, притомъ творчества вполне сознательнаго и произвольнаго, XIX вѣкъ главнымъ образомъ противопоставилъ идею эволюціи, т.-е. саморазвитія культурныхъ и соціальныхъ явленій какъ бы безъ всякаго участія въ немъ мысли и воли людей, но изученіе исторіи должно рано или поздно окончательно обнаружить односторонность обонихъ этихъ взглядовъ, указавъ надлежащимъ образомъ на относительное значеніе личныхъ усилій и общихъ условій въ происхожденіи историческихъ перемѣнъ. Исторія именно постоянно будетъ свидѣтельствовать, что сами по себѣ личныя усилія, не сообразующіяся съ условіями мѣста и времени, всегда будутъ безплодны, но что, съ другой стороны, и эти условія производятъ что-либо лишь при участіи личныхъ усилій, могущихъ въ свою очередь быть сознательными въ большей или меньшей степени и находиться въ разныхъ отношеніяхъ къ правильному пониманію того, что происходитъ на бѣломъ свѣтѣ. Только подѣ условіемъ знанія, какъ совершается исторія, возможно и сколько-

нибудь вѣрное пониманіе одной идеи, въ образованіи коей участвовали и рационализмъ XVIII в. съ его надеждою на лучшее будущее для всѣхъ народовъ, и историческое изученіе съ своимъ взглядомъ на прошлое, какъ на постепенное культурно-соціальное развитіе человѣчества. Я говорю именно объ идеѣ прогресса. XVIII вѣкъ съ его вѣрой въ человѣческую разумъ и въ силу сознательнаго творчества въ общемъ былъ настроенъ самымъ оптимистическимъ образомъ, и однимъ изъ наслѣдствій, оставленныхъ имъ нашему столѣтію—и, нужно надѣяться, будущимъ временамъ—является идея прогресса, впервые понятаго въ прошломъ вѣкѣ, какъ совершенствованіе человѣчества въ умственномъ, нравственномъ и общественномъ отношеніяхъ. Философскій вѣкъ намѣтилъ и примѣненіе этой идеи къ разсмотрѣнію исторической жизни человѣчества, создавъ такъ называемую философію исторіи и завѣщавъ будущему выработать теорію прогресса не на основаніи однихъ чаяній разума, но и на основаніи знанія условій историческаго существованія человѣчества. По всей вѣроятности, до сихъ поръ мы еще не были въ состояніи оцѣнить все то значеніе, какое можетъ имѣть эта идея прогресса, идея одновременно и философская, и историческая—для нашей умственной, нравственной и общественной жизни. Въ XIX вѣкѣ, создавшемъ историческое отношеніе къ дѣйствительности, идея прогресса и родственная ей, хотя и нѣсколько отъ нея отличная идея развитія сдѣлалась одною изъ руководящихъ идей въ пониманіи исторіи, какъ исторія совершалась до сихъ поръ и что представляетъ она изъ себя по существу: точка зрѣнія развитія, или эволюціонизмъ, какъ мы видѣли, характеризуетъ вообще основныя философскія и научныя концепціи XIX в., а идея прогресса есть лишь субъективное выраженіе понятія эволюціи, такъ какъ подъ прогрессомъ разумѣется не что иное, какъ развитіе въ человѣчествѣ всего того, что дѣлаетъ человѣка человекомъ, возвышая его надъ міромъ животныхъ. Оптимизмъ прошлаго вѣка подвергся сильному испытанію, значительно его поколебавшему, когда дѣйствительность разбила многія изъ его надеждъ и ожиданій, и въ XIX столѣтіи, какъ извѣстно, получили большое развитіе пессимистическія ученія, возникшія и нашедшія для своего распространенія удобную среду, благодаря соотвѣтственному настроенію въ обществѣ, но нужно думать, что наилучшимъ средствомъ въ борьбѣ съ отравляющимъ жизнь пессимизмомъ особенно можетъ служить идея прогресса, идея улучшенія условій и формъ человѣческаго существованія. Оптимистическій рационализмъ прошлаго вѣка, не считавшійся съ данными исторіи, своимъ преувеличеніемъ дискредитировалъ заявленные имъ прогрессивныя чаянія, но суровый жизненный опытъ, породившій пессимистическое настроеніе, лишь тогда могъ бы имѣть вполнѣ рѣшающее значеніе, если бы историческая наука не свидѣтельствовала,

что все прошлое человечества было постепенным развитием культурных и социальных форм, отражавшимся на улучшении человеческой жизни и дающим основание ожидать того же и в будущем. В таком понимании, т.-е. противопоставляемая пессимизму, развѣдающему нравственное сознание множества наших современников, историческая идея прогресса, в которой мы можем утверждаться лишь путем ознакомления с прошлыми судьбами человечества, получает значение идеи этической, и в этом значении, быть может, ей еще впереди суждено сыграть свою настоящую роль в культурной и социальной истории человечества, в культурной—как идеѣ, способной дать известную окраску цѣлым міросозерцаніямъ, в социальной—какъ практическому принципу, приглашающему работать надъ осуществленіемъ в общественной жизни тѣхъ идеаловъ, которые постепенно уяснились в сознании человечества, жившаго исторической жизнью, и мало по малу уже воплощались в этой жизни, благодаря развитію личнаго самосознанія и усиліямъ личности улучшить общія условия своего существованія. Лишь широкое историческое образование можетъ вообще дать понятіе о содержаніи этихъ идеаловъ, о значеніи этого самосознанія, о роли этихъ усилій и воспитать въ человѣкѣ настоящую гуманность, интересъ и уваженіе къ человеческой личности, къ какой расѣ и національности, къ какому бы вѣронсповѣданію и государству, къ какому культурному слою и социальному классу она бы ни принадлежала. И я думаю поэтому, что историческому образованію должно принадлежать по полному праву и воспитательное значеніе, котораго это образованіе и не можетъ лишиться, если только мы будемъ изучать прошлое человечества съ гуманитарной и универсальной точкой зрѣнія, развивая въ себѣ интересъ къ человеческой личности и къ человечеству и тѣмъ самымъ подготавливая себя къ пониманію и служенію идеѣ историческаго прогресса.

Интерлакенъ, $\frac{29-31 \text{ іюля}}{10-12 \text{ авг.}}$ 1898.

Очеркъ промышленности и торговли Смоленскаго княжества съ древнѣйшихъ временъ до XV вѣка.

И. М. Краснопорова.

I.

Разсматривая уставную грамоту смоленскаго князя Ростислава Мстиславича, данную имъ смоленской епископiи въ 1150 году, мы встрѣчаемъ тамъ названiя множества городовъ, селъ и погостовъ, которые служили тогда или военно-стратегическими пунктами, или мѣстными торгово-промышленными центрами. Населенiе смоленскаго княжества группировалось по погостамъ и селенiямъ слѣдующимъ образомъ: гдѣ-нибудь на берегу рѣки или озера отдѣльно стояла церковь, около которой жилъ причтъ, а неподалеку отъ нея было разбросано во всѣ стороны множество деревень, происшедшихъ путемъ родоваго наслоенiя. Промышленная дѣятельность должна была вызвать здѣсь потребность въ сборныхъ пунктахъ для сбыта и обмѣна въ базарахъ — погостахъ, куда собирались гостить, торговать. Такимъ образомъ, погостъ былъ мѣстомъ и княжеской станции, и сельской волости, и церковнаго прихода, и, наконецъ, сельскаго рыночнаго мѣста, къ которому тянули мелкiе поселки—деревни въ своихъ промышленныхъ дѣлахъ¹⁾; сюда же всѣ жители деревень въ извѣстные дни сходились на вѣче для рѣшенiя общественныхъ дѣлъ. До настоящаго времени въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Смоленской губ. сохранилось названiе погостовъ за селенiями вышепоименованнаго типа, напр. погостъ Сеславль (по устав-

¹⁾ Ключевскiй, Волярская дума въ древней Руси въ Р. М. 1880, кн. III, гл. III. Что погостъ былъ крупной территорiальной единицей, объ этомъ ясно говоритъ напр. Перенсин. оклады. кн. по Новгороду Вотск. пятниш 1500 г. см. „Времен.“ Моск. общ. ист. и древн., кн. II, 1861 г.

ной грамотѣ Ростислава-Изяславль), Радичи и др. Селомъ, всею, селищемъ собственно назывались культивированныя земли: бортные ухажи, „сѣножати“, пахотныя земли и т. п., гдѣ большею частью жили изгой и рабы, рѣдко свободное крестьянское населеніе. Всѣ подобныя села и веси предоставлены были смоленскимъ княземъ Ростиславомъ Мстиславичемъ въ распоряженіе епископу вмѣстѣ съ изгойми и рабами. Такъ даны были епископу села: Холмъ, Дросенское „со изгой и землею“ и Ясенское съ бортникомъ „и съ землею, и съ изгой“. Большая часть городовъ смоленскаго княжества первоначально служила не больше, какъ военно-стратегическими пунктами, куда въ случаѣ войны или опасности отъ непріятельскаго вторженія жители погостовъ сбѣгались какъ въ укрѣпленный пунктъ. Оттого всѣ почти древніе смоленскіе города строились на большихъ дорогахъ—путяхъ изъ одной области въ другую, оттого въ нихъ насыпался громадный земляной валъ, какъ мѣсто обороны и убѣжища жителей; оттого и населеніе этихъ городовъ сравнительно съ погостами было чрезвычайно малочисленно. Такіе древніе города, какъ Ельня, Рославль, Дорогобужъ и др. платили всей княжеской дани отъ 3-хъ гривенъ до трехъ „гонъ короткихъ“, слѣдовательно имѣли малочисленное населеніе. Города или городища подобнаго типа до сихъ поръ сохранились въ смоленской губерніи: въ Рославлѣ, Ельнѣ, Осовикѣ (селѣ) на Деснѣ и др.

Родовой патриархальный бытъ служилъ основною формою общественнаго строя смоленскихъ бѣлоруссовъ вплоть до XII вѣка, а семейно-родовыя общины сохранились въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и до настоящаго времени ²⁾. Здѣсь старикъ родоначальникъ или старшій братъ до сихъ поръ смотритъ на всѣхъ членовъ общины какъ на своихъ дѣтей и вся хозяйственно-экономическая жизнь такихъ общинъ слагается по предписанію старѣйшины, причемъ общинное начало проникаетъ собой всѣ сферы дѣятельности деревенскихъ жителей.

Все пѣсенное творчество смолен. бѣлоруссовъ можно назвать аграрнымъ, что объясняется территоріальными и экономическими условіями ихъ быта. Главными источниками ихъ пропитанія было борничество. Борничество служило однимъ изъ первыхъ путей колонизаціи и первоначальной культуры этого дикаго лѣснаго пространства. Оттого во всѣхъ сохранившихся доселѣ старинныхъ пѣсняхъ медъ и воскъ играютъ главную роль: имъ пѣсню пѣли, имъ честь воздавали. Еще до Р. Х. фракійцы рассказывали Геродоту, что въ земляхъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Дуная, столько водилось пчелъ, что людямъ дальше и пройти нельзя ³⁾; иностранные путешественники удивля-

²⁾ См. мою статью въ „Отеч. Зап.“ 1882, іюнь, „Автошенина община“.

³⁾ Забѣлинъ, И. Р. Ж. II, 15.

лись безчисленному множеству въ лѣсахъ цѣлыхъ роевъ дикихъ пчель ⁴⁾. Дѣйствительно, какъ въ литовской странѣ, такъ въ Смоленской, Полоцкой и Витебской существовали многочисленныя селенія бортниковъ. Бортники рубили дровами и строевой лѣсъ на свои нужды, на постройки лодокъ и берегли старыя, толстыя деревья, въ которыхъ были дупла, выдалбливали въ нихъ новыя борти; а чтобы никто не могъ присвоить бортное дерево или украсть медъ, бортники вырубали на деревѣ топоромъ знамя ⁵⁾. Въ языческую эпоху бортники заговаривались отъ похитителей и разорителей пчель, и эти религиозно-языческіе заговоры сохранились и донинѣ; въ эпоху христіанскую, когда древне-языческіе заговоры передѣлывались въ христіанскіе заговоры и заклятья, бортники легко могли придти къ вѣрѣ въ особыя христіанскія святыхъ — покровителей пчель и бортей. Такъ еще въ XIV в. такимъ патрономъ человодства въ Смоленскѣ считался св. князь Феодоръ ⁶⁾. По народному языческому міросозерцанію даже самъ Богъ и святые участвуютъ въ этихъ занятіяхъ:

„Самъ Богъ меда сынциъ ⁷⁾
А Илья пиво вариць“...

Само собою разумѣется, бортничество должно было вызвать и другую связанную съ нимъ отрасль производства — медо и пивовареніе, которыя еще въ XVII в. производились здѣсь въ громаднхъ размѣрахъ, а въ XII в. смоленскому князю шла даже особая дань, корчменная пошлина. Земледѣльческая культура стояла тоже на довольно высокой степени развитія: рожь, ячмень и конопля высѣвались здѣсь въ громаднхъ размѣрахъ. Разведеніе конопли было извѣстно еще жившимъ на Борисоенѣ скифамъ, у которыхъ конопля называлась „скифскимъ куревомъ, такимъ сильнымъ, что каждый присутствовавшій непременно потѣеть“ ⁸⁾. Подобно тому, какъ бортничество находилось подъ покровительствомъ особаго святаго, и земледѣліе точно также находилось подъ покровительствомъ особаго божества. Въ языческую эпоху земледѣльческія божества кривичей — бѣлоруссовъ распредѣляли между собой обязанности въ заботѣ о преуспѣваніи или процессѣ роста злаковъ или собиранія меда и воска. Чуть ли не каж-

⁴⁾ Ibid, 256.

⁵⁾ Аристовъ, Промышл. др. Руск, 32.

⁶⁾ Шаповъ, Ист. очеркъ нар. міросозерц. и суевѣр. въ Ж. М. Н. Пр. 1863 г., I, 46.

⁷⁾ Шейнъ, Вѣлорус. пѣсни, 516.

⁸⁾ В. Генъ, Культ. раст. 96. Африканскіе дикари и до сихъ поръ курят коноплю, которая имѣетъ одуряющее свойство. („Исслѣдов. Африки“ въ В. Евр. 1882, стр. 559).

дое движеніе впередъ процесса роста злаковъ: прозябаніе, всходн, созрѣваніе, каждая полевая работа—пахота, сѣянье, жатва — все это находилось подъ особымъ попеченіемъ божества. У бѣлоруссовъ существовало даже особое божество жатвы — Рай, которое воспѣвается въ ихъ древнихъ пѣсняхъ. Поэтическая натура бѣлоруссовъ съумѣла обрисовать это божество особенно яркими чертами. Атрибутами своими Рай имѣлъ: вѣнокъ изъ спѣлыхъ колосьевъ ржи и полевыхъ цвѣтовъ; людямъ онъ являлся всегда въ образѣ никогда не старѣющей красивой молодой дѣвушки 9).

Обиліе лѣсовъ въ смоленскомъ краѣ, въ которыхъ водилось множество всякаго рода звѣрей: лосей, вепрей, лисицъ, куницъ, барсуковъ, бобровъ, давало возможность смольнянамъ вести обширную внутреннюю и внѣшнюю торговлю шкурами и мѣхами этихъ животныхъ. До XII вѣка въ смоленскомъ краѣ ощущался большой недостатокъ въ рогатомъ скотѣ, но зато онъ вполне возмѣщался множествомъ овецъ и лошадей, обыкновенно покупаемыхъ или вымѣниваемыхъ на мѣстные продукты у южныхъ степныхъ кочевниковъ 10); оттого лошадиное мясо въ смоленск. краѣ было въ большомъ употребленіи. Послѣ калкскаго пораженія русскихъ въ 1223 г. смоленскій князь Владиміръ Рюриковичъ отнялъ у татаръ около рѣки Донца столько коней, что имѣлъ ихъ довольно въ пищу 11).

Всѣ погосты и селенія смоленскаго княжества, вызванныя на свѣтъ чисто промышленными цѣлями, располагались по рѣчнымъ воднымъ путямъ, по которымъ населеніе вело дѣятельную торговлю мѣстными продуктами со всѣми сосѣдними народами. Обиліе водныхъ путей въ смоленскомъ княжествѣ и содѣйствовало процвѣтанію здѣсь торговли. За исключеніемъ Галицкаго княжества почти единственнымъ путемъ для сношенія Руси съ Византіей, Таврическимъ Херсонесомъ и Козаріей, оставался Днѣпръ. Водораздѣлы между З. Двиной, Днѣпромъ и Волгой были тѣми историческими волоками, черезъ которые подобно альпійскимъ проходамъ въ Зап. Европѣ издревле шли народы и ихъ произведенія во всѣ стороны — на рынки Европы и Азии. Куда бы ни направлялись торговые караваны; съ сѣвера изъ Новгорода и Суздальскаго края въ Кіевъ, съ Камской Булгаріи или съ береговъ Зап. Двины, — имъ не миновать было рѣчной днѣпровской системы, а слѣдовательно и смоленской области. Поэтому Смоленская страна прежде другихъ вошла въ историческую жизнь всей

9) Шейнъ, Бѣлор. пѣсни, стр. 515. Авторъ приводит нѣсколько пѣсней въ честь языческаго божества—Рая. См. №№ пѣсней 359, 360, 361, 362 и т. д.

10) Арстовъ, стр. 41.

11) Татищевъ, Ист. Р. III, 441; Лавр. глѣт. 482.

Руси, какъ передаточное торговое мѣсто, какъ узелъ, стягивающій въ себя пути для сношеній трехъ важнѣйшихъ центровъ исторической жизни русскаго мира ¹²⁾. Центральный областной городъ смолянъ — Смоленскъ, былъ еще въ отдаленное доисторическое время нѣчто въ родѣ порто-франко для тогдашнихъ племенъ и народовъ, населявшихъ территорію Руси: тамъ почти всегда можно было встрѣтить болгарскихъ, персидскихъ, козарскихъ, малоазійскихъ, впоследствии и нѣмецкихъ купцевъ. Вотъ почему уже во время княженія Олега Смоленскъ считался, по выраженію Архангелогор. лѣтописца „богатымъ и сильнымъ купеческимъ городомъ“, въ который поэтому Олегъ и убоился войти со своею дружиною.

Смоленскъ по своему внѣшнему и внутреннему устройству былъ совершеннымъ подобіемъ Новгорода. Въ древности онъ былъ обнесенъ довольно высокимъ землянымъ валомъ съ частоколомъ наверху, тянувшимся по нагорной сторонѣ и потомъ спускавшимся за церковью Іоанна Богослова къ самому берегу Днѣпра. Позднѣе, именно въ первой половинѣ XII вѣка, валъ этотъ съ южной стороны на половинѣ горы прерывался крѣпкими дубовыми воротами, откуда по искусственно устроенному спуску шла дорога къ Смядынскому предмѣстью, къ церкви Бориса и Глѣба близъ устья р. Смядынки (теперь совершенно пересохшей). У рѣчки этой существовала единственная торговая пристань, гдѣ могли останавливаться въ своихъ „насадахъ“ русскіе и иностранные купцы. Уже въ XII в. Смоленскъ былъ расположенъ по обоимъ берегамъ Днѣпра, причѣмъ на правой сторонѣ, въ 1146 г., была построена церковь св. Петра и Павла, около которой тянулась улица, заселенная частью рабами и „изгоями“. Эти изгойи и рабы специально занимались для смоленскаго князя тетеревиною охотою и содержали тетеревиныя садки. Въ 1150 г. смоленскій князь Ростиславъ Мстиславовичъ отдалъ тетеревиныя за Днѣпромъ въ вѣчное владѣніе епископу Мануилу, а по лѣвую сторону Днѣпра на горѣ ему же — огородъ съ капустникомъ ¹³⁾. Со всѣхъ сторонъ за городскимъ валомъ тянулся непрерывно дубовый и сосновый лѣсъ, въ которомъ водилось множество всякихъ звѣрей: вепрей, лисицъ, куницъ, барсуковъ, бобровъ и всевозможныхъ породъ птицъ. Непрерывный густой лѣсъ кругомъ Смоленска не давалъ человѣку и шагу сдѣлать для приведенія этого пространства въ культурное состояніе. Только уже въ XVI вѣкѣ московское правительство позволило вырубать лѣсъ кругомъ Смоленска мѣщанамъ и „чернымъ людямъ“ ¹⁴⁾.

¹²⁾ Карамзинъ, И. Г. Р. I, 47.

¹³⁾ См. Уставн. грам. епископін въ Собр. важн. памятн. по исторіи рус. права, изд. Лазаревскимъ и Утинымъ, стр. 414—419.

¹⁴⁾ Собр. госуд. грам. и договор. I, № 148.

Въ началѣ XII в. Смоленскъ вмѣщалъ въ своихъ стѣнахъ до 35,000 населенія, большею частію торгово-промышленнаго. Застроенный 10 каменными церквами, княжескими теремами, множествомъ гостинныхъ дворовъ, лавокъ и магазиновъ, какъ туземныхъ, такъ и иноземныхъ купцовъ—варяжскихъ и нѣмецкихъ съ мануфактурными товарами, золотыми и серебряными вещами и „сосудами“,—прерываемыхъ тамъ и сямъ фруктовыми садами, а по окраинамъ города огородами и кашустниками, оживленный по берегамъ Днѣпра множествомъ снующихъ взадъ и впередъ торговыхъ судовъ и насадовъ, Смоленскъ уже въ концѣ XII в. представлялъ собой чрезвычайно красивый видъ. Въ настоящее время кругомъ Смоленска не сохранилось ни одного дерева, а берега Днѣпра отличаются мертвымъ безмолвіемъ. Иностранцы нерѣдко прїѣзжали въ Смоленскъ любоваться красотой и богатствомъ его церквей, особенно двухъ—Іоанна Богослова и Архистр. Михаила, украшенныхъ золотомъ, серебромъ, финифтью и всякими драгоценностями. О церкви Архистр. Михаила лѣтописецъ отзывается такъ: „такое же (т.-е. церкви) нѣсть в полуночной странѣ, и всмиъ приходящимъ в ней дивитися изряднѣй красотѣ ея, иконы златомъ и серебромъ, и жемчюгомъ и каменнемъ драгимъ украшены“. По преданію, Иванъ Грозный обобралъ нѣкоторыя изъ ея драгоценностей, а потомъ литовцы трижды грабили ее. Теперь это бѣдная, невзрачная на видъ церковь.

Смоленскъ дѣлился на четыре конца, изъ коихъ исторія сохранила названіе только двухъ: Пятницкаго и Блорошанскаго. Какъ въ Новгородѣ, такъ и здѣсь каждый конецъ и каждая улица составляли отдѣльную въ своемъ внутреннемъ управленіи самостоятельную общину, съ своими выборными тысяцкими, старостами, сотскими, кончанскимъ и уличанскимъ вѣчемъ. Такимъ образомъ Смоленскъ составлялъ политическій союзъ кончанскихъ и уличанскихъ общинъ, на обязанности которыхъ лежало заготовленіе на случай войны снарядовъ и военныхъ запасовъ, храненіе въ притворахъ при извѣстныхъ церквахъ складовъ оружія, а въ церкви Успенія Богородицы — образцовыхъ вѣсовъ и гирь 15). Тѣ же общины заботились о благоустройствѣ города и благосостояніи гражданъ, объ устройствѣ во время мора скудельницъ и пр. Такъ во время свирѣпствовавшей въ Смоленскѣ въ 1230 г. чумы кончанскія общины устроили 4 скудельницы, изъ коихъ въ двухъ положили по 8000 человѣческихъ труповъ, въ третьей 7000 и въ четвертой 9000 16). Въ военное время всѣ кончанскія и уличанскія общины

¹⁵⁾ См. Договоръ кн. Мстислава Давыдовича 1229 г. въ Русск.-ливон. Акт., 1868 г.

¹⁶⁾ Лаврент. лѣт., 436.

старались организовать свой земскій полкъ, состоящій изъ 1000 ратниковъ, для предводительства которымъ избирали своего земскаго тысяцкаго и сотскихъ, которые шли на войну и сражались совершенно независимо отъ княжескаго полка. Лѣтописи сохранили даже имена нѣкоторыхъ тысяцкихъ: при князѣ Ростиславѣ Мстиславичѣ былъ тысяцкій *Внъздъ*, при сынѣ его Давидѣ — *Радио*, въ 1195 г. *Мизалко* 17). Въ мирное время тысяцкій считался однимъ изъ важнѣйшихъ административныхъ лицъ земщины, исполнявшихъ иногда и дипломатическія порученія. Сотскіе считались представителями городскихъ сотенъ, а также представителями торговыхъ общинъ, почему при заключеніи съ иностранными государствами торговыхъ договоровъ они посылались за границу въ качествѣ пословъ. Такъ для заключенія извѣстнаго торговаго договора Мстислава Давидовича въ 1229 году земщина послала въ г. Ригу и на островъ Готландъ представителями отъ себя „умпа мужа Паутелея и попа Еремея“ 18). Представители княжеской власти въ Смоленскѣ, въ противоположность Новгороду, были посадники или намѣстники, которымъ подвѣдомственны были особыя преступленія, „свои тяжи“, напр. прелюбодѣяніе и пр., за что они получали себѣ виру пополамъ съ епископомъ.

Когда и съ какими народами смоляныне стали вести торговлю, на это указываютъ найденныя въ смоленскомъ краѣ древнія монеты. Монеты, находимыя во множествѣ въ Смоленскѣ, Дорогобужѣ, по берегамъ рр. Днѣпра и зап. Двины, большею частію арабскія, VII, VIII, IX и X вѣковъ, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ оказались битыми въ Африкѣ и Испаніи 19); точно также встрѣчаются массами скандинавскія, англосаксонскія, византийскія отъ IX вѣка и нѣмецкія монеты. Количество до сихъ поръ найденныхъ въ смолен. краѣ древнихъ монетъ поразительно по своей величинѣ. На границѣ смоленск. области съ новгородской, въ полуверстѣ отъ Великихъ Лукъ на берегу р. Ловати найдено было въ 1802 г. 7 пудовъ почернѣвшихъ арабскихъ диргемъ X в., большею частію халифскихъ и саманидскихъ. Въ 1785 г. Палласъ прислалъ въ Академію Наукъ 12 восточныхъ монетъ—испегбскихъ, омейядскихъ и абассидскихъ VIII в., которыя были найдены при разлаиваніи въ Смоленскѣ одной древней башни 20); въ 1822 г. еврей привезъ въ Москву изъ смоленскаго края мѣшокъ съ серебр. куфическими монетами, вѣсомъ болѣе 7 фунтовъ. Когда стали ихъ считать, то оказа-

17) Вѣляевъ, Лекціи, 132. Сергѣевичъ, вѣче и князь, 399.

18) Русск.-ливон. А., Anfang № 1.

19) Аристовъ, 205.

20) Bullet. Scientif. I с. p. 325.

лось 1300 цѣльныхъ монетъ и еще болѣе половинокъ и четвертинокъ — VIII, IX и X вѣковъ, преимущественно битыхъ въ Африкѣ и Испаніи ²¹⁾; въ 1847 г. въ дорогобуж. уѣздѣ въ р. Дорогобужѣ найдено 9 арабскихъ монетъ IX и X в., въ томъ числѣ двѣ саманидскихъ ²²⁾; въ 1821 г. точно такихъ же монетъ найдено было 100 фунтовъ около Витебска, ближе къ Смоленскому краю и т. д., и т. д. Всѣ эти монеты древностью своей не восходятъ позже 1012 г., ясный признакъ того, что до XI вѣка направленіе торговли смольнянъ было преимущественное восточное, почему и весь періодъ этой торговли можно назвать арабскимъ. Тотъ же самый слой монетъ встрѣчается по рр. Окѣ, Волгѣ, Ловати, Волхову, Невѣ, въ Лифландіи, Эстляндіи и на остров. Готландѣ ²³⁾.

Всѣ эти монеты—серебряныя, величиной не менѣе нашего четвертака, по-русски назывались купами, рѣзанями, веверицами, вѣкшами и пр. Во время смутъ или войны ихъ зарывали въ полѣ, около рѣки, потомъ ставили на этомъ мѣстѣ знакъ: сажали деревцо или набрасывали камень ²⁴⁾. Мать сыра земля была для нихъ сохраннымъ банкомъ. Въ случаѣ смерти хозяевъ, безотвѣтный банкъ навсегда хранилъ вѣренную тайну, пока какой-либо счастливый пахарь не открывалъ его подъ именемъ клада.

Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ торговыхъ центровъ VIII и IX вв., было, какъ извѣстно, царство Козарское, которое начинаетъ усиливаться уже съ VI в., когда предѣлы его отъ низовьевъ Волги распространились даже за Кавказъ; въ IX в. (859 г.) власть Козаръ распространилась и на восточную часть Крыма, на Приднѣпровскихъ славянъ—полянъ, сѣверянъ, Радимичей и Вятичей ²⁵⁾. Козарія была единственной цивилизованной страной въ доисторическое время на Руси ²⁶⁾, чему она обязана была главнымъ образомъ развитію въ этомъ краѣ торговли и промышленности; а торговля связи, какъ извѣстно, всегда служили наилучшими проводниками всяческой культуры.

Въ Козаріи изъ-за торговыхъ интересовъ допускалась замѣчательная для того времени вѣротерпимость и свобода религіозной пропаганды, хотя самъ каганъ и прочія правительственные лица и исповѣдывали еврейскій законъ. Въ главномъ городѣ Казаріи Итилѣ, окруженномъ полями и красивыми дачами, жило много русскихъ купцовъ,

²¹⁾ Фревъ, въ *Jbn—Fozlan's Russen*, s. 49: *Journal Asiat.* t. II, p. 21.

²²⁾ Доп. къ опис. Смол. мон., Савельевъ въ *Зап. Им. Р. Арх. Общ.* 1855, т. V, 240.

²³⁾ Ключевскій, *Болр. дума*, Р. М. 1890, кн. III, 27.

²⁴⁾ Забѣлянтъ, *И. Р. Ж.* II, 373.

²⁵⁾ *Ипат. лѣт.*, II.

²⁶⁾ Гильфердингъ, I, 307.

которые занимали особый кварталъ; русскіе составляли даже войско и прислугу кагана 27). Въ другомъ Козарскомъ городѣ Семендарѣ, между Итилемъ и Дербентомъ, населенномъ преимущественно татарами и евреями, существовало до 40 виноградниковъ, изъ которыхъ предприимчивое населеніе приготовляло отличное вино; на Дону существовалъ укрѣпленный городъ Саркель или Бѣлая Вѣжа, построенный византійскими инженерами противъ нападенія русскихъ и печенѣговъ 28). Путь смольнянъ и новгородцевъ въ Вулгарію и Козарію шелъ на Оку или Волгу (въ Сычевск. уѣздѣ) посредствомъ р. Вазузы, гдѣ у села Волочка *насады* перевозили по суку 29). Этимъ путемъ ходили и всѣ русскіе князья: такъ сюда ходилъ Святославъ Игоревичъ послѣ покоренія Вятичей на Окѣ въ 966 г.; тѣмъ же путемъ шелъ и его внукъ, князь Глѣбъ изъ Муромъ и др. Новгородцы и смольняне болѣе 200 лѣтъ вели торговлю по этому пути съ Весью, Мордвою, Вулгарами и пр. 30).

Другой торговый путь который въ XII в. обозначался путемъ на Радимичи (Ипат. 97), шелъ черезъ Сожь и Десну въ Поволжье. Онъ соединялся съ путемъ, проходившимъ черезъ верхнюю Десну при посредствѣ или Ипути, или же другого притока Сожи, Остра, верховья которыхъ сближаются съ Десною. Названіе лежащихъ здѣсь деревень и урочищъ—Стайки—и Стой въ верховьяхъ Волвы, на Угрѣ-Стайки (въ ельнинск. у.) близъ верховьевъ Десны, своимъ этимологическимъ значеніемъ ясно указываютъ на пролежавшіе здѣсь пути сообщения (Барсовъ, лѣтописи, стр. 19). Купечество составляло особыя торговыя общины съ общиннымъ капиталомъ, а во время путешествія для торговли въ отдаленныя страны члены—общинники имѣли одинъ общій столъ. Обыкновенно, отправляясь въ путь вооруженные, они по дорогѣ занимались между прочимъ и подходящими промыслами: битьемъ пушныхъ звѣрей, ловлей рыбы, а иногда при случаѣ не прочь были и пограбить какое-либо слабосильное финское селеніе. Къ этой общинѣ примыкали иногда русскіе купцы и изъ другихъ областей и тогда вся военно-торговая община доходила до 1000 и болѣе человекъ. По сухому пути между Вулгарами, Весью и Мерею (жившими по Окѣ) торговые караваны нерѣдко состояли изъ нѣсколькихъ сотъ повозокъ 31). Само собою разумѣется, смольняне и новгородцы, не понимая чужеземнаго языка веси, болгаръ и козаръ, вели первоначально нѣмую

27) Вережковъ, О торговлѣ Русъ съ Ганзой, стр. 15—16.

28) Ibidem, 17.

29) Ходаковский, Ист. Сб. I, „Пути сообщ. въ И. Р.“, 13.

30) Григорьевъ, „О кув. монет.“ въ З. О. об. др., I. 115.

31) Вережковъ, 31.

торговлю, или по выраженію лѣтописи „помавали руками“ 82). Русскіе предлагали булгарамъ, козарамъ и арабамъ всевозможные мѣха: соболя, бѣличьи, куньи, горностаевые, лисьи, бобровые, заячьи, козьи шкуры, „рыбьи зубы“, бобровую струю, юфть, овецъ, рогатый скотъ, янтарь, кольчуги, орѣхи, береговой лѣсъ (бруски на подѣлки), медъ, воскъ и, наконецъ, славянскихъ невольницъ. Впрочемъ, въ мѣховой торговлѣ съ козарами, русскіе имѣли себѣ сильныхъ конкурентовъ въ булгарахъ и бургасахъ, которые доставляли туда прекрасные мѣха чернобурныхъ лисицъ 83). Булгары же съ своей стороны въ голодные, неурожайные годы не разъ продавали въ большомъ количествѣ хлѣбъ „во всѣ грады русскіе“. Такъ еще въ 1229 г. болгарскій князь прислалъ князю Юрію 20 насадовъ съ житами 84). Нѣкоторые изъ перечисленныхъ товаровъ, напр. мечи, металлы и юфть смолянне сами перекупали у скандинавовъ и чуди, а янтарь у литовцевъ 85). Арабы и козары предлагали въ обмѣнъ на русскіе товары: мускусъ, камфару, корицу, южные плоды, шерстяныя ткани, но главнымъ образомъ женскія украшенія и драгоценныя камни, которые и до сихъ поръ удерживаютъ у насъ восточныя названія, напр., изумрудъ, ахонтъ, бирюза, жемчугъ и др. 86). Впрочемъ, арабы большею частію покупали у русскихъ товары на деньги, которыя первоначально обращались у насъ въ качествѣ товара или украшенія въ видѣ монисто; но съ конца VIII и IX вв. арабская монета въ смоленскомъ краѣ служила мѣнковой цѣнностью, какъ ходячая монета; и такъ какъ у смолянъ и вообще у русскихъ въ то время не существовало собственныхъ денегъ, то для удобства и быстроты торговыхъ оборотовъ, они разрубали ихъ на половины, четверти и т. д. и въ такомъ видѣ пускали ихъ въ обращеніе на внутреннихъ рынкахъ, какъ мелкую разнѣнную монету 87). Любимымъ національнымъ украшеніемъ смоленскихъ женщинъ былъ зеленый бисеръ, за который платили Булгарамъ очень дорого: за каждую бисеринку платили по диргеми. Древніе русскіе писатели, говоря о духовныхъ сокровищахъ вѣры и благочестія, не находили лучшаго предмета для сравненія какъ „бисеръ драгій, добрый, многоцѣнный“. Въ Смоленскѣ и до сихъ поръ на одной изъ улицъ, тянущихся отъ желѣзно-дорожнаго вокзала по направленію къ Двѣру, существуетъ цѣлый рядъ деревянныхъ лавокъ, предметами

82) Jbn—Fozlan's u. a. arab. Berichte, s. 331.

83) Соловьевъ, И. Р. I, прим. 401.

84) Березковъ, 33. „Сборн. Археол. Инст.“ т. II, 48.

85) Савельевъ, О вост. нумизм. в археол. въ Ж. М. Н. Пр. 1847, III, 46.

86) Погодинъ, Древн. Русск. Ист. I, 397.

87) Жюльсонъ. Изв. о Хоз. Бург. и Булг. Сл. и Р. Ибнъ Даста, 36. Григорьевъ, Сб. Россія и Азія 155, 157.

торговли которыхъ служатъ бисеръ и стеклянные бусы. Единственными покупателями этихъ предметовъ всегда являлись бѣлорусскія женщины. Вообще какъ на особенную національную черту бѣлоруссовъ слѣдуетъ указать на тотъ фактъ, что все свѣтлое, яркое привлекаетъ къ себѣ взоръ бѣлорусса, чаруетъ и восхищаетъ его. На изможденномъ, блѣдномъ лицѣ крестьянки мгновенно появляется свѣтлая улыбка, когда она покупаетъ и надѣваетъ себѣ на шею нѣсколько нитокъ краль. Въ Смоленской и Витебской губерніи, а также въ Даніи и Швеціи въ курганахъ находятъ массу граненныхъ сердоликовъ овальной формы, стеклянныхъ бусъ, нѣрѣдко нанизанныхъ на толстую винтообразную бронзовую проволоку, шейныхъ браслетъ, свитыхъ изъ проволоки жгутомъ, перстней, согнутыхъ изъ прорѣзанныхъ дырчатыхъ пластинокъ, расширенныхъ къ наличной сторонѣ³⁸⁾. Изъ другихъ украшеній бѣлорусскихъ женщинъ существовали въ древности ожерелья, кольца и запястья изъ бронзы, все это слѣды вліянія арабской культуры и отчасти Византіи, гдѣ искусство стеклянной мозаики было доведено до совершенства³⁹⁾.

Всѣ эти произведенія арабско-мусульманской цивилизаціи несомнѣнно оказывали вліяніе на развитіе и нашего національнаго искусства⁴⁰⁾, и промышленности, а такъ какъ у арабовъ существовали гуманные нравы, образованіе, то это имѣло вліяніе на смягченіе нравовъ русскихъ: послѣдствіемъ мирныхъ столкновеній различныхъ народовъ и расъ, какъ извѣстно, всегда было изобиліе, богатство и образованіе. Извѣстно по крайней мѣрѣ, что изъ Булгаріи приходили къ намъ мастера. Въ г. Юрьевѣ каменную церковь построилъ болгарскій мастеръ, и церковь эта была прекрасной архитектуры (Сб. Арх. инст. II, 48). Русская пословица: „нѣтъ худа безъ добра“ оказывается приложимой и въ этомъ отношеніи. Изъ Авіи дѣйствительно пришла къ намъ всяческая культура, но оттуда же пришла въ послѣдствіи и „духовная неволя, растлѣвающее рабство... Съ сѣверо-востока ворвались къ намъ свирѣпыя орды косоглазыхъ наѣздниковъ съ войлочными попонами, вшами и кумысомъ, съ кожанными кнутами, жестокими погребальными обычаями“ и пр.⁴¹⁾

³⁸⁾ Забѣлинъ, И. Р. Ж. II, 184.—А. Богдановъ, курганныхъ черепкахъ южнов. у. смоленской губ., стр. 2.

³⁹⁾ Голубовскій, Ист. Сѣв. З., въ Сб. студ. ун. св. Влад., III, 80. Недавно при копаніи земли подъ фундаментъ дома въ рослав. у. были найдены въ землѣ продолговатая стеклянная бусы съ позолотой, очевидно древняго происхожденія.

⁴⁰⁾ О вліяніи свирійско-персидск. искусства на русское смотри, напр., интересную книгу Віоле-де-Дюва: „Русское искусство“.

⁴¹⁾ В. Генъ, Культурн. раст. и дом. жив., 8—9.

Съ выработкой зачатковъ торгово-промышленной дѣятельности населенія, первыми представителями ея, проводниками и распространителями, какъ у насъ на Руси, такъ и въ зап. Европѣ, были евреи. Тамъ, гдѣ русскіе не знали торгово-промышленныхъ путей или почему-либо не отваживались пускаться въ далекій путь безъ опытныхъ, знающихъ людей, евреи всегда почти являлись проводниками торговыхъ каравановъ и на морѣ, и на сушѣ, и они тѣмъ болѣе могли облегчить намъ торговныя сношенія съ востокомъ, что это были единственные тогда люди, которые могли объясняться на всевозможныхъ языкахъ: персидскомъ, арабскомъ, греческомъ, испанскомъ (андалузскомъ) 42).

Евреи проникли первоначально въ Кіевъ еще за долго до образованія нашего государства, въ то время, когда южною Русью владѣли Козары, у которыхъ, какъ мы сказали выше, они имѣли своими прозелитами кагана съ высшимъ дворянствомъ. Это время было цвѣтущей эпохой для евреевъ. Изъ Кіева ихъ колоніи мало-по-малу распространились и по другимъ областямъ и городамъ русской земли: въ Смоленской они населяли въ XII в. Мойшинскую волость 43); изъ другихъ городовъ они населяли Владиміръ-Волынской, Владиміръ-на-Клязьмѣ и др. 44). Однако, уже при Владиміръ Мономахѣ евреи успѣли возбудить противъ себя общую народную ненависть своимъ ростовщицествомъ. Въ ихъ рукахъ всегда сосредоточивалась масса всевозможной золотой и серебряной монеты: козарской, арабской, испанской, на которую русскіе были падки, какъ на рѣдкость. По свидѣтельству Татищева, основанному на Іоакимовской лѣт., кіевляне просили Владиміра Мономаха „дать управу надъ евреями за то, что они отняли у русскихъ всѣ промыслы“, а при князѣ Святополкѣ евреи „имѣли великую свободу и власть, чрезъ что многіе купцы и ремесленники разорились; они же много прельстили въ ихъ законъ и поселились домами между христіанами, чего прежде не было“. На эту народную жалобу Мономахъ отвѣчалъ такъ: „такъ какъ евреевъ много развелось въ разныхъ русскихъ княжествахъ, то я не могу ничего рѣшить безъ совѣта съ другими русскими князьями, которые сами допустили ихъ къ себѣ“ 45). Татищевъ далѣе передаетъ за достовѣрное, что будто бы русскіе князья разослали по всѣмъ горо-

42) Срезневскій, Слѣды давн. знакомства русск. съ южн. Азіей въ IX в. въ П. Г. об. 1854, I, 51.

43) Въ настоящее время, какъ надо думать, деревня Мошевалъ при р. Сожѣ. См. Сп. насел. м., т. XX, № 8030.

44) Голубинскій, Ист. Р. церкви, т. I, 2 полон., 708. Ипат., 401.

45) Татищевъ, И. Р., II, 212—13.

дамъ „грамоты“, въ силу которыхъ евреевъ немедленно выгнали изъ Руси. Однако новѣйшими изслѣдованіями это не подтверждается. Дѣйствительно, кievскій князь Владиміръ Мономахъ устроилъ въ Кіевѣ княжескій сѣздъ, на которомъ принято было рѣшеніе ограничить „росты жидовъ“ и кромѣ того имъ и армянамъ хотя и представлялась свобода общественнаго богослуженія, но подъ условіемъ жительства въ отдѣльных мѣстахъ и отдѣльными слободами 46). Впослѣдствіи, во время литовскаго господства въ сѣв.-зап. Руси, именно при Ольгердѣ и Витовтѣ, сила и значеніе евреевъ опять возросли до небывалыхъ прежде размѣровъ. Торговля русскихъ съ арабско-мусульманскимъ міромъ продолжалась только до XI в., что обуславливалось преимущественно двумя причинами: уже съ X в. русскіе, тѣснимые съ юга новыми дикими кочевниками-печенѣгами, стали искать убѣжища и возможности безпрепятственной колонизаціи на сѣверѣ; съ другой стороны, сами Козары, видя усиливающееся могущество русскихъ, стали стѣснять русскую торговлю, какъ впослѣдствіи сдѣлали и нѣмцы, и старались затруднять доступъ русскимъ въ свои владѣнія, позволяя имъ вести торговлю исключительно въ одномъ Итилѣ 47). Конечно, русскіе, познакомившись съ богатствами арабо-мусульманской культуры и промышленности, не хотѣли, да и не находили основанія подчиниться этимъ невыгоднымъ для нихъ распоряженіямъ, и потому стали добывать себѣ право свободной торговли съ Козаріей силой оружія, что въ концѣ-концовъ повело къ совершенному разоренію козарскаго царства. Въ теченіи 25 лѣтъ, начиная съ 945 по 970 годъ, русскіе совершили четыре военныхъ похода въ прикаспійскія страны и Закавказье, такъ что въ 977 году „отъ Булгаръ и Козаръ не осталось уже и слѣда“ 48). Съ XI вѣка вообще арабская торговля окончательно падаетъ вслѣдствіе ослабленія халифата и разныхъ неурядицъ внутри Азіи 49), напр., вторженія тюркскихъ кочевниковъ въ Персію и Харосанъ.

Находясь по своему географическому положенію на трехъ главныхъ водныхъ путяхъ, изъ коихъ одинъ, Днѣпровскій, былъ ближайшимъ путемъ изъ Смоленска въ Византію, Смоленскій край всего естественнѣе могъ имѣть торговыя сношенія съ Византіей и притомъ еще за долго прежде, нежели начались сношенія смольнянъ съ востокомъ. По берегамъ Зап. Двины, въ сѣверныхъ частяхъ Днѣпра и въ остзейскомъ краѣ до сихъ поръ встрѣчаются находки греческихъ

46) Сохольевъ, И. Р., II, 76. Голубинскій, И. Р. Ц., 2-я пол. I т. 170.

47) Гильфердингъ, I, 308. Бережковъ, 20.

48) Дорязъ, о наход. др. Рус. въ Тибаристанѣ, 531—33.

49) Бережковъ, 53.

и римских монетъ, относящихся ко времени еще до Р. X. Еще Геродотъ упоминаетъ о скинахъ—земледѣльцахъ, которые жили вверхъ по Днѣпру на 11 дней пути отъ Греціи ⁵⁰). Но несомнѣнно, что если русскіе еще за долго до принятія христіанства плавали въ Грецію для торговыхъ цѣлей, то сами греки временъ апостоловъ плавали вверхъ по Днѣпру для торговли „съ варварами“ только приблизительно до границы губ. Херсонской, Таврической и Екатеринославской — до мѣстечка Николая ⁵¹). Впрочемъ даже относительно торговли смолянъ съ Греціей точныя лѣтописныя извѣстія встрѣчаются не ранѣе X вѣка. Смоленяне и Радимичи (на Сожѣ) занимались главнымъ образомъ производствомъ лодокъ—однодеревокъ (топохула), которыя цѣлыми тысячами отправляли они на продажу въ Кіевъ, гдѣ покупала ихъ варяжская дружина для своихъ воинственныхъ походовъ и купцы для торговли съ Греціей ⁵²). Смоленскія лодки нассами покупали и новгородцы и вообще всѣ жители сѣверныхъ русскихъ областей, участвовавшіе въ торговлѣ съ Греціей. Искусство судо и лодко-строенія сохранилось по традиціи и въ современномъ старомъ поколѣніи людей, живущихъ по берегу Днѣпра, оттого эти лодки такъ дорого цѣнятся: „по старинному сдѣлана“, обыкновенно говорятъ крестьяне, когда хотятъ похвалить купленную у днѣпровскихъ крестьянъ лодку. Императоръ Константинъ Вагрянородный очень подробно описываетъ характеръ торговли смолянъ и ихъ путешествія съ этою цѣлью внизъ по Днѣпру. „Суда русскихъ купцовъ приходятъ изъ Новгорода, Чернигова, Смоленска, Любеча и Вышгорода. Славяне, Кривичи, Лензанины ⁵³) зимою рубятъ дѣсь на горахъ своихъ и строятъ лодки (разумѣется, осмоливъ ихъ), называемыя топохула, ибо онѣ дѣлаются изъ одного дерева. По вскрытіи Днѣпра, Кривичи и Славяне приплываютъ въ Кіевъ и продаютъ оныя Россіанамъ, которыя дѣлаютъ уключины и весла изъ старыхъ лодокъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ собирается весь російскій флотъ въ городъ Витичевъ, откуда идетъ уже къ порогамъ. У четвертаго самаго опаснаго порога, Неасыта, купцы выгружаютъ товары и ведутъ скованныхъ невольниковъ около 6000 шаговъ берегомъ. Печенѣги ожидаютъ ихъ обыкновенно за порогами... У св. Георгія русскіе приносятъ богамъ своимъ жертву благодарности“ ⁵⁴). Уже въ X вѣкѣ въ Кіевѣ ежегодно происходило 8 ярмарокъ, которыя до монгольскаго ига посѣщала масса русскихъ и

⁵⁰) Геродотъ, пер. Мартынова, кн. 4, 364.

⁵¹) Голубинскій, II. Р. Ц. I, 9, прим. 2. Зап. Од. общ. ист. I, 16—16.

⁵²) Карамзинъ, I, 47.

⁵³) По Забѣлину, подъ Лензанинами слѣдуетъ разумѣть смолянъ. Ист. Р. Ж. II, 368.

⁵⁴) Карамзинъ, I, 281—282.

русскихъ и мусульманскихъ купцовъ: нѣмцевъ, армянъ, грековъ, болгаръ, коваръ, литовцевъ и др. 55). О прїѣздѣ нѣмцевъ въ Кіевъ лѣтопись упоминаетъ подъ 1075 г. Кіевскій князь Святославъ съ гордостію показывалъ имъ вынутыя изъ кладовой греческія товары: золото, серебро и паволоки, на что нѣмцы не безъ основанія замѣтили, что все это они ни во что не цѣнятъ, такъ какъ это мертвый капиталъ 56). Отправляясь въ Византію, обыкновенно въ концѣ весны, русскіе брали съ собой провизіи на полгода, такъ какъ греки вообще не позволяли имъ зимовать въ Царьградѣ. Такая масса русскихъ купцовъ лѣтомъ могла свободно располагаться и на своихъ судахъ и гдѣ попало, зимой же она должна была селиться въ домахъ, слѣдовательно, жить среди греческаго населенія, могла производить разные безчинства, что, очень понятно, должно было причинять греческимъ властямъ много беспокойства. Въ торговыхъ договорахъ русскихъ съ греками постоянно упоминаются воровство, буйство, убійства, совершаемыя русскими въ Царьградѣ 57). Вотъ почему въ интересѣ грековъ было, насколько возможно, ограничить время пребыванія русскихъ купцовъ въ своей странѣ. Этой торговлѣ русскихъ купцовъ съ греками сильно мѣшали печенѣги: они верѣдко подстерегали торговые караваны „гречниковъ“ и грабили ихъ. Поэтому въ расчеты русскихъ князей всегда входило охранять греческій путь отъ печенѣговъ или же, по мѣрѣ возможности, жить съ ними дружно, такъ какъ русскіе во множествѣ доставляли отъ нихъ рогатый скотъ, коней и овецъ 58). Предметы торговли смольнянъ въ Византію были очень не сложны и ограничивались, какъ въ большинствѣ случаевъ и теперь, больше сприми товарами. Медъ, воскъ, мѣха, пенька, соленая рыба и невольники, — вотъ и все, что русскіе могли предлагать въ обмѣнъ на предметы византійской роскоши: золото, серебро, паволоки, вина, оливковое масло и „овощеве различніи“, т.-е. финики и всѣ важныя плоды въ сухомъ видѣ 59), а также сукна, сафьянъ и перецъ. Позднѣе, въ періодъ христіанскій, смольняне покупали тамъ все, что касалось предметовъ богослуженія и церковнаго украшенія: церковныя сосуды, священныя одежды, иконы, ладанъ, грецкія губки, мраморъ, краски и финифть 60). Последняя (на западѣ эмаль) весьма искусно приготовлялась греками изъ стекло-

55) Беръ, Ист. всем. торговли, II, 416.

56) Ипат. лѣт., 139.

57) Ibidem, 20—21.

58) Бережковъ, 26.

59) Забѣлинъ, И. Р. Ж. II, 378.

60) Аристовъ, Пром. др. Руси. 184—5.

видной массы и продавалась по всей Руси въ громаднѣхъ размѣрахъ вплоть до XV вѣка 61).

Греческой финифтью въ Смоленскѣ были украшены иконы въ церквахъ Іоанна Богослова и Архистратига Михаила, построенныхъ въ XII вѣкѣ; изъ Греціи же приходили въ Смоленскъ мастера и архитекторы для постройки церквей. Впрочемъ, не одни только предметы роскоши смоляне могли заимствовать отъ грековъ; они заимствовали отсюда для своей культуры и нѣкоторыя огородныя овощи: огурцы, свеклу и капусту, изъ коихъ послѣдняя начала воздѣлываться въ смоленскомъ краѣ только съ начала XII в. 62). По мнѣнію Бережкова, греча будто бы привезена тоже съ юга „какъ греческое хлѣбное растеніе“; но греча, какъ извѣстно, около береговъ Средиземнаго моря совсѣмъ не произрастаетъ, поэтому она и не могла быть привезена съ юга, а скорѣе всего получена русскими отъ волжскихъ татаръ 63).

Съ половины XIII в., т.-е. въ періодъ татарскаго нашествія на Русь, греческій путь становится уже не безопаснымъ для торговыхъ каравановъ. Когда митрополиту Кириллу II нужно было ѣхать въ Грецію для своего поставленія, то онъ поѣхалъ уже не Дибромъ, гдѣ татары никого почти не пускали, а окружнымъ путемъ черезъ Угрію 64). Это послѣднее обстоятельство вызвало въ русскихъ стремленіе къ отысканію другихъ внѣшнихъ рынковъ для сбыта своихъ продуктовъ. Такимъ образомъ съ конца XII и начала XIII вв. востокъ и югъ теряютъ для насъ всякое культурное значеніе и мы начинаемъ придвигаться ближе къ западу, къ нѣмцамъ, торговныя сношенія съ которыми не прерывались, по крайней мѣрѣ, со смолянами, до XV вѣка. Вліяніе западныхъ идей и вообще западной культуры начинаетъ мало-по-малу обнаруживаться въ измѣненіи нравовъ и обычаевъ. Но прежде нежели мы будемъ говорить о сношеніяхъ смолянъ съ западомъ, мы должны коснуться здѣсь, хотя въ краткихъ чертахъ, отношеній смолянъ къ литовцамъ, которые къ тому же какъ разъ жили на пути торговыхъ сношеній смолянъ съ западными народами, слѣдовательно должны были оказать то или другое вліяніе на ихъ общественный бытъ.

Литовцы, какъ пограничныя жители со смоленскимъ краемъ,

61) Забѣлявъ, *Ист. финиф. и девян. производства въ Россіи въ Зап. И. Арх. Общ.* 1856, VI, 238.

62) Уст. грам. князя Ростисл. Мст., данная епископѣ въ Собр. важн. памятн. по исторіи др. русск. права, изд. Лазаревскимъ и Утинымъ, стр. 417.

63) В. Генъ, *Культ. раст.*, 1872 г., 307.

64) Иловайскій, *Исторія Россіи*, II, 82, 461.

исконя вѣковъ находились въ непрерывномъ общеніи съ сосѣдами—смолянѣми. Колонизація смолянъ въ литовской странѣ и литовцевъ въ смоленской была непрерывна, такъ что трудно было указать даже границы литовскихъ владѣній съ смоленскими. Но такъ какъ смолянѣ были сильнѣе литовцевъ культурными задатками, то послѣдніе и должны были подчиниться влиянію болѣе развитой русской гражданственности, особенно на окраинахъ своихъ они подвергались постоянному обрусенію: принимали русскій языкъ, религію, обычаи 65). Литовская страна была страна дѣлая, лѣсная и болотистая, куда можно было пробраться только зимой, а лѣтомъ она была совершенно непроходима. Смолянѣ ишли въ это время сношенія съ одними лишь прибрежными жителями Зап. Двины и притока ея Десны, Березины и Нѣмана 66). Съ полоцкими и смоленскими кривичами литовцы всегда жили дружно.

Русскіе безъ труда налагали на литовцевъ дани, на удобныхъ береговыхъ холмахъ рубили городки, гдѣ литовцы могли мѣнять добычу отъ своихъ звѣринныхъ промысловъ на хозяйственныя орудія—жельзо, серпы, косы, оружіе, а также соль, стекло и женскія украшенія. Литовскіе лѣса изобиловали всякаго рода звѣрями; зубрами, оленями, дикими козами, бобрами, выдрами и соболями, поэтому изъ Литвы постоянно шли торговые караваны со шкурами пушныхъ звѣрей, со льномъ, пенькой, саломъ, янтареиъ и сушеной рыбой въ Полоцкъ, Смоленскъ, Новгородъ, Псковъ, Любечъ, Черниговъ, Кіевъ и Новгородскъ 67). Собственно отъ смолянъ литовцы научились гончарному искусству и выдѣлкѣ кожъ, приготовленію войлока, гонѣ смолы и дегтя, чего прежде они совершенно не понимали; безъ смолянъ они не знали даже употребленія воска, который по выпускѣ меда сваливали въ большія кучи и бросали какъ вещь ни на что негодную 68).

Въ литовскихъ курганахъ до сихъ поръ находятъ разныя металлическія вещи восточной работы, которыя, конечно, попали туда путемъ торговли со смолянѣми 69). Всѣ эти факты весьма ясно говорятъ въ пользу культурно-цивилизаторской роли русскихъ вообще и смолянъ въ частности среди литовцевъ. Однако, какъ ни велико

65) Иловайскій, И. Р. II.—Geschichte der Ostsee-Provinzen 1879 I, § 22.

66) Вѣляевъ. Оч. сѣверо-зап. края Россіи, рукоп. Рум. Музея, № 1867; отд. 4.

67) Боровиковскій, Матер. для геогр. и стат. Гродн. губ. 1, 70.

68) Ibidem, 71, 72.—Вѣляевъ. Оч. сѣверо-з. кр. Р. рукоп. Румянц. М. № 1867; отд. 4.

69) Савельевъ, О вост. нумизм. и археологіи въ Россіи, Ж. М. II. Пр. 1847, III, 48.

было вліяніе русскихъ на литовцевъ, они не могли сохранить за собою литовскихъ владѣній. Ливонскій лѣтописецъ XIII в., Генрихъ Латышъ, приписываетъ это тому обстоятельству, что „русскіе не имѣли обычая обращать въ христіанство покоренныхъ язычниковъ (fidei christianaе subijcere), а только собирали съ нихъ дань“. Л. Майковъ, вѣроятно основываясь на этихъ словахъ Г. Латыша, приписываетъ неумѣнье русскихъ утвердиться на низовьяхъ Запад. Двины и охранить туземцевъ отъ нѣмецкой власти и вообще отъ оцѣмеченія именно благодаря отсутствію проповѣди среди литовцевъ на славянскомъ языкѣ. „Эта проповѣдь, по его мнѣнію, должна была быть однимъ изъ могущественнѣйшихъ способовъ объединенія племенъ. Тамъ, гдѣ проповѣди этой не было, или она была слаба, туземныя народности лишь въ малой степени поддались русскому вліянію“ 70). Отсутствіе славянской проповѣди среди литовцевъ отнюдь не слѣдуетъ приписывать религиозному индифферентизму русскихъ. Въ періодъ борьбы нѣмцевъ съ литовцами русскіе, особенно кривичи, сами были слабы въ христіанствѣ; ихъ религиозное міросозерцаніе отличалось двоевѣріемъ, въ которомъ не малую роль игралъ элементъ языческой, элементъ въ одинаковой мѣрѣ присущій и литовцамъ. Смоленяне, напр., и въ XII в. были еще полуязычниками и полухристіанами. Вѣдь нѣмцы подчинили себѣ литовцевъ не столько силою проповѣди, сколько силою оружія, цѣною цѣлыхъ тысячъ человѣческихъ жизней. Нѣмцы почти буквально опустошили и залили кровью всю литовскую страну и, конечно, эта рѣзня людей содѣйствовала еще болѣе общему огрубѣнію нравовъ. Эсты, напр., до прибытія въ ихъ страну нѣмецкихъ рыцарей, пользовались благосостояніемъ и достигли нѣкоторой степени гражданственности, но подъ гнетомъ нѣмцевъ они опять совершенно огрубѣли, превратились въ первобытное состояніе 71). Причемъ же тутъ вліяніе на туземцевъ христіанской проповѣди?

II.

Съ конца XII в. произошелъ совершенный переворотъ въ исторіи соціально-экономической жизни русскаго народа. И смоленяне, и новгородцы вступаютъ въ круговоротъ исторической жизни европейскіхъ народовъ, вступаютъ съ ними въ свободное, живое общеніе и до нѣкоторой степени воспринимаютъ ихъ культуру. Первыя торговныя

70) О древней культурѣ западныхъ финновъ въ Ж. М. Н. Пр. 1877, XII, 263.

71) Geschichte der Ostsee Provinzen (неизвѣстн. автора) 1. 10.

историч. обозрѣніе, т. VII.

предпріятія нѣмцевъ по Зап. Двинѣ и послѣдовавшее потомъ завоеваніе ими Лифляндіи и Эстляндіи описаны ливонскимъ священникомъ и миссіонеромъ среди Леттовъ и Летиголовъ, Генрихомъ Латышемъ въ его хроникѣ, охватывающей время съ 1184 до 1227 годъ, такимъ образомъ; представляющей главный источникъ для древней исторіи остзейскаго края ⁷²⁾.

Весной 1159 г. бременскіе купцы предприняли путешествіе съ торговыми цѣлями на островъ Готландъ; мимоходомъ они рѣшились исследовать восточные берега Балтійскаго моря съ цѣлью, конечно, расширенія торговыхъ рынковъ; но бурей прибило ихъ легкой корабль къ устью Зап. Двины и они волей не волей должны были здѣсь поселиться на время. Само собой разумѣется, къ незваннымъ гостямъ явилось нѣсколько сотъ вооруженныхъ стрѣлами и копьями туземцевъ, которые съ неистовыми криками бросились на корабль, но тотчасъ же были отбиты. Чтобы задобрить туземцевъ, нѣмцы предложили имъ въ подарокъ разные мелкіе товары: ножи, маленькія зеркала, гвозди и т. п., а Ливы съ своей стороны предложили имъ въ обмѣнъ шкуры, медъ, воскъ и др. сельско-хозяйственные продукты. Такимъ образомъ, между нѣмцами и ливами начались торговые сношенія, при чемъ и та, и другая стороны клятвенно обязались не обижать другъ друга. Первоначально нѣмцы получили дозволеніе вести торговлю вверхъ по Двинѣ только на 6 миль и около поселенія Иссколы построили складочное мѣсто для своихъ товаровъ ⁷³⁾. Спустя какія-нибудь 6—7 лѣтъ послѣ этого, нѣмцы проникли съ своими товарами въ Полоцкъ и Смоленскъ, что видно изъ словъ того же Генриха Латыша, который говоритъ, что въ 1165 г. нѣмецкіе купцы были ограблены эстонцами при своемъ путешествіи въ Полоцкъ ⁷⁴⁾. Впрочемъ, доказательствомъ того, что нѣмцы еще ранѣе XIII в. проникли въ Полоцкъ и Смоленскъ; служитъ письменный договоръ Новгорода съ Готами и нѣмцами, заключенный въ княженіе Ярослава (1195—1199). Тамъ говорится „оже тажа родится к—нное земля въ русскихъ городѣхъ, то у тѣхъ свое таже прошати, искати Новгороду не надобѣ, а тажа на городы“ ⁷⁵⁾. Здѣсь подъ иной землей слѣдуетъ разумѣть, конечно, Полоцкъ и Смоленскъ; изъ одного торговаго договора смоль-

⁷²⁾ Хроника Генриха Латыша, нѣсколько разъ издававшаяся на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, въ 1877 г. была переведена и на русскій языкъ Э. Пабстомъ. См. Сборн. матер. и стат. по исторіи прибалтійскаго края, т. I, стр. 74—285.

⁷³⁾ Gesch. d. Osts. Prov. I, 26.—Rus. livl. Chronogr. 1862, p. 12.

⁷⁴⁾ Р. Ливонскіе акты, 450, Hohlbaum. Hdb. 17.

⁷⁵⁾ Полный уставъ нѣмцевъ въ Новгородѣ (schra) составленъ не прежде 1225 г. См. Sartorius—Lappenberg, II, 16.

нанъ съ нѣмцами тоже ясно видно, что еще при Мстиславѣ Романовичѣ (1197 — 98) существовали уже правильныя торговыя сношенія нѣмцевъ съ смольнянами 76). Тоже самое подтверждаетъ и Гельмольдъ, говоря, что въ концѣ XII в. герцогъ Голштинскій, Генрихъ Левъ, сдѣлавъ г. Любекъ столицею и порто-франко для всѣхъ торговыхъ судовъ, послалъ пословъ въ Данію, Швецію и Россію съ цѣлью приглашенія купцовъ этихъ странъ въ Любекъ, предоставивъ имъ свободу отъ всѣхъ пошлинъ. И русскіе, и шведы воспользовались этимъ приглашеніемъ 77). Изъ лѣтописи Руссова мы даже видимъ, что обитателямъ сканд. и ютланд. полуострововъ земли Зап. Двинскаго бассейна извѣстны были еще ранѣе XII в., но только бременскіе купцы первые завязали правильныя торговыя сношенія съ ливами и русскими (Лѣтоп. Руссова въ Сб. мат. и ст. по ист. прибал. края, т. II, 172),

Нельзя, конечно, думать, чтобы русскіе равнодушно относились къ усиленію нѣмцевъ утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря, почти бокъ-о-бокъ съ русскими владѣніями, и подчинить себѣ туземныя племена. Городъ Рига былъ основанъ въ 1201 г., а въ 1211 г. епископъ Альбертъ далъ его купечеству привилегію плавать вверхъ по Зап. Двинѣ беспошлинно. По мѣрѣ того, какъ расширялась торговая дѣятельность нѣмцевъ, у нихъ все болѣе и болѣе усиливается желаніе распространить свои владѣнія все на болѣе и болѣе болѣе районъ. Уже въ началѣ XII в., они покоряютъ и обращаютъ въ латинство Ливовъ, дѣлаются полными хозяевами ихъ страны и почти совершенно отстраняютъ отъ моря самихъ Полочанъ 78). Такой образъ дѣйствій нѣмцевъ выводитъ русскихъ изъ мирнаго, выжидательнаго положенія. Въ 1205 г. начинается борьба Полочанъ съ нѣмцами. Полоцкій князь Владиміръ Васильковичъ заключилъ союзъ съ Ливами и Литовцами противъ нѣмцевъ и запретилъ послѣднимъ вести проповѣдь далѣе внутрь страны, угрожая въ противномъ случаѣ сжечь всѣ замки въ Лифляндіи. Но нѣмцы, благодаря своей тактичности, съумѣли во-время отклонить эту грозу. Въ 1210 г. изъ Риги прибылъ въ Полоцкъ посолъ Рудольфъ Эрихъ съ цѣлью разузнать, расположенъ ли полоцкій князь заключить миръ и дозволить нѣмецкимъ купцамъ торговать въ своей странѣ? Въ отвѣтъ на это осенью того же года Полоцкій князь послалъ въ Ригу „умнаго и богатаго мужа“ Лудольфа изъ Смоленска (нѣмецкаго поселенца въ Смоленскѣ) для

76) Р. Л. А., Anhang № II и стр. 408. Боннель относитъ начало торговли нѣмцевъ съ русскими на Двинѣ къ 1180 г. Эту торговлю вели города: Сестъ, Дортмундъ, Медебахъ и Любекъ. См. Rus-liv. Chronogr., p 12.

77) Helmold, I, s. 49, 85.

78) Тихомировъ, Торг. и мирн. снош. русскихъ княж. съ Ливоніей. Ж. М. Н. Пр. 1876 г., V, 162.

заключеніи вѣчнаго мирнаго договора, но съ тѣмъ, чтобы или рижане, или вмѣсто нихъ епископъ, давали дань князю полоцкому 79). Договоръ былъ заключенъ отъ имени Смоленска, Витебска и Полоцка, что ясно указываетъ на подчиненное положеніе послѣднихъ двухъ городовъ первому. Разумѣется, чисто-внутренніе, торгово-промышленные интересы полочанъ и витеблянъ принудили послѣднихъ такъ скоро склониться къ миру. Имъ выгодны были сношенія съ нѣмцами, такъ какъ они славляли по Зап. Двинѣ массу строительныхъ матеріаловъ 80). Не вина русскихъ, если миру этому не суждено было продолжаться долго. Дѣло въ томъ, что черезъ пять лѣтъ послѣ этого русскіе снова вступили въ борьбу съ нѣмцами, побужденные къ тому ихъ варварскимъ отношеніемъ къ Ливамъ и Леттамъ 81). Въ мартѣ 1217 г. псковскій князь Владиміръ и Мстиславъ повгородскій явились съ 20,000 войскомъ подъ стѣнами г. Оденле и принудили его къ сдачѣ, причеиъ взяли съ жителей города громадную контрибуцію. Проворливый Мстиславъ скоро сообразилъ, что продолжительный миръ съ нѣмцами на правахъ равноправности невозможенъ. У него созрѣла въ головѣ мысль совершенно вытѣснить нѣмцевъ—рыцарей съ прибрежной территоріи и въ слѣдующемъ же году онъ опять явился съ еще болѣе многочисленнымъ войскомъ новгородскимъ и псковскимъ подъ стѣнами самой Риги... Наступившее скорѣе калекское пораженіе было рѣшительнымъ моментомъ для русскихъ, давшимъ иное направленіе ихъ вѣишней политикѣ. Это событіе, которое лѣтописецъ приписываетъ „крестьянскому прегрѣшенію“, весьма сильно потрясло всю русскую землю и ужаснымъ образомъ отразилось на благосостояніи народа. Кромѣ множества людей погибла масса рабочаго скота. Новгородцы „отъ гладыи смерти изъмроша, а живыи разыдохаша по чужимъ землямъ; такоже и Смоленска и вси просто гради стольніи смерти тоа вкусыше въ скорѣе осиротѣша 82)“ Нечего и говорить, что миръ съ нѣмцами въ это печальное время могъ быть для насъ только благодѣяніемъ. Еслибы даже князья и желали продолженія войны съ нѣмцами, то народъ—новгородцы, псковичи и смольняне „рѣшительно отказались слѣдо-

79) *Benigano recipiens es affectu et pacis tranquillitate congaudens, licet in dolo, misit cum eis Ludolfum, virum prudentem ac divitem de Smalenceke, ut Rigam veniens, que iusta sunt et pacifica retractet. Qui postquam in Rigam venerunt regis voluntatem aperuerunt placuit Rigensibus, et facta est pax perpetua. Henrici, chronicon Livoniae 1874, p. 6.*

80) Рихтеръ, прибалт. край и его населеніе, въ Сб. матер. по исторіи прибалт. края I, 17.

81) *Gesch. d. Ostseeprovinz, I. S. 50.*

82) Тверск. лѣт. XV, 121.

вать за своими князьями въ новыя походы въ Ливонію 83).⁸³ Въ годъ смерти рижскаго епископа Альберта, знаменитаго устроителя Ливоніи, въ началѣ весны 1229 г., по иниціативѣ смоленскаго князя Мстислава Давыдовича въ Ригу и на о. Готландъ было отправлено посольство изъ трехъ лицъ: „сотскаго ума мужа Пантелея, лучшаго попа Еремея“ и нѣмецкаго купца въ Смоленскѣ, Тумана для заключенія съ нѣмцами вѣчнаго мира и торговаго договора именно такъ, какъ онъ существовалъ „издавна“ 84). Изъ Риги посольство отправилось на о. Готландъ для совѣщанія съ представителями общаго Ганзейскаго союза, прибывшими изъ городовъ: Визби, Любека, Сеста, Бремена, Мюнстера, Гренингена, Дортиунда и Риги. Въ послѣднее время между нѣкоторыми нѣмецкими учеными возникла мысль доказать, что русскій экземпляръ договора не можетъ разсматриваться какъ оригиналъ, но представляетъ лишь очень плохой переводъ (*unbe soffene*) съ другого языка⁸⁵; иные, какъ напримѣръ проф. Тобіа, идутъ въ своихъ предположеніяхъ еще далѣе, утверждая, что статьи договора во всемъ своемъ объемѣ предложены были нѣмцами русскимъ посламъ и купцамъ на о. Готландѣ, а потомъ уже переведены на русскій языкъ, что ясно будто бы изъ словъ договора: „ся грамота естъ выдана на Гочкомъ березѣ пьрьдъ роускимъ посломъ и пьрьдъ всеши латинскимъ коупцы 86)“. Въ данномъ случаѣ смольняне оказываются пассивными, послушными орудіями въ рукахъ нѣмцевъ, съ благодарностію принимая отъ нихъ такія условія торговаго договора какія угодно было имъ предложить. Однако, тщательный анализъ договора по всемъ статьямъ приводитъ къ совершенно иному выводу. Сравнивая его напр., съ постановленіями Русской Правды и новгородскаго договора съ нѣмцами 1195 г., особенно статьи опредѣляющія наказанія за уголовныя преступленія, мы увидимъ, что эти статьи почти вполне соответствуютъ постановленіямъ Русской Правды и договора 1195 г. 87), слѣдовательно, несомнѣнно, эти статьи были представлены русскими. Проектъ договора былъ составленъ въ Смоленскѣ, утвержденъ на о. Готландѣ и русскимъ посламъ была выдана копія его съ нѣмецкой стороны.

Всѣхъ редакцій или лучше вариантовъ договора 1229 г. дошло до насъ 7. Онъ состоитъ изъ 37 статей и заключаетъ въ себѣ постановленія относительно торговли, уголовного и гражданскаго права.

⁸³) Фортинскій, Приморскіе и вендскіе города. 1877, ст. 365.

⁸⁴) Кунъ. Р. Л. А. 408.

⁸⁵) *Livlan. Urkund. I, Reg. 115. S. 27—28.*

⁸⁶) Фортинскій, 365.

⁸⁷) Владимірскій-Будавовъ, Хрестом. по ист. р. права I, примѣчаніе 50 на стр. 110.

Договоръ этотъ служитъ прототипомъ всѣхъ послѣдующихъ, которые только повторяютъ Мстиславовы условія; у нѣкоторыхъ все различіе сводится къ однѣмъ ореографическимъ, или однѣмъ внѣшнимъ, формальнымъ особенностямъ.

Содержаніе договора настолько полно живого интереса, что мы передадимъ его здѣсь, по крайней мѣрѣ, въ существенныхъ чертахъ. Договоръ начинается изложеніемъ уголовныхъ преступленій и штрафовъ, которыми откупались виновные. Подробный анализъ преступленій, конечно, не могъ быть составленъ заранее, а priori, а скорѣе указываетъ на то, что перечисленные въ немъ преступленія были реальными фактами. Преступленія касаются преимущественно физическихъ насилій, причиняемыхъ другъ другу въ ссорѣ и дракѣ между нѣмцами и смолянами.

НАЗВАНІЕ ПРЕСТУПЛЕНІЙ.	Размѣръ штрафа въ гривнахъ.	На современ. денежную единицу (руб.)
1) Убіеніе въ ссорѣ свободнаго человѣка . . .	10	100 р. ⁸⁹⁾
2) Убіеніе холопа	1	5 "
3) Переломъ руки, ноги, выбитіе глаза.	5	25 "
4) Вышибленіе зуба, ударъ по уху палкой или мечемъ по какому либо мѣсту до снятковъ или до крови	3	15 "
5) За рану вообще.	1½	7 "
6) Выриваніе бороды послу или пону, боярину и туну.	5	25 "
7) Тоже обыкновен. человѣку	3	15 "
8) Безчестіе (изнасилов.) замужней женщины . . .	10	100 "
9) Тоже дѣвушка	5	25 "
10) „ дѣвушка не честнаго поведенія	1	5 "
11) Безъ вины связать или арестовать нѣмца или русскаго.	3	15 "

Въ юридическомъ и гражданскомъ отношеніи нѣмцы, проживающіе въ смоленскомъ княжествѣ, были совершенно равноправны съ русскими. Правительствомъ были употреблены всѣ усилія къ тому чтобы избѣжать нарушенія договора, гарантировать неприкосновенность и безопасность человѣческой личности. Князь смоленскій бралъ на себя обязанность защищать пріѣзжихъ гостей отъ обидъ во всемъ смоленскомъ княжествѣ, нѣмцы съ своей стороны тоже должны были дѣлать для русскихъ въ своей странѣ. „Не дай Богъ, чтобы между

⁸⁹⁾ Переводъ цѣности гривны на современную денежную единицу сдѣлавъ нами на основаніи вычисленій г. Погодина. См. его Др. Р. И. II, 487 и „Исл., лекц. и грам.“ т. VII, 343, гдѣ онъ оцѣниваетъ гривну сереб. въ 5 р. сер. на наши деньги.

нами былъ бой или убійство, говорится въ одномъ изъ договоровъ; за послѣднее можно конечно, и заплатить, лишь бы только миръ между нами не былъ нарушенъ, и заплатить такъ, чтобы любо было обѣимъ сторонамъ 89)“. Лицо, обвиняемое въ важныхъ, уголовныхъ преступленіяхъ, нельзя было вызвать противъ его воли на судъ Божій, а именно на испытаніе раскаленнымъ желѣзомъ и судебный поединокъ 90). Даже еслибы противъ обвиняемаго существовали явные улики въ виновности и тогда ни истецъ, ни власть не имѣли права приставить къ обвиняемому дѣтскаго (пристава) для вызова въ судъ, не объявивши предварительно о томъ общинному старостѣ, и притомъ непременно при двухъ свидѣтеляхъ. Договоръ обуславливаетъ невѣжественность при поединкахъ между русскими и нѣмцами мѣстныхъ властей, разумѣется, если сами тяжущіеся не сочтутъ нужнымъ обратиться къ содѣйствию администраціи.

Условія договора относительно торговли нѣмцевъ и русскихъ имѣютъ въ виду обоюдную выгоду и рисуютъ намъ ясными чертами характеръ организаціи торговыхъ общинъ. З. Двина отъ самыхъ истоковъ и до устья была признана свободной для обоюдной беспошлинной торговли. Смоленяне, полочане и витебляне имѣли право свободно и беспошлинно торговать не только по береговой полосѣ на протяженіи всей З. Двины до устья, но и по берегамъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей до Любека и р. Травы, а нѣмцы съ своей стороны изъ Двины могли на тѣхъ же условіяхъ идти волокомъ въ Днѣпръ до Смоленска, изъ Смоленска „въ другіе города, куда хотятъ“. Волоцкій тиунъ, тотчасъ же по приѣздѣ нѣмцевъ къ волоку, долженъ озаботиться немедленно ихъ перевозкой съ товарами до истоковъ Днѣпра и охраненіемъ ихъ во время перевозки отъ нападений „погани“, т.-е. отъ разбойниковъ и литовцевъ, которые нарочно подстерегали кунцовъ во время пути, разбивали и грабили 91); для этого въ его распоряженіи находилась община перевозчиковъ или волочанъ, которая подъ круговой порукой всѣхъ ея членовъ была ответственна за цѣлость чужого имущества во время пути. Тѣ же условія должны соблюдаться и въ нѣмецкой странѣ по отношенію къ русскимъ. Очевидно, что храненіе товаровъ въ мѣстѣ перегрузки и выгрузки было первоначальнымъ основаніемъ для введенія мыта или торговыхъ пошлинъ, которыя слѣдовательно возникли не изъ фискальныхъ цѣлей, а изъ цѣлей благоустройства 92). Случалось, что къ волоку единоре-

89) Р. Л. А. Anhang I, 422.

90) Jbidem, стр. 9.

91) Аристовъ, 248.

92) Владимірскій-Будановъ, Хр. по ис. р. пр. I, прил. 30 на стр. 105.

менно съѣзжалась масса русскихъ и нѣмецкихъ купцовъ, въ такомъ случаѣ вопросъ о преимуществѣ перевозки товаровъ рѣшался жребіемъ. Условія найма рабочихъ на перевозку, выгрузку товаровъ и пр. заключаются при свидѣтеляхъ, причѣмъ сверхъ ряды съ хозяевъ нельзя было требовать. Въ награду за аккуратную доставку товара къ истоку Днѣпра волоцкій тиунъ получалъ отъ нѣмцевъ по прибытіи въ Смоленскъ „рукавицы перстаты“ (перчатки), а смоленская княгиня поставъ полотна.

Въ началѣ XII в. торговля русскихъ съ нѣмцами производилась, какъ нѣной одного товара на другой, такъ и на наличныя деньги и въ кредитъ. Впрочемъ, кредитъ по недостатку и высокой цѣнности золотой и серебряной монеты былъ въ то время доступенъ лишь незначительному меньшинству, для бѣдныхъ же онъ былъ совершенно недоступенъ и потому послѣдніе большею частію вели нѣновой торгъ. Взять 20%, считалось въ то время самымъ обыкновеннымъ, зауряднымъ дѣломъ, но законъ не запрещалъ брать и 40%. При взыскаіи долга соблюдался слѣдующій порядокъ: если смольнянинъ единовременно задолжаетъ и своимъ землякамъ и нѣмцамъ, то долгъ уплачивается сперва нѣмцу, а потомъ уже землякамъ. Въ случаѣ нежеланія русскаго платить долгъ нѣмцу, послѣдній обращается съ жалобой въ общинный (опцій) судъ и тотъ приказываетъ приставу взыскаъь долгъ съ должника въ теченіе восьмидневнаго срока. Но если законъ сравнительно мягко обращался съ убійцами и должниками, обращалъ ихъ въ крайнемъ случаѣ во временное рабство, за то онъ жестоко каралъ воровъ: хозяинъ украденной вещи могъ сдѣлать съ воромъ что хотѣлъ—убить его, обратить въ рабство, пощиповать и т. д. Въ Ригѣ воровъ вѣшали, сожигали на кострѣ, отрубали ноги, руки и т. д. 98). Самыя условія тогдашней социальной жизни должны были вызвать подобныя отношенія къ ворами. При тогдашней необезпеченности человѣческой жизни, при ограниченности наличныхъ средствъ существованія и являвшейся вслѣдствіе того затруднительности ихъ добыванія, нарушеніе правъ частной собственности должно было вызывать въ обществѣ страшное негодованіе противъ нарушителей этихъ правъ. Грубость нравовъ смольнянъ служила причиною и частыхъ нарушеній постановленій торговыхъ договоровъ съ нѣмцами, особенно въ началѣ XIII вѣка, когда насилія и обиды со стороны сильныхъ людей по отношенію къ слабымъ были обыкновеннымъ явленіемъ. Приѣзжихъ нѣмецкихъ купцовъ нерѣдко силой заставляли продавать товаръ по той цѣнѣ, какую предлагалъ смо-

⁹⁸⁾ Dr. Bunge, Die Stadt Riga im dreizehnten u. vierz. Jahrhundert. 1878, S. 295—6.

ленскій покупатель, а еслибы купецъ вздумалъ ухватить съ товаромъ изъ города, то его не пускали до тѣхъ поръ, пока онъ не соглашался уступить товаръ за предложенную цѣну. Оттого въ договорѣ 1229 г. чрезвычайно точно опредѣлены отношенія между продавцемъ и покупателемъ. Русскій, купившій товаръ у нѣмца или нѣнецъ у русскаго и отвезшій его къ себѣ на дворъ, обязанъ былъ немедленно заплатить за него деньги, а не принуждать купца взять товаръ обратно, хотя бы дома при осмотрѣ его онъ и оказался дурного качества ⁹⁴). Обмѣриванье, обмѣшиванье при продажѣ товара, тоже влекли за собой страшную кару: такіе люди платили полувирые и виру, а иногда платились и жизнью ⁹⁵). Испортившіеся или истершіеся общинные торговые вѣсы провѣрялись съ образцовыми вѣсами, хранившимися у смолянъ „въ церкви св. Богородицы на горѣ“, а у нѣмцевъ въ латинской церкви св. Маріи.

Для веденія торговыхъ дѣлъ, новгородцы, смоляне и нѣмцы образовали особенную торговую общину — ганзейскій союзъ (*universitas communitas mercatorum*), которая юридически была поставлена въ совершенно независимое положеніе, съ своимъ собственнымъ управленіемъ, вѣряемымъ старостамъ и тысяцкимъ, своимъ собственнымъ судомъ, рѣшенію котораго подчинялось и прочее, даже не принадлежавшее къ общинѣ купечество ⁹⁶). Девизомъ ганзейскаго союза было *los den landesherren*. И конечно, только поддерживая другъ друга, только слившись въ одну ассоціацію, Ганза могла вездѣ добиться правосудія, списать себѣ уваженіе и у коронованныхъ potentatovъ. Къ ганзейскому союзу принадлежала не только община смоленскихъ купцовъ, но болѣе 30 нѣмецкихъ и русскихъ городовъ, танувшихся въ видѣ пояса по всему побережью Нѣмецкаго и Балтійскаго морей, начиная отъ устья Рейна и до Финскаго залива. Торговня общины посѣщали рынки востока и запада, отъ Брюгге и Лондона до Риги, Новгорода, Смоленска и Суздаля (въ 1214 г. отъ Риги). Съ XIII в. ганзейскіе города сдѣлались посредниками въ распространеніи европейской культуры, принциповъ гражданской и политической свободы повсюду, куда только проникало ихъ цивилизующее вліяніе.

Главнымъ мѣстопребываніемъ или лучше центральнымъ рынкомъ для всего Ганзейскаго союза былъ о. Готландъ, лежащій посреди Балтійскаго моря. Островъ этотъ изрѣзанъ множествомъ бухтъ, и въ одной изъ нихъ на высокомъ берегу стоялъ главный городъ его Висби,

⁹⁴) Р. Л. А., стр. 117.

⁹⁵) Bunge, S. 315—316.

⁹⁶) Аристовъ, Промышл. др. Руси, 207. Бережковъ, О торг. Руси съ Ганзой, 227.

составлявшій средоточіе ганзейскаго союза, преимущественно русско-вестфальскаго его отдѣла; въ XIII в. онъ игралъ на сѣверѣ точно такую же роль, какую играла въ свое время Венеція на югѣ. Г. Висби съ трехъ сторонъ былъ обнесенъ каменной стѣной, снабженной 48 башнями до 30 футовъ высоты, а съ четвертой примыкалъ къ морю. Стѣна эта, тлнувшаяся на протяженіи 3¹/₂ версты, сохранилась отчасти и до нынѣ. Въ XIII в. въ Висби существовало 18 великолѣпныхъ каменныхъ церквей, построенныхъ въ готическомъ стилѣ, изъ коихъ до настоящаго времени сохранилась во всей своей цѣлости только одна, а остальные 17 представляютъ собой остатки все еще прекрасныхъ развалинъ ⁹⁷). Высоко поднимаются вверхъ эти остатки угасшаго величія города, какъ свидѣтели его прошлаго богатства. Но не одинъ Висби славился богатствомъ: весь островъ былъ покрытъ богатыми, цвѣтущими фермами и торгово-промышленными селеніями. На 60 квадратныхъ миляхъ протяженія острова до сихъ поръ уцѣлѣли развалины 91 каменной церкви, но груды камней и мусора, разбросанныхъ тамъ и сямъ по острову, свидѣтельствуютъ, что этихъ прекрасныхъ зданій было въ древности несравненно болѣе. Готландъ превосходилъ всѣ другіе ганзейскіе города и даже Любекъ не только богатствомъ и численностью своего населенія, но и давностью торговли съ Русью и свободой своихъ политическихъ учреждений. Преимущество его и г. Риги предъ прочими нѣмецкими городами заключалось въ томъ, что граждане его имѣли право сами выбирать себѣ высшее правительственное лицо, фогта, и эти выборы происходили, какъ въ Смоленскѣ и Новгородѣ,—на вѣчѣ, собиравшемся по звуку вѣчевого колокола, первоначально въ церкви, а впоследствии въ ратушѣ ⁹⁸).

Готландцы вели торговлю и съ Персіей и прикаспійскими странами и съ Греціей; начало этой торговли относится по крайней мѣрѣ ко времени Р. Хр., такъ какъ найденныя на Готландѣ римскія монеты восходятъ ко временамъ императора Августа. Количество найденныхъ тамъ монетъ такъ велико, что оно превосходитъ собой такое же количество на всѣхъ островахъ Балтійскаго моря, взятыхъ вмѣстѣ. Однѣхъ арабскихъ монетъ открыто болѣе 13,000, римскихъ 3,400 и почти столько же англо-саксонскихъ ⁹⁹). Точно такого же чекана монеты найдены и въ Ливоніи, и въ Полоцкѣ, и въ Смоленскѣ, что ясно указываетъ на давнія торговля сношенія Готланда съ жителями этихъ городовъ. Торговая супрематія Готланда продолжалась до 1361 г., когда его завоевалъ датскій король Вольдемаръ. Послѣ

⁹⁷) Schäfer, Die Hansestädte, Geschichte bis 1376, S. 573.

⁹⁸) Ibidem, s. 28, 237.—Фортнискій, Примор. и венд. города, 376.

⁹⁹) Фортнискій, 352.—Schäfer, s. 38.

него господствующее мѣсто въ ганзейскомъ союзѣ занялъ Любекъ. Любекскіе вампиры высосали изъ Висби всѣ живые соки 100)...

Другимъ важнымъ торговымъ рынкомъ смольнянъ былъ г. Рига, который смольняне посѣщали чаще, нежели о. Готландъ. Въ концѣ XIII в. постоянно жило тамъ до 80 семействъ русскихъ, населявшихъ особенную улицу, имѣвшихъ тамъ свою церковь и богадѣльню или госпиталь, а передъ Песочными воротами была расположена даже цѣлая деревня 101), жители которой занимались земледѣіемъ и промышленностью. Какъ въ Смоленскѣ нѣмцы, такъ русскіе въ Ригѣ пользовались гражданскими правами 102). Чтобы доставить русскимъ возможность свободнаго и удобнаго путешествія въ Ригу и на Готландъ для торговыхъ цѣлей, рижане дозволяли русскому рѣчному и морскому экипажу пользоваться по всей Лифляндіи берегами Балтійскаго моря и Э. Двины для склада своихъ товаровъ, свободно пользоваться, какъ дровянымъ, такъ и строевымъ лѣсомъ для отопленія и ремонта своего рѣчнаго экипажа, но рубить строевой лѣсъ для постройки новыхъ судовъ русскіе имѣли право только съ особаго всякій разъ разрѣшенія. Тѣ же права предоставлялись и нѣмцамъ во время плаванія по Двинѣ и Днѣпру. Такъ какъ изъ Смоленска сквозь Касплю русская торговая община нерѣдко отправлялась и на лошадяхъ, то она могла свободно пользоваться и пастбищемъ для лошадей. Такъ по крайней мѣрѣ было въ первое столѣтіе торговли смольнянъ съ нѣмцами, когда взаимныя отношенія ихъ были братски-солидарными 103). Нѣмцы отправлялись въ путь по Двинѣ цѣлыми флотиліями „въ учанахъ“ и обозами на лошадяхъ, столько же изъ страха передъ разбойниками, сколько въ видахъ взаимопомощи на случай какого-либо несчастія въ чужой странѣ. Изъ Э. Двины они проникали къ устью р. Каспли и села того же названія 104), вверхъ до озера Касплинскаго и до волока (при Гаврикахъ въ Порѣч. у.) съ переѣздомъ по сушѣ 30-верстнаго разстоянія до Днѣпра 105). По прибытіи въ Смоленскъ, они останавливались въ устьѣ рѣчки Смядынки, у Борисо-Глѣбскаго монастыря,

¹⁰⁰⁾ См. о Висби и вообще объ о. Готландѣ хорошую книгу Braun-Wiesbaden'a: Die Visbi-fahrt. 1882.

¹⁰¹⁾ Тихомировъ, Торгов. снош. Полоцка съ Ливоніей въ XIV в. Ж. М. Н. Пр. 1877, XII.—Bunge, Die Stadt Riga, 75.

¹⁰²⁾ Bunge, s. 95.

¹⁰³⁾ Р. Л. А. № XLIX.—Bunge, s. 154.

¹⁰⁴⁾ Село Каспля при р. Касплѣ въ Порѣч. уѣздѣ, имѣющее теперь всего 45 дворовъ. См. населен. мѣстъ т. XL, 307. Селенія по р. Касплѣ: Волоковал, Гаврики, Зарубицы, Городокъ,—древнѣйшія на Руси. Ср. Н. Барсовъ, Геогр. нач. лѣтописи, стр. 20.

¹⁰⁵⁾ Ходаковскій, Пути сообщ., въ др. Россіи въ Ист. Сб. т. I, 18. Н. Барсовъ, геогр. начальной лѣтописи, стр. 20.

который служилъ какъ бы постояннымъ дворомъ для всѣхъ прїѣзжихъ купцовъ съ XI до XIV в. Здѣсь съ нихъ бралась въ пользу князя проѣзжая пошлина — мытъ и потомъ товары отвозились въ городъ возчиками, населявшими „посады“ отъ церкви Арх. Михаила до подъема на гору у церкви Иоанна Богослова, на нѣмецкій дворъ, гдѣ находилась нѣмецкая церковь св. Маріи. Нѣмцы привозили въ Смоленскъ преимущественно предметы обработанной промышленности: серебро, золото въ слиткахъ и сосуды, полотна, перчатки, красныя фландрскія сукна, шелковыя матеріи, металлическія издѣлія всякаго рода, пиво, вина, сельди, колбасу и соль ¹⁰⁶). Соль привозилась и данцигскими купцами изъ ковенской конторы и изъ Галицкихъ копей, но изрѣдка доставлялась байская и лиссабонская соль ¹⁰⁷). Изъ Готланда доставлялись въ Смоленскъ гранитъ въ небольшомъ количествѣ, известъ, англійскія сукна и шерсть, пользовавшіяся уже въ XIII в. хорошею славой. Почти до конца XIII в. торговля русскихъ съ нѣмцами велась при помощи мѣны одного товара на другой и на деньги. Изъ рижской долговой книги видно, что почти треть записей, относящихся до русскихъ, говоритъ о воскѣ, какъ о предметѣ уплаты со стороны русскихъ ¹⁰⁸). Кромѣ воска и меду, русскіе съ своей стороны предлагали нѣмцамъ всевозможные мѣха: волчьи, лисьи, куньи, бобровые и овчины. Этими мѣхами, по свидѣтельству Адама Временскаго, русскіе „reichlich wie Dungenhat man es dort“ ¹⁰⁹). Въ Смоленскѣ существовали также громадныя склады сала, строительныхъ матеріаловъ, всякаго рода деревянныхъ издѣлій, поташу, дегтю, смолы, хмѣлю, мѣди, желѣза, какъ въ необработанномъ, такъ и въ обработанномъ видѣ: ножи, топоры, косы, серпы и т. п. Простые металлы большею частію добывались смольнянами изъ Скандинавіи, оттуда же они получали и оружіе. Послѣ татарскаго нашествія нѣмцы покупали у русскихъ лошадей. Изъ Торонца привозились въ Смоленскъ для продажи „убрусы“, скатерти, полотна и пр. предметы, преимущественно женскаго кустарнаго производства. Нѣмцы покупали въ русской землѣ и невольницъ, обыкновенно набираемыхъ литовскими грабительскими шайками. Однажды такая шайка стояла подъ Витебскомъ и одинъ нѣмецкій „дѣтина“, вооружившись мечемъ, отправился изъ города къ тому мѣсту, гдѣ литовцы разбили свой лагерь, съ намѣреніемъ „купить у нихъ дѣвки“. Дорогой онъ заблу-

¹⁰⁶) Schaefer, s. 186.

¹⁰⁷) Иловайскій, И. Р. II. 82. Березковъ, Торг. Руси съ Ганзой, 164.

¹⁰⁸) D. Rig. Schuldbuch, s. 103, № 1623. Березковъ, 106.

¹⁰⁹) pellibus habundant peregrinus, quorum odoriferam nostro orbi propinavit superbiae venenum. Adam. Brem. IV, 18.

дился и пришелъ къ Мужскому монастырю, откуда выскочили 3 здоровыхъ монаха и одинъ сторонній человекъ, которые забрали „дѣтину“, избили, разорвали на немъ платье и отняли мечъ; а Витебскій князь на другой день арестовалъ его, оковалъ цѣпями и отнялъ находившіеся у него три берговца воску. Эта исторія надѣлала много шума: рижскіе купцы, возмущившись „жестокостью русскихъ“, пожаловались Витебскому князю на самоуправство монаховъ, который дѣтину съ воскомъ отпустилъ на волю ¹¹⁰). По условіямъ тогдашняго международнаго права русскіе и нѣмцы могли торговать даже и въ случаѣ войны между торгующими государствами, съ тѣмъ лишь, однако, условіемъ, что купцы не должны были торговать оружіемъ, желѣзомъ, сталью и др. необходимыми въ войнѣ предметами ¹¹¹). Мѣры, употреблявшіяся для измѣренія и взвѣшиванія товаровъ, мало чѣмъ отличались отъ современныхъ мѣръ. Соль развѣшивали на пудномъ ремнѣ, а воскъ на скалкахъ. Послѣдній продавали капями, заключающими въ себѣ до 12 пуд. вѣсу, и притомъ всегда перетопленнымъ въ формѣ круглыхъ кусковъ. Общинами было постановлено, чтобы одинъ купецъ не смѣлъ продать болѣе 15 капей или 180 пудовъ, что было сдѣлано съ цѣлю — не обидѣть всѣхъ другихъ членовъ торговой общины ¹¹²). Сукно мѣряли обыкновенно на локти, въ оптовой-же торговлѣ его продавали пеставами, по 37 аршинъ въ каждомъ. Для приданія играмъ характера законности, на нихъ выставлялись имена князей или названія городовъ. Вывѣскомъ занимались особы избранныя общиною лица — *тсми* и *пудосицики* ¹¹³). Духовенство обязано было наблюдать за правильностью мѣръ и вѣсовъ, которыя по тому и сохранялись въ церкви. Самое устройство церквей было приспособлено къ торговымъ требованіямъ: въ притворѣ взвѣшивался товаръ, а въ подвалѣ подъ церковью сохранялся ¹¹⁴). Въ развалинахъ монастырей Смядынскаго, Борисоглѣбскаго и Спасскаго около д. Чернушекъ до сихъ поръ сохранились частію ихъ каменные сводчатые подвалы; въ Новгородѣ, вѣроятно, по недостатку помѣщенія въ подвалахъ или вслѣдствіе сырости подвала, товары развѣшивались въ тюкахъ на веревкахъ на стѣнахъ внутри самихъ церквей. При продажѣ и взвѣшиваніи товара платились вѣсовыя пошлины, но не продавцемъ, а покупателемъ: съ двухъ капей воску и всякаго вѣсчаго товара одна куна; въ Новгородѣ

¹¹⁰) Р. Л. А. № XLIX.

¹¹¹) Bunge, Die Stadt Riga. s. 154.

¹¹²) D. Rig. Schulbduch, s. 103, № 1623.

¹¹³) Прозоровскій, Монета и вѣсъ, 1865 г., 376.
Аристовъ, 207.

Полоцкіе и Смоленскіе купцы платили торговой пошлины 2 гривны кунъ „отъ берковска воцанаго“ 115); за купленную гривну золота— одну куну или $\frac{1}{80}$ цѣнности вещи, а за гривну серебра въ слиткѣ— двѣ векши, т.-е. въ 12 разъ меньше противъ пошлины съ гривны золота и гривны серебра въ надѣляхъ, такъ какъ въ кускахъ серебро заключало въ себѣ больше лигатуры, слѣдовательно и цѣнилось дешевле 116). За очистку или переплавку серебра пробирщику платилась куна съ гривны или $\frac{1}{20}$ доля, но эту пошлину платили исключительно одни русскіе купцы, нѣмцы-же за продажу золота и серебра въ Смоленскѣ пошлинъ не платили 117). Для взвѣщиванія серебра и золота существовали особенные чувствительные вѣсы — колокола и скалки. Отсюда мы, во-первыхъ, видимъ: конкуренція съ нѣмецкими купцами при продажѣ золота и серебра была невозможна для русскихъ купцовъ, такъ какъ нѣмцы не платили вѣсовыхъ пошлинъ; во-вторыхъ въ Смоленскѣ взимались торговые пошлины только съ товаровъ высокой цѣнности, т.-е. взимался налогъ въ пользу князя съ предметовъ роскоши. Съѣстные припасы, предметы первой необходимости, не облагались никакими пошлинами.

Мѣриломъ цѣнности служили у насъ *куны* (кунья мѣха 118), рѣзани, ногаты (шкуры соболей), векши и лисицы; денежной металлической единицей служили: гривна серебра и гривна кунъ. Само собой разумѣется, для облегченія общаго цѣнностей между нѣмцами и русскими мелкая разнѣнная монета должна была быть одинаковаго вѣса и достоинства. Но вѣсъ и значеніе серебряныхъ денегъ, начиная съ XI и по XIV в., не разъ измѣнялись вслѣдствіе ослабленія прилива драгоцѣнныхъ металловъ изъ-за границы, поэтому гривны серебра въ разныхъ городахъ были различны по вѣсу, хотя и выливались вездѣ изъ чистаго серебра 119). Такъ въ Кіевѣ гривна равна была византійскому фунту въ 72 золотника; въ Новгородѣ — сначала полному фунту, потомъ пол-фунту, въ Черниговѣ—46—47 золотникамъ 120). Смоленская, Полоцкая и Витебская серебряная гривна

115) Ibid, 228.

116) Ibid, 233—234.

117) Бережковъ, 98.

118) У римлянъ мѣриломъ цѣнности служили первоначально шкуры, отъ *ресис* скотъ, отсюда *реситія*. Вѣляевъ, Лекціи по ист. р. законов. 200.

119) Вѣсовая серебр. гривна по формѣ была похожа на продолговатый четырех-угольный брусокъ, длиною до двухъ вершковъ. Гривну г. Куникъ производитъ отъ грива, въ санскрит. языкѣ въ значеніи затылка, шен, что ясно указываетъ на то, что первоначально гривна является шейной, затѣмъ вѣсовой и наконецъ денежной. Куникъ, О русск. визант. монетахъ Яросл. 1,7.

120) Багалей, Ист. сѣверской земли, стр. 294.

была совершенно равна рижской гривнѣ, равной по вѣсу $\frac{1}{2}$ фунта (1211 года), раздѣленной на 4 фартинга; въ концѣ XIII вѣка она равнялась 21 нынѣшнему золотнику ¹²¹⁾, т.-е. почти $\frac{1}{4}$ фунта. Въ гривнѣ серебра заключалось 4 гривны кунъ, а эта послѣдняя была равна 20 ногатамъ, 25 кунамъ или 50 рѣзанамъ ¹²²⁾. Въ ногатѣ заключалось 24 векши, въ гривнѣ кунъ 480 векшей, въ гривнѣ серебра 1920 векшей ¹²³⁾.

Торговля нѣмцевъ съ русскими не ограничивалась однимъ Смоленскомъ, она велась и въ другихъ городахъ и селеніяхъ смоленскаго княжества, только внутренняя торговля сопряжена была съ большими затрудненіями и денежными расходами, такъ какъ вездѣ почти были устроены заставы, у которыхъ проѣзжіе купцы и путешественники должны были платить особенныя пошлыны: платили за переправу черезъ рѣки на паромахъ или лодкахъ не только съ однихъ торговыхъ, но и со всѣхъ пѣшихъ и конныхъ людей; на проѣзжихъ дорогахъ, тамъ гдѣ торговое движеніе было особенно сильно, для содержанія на рѣкахъ перевозовъ и мостовъ, въ городѣ и селеніяхъ гостинныхъ дворовъ, устраивались особыя общины, въ рукахъ которыхъ исключительно сосредоточивалась забота о содержаніи перевозочныхъ средствъ и устройствѣ дворовъ. Въ томъ и другомъ случаѣ съ собираемыхъ общинами пошлынъ $\frac{1}{10}$ часть отчислялась князю въ видѣ дани. Такъ въ Смоленскомъ княжествѣ *Комисская* община ¹²⁴⁾ за одинъ проѣздъ черезъ мостъ по Днѣпру ежегодно собирала съ проѣзжихъ 4 гривны *мостовщины* и столько же торговой пошлыны; въ *Дюдичахъ* за помѣщеніе товара въ общинныхъ гостинныхъ дворахъ проѣзжими купцами платилось 7 гривенъ гостинной пошлыны; точно такая-же пошлына платилась и въ другихъ городахъ Смоленскаго княжества: Падинѣ, Оболи ¹²⁵⁾, Лучинѣ заставная пошлына — мыто, Вержавлянахъ Великихъ (гор. Ржевѣ) платилось 100 гривенъ (500 р. сер.) передидѣра, — пошлына съ измѣряемыхъ товаровъ, не съ оцѣнки товаровъ, а съ ихъ мѣры,

¹²¹⁾ Bunge, Die Stadt Riga, 154—5. Прозоровскій, О кунныхъ дѣнностяхяхъ, въ Сб. Арх. Инстит. 1880 г. кн. IV. Впрочемъ, Прозоровскій противорѣчить себѣ. Въ книгѣ «Монета и вѣсъ...» гривна у него равна $\frac{3}{4}$ фунт. (см. стр. 383).

¹²²⁾ Иловайскій, И. Р. т. II, 327.

¹²³⁾ Прозоровскій, Монета и вѣсъ, 206.

¹²⁴⁾ Комисъ—уѣздн. г. Минск. губ., на лѣвомъ берегу Днѣпра.

¹²⁵⁾ Оболи — село Оболецъ въ Комис. у., на лѣвомъ берегу р. Оболи. Падинъ—село въ Росл. у пр. р. Габѣ, впадающей въ Десну; Лучинъ—село на Луганскомъ. озерѣ близъ истока Зап. Двны. Барсовъ, Матер. для геогр. и стат. др. Р., 21.

напр., сыпучихъ тѣлъ — хлѣба, овощей; если съѣхавшихся купцовъ было мало, то гостиную пошлину собирали по деньгѣ съ человека 126).

Торговля сношенія смолянъ съ нѣмцами несомнѣнно имѣли весьма важное значеніе для ихъ умственнаго и нравственнаго развитія. Живя по долгу въ разныхъ городахъ Европы, видя тамъ другіе порядки, другіе нравы и обычаи, не похожіе на наши, смоляне научались разговорному нѣмецкому языку, воспринимали идеи и обычаи западныхъ народовъ, слѣдовательно, расширяли свой умственный и нравственный кругозоръ, чѣмъ, по нашему мнѣнію, и объясняется болѣе гуманный взглядъ смолянъ на женщину и болѣе мягкія отношенія ихъ къ человѣческой личности вообще. Беадѣ купецъ является популярной личностью, охотно желаемымъ гостемъ, который могъ поразсказать кое-что новое и интересное. Недаромъ Владиміръ Мономахъ завѣщалъ своимъ дѣтямъ „читать гостя—будь онъ простой или знатный“. Какъ нѣмецкіе купцы пріобрѣтали за свои знанія общественное уваженіе и значеніе въ русской землѣ, такъ и русскіе въ свою очередь, пользовались тѣмъ же на западѣ. Въ Смоленскѣ пользовались особеннымъ значеніемъ нѣмецкіе купцы Лудольфъ и Туманъ при князѣ Мстиславѣ Давидовичѣ, въ г. Любекѣ одинъ изъ русскихъ купцовъ, Яковъ Плесковъ (изъ Пскова), стоялъ даже въ числѣ первѣйшихъ членовъ городского управленія 127).

Мирныя торговля сношенія русскихъ съ нѣмцами безпрепятственно продолжались до начала XIV вѣка; съ этого же времени отношенія эти стали все болѣе и болѣе ухудшаться и къ концу XIV в. сдѣлались неприязненными. Причиной частыхъ нарушеній торговыхъ договоровъ были, какъ и въ доисторическое время въ Козаріи, боязнь со стороны нѣмцевъ конкуренціи русскихъ, стремленіе не имѣть соперниковъ въ торговлѣ, однимъ завладѣть европейскими рынками 128).

По мѣрѣ того, какъ открывались новые рынки для торговыхъ операцій Ганзейскаго союза, въ немъ все сильнѣе и сильнѣе пробуждалось стремленіе, если не вытѣснить совершенно русскихъ съ этихъ рынковъ, то по крайней мѣрѣ ограничить ихъ торговые обороты однимъ опредѣленнымъ пунктомъ. Этимъ пунктомъ былъ г. Рига. Рижане старались привязать къ своему рынку всю торговлю русскихъ изъ области Зап. Двины; съ этою цѣлію они не пропускали смолянъ не только за море, но даже въ нѣкоторыя мѣстности Лифляндіи 129).

Нѣмецкіе историки Ганзы вполне согласны въ томъ, что торговля

¹²⁶⁾ Аристовъ, Промыш. др. Руси, 227.

¹²⁷⁾ Schaefer, Die Hansestädte, s. 570.

¹²⁸⁾ Фортисскій, Примор. венд. города, 368.

¹²⁹⁾ Р. Л. А. № 279.—Sartorius, Gesch. des Hans. B. II, 446.

Ганзы съ русскими была для нея весьма выгодна. Уже въ концѣ XIII в. въ договорѣ неизвѣстнаго по имени смоленскаго князя, сына Мстислава Романовича, дѣлается намекъ на притѣсненія смольнянъ нѣмцами: нѣмцы не пускали ихъ на корабль, или, взявши на корабль, дѣлали на пути всевозможныя притѣсненія, били ихъ, отнимали товары, иногда и убивали русскихъ 180). Подобныя натянутыя отношенія не могли, разумѣется, упрочить довѣрiе между торгующими сторонами, кредитъ не могъ быть проченъ. Съ XIV в., какъ мы ска-зали выше, ссоры между русскими и нѣмцами особенно учащаются и принимаютъ острый характеръ. Въ 1386 г. приморскiе города сдѣлали на совѣтѣ въ Любекѣ постановленiе, въ силу, котораго нѣмецкимъ купцамъ рекомендовалось не давать русскимъ ни товара въ кредитъ, ни денегъ взаймы, а у русскихъ не покупать товара въ кредитъ 181). И русскiе, и нѣмцы постоянно жалуются другъ другу на обоюдныя мошенничества въ торговлѣ и поддѣлку худыхъ товаровъ подъ хорошия: русскiе будто бы „кладутъ фальшивыя клейма на поддѣльный воскъ и продаютъ его за товаръ хорошей доброты“. Русскiе примѣшивали въ воскъ смолу, сало, песокъ, толченый горохъ, толченые желуди или даже просто клали въ середину воска камни и старое желѣзо для увеличенiя вѣса; мѣха подкрасивали, волосъ на мѣхахъ выщипывали (gerplücket). По приказанiю Любека и Готлапда въ 1332 г. поддѣльный воскъ и мѣха слѣдовало брать на свой дворъ и подвергать ихъ тщательному осмотру при свидѣтеляхъ. Если кто осмѣливался при свидѣтеляхъ привозить поддѣльный воскъ тайно, тотъ подвергался штрафу въ 50 гривенъ серебра 182). Какъ перепродажа на мѣстѣ купленнаго товара, такъ и продажа по мелочамъ привознаго товара строго запрещались русскимъ въ Ригѣ, на это имѣли право одни граждане Риги. Въ XIV в. о правѣ годичнаго пребыванiя русскихъ въ Ригѣ и о гражданской ихъ равноправности съ нѣмцами нѣтъ уже и помину; русскiе могли оставаться въ Ригѣ только на время продажи привезеннаго товара (in grossem) и на время, необходимое для покупки и увоза товара. Наконецъ, въ 1392 г. рижскiй совѣтъ далъ нѣмецкимъ купцамъ, торговавшимъ въ Полоцкѣ, слѣдующую весьма нелѣпую инструкцiю, которою русскiе купцы поставлены были въ положительную невозможность вести торговлю съ нѣмцами, такъ какъ ея уничтожалась конкуренцiя и возможность возвышенiя цѣнъ на русскiе товары: изъ купцовъ никто не долженъ

¹⁸⁰⁾ Р. Л. А. № 34 и стр. 451. Anhang. II.

¹⁸¹⁾ Аристовъ, Промысл. др. Руся, 212.

¹⁸²⁾ Аристовъ, 212. Hildebrand въ Balt. Monatschrift XXII: „Deutsch. Kantor zu Polozk“, S. 355. Справ. Р. Л. А. № XXXIV.

покупать того, что забраковалъ другой; нельзя дозволить, чтобы нѣмецкій купецъ покупалъ то, что покупаетъ русскій. Ольдерманъ долженъ сообщить своимъ купцамъ, чтобы они этого товара не покупали. Не слѣдуетъ также ни одному купцу покупать кожанныхъ надѣлій, ластокъ или горностаевъ болѣе, чѣмъ на $\frac{1}{4}$ тысячи... ни одинъ нѣмецъ не долженъ покупать товару болѣе, чѣмъ на 1,000 марокъ серебра подѣ страхомъ штрафа; ни одинъ нѣмецъ не долженъ посылать русскому провіантъ... Съ обѣихъ сторонъ не должно дѣлать никакого закладыванія ¹⁸³). Русскіе съ своей стороны могли отвѣчать на это только слѣдующимъ довольно скромнымъ постановленіемъ: мимо Полоцка нѣмецкимъ купцамъ не ходить, а торговать въ Полоцкѣ; розничной торговли нѣмцамъ въ Полоцкѣ не вести; корчмы въ Полоцкѣ имъ не держать ¹⁸⁴). До какихъ границъ дошло въ это время ожесточеніе нѣмцевъ на русскихъ, видно изъ того, что въ Ревелѣ одного русскаго нѣмцы сварили въ котлѣ живымъ за поддѣлку фальшивыхъ монетъ, а другого сожгли живымъ за содомскій грѣхъ ¹⁸⁵). Однако великій князь литовскій Витовтъ, которому подчинена была большая часть Бѣлоруссін, разсердившись на нѣмцевъ за стѣсненіе торговли съ русскими, запретилъ нѣмцамъ ѣздить въ Ригу, а русскимъ и литовцамъ плавать для торговли вверхъ и внизъ по З. Двинѣ, запретилъ нѣмцамъ вести мелочной торгъ, покупать скотъ, рожь, медъ; но что всего комичнѣе—принуждалъ нѣмцевъ насильно брать отъ смольнянъ и полочанъ воскъ со смѣсью. Это распоряженіе Витовта заставило нѣмцевъ быть нѣсколько уступчивѣе, и они отправили къ Витовту любезное письмо, которымъ отиѣняли нѣкоторые ограниченія въ торговлѣ русскихъ съ нѣмцами ¹⁸⁶), хотя торговля эта никогда уже послѣ этого не поднималась до той высоты, до какой поднималась она въ XIII и въ первой половинѣ XIV вѣка.

Нельзя, конечно, всю вину этихъ натаанутыхъ отношеній между нѣмцами и русскими сваливать на однихъ русскихъ. Плутовству русскіе учились частію у тѣхъ же нѣмцевъ. Впрочемъ, обманы и плутводство въ торговлѣ были только ничтожными поводами, а не общею, коренною причиною ухудшенія международныхъ торговыхъ отношеній. Русскіе въ этомъ не повинны. Въ этомъ сознается и Гильдебрандъ, говоря, что „если торговые договоры постоянно были нарушаемы и давали поводъ къ постояннымъ ссорамъ, то вина этого

¹⁸³) Тихомировъ, Торг. снош. Полоцка съ Ливоніей въ XIV в. въ Ж. М. Н. Пр. 1877, XII.

¹⁸⁴) Р. Л. А. № CLIV.

¹⁸⁵) Березковъ, 260.

¹⁸⁶) Тихомировъ, *ibidem*, 293.—Р. Л. А. № CXXXV.

лежить, главнымъ образомъ, на нѣмецкой сторонѣ 187). При переговорахъ въ 1400 г. рижскихъ пословъ съ полочанами, послѣдніе заявили, что рижане первые затемнили смыслъ обоюдныхъ отношеній¹⁸⁷. Но по мѣрѣ того, какъ ухудшались торговыя отношенія между русскими и нѣмцами, по мѣрѣ того, какъ нѣмцы терили торговыя привилегіи въ русской странѣ, стало все болѣе усиливаться значеніе евреевъ и армянъ, какъ посредниковъ въ торговлѣ между русскими и нѣмцами, и эти иноплеменники (особенно евреи) съ XIV в. наводнили собой всю западную и сѣверо-западную Русь. Литовскій князь Витовтъ въ 1388 г. особенной грамотой предоставилъ евреямъ такія права и привилегіи, какими не пользовались и рускіе. Это былъ первый шагъ къ порабощенію западной Руси власти евреевъ; съ тѣхъ поръ вся почти внутренняя и внѣшняя торговля перешли въ ихъ руки. По грамотѣ Витовта за убійство, нанесеніе раны или побоевъ еврею, виноватый отвѣчаетъ такъ же, какъ за убійство, раны и побои, нанесенные шляхтичу, т. е. боярину; если христіанинъ разгонитъ еврейское собраніе, то наказывается по обычаю земскому и все его имущество отбирается въ казну; за оскорбленіе, нанесенное еврейской школѣ, виноватый платитъ великокняжескому старостѣ два фунта перцу. Еврея можно заставить присягнуть на 10 заповѣдяхъ только при важномъ искѣ, гдѣ дѣло идетъ не меньше какъ о 50 гривнахъ литого серебра; въ другихъ же случаяхъ еврей присягаетъ передъ школою, у дверей. Еврея-заимодавца нельзя заставить выдать закладъ въ субботу. Если христіанинъ обвинитъ еврея въ убійствѣ христіанскаго младенца, то преступленіе должно быть засвидѣтельствовано тремя христіанами и тремя евреями добрыми; если же свидѣтели объявятъ его невиннымъ, то обвинитель долженъ потерпѣть то же наказаніе, какое предстояло обвиненному 188). Гонимые съ запада вслѣдствіе охватившаго тамошнее населеніе религіознаго движенія, евреи придвигались къ востоку и въ концѣ XIV вѣка заселили Полоцкую, Витебскую и Смоленскую области.

III.

Смоленскій край въ XII и XIII вв. находился въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Кромѣ внѣшней торговли съ нѣмцами, смоляне

¹⁸⁷⁾ Въ 1400 г. Тидеманъ и Люббертъ Виттенпохъ — рижскій посолъ въ Литвѣ, писалъ въ совѣтъ: „Theilt uns Eure Ansicht über den Smolensker Vertrag mit. In demselben steht, dass die Russen von Gotland in die Trave segeln dürfen und hieran nehmen wir grossen Anstoss“. Balt. Monatschrift XXII: „Deutsch. Kontor zu Plozk“, s. 350.

¹⁸⁸⁾ Соловьевъ, И. Р. т. IV, 226.

вели въ обширныхъ развѣрахъ и торговлю внутреннюю не только сырыми продуктами, но и продуктами обрабатывающей промышленности. Уже въ XII в. въ смоленскомъ княжествѣ было въ полномъ ходу производство желѣзныхъ и мѣдныхъ издѣлій: вѣсы и гири, пуды, „ставила“ и колокола выдѣлывали свои собственные мастера, которые, конечно, первоначально учились у иностранныхъ учителей. Кустарное производство находилось на первой ступени развитія. Такъ извѣстно, что женщины-кустари занимались въ XII в. гирнымъ тканьемъ (въ торопецкой области), производствомъ скатертей, плетеньемъ кружевъ, тканьемъ полотенецъ, полавочниковъ и пр. Что эта отрасль кустарнаго производства была здѣсь значительно распространена, видно изъ Уставной Ростиславовой грамоты, по которой смоленскому князю шла даже особая дань издѣліями кустарнаго производства. Медь, воскъ, пенька, хлѣбъ составляли не менѣе важныя отрасли промышленности, продуктами которыхъ смоляне вели торговлю по всѣмъ волостямъ тогдашней Руси. Въ XIII в. торгово-промышленной дѣятельностью славилась Вязьма и Дорогобужь, стоявшіе какъ разъ на великомъ водномъ пути. Съ Тверью у Смоленска торговля велась „по давному“, со стороны смолянъ западными товарами, а со стороны Твери восточными и конями¹³⁹⁾. О дѣятельной торговлѣ смолянъ съ Переяславлемъ суздальскимъ даетъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія сама лѣтопись. Ярославъ Всеволодовичъ, разбитый на голову въ битвѣ подъ Юрьевымъ въ 1216 г. смолянами и новгородцами, прибѣжалъ въ свой Переяславль и съ досады запряталъ въ тѣсную тюрьму новгородскихъ и смоленскихъ купцовъ, причемъ первые въ числѣ 150 человекъ задохлись, а послѣдніе въ числѣ 15 человекъ остались живы¹⁴⁰⁾. Съ Новгородомъ смоляне начали торговля сношенія еще въ доисторическое время. Ростиславъ Мстиславовичъ Смоленскій въ 1160 г. дарилъ Святослава Черниговскаго собольими и горностаевыми и черными кунами, и песцы и бѣлыми волками, и рыбными зубами, т.-е. моржевными клыками, получаемыми изъ Югры и Печеры, принадлежавшихъ Новгороду. (Вѣляевъ, геогр. свѣд. въ др. Россіи, Зап. Имп. Геогр. Общ., кн. 6. 1852). Величайшимъ несчастіемъ для Новгорода была задержка подвоза хлѣба съ юга на волокъ, принадлежавшемъ смоленскому княжеству¹⁴¹⁾. Суздальская земля не въ состояніи была одна снабжать Новгородъ хлѣбомъ, поэтому большую часть хлѣба, а также воска новгородцы получали съ юга: изъ Кіева, Смоленска и Полоцка. И дѣйствительно, какъ только

¹³⁹⁾ Борзавовскій, Ист. Тверск. княжества, 64. Аристовъ, 176.

¹⁴⁰⁾ П. С. Р. Л. IV. 26.

¹⁴¹⁾ Соловьевъ. I, 18.

въ 1137 г. у новгородцевъ не стало мира со смоляннами, полочаннами и кievлянами, такъ все лѣто и стояла въ Новгородѣ страшная дороговизна на предметы первой необходимости: „стоя все лѣто осминка ржи по 7 рѣзань“ 142). Мирному развитію благосостоянія смоленскаго княжества содѣйствовало главнымъ образомъ то обстоятельство, что сравнительно съ другими княжествами оно менѣе другихъ страдало отъ междоусобій и вражескихъ разореній. Начиная съ 1055 г. и по 1230 г., слѣдовательно въ теченіе 175 лѣтъ, Смоленскъ всего 6 разъ страдалъ отъ междоусобій 143). Неудивительно поэтому, что лѣтописцы считаютъ населеніе Смоленска въ первой половинѣ XIII в. отъ 35 до 40,000 человекъ 144). По послѣдней переписи 1881 г. въ Смоленскѣ оказалось всего 33,000 жителей, что, впрочемъ, нисколько не удивительно, такъ какъ большинство населенія относительно возможности присканія заработковъ поставлено въ весьма неблагоприятныя условія. Правда, санитарныя условія городской жизни въ древности были не благоприятнѣе нынѣшнихъ; смертность была особенно велика между жителями посадовъ—въ низменныхъ частяхъ города (Ямская слобода и Рачевка), но зато населеніе имѣло болѣе шансовъ на пріобрѣтеніе средствъ существованія, слѣдовательно легче могло оправиться отъ понесенныхъ потерь. Численность населенія Смоленскаго княжества въ XIII в. мы можемъ опредѣлить приблизительно изъ соотношенія между общимъ количествомъ дани, платимой смоляннами своему князю, и размѣромъ ея, причитающимся съ каждаго лица. Мы знаемъ, что гостинпой дани съ пріѣзжихъ купцовъ сходило отъ 1 до 3 денегъ съ человека (Аристовъ, 225).

Въ гривнѣ серебра считалось 4 гривны кунъ (Иловайскій, Ист. Рос. II, 327), а въ гривнѣ кунъ было 45 денегъ, слѣдовательно гривна серебра=180 деньгамъ. Помножая эту сумму на 3150 гривенъ, получимъ 567,000 денегъ. Таково приблизительно было населеніе смоленскаго княжества въ концѣ XII и началѣ XIII вв. Зажиточность населенія древняго смоленскаго княжества мы можемъ доказать и другими данными. До насъ дошла уставная грамота смоленскаго князя Ростислава Мстиславича, данная епископѣ, въ которой ясно опредѣлено количество всѣхъ даней, собираемыхъ княземъ со всѣхъ городовъ и погостовъ княжества.

142) Аристовъ, 176.—Тверск. Л. XV, 200.

143) Соловьевъ, III, 42.

144) Лѣт. Авраамъ, Воскр. VII; 137; Лавр. 433

ВѢДОМОСТЬ

О КОЛИЧЕСТВѢ ГОРОДОВЪ И ПОГОСТОВЪ И КОЛИЧЕСТВѢ ДАНИЙ, ПЛАТИМЫХЪ СМОЛЕНСКОМУ КНЯЗЮ СМОЛЪЯНАМИ ВЪ XII ВѢКѢ.

Названіе городовъ, сель и погостовъ.	Гривны.	Лисич.	Буны.	Корчмы. пош.	Церковн.	Рыба.
1 Вержевляне Великіе съ 9 погостами (г. Ржевъ)	1082	8	40	—	—	(неводъ, бредникъ, трои сани рыбы. Кромѣ то- го 2 ска- терти, 8 убруса, берковецъ меду.
2 Врочницы (городъ)	200	—	—	—	—	
3 Торопецъ (уѣзд. г. Пск. г.)	400	15	10	—	—	
4 Жижци гор. (теперь село Жесцо-Жи- вецъ, близъ озера Жесца)	188	1	—	—	—	
5 Каспля село	100	—	—	—	—	
6 Хотиниъ гор.	200	—	—	—	—	
7 Жабачевъ гор.	200	—	—	—	—	
8 Вото...вичи село	100	—	—	—	—	
9 Шуйская село (село Шуй Калуж. г., Мосальск. уѣзда)	80	—	—	—	—	
10 Дешняни село	80	—	—	—	—	
11 Ветьская весь ¹⁴⁵⁾	40	—	—	—	—	
12 Былево село	20	—	—	—	—	
18 Бортнецы село	40	—	—	—	—	
14 Витринъ гор. ¹⁴⁶⁾	80	—	—	—	—	
15 Жидичи село	10	—	—	—	—	
16 Добратно село ¹⁴⁷⁾	80	—	—	—	—	
17 Васѣя село ¹⁴⁸⁾	15	—	—	—	—	
18 Мирятичи село	10	—	—	—	—	

¹⁴⁵⁾ Вѣтка или Вѣтковцы въ Могил. губ., Гомел. у. на р. Сожѣ. Вар-
совъ, матер. для геогр. и стат. др. Р. 29.

¹⁴⁶⁾ Бѣляевъ считаетъ Ведрану въ Духовц. у. Зап. Геогр. Общ. VI, 178.

¹⁴⁷⁾ Село Доброе Чаус. у. Могил. г. или Добромисль Орш. у.

¹⁴⁸⁾ Вася р. въ Чаус. у. Могил. г. Варсовъ, Матер. 4.

Название городовъ, сель а погостовъ.		Гривн.	Лисци.	Кузн.	Корчм. пом.	Перевоз.	Рыба.
19	Дѣдогостичи село	10	—	—	—	—	
20	Доброчиково село (Доброич. село на Сошѣ Рогач. уѣз. Могил. губ.). . .	20	—	—	—	—	
21	Зарубѣ село ¹⁴⁹⁾	80	—	—	—	—	
22	Женни Великая село.	200	—	—	—	—	
23	Пацинь гор. ¹⁵⁰⁾	81 1/2	2 или	22	—	—	
24	Солодовницы село.	20	—	—	—	—	
25	Путянь село	4	—	—	—	—	
26	Вѣ...ницы погостъ ¹⁵¹⁾	2 1/2	—	—	—	—	
27	Дѣбичи село	15	7	—	—	—	
28	Кописъ городъ уѣзд.	15	—	—	неизв.	4	
29	Кречють село	10	—	—	—	—	
30	Лучинъ гор. ¹⁵²⁾	3	2	—	—	неизв.	1 осетръ.
31	Обольи гор. ¹⁵³⁾	—	—	—	—	неизв.	
32	Исконь село ¹⁵⁴⁾	40	—	—	—	—	
33	Ледейницы село.	10	—	—	—	—	
34	Мстиславль гор.	7	8	—	—	—	
35	Крупля гор.	1	1	—	—	или	5 ногать.
36	Ростиславль (Рославль) См. г. . . .	4	4	—	—	—	
37	Ельня гор.	8	1	—	—	—	

¹⁴⁹⁾ За правымъ берегомъ Днѣпра село Заровцыкъ С. З. отъ Шклова. Варсовъ, Геогр. нач. лѣт. 261.

¹⁵⁰⁾ Село въ Рославл. у. Смол. г. при р. Габѣ, впад. въ Десну. *Пацинь*-Починокъ. Вятскіе крестьяне называютъ „*Пацинь-окъ*“, тоже что починокъ.

¹⁵¹⁾ По дорогѣ изъ Торонца въ Духовщину въ Торонец. у. Варсовъ, Матер. 21.

¹⁵²⁾ На Днѣпрѣ, Мог. губ. Изв. А. Н. Х. 633.

¹⁵³⁾ Обольды въ Копис. у. на р. Оболи.

¹⁵⁴⁾ Исконь р. въ Можайск. у. впад. въ р. Москву. Варсовъ, Матер. 85.

	Названіе городовъ, сель и погостовъ.	Гривн.	Лисци.	Кунн.	Корчени. волг.	Червон.	Рыба.
38	Иаяславль село ¹⁵⁶⁾	невз.	—	—	—	—	
39	Дорогобужъ гор.	1	5	—	—	и три	гонн короткыя.
40	Пруион село	10	—	—	—	—	

Итого княжеской дани 3150 гр., 44 лисицы, 50 кунн. Кромѣ того съ 3 городовъ: неводъ, бредникъ, трои сани рыбы, 2 скатерти, 3 убруса и берковецъ меду.

Кромѣ того въ Ростиславовой грамотѣ упоминаются еще слѣдующія села, доходы съ которыхъ подарены были княземъ Смоленскому епископу: Дросенское ¹⁵⁶⁾, Ясенское ¹⁵⁷⁾, Мойшинская земля, село Холмъ и Погониовичи; по лѣтописямъ упоминается еще слѣд. смоленскіе города и села, не упомянутые въ уставной грамотѣ: Войщина ¹⁵⁸⁾, Можайскъ, Голеди, Вязьма, Зарой ¹⁵⁹⁾, Красный, Василевъ и Рина, теперь Орша. Такимъ образомъ Смоленское княжество заключало въ себѣ въ XII в. до 25 городовъ съ уѣздами и 30 сель, которые въ общей сложности платили дани не менѣе 50,000 р. с. на наши деньги. Одинъ Вержавскъ съ своими 9 погостами платилъ 1032 гривны или 32,7% общаго количества дани. Оно и понятно: Вержавскъ стоялъ на торговомъ пути изъ Смоленска къ Твери въ поволжскій край. Другіе города и села: Врочницы, Торопецъ, Жижци, Каспля, Хотшинъ, Жабачевъ, Вотовичи, Женни уплачивали въ общей сложности дани 1536 гривенъ, или 48%. Большинство перечисленныхъ нами городовъ и селеній было расположено по берегамъ рѣкъ на путяхъ, ведущихъ изъ одной области въ другую, слѣдовательно въ такихъ пунктахъ, куда постоянно приходили для торговли купцы. Въ настоящее время всѣ эти города и селенія потеряли почти всякое торгово-промышленное значеніе. Теперь вся торговля сконцентрировалась въ немногихъ крупныхъ пунктахъ, въ древности же она была дифференцирована, существовало больше мѣстныхъ волостныхъ торгово-промыш-

¹⁵⁶⁾ Сеславль Рославльск. у. Смол. губ.

¹⁵⁶⁾ Теперь село Дресна при Дяѣврѣ въ Смол. у., дача архіерейская.

¹⁵⁷⁾ Ясеная дер. при р. Ясеной Смол. у. (Сп. насел. м. XL. № 324).

¹⁵⁸⁾ Воиновщина Дорогоб. у. при р. Перемчѣ. (Сп. нас. мѣстъ Смол. губ. № 5347).

¹⁵⁹⁾ Теперь село Разрытое въ Рославльск. у. на р. Ипути.

ныхъ центровъ, которые правильнѣе, равномѣрнѣе питали живой общественный организмъ. Аналогичное этому явленію, вызванное тѣми же самыми причинами, какъ и у насъ, мы встрѣчаемъ и въ Зап. Европѣ, гдѣ въ XIII в. пѣкоторые города служили или хлѣбными житницами для нѣмецкаго населенія, или богатыми мѣстными торговыми центрами. Такъ маленькій померанскій городокъ Демминъ былъ по количеству своего населенія втрое болѣе теперешняго; Зейберцъ, имѣвшій въ началѣ XIV в. 11,000 чел. населенія, теперь имѣетъ всего 1,400; Пильтенъ, Кокенгузенъ, Крейцбургъ, Роннебургъ, Оденпе, Нейгаузенъ, Мариенбургъ, Рюйенъ и мног. др. въ XIII в. были богатѣйшими укрѣпленными городами, теперь же или утратили всякое значеніе, или совершенно исчезли съ лица земли 160).

Нельзя сказать, чтобы смоленское княжество при своемъ сравнительно высокомъ уровнѣ благосостоянія не страдало отъ тѣхъ физическихъ бѣдствій, которыя были общи всей русской землѣ: всевозможныхъ эпидемій, эпизоотій, отъ неурожаевъ и голодной смерти. Грязь и нечистота на улицахъ и дворахъ, неразборчивость и невоздержанность въ пищѣ и питъѣ были чуть ли не главными причинами всевозможныхъ эпидемическихъ болѣзней населенія. По своимъ физико-географическимъ условіямъ смоленское княжество дѣлилось на двѣ весьма рѣзко различающіяся между собой полосы. Раздѣльная черта между двумя половинами тянется отъ сѣверной границы губерніи черезъ города Бѣлый и Дорогобужъ, гдѣ она прерывается по берегамъ Днѣпра луговыми долинами, потомъ переходитъ у южнаго пограничнаго пункта, у р. Десны—въ уѣздахъ ельнинскомъ, краснинскомъ и рославльскомъ—въ низменность, а въ губерніяхъ могилевской и витебской въ совершенно болотистое пространство 161). Восточная полоса относится къ болѣе древней геологической эпохѣ, отличается ровнымъ мѣстоположеніемъ и принадлежитъ къ формации горнаго известняка, образовавшагося отъ осадженія первобытнаго моря, западная же, наоборотъ, покрыта аллювіальными наносами, состоящими изъ смѣси глины и песку, мѣстами колоссальными эрратическими камнями или валунами (гнейсъ и гранитъ, принадлежащіе къ огненнымъ породамъ Финляндіи и Скандинавскаго полуострова 162). Этими характеромъ геогностическаго строенія мѣстности объясняются и самыя свойства почвы смоленской губерніи. Центральная, западная и сѣверо-западная части губерніи представляютъ каменистую поверхность, во многихъ мѣстахъ съ котловинами, углубленіями, куда съ покатоствѣй

¹⁶⁰⁾ Schäfer, Hans. Städte, S. 182. Gesch. d. Ostsee Provinz., I. S. 179.

¹⁶¹⁾ Цебриковъ, Матер. для геогр. и стат. Смол. губ., 51.

¹⁶²⁾ Гр. Уваровъ, Археологія Россіи, II, 53.

стекаетъ вода и образуетъ такимъ образомъ болотистую почву. Это—одна изъ самыхъ сырыхъ, нездоровыхъ мѣстностей смоленскаго края. Сырость почвы еще болѣе увеличивается здѣсь отъ зап. вѣтровъ. Измѣнчивость погоды, обиліе стоячихъ и текущихъ водъ и лѣса служатъ причиною непостоянства температуры, что, конечно, весьма вредно вліяетъ на растительность хлѣбовъ. Открытое мѣстоположеніе, меньшее сравнительно изобиліе лѣсовъ и вслѣдствіе того большая сухость климата производятъ въ восточной полосѣ большее плодородіе почвы. Болѣе благоприятная для земледѣльческой культуры мѣстность уѣздовъ ельнинскаго, дорогобужскаго, смоленскаго, краснинскаго, вяземскаго и восточной части рославльскаго издревле была населена сравнительно многочисленнѣе западныхъ и сѣверо-западныхъ уѣздовъ; здѣсь, въ помянутыхъ уѣздахъ, и сохранились до настоящаго времени слѣды родового, патриархальнаго быта. Аллювіальная, наносная почва, какъ извѣстно, и химически и геогностически состоитъ изъ одинаковыхъ минеральныхъ веществъ, хотя и изъ различнаго физическаго агрегата, отличается и большей проникаемостью и порозностью для воды. Подобная почва признается учеными главнымъ мѣстозарожденіемъ холерной эпидеміи, такъ какъ она въ большей степени содѣйствуетъ образованію углекислоты ¹⁶³⁾. Аллювіальная почва западной полосы смоленскаго края въ древности отличалась засухами, неурожаями и въ то же время служила самымъ благоприятнымъ передаточнымъ пунктомъ для распространенія по странѣ эпидемическихъ, контакціальныхъ болѣзней: черной смерти, мора, „чумера“ и т. п., погубившихъ въ XIII—XIV вв. цѣлые десятки тысячъ населенія.

Начиная съ 1092 г. и до 1436 г., смоленское княжество 16 разъ опустошала моровая язва, причеиъ самымъ тяжкимъ вѣкомъ, какъ по количеству неурожайныхъ лѣтъ, такъ и по части эпидемій, было XIV столѣтіе. Первый извѣстный по лѣтописамъ моръ людей былъ въ 1092 г.; моръ этотъ, начавшись съ юга изъ Кіева, распространился по черниговской, смоленской, новгородской и суздальской областямъ. Причиной его былъ повсемѣстный неурожай хлѣбовъ, произведенный сильными жарамъ и засухами, такъ что хлѣбныя нивы совершенно выгорѣли, лѣса и торфяники воспламенялись сами собой. „Ведро быше,—говорить лѣтописецъ,—яко и згораше земля и мнози борове взара-

¹⁶³⁾ Pr. Pettenkofer, Der Boden und sein Zusammenhand mit der Gesundheit d. Menschen, въ Deutsche Rundschau, ноябрь, 1881, S. 223. Такъ напр. Аллювіальная почва о. Мальты недавно служила мѣстозарожденіемъ холерной эпидеміи.

хуса сами и болота¹⁶⁴). Въ одномъ Кіевѣ съ 14 ноября и до 1 февраля ежедневно умирало по 90 человекъ и „отъ Филиппова заговѣнія до масопуста великаго людіе 7000 гробовъ продахомъ“¹⁶⁵). Морская язва унесла съ собою массу крестьянскаго населенія... Некому было обрабатывать поля, оставшееся населеніе въ страхѣ ожидало смертнаго часа... Наступила страшная дороговизна предметовъ первой необходимости. Кадъ ржи (4 четверика) стоила 8 гривенъ серебра¹⁶⁶), т. е. 24 р. на наши деньги¹⁶⁷). Населеніе смоленскаго края и тогда уже знакомо было съ лебедой, какъ съѣдобнымъ суррогатомъ въ голодное время. Какъ разъ въ это время изъ Смоленска пришелъ въ Кіевъ Прохоръ-скинникъ, который впервые познакомилъ кіевлянъ съ лебедой. Болѣя душой о несчастіяхъ изстрадавшагося, истощеннаго голодомъ народа, Прохоръ своими собственными руками стиралъ лебеду въ порошокъ, приготовлялъ изъ нея „хлѣбъ“ и кормилъ имъ населеніе, отчего исторія и сохранила за нимъ названіе „лебединъ“. Вслѣдствіе ссоры тогдашняго кіевскаго князя Святополка съ галицкими князьями, Святополкъ не пускалъ въ Кіевъ соли изъ Галича и южнаго Переяслава, но Прохоръ и тутъ сумѣлъ выручить изъ бѣды ни въ чемъ неповинное населеніе, приготовляя соль изъ растительнаго пепла¹⁶⁸). За свой умъ и распорядительность въ общественныхъ дѣлахъ Прохоръ смоленскій заслужилъ уваженіе князя и въ 1113 г. былъ сдѣланъ игуменомъ печерскаго монастыря¹⁶⁹).

XI вѣкъ былъ особенно тяжелъ для населенія русской земли уже потому, что въ этотъ вѣкъ населеніе умѣло заниматься производствомъ только одного вида злаковъ—ржи и въ случаѣ голода получало хлѣбъ только изъ низовыхъ областей, да и то въ незначительномъ количествѣ; иностраннаго подвоза еще не существовало. Доставка хлѣба въ мѣста наиболѣе нуждающіяся въ немъ была сопряжена съ страшными затрудненіями: дикія половецкія и печенѣжскія орды сторожили купцовъ, отнимали хлѣбъ и всякіе товары.

¹⁶⁴) Лавр. глг. 208.

¹⁶⁵) Воскр. VII, 6.

¹⁶⁶) Ленковъ, Русс. народъ и государство, 1858, стр. 458.

¹⁶⁷) Цѣнность гривенъ равнялась въ XI в. 3 р. сереб.

¹⁶⁸) Яковлевъ, памятники русской литературы XII и XIII вв. 1879 г., стр. CLIII—CLVII. По словамъ В. Гева, тогда люди умѣли добывать соль изъ морскаго растительнаго пепла. См. его Культурн. раст., стр. 10. Современные американскіе дикари до сихъ поръ при недостаткѣ соли употребляютъ растительный пепелъ, которымъ посыпаютъ хлѣбъ и мясо.

¹⁶⁹) Погодинъ, Исслѣд., лекціи и замѣтки, IV, стр. 108.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ существовала неизмѣрная дороговизна хлѣба. Оттого и проѣздъ купцовъ съ юга съ товарами въ ту или другую область составлялъ цѣлое событіе, вызывавшее къ дѣятельности всѣ силы русской земли. Такъ въ 1168 г. кіевскій князь Ростиславъ Мстиславичъ снарядилъ цѣлую экспедицію для охраны греческихъ купцовъ. Въ этой экспедиціи участвовали 11 князей съ полками: Владимірскимъ, Луцкимъ, Бужскимъ, Дорогобужскимъ, Овручскимъ, Городненскимъ, Галицкимъ и др., — ополченіе, какого не было прежде для наступательныхъ войнъ съ половцами. Многочисленные обозы на телегахъ греческихъ и залозныхъ купцовъ поднимались вверхъ по пути, идущему параллельно Днѣпру, причѣмъ князья долгое время стояли съ своими полками по обѣимъ сторонамъ дороги, пока не прошли обозы 170). Таковы были затрудненія, съ которыми сопряжена была доставка товаровъ въ Русь! Но все-таки въ XII в. населенію было уже сравнительно легче относительно добыванія средствъ продовольствія, нежели въ предыдущемъ вѣкѣ, такъ какъ въ это время кромѣ ржи оно умѣло воздѣлывать пшено, пшеницу, различныя овощи, и притомъ хлѣбъ подвозился не изъ однихъ только южныхъ областей, но и изъ Суздальской земли. Въ это время существовала уже правильная внутренняя торговля, подлежащая правительственному контролю и вліянію. Въ лѣтописяхъ постоянно упоминаются отѣтки цѣнъ на печеный хлѣбъ и рожь, и въ голодные годы кадь ржи не поднималась выше 6 гривенъ, такъ что населеніе не подвергалось уже голодной смерти вслѣдствіе дороговизны хлѣба. Въ Смоленскѣ упоминается голодъ между 1215—1220 годами: „бывшу безодждію велику во градѣ, яко изсыхати земли садомъ и нивамъ и всему плоду земному“. (Житіе Авраамія смоленскаго, въ Смоленск. Епарх. Вѣд. 1875 г, № 2, стр. 40). Но этотъ голодъ былъ ничто въ сравненіи съ тѣмъ ужаснымъ голодомъ во всемъ Смоленскомъ княжествѣ, который вызванъ былъ главнымъ образомъ Калкскимъ пораженіемъ русскихъ, и продолжался два года сряду, — именно въ періодъ оживленныхъ сношеній смолянъ съ нѣмцами въ 1220—30 годы. Печеный хлѣбъ продавался по полугривнѣ, а кадь ржи по 4 гривны 171). Въ одномъ Смоленскѣ количество умершихъ отъ голода въ теченіе двухъ лѣтъ дошло до 30,000 человекъ 172). „Таковъ бѣ гладь,—

170) Погодинъ. Древняя русская исторія, II, 464. Ипат. 361: „стояша полки у Канева долго время, дондеже взиде Гречникъ и Залозникъ, и оттолѣ въ—звратилася въ свояся“.

171) П. С. Р. Л. IV, 29.

172) Лавр. 486. Воскр. VII, 138: „сдѣлаша 4 скудельницы и положиша: въ дву 16 тысяць, а 3-и 7000, а въ 4-й 9000; се же бысть по два лѣта“.

говорить лѣтописецъ,—яко мнози своего брата рѣзуще ядаху, а инѣи мертвое трупіе ядаху, друзіи конину и псину и кошки, а инѣи мохъ, и сосну, и илемъ, и листъ, и толико бѣ множество мертвыхъ, яко не бысть кому погрѣбати ихъ" 178). Русскихъ въ это время выручили изъ бѣды нѣмцы, которые во множествѣ навезли хлѣба и въ Новгородъ и въ Смоленскъ. „Прибѣгоша нѣмцы изъ заморія съ жытомъ и съ мукою и много добра сотвориша“, съ радостію замѣчаетъ лѣтописецъ объ этомъ фактѣ. Истощенные, ослабленные дурнымъ питаніемъ человѣческіе организмы вымерли, болѣе сильные и болѣе приспособленные къ антигигіеническимъ условіямъ жизни пережили эти „чemerитные дни“, какъ выражались въ древности бѣлоруссы о моровой язвѣ. Воспоминаніе объ этихъ ужасныхъ дняхъ, пережитыхъ смоленскимъ населеніемъ, до сихъ поръ сохранилось въ памяти народной въ формѣ „заговора отъ чемера“. „Трава-травца! ни я тебя садиу, ни я тебя поливау: садиу тебя самъ Господь, поливау мать Пречистая. На чемера ты мнѣ надобна, на чемера тебя рву“. Какъ видно изъ заговора, въ древности населеніе употребляло отъ „чемера“ какія-то лекарственныя травы въ настоѣ. Начиная съ 1230 г. и по 1270 г., т.-е. въ теченіе 40 лѣтъ, о моровой язвѣ въ Смоленскомъ княжествѣ ничего не было слышно, такъ что крестьянское населеніе быстро оправилось отъ понесеннаго горя; Смоленскъ опять заселился столь-же многочисленнымъ населеніемъ, какъ и прежде. Но съ XIV в. голодовки и моровая язва учащаются, дѣлаются сильнѣе, интенсивнѣе. Это прогрессивное усиленіе физическихъ бѣдствій шло въ параллель съ усиливающимися набѣгами на смоленскую землю литовцевъ, которые грабили и опустошали страну, избивали и уводили въ неволю мирное населеніе.

Въ 1308 г. по всему Смоленскому княжеству свирѣпствовалъ моръ и голодъ. Въ 1313—14 гг. моровая язва сопровождалась ужасными, небывалыми прежде послѣдствіями, казалось, всѣ стихіи земныя возстали противъ человѣческой природы. Вся западная и сѣверная части русской земли испытали голодъ, слѣдствіемъ котораго явилась моровая язва. Зима и осень въ 1313—14 гг. были холодны и безсніжны, а наступившая весна отличалась бездождіемъ, вслѣдствіе чего наступилъ повсемѣстный на Руси неурожай. До начала XIV в. населеніе, жившее по берегамъ З. Двины и Балтійскаго моря, питалось главнымъ образомъ сельдями, ловившимися во множествѣ въ теченіе всего XII и XIII вв.; въ достопамятный 1313 г. въ природѣ произошло замѣчательное явленіе: всѣ сельди навсегда покинули

178) Воскр. VII, 136.

берега Балтійскаго моря и приняли другое направленіе; только нѣкоторыя мелкія породы рыбъ, какъ, напр., вильки салакушки и пр. стали съ тѣхъ поръ во множествѣ водиться въ Балтійскомъ морѣ ¹⁷⁴). Люди принуждены были питаться кореньями и древесной корой, надалею, пожирали даже своихъ собственныхъ дѣтей, старыхъ и слабосильныхъ людей. Благосостояніе народа надолго исчезло, села и деревни обезлюдѣли, домашній скотъ почти совершенно исчезъ...

Въ 1322 г. все лѣто продолжался холодъ, вслѣдствіе чего всѣ плоды и огородные овощи погибли, лѣса лишились листвы ¹⁷⁵).

1340: пожаръ уничтожилъ весь Смоленскъ, который по этому былъ отстроенъ заново.

1352: черная смерть унесла почти все населеніе Смоленска.

1364: въ Смоленскѣ свирѣпствовала моровая язва ¹⁷⁶).

1377: по всей смоленской области свирѣпствовала моровая язва.

1386 и 1387: „моровая язва около града Смоленска и по волостямъ“ ¹⁷⁷). Лѣтописецъ подробно описываетъ характеръ и симптомы моровой язвы. „Вдругъ ударить какъ ножемъ въ сердце, въ лопатку или между плечами; огонь пылаетъ внутри; кровь течетъ горломъ; выступаетъ сильный потъ и начинается дрожь. У другихъ дѣлаются язвы на шеѣ, бедрѣхъ, подъ скулою, пазухою или за лопаткою“. Въ Смоленскѣ умерло все населеніе, „только выдоша изъ города пять человѣкъ и городъ затвориша“ ¹⁷⁸).

1390: „Бысть моръ въ Смоленскѣ“ ¹⁷⁹).

1401 и 1402: моръ въ Смоленскѣ“ ¹⁸⁰).

Выходитъ, что въ теченіе XIV столѣтія каждое десятилѣтіе посѣщала смоленскую страну моровая язва, погубившая въ общей сложности болѣе половины общаго количества населенія. Разоренная, обнищавшая, обезлюдѣвшая смоленская страна не могла уже въ 1404 и 1408 гг. противопоставить своихъ силъ противъ многочисленныхъ литовскихъ полчищъ, которыя почти безъ труда завоевали Смоленское княжество, тѣмъ болѣе, что въ самомъ Смоленскѣ населеніе раздѣлилось въ это время на двѣ враждебныя другъ другу партіи: все боярство стояло на сторонѣ Литвы, а народъ, не имѣя вождей, которые могли бы вдохнуть въ него духъ отваги для защиты его по-

¹⁷⁴) Geschichte der Ostsee-Provinzen, I, S. 135.

¹⁷⁵) Ibidem, 138.

¹⁷⁶) Списки населен. мѣстъ Смол. губ., стр. 33—4.

¹⁷⁷) Новгород. лѣт. II и III, 1879 г.; лѣт. Арамки, 150.

¹⁷⁸) П. С. Д. т. IV, 95. Карамзинъ, И. I. Р. т. V, 3—9.

¹⁷⁹) Рук. Новгород. Соф. библ. № XXXV.

¹⁸⁰) Воскр. VIII, 75; Новгород. IV, 73.

литической независимости, склонился на сторону московского князя. Литва съ каждымъ годомъ, съ каждымъ мѣсяцемъ, сначала въ лицѣ Ольгерда, а потомъ Витовта, все сильнѣе и сильнѣе надвигалась на Смоленское княжество, мучила, изнуряла его населеніе, пока, наконецъ, въ 1408 г. окончательно не поглотила его. Народное возстаніе въ Смоленскѣ въ 1440 г. 181) противъ литовскаго намѣстника Саковича было только вспышкой послѣдней предсмертной агоніи.

181) Narbuth, Dz. star. Nar. Lit. III, 324.

IX-й археологическій съѣздъ въ г. Вильно.

В. Н. Сторожева.

Минувшій археологическій съѣздъ, на который недалъновидные люди смотрѣли первоначально какъ на странную, чтобы не сказать опасную, затѣю, совсѣмъ не оправдалъ ожиданій нашихъ скептиковъ. Опасная затѣя была тѣмъ, чѣмъ ей и надлежало быть: скромнымъ ученымъ собраніемъ, которое старалось прочно держаться „на почвѣ археологической и исторической правды“, преслѣдуя только научные интересы и игнорируя вождедѣнія политикановъ всякихъ окрасокъ и всякихъ лагерей. Вотъ почему неподдѣльными симпатіями съѣзда пользовались только дѣйствительныя *ученыя* силы и ихъ живое авторитетное слово, что въ особенности рѣзко сказалось въ шумныхъ привѣтствіяхъ на съѣздѣ такимъ представителямъ русской науки, какъ Александра Яковлевна Ефименко, академикъ В. Г. Васильевскій или проф. В. В. Антоновичъ. Тенденціозные придатки къ ученой работѣ, отъ кого бы они ни исходили, не могли бы найти на съѣздѣ надежной точки опоры. Еще предварительный комитетъ по устройству въ 1893 г. въ г. Вильно археологическаго съѣзда, собравшійся въ Москвѣ 5 января 1891 г., долженъ былъ отбить всякую охоту эксплуатировать съѣздъ въ интересахъ какой-нибудь тенденціи; когда на первомъ засѣданіи этого комитета прочитана была записка проф. М. О. Кояловича, въ которой авторъ рѣзко замѣтилъ, что „усилій повернуть ходъ дѣлъ на съѣздѣ не въ русскую сторону, безъ всякаго сомнѣнія (?), будетъ много“, то комитетъ, памятуя одну только *ученую* сторону, предложилъ проф. М. О. Кояловичу „выдѣлить наиболѣе существенныя черты его мнѣнія въ формѣ, *строю научнымъ образомъ поставленнымъ*, вопросовъ или запросовъ для напечатанія ихъ въ программѣ съѣзда“. Авторъ записки долженъ былъ подчиниться без-

страстному приговору ученаго собранія и доставилъ комитету шесть запросовъ въ принятой для программѣ археологическихъ сѣздовъ формѣ. Такъ первая попытка отклоненія отъ строго научной почвы потерпѣла неудачу и, разумѣется, не могла вызвать добровольцевъ для подражанія. Въ своей запискѣ (она напечатана въ приложеніи къ протоколу перваго засѣданія предварительнаго комитета въ Москвѣ) проф. М. О. Кояловичъ, между прочимъ, писалъ: „можно опасаться, что на сѣздѣ будутъ употреблены большія заботы, чтобы дать рѣшительное преобладаніе тому модному и едва ли не поспѣшно перенятому нами изъ западной Европы направленію археологій, при которомъ археологи все роются въ землѣ и доискиваются не только до историческаго, но и самаго первобытнаго, геологическаго человѣка (стр. 7)“. Если сдѣлать попытку найти въ этихъ словахъ (срав. брошюру проф. А. Д. Вѣалева *Характеристика археологій* Харьковъ 1890, стр. 78 и сл.) какой-нибудь научный смыслъ, то только единственный: принципиальное отрицаніе археологій, какъ науки; съ точки зрѣнія проф. М. О. Кояловича, кое кѣмъ у насъ раздѣляемой и проводимой послѣдовательно, необходимо было бы упразднить центральное отдѣленіе нашихъ археологическихъ сѣздовъ *Древности первобытныя* и предаться исключительному изученію древностей, которыя не нужно откапывать изъ земли, и мало того—именно тѣхъ, которыя относятся къ русской народности въ узкомъ смыслѣ этого понятія. Такое анти-научное пониманіе задачъ *русской* археологій доводитъ до болѣе чѣмъ страннаго утвержденія, что *рускимъ* археологическимъ сѣздамъ не пристало заниматься изученіемъ древностей литовскихъ, польскихъ, бѣлорусскихъ и др. Тутъ уже ничто болѣе простаго непониманія задачъ русской археологій, до котораго нашимъ сѣздамъ, разъ они твердо будутъ стоять на научной почвѣ, конечно, никогда не дойти. На этомъ центральномъ отдѣленіи нашихъ археологическихъ сѣздовъ *Древности первобытныя* я ниѣю въ виду остановиться прежде всего въ своемъ обзорѣ ученой работы виленскаго сѣзда.

Въ рефератѣ *О типахъ погребенія въ курганахъ Киевской губерніи*, читанномъ на VIII-мъ археологическомъ сѣздѣ, проф. В. Б. Антоновичъ, дѣлая попытку классификаціи археологическихъ находокъ въ области средняго Днѣпра, выдѣлилъ цѣлую группу кургановъ, названныхъ имъ славянскими; среди нихъ въ свою очередь онъ выдѣлялъ и этнографически пріурочилъ два строго географически распределенныхъ типа кургановъ: древлянской¹⁾ и полянской. Продол-

¹⁾ На археологической выставкѣ при виленскомъ сѣздѣ было экспонировано историч. овозраженіе, т. VII.

жая послѣ того свои работы, проф. Антоновичъ получилъ возможность отнѣтитъ новый типъ славянскихъ кургановъ—радимичій—, о которомъ и сообщилъ съ обычнымъ мастерствомъ IX-му археологическому съѣзду въ рефератѣ *Погребальный типъ могилъ Радимичей*. Особенности радимичаго погребальнаго типа заключаются въ слѣдующемъ: покойники погребены выше горизонта (78%) на большей или меньшей возвышенности, средняя высота которой достигаетъ 0,53 метра; ложе, подосланное подъ ними, состоитъ изъ смѣси зола съ зернами угля и свѣтлаго песка безъ всякаго, впрочемъ, признака сожженія или обугленія костей; дерево встрѣчалось рѣдко (18%), обыкновенно въ видѣ нѣсколькихъ досокъ или брусковъ, положенныхъ сверху или по бокамъ скелета; скелеты лежали головою къ западу, на спинѣ, съ протянутыми руками вдоль тѣла, ноги также протянуты; изъ 33 измѣренныхъ череповъ 28 оказались длинноголовыми съ среднимъ черепнымъ указателемъ 75,09; средняя цифра роста при 22 измѣреніяхъ 1,66 метра. Оружія при покойникахъ ни разу не было найдено; напротивъ, глиняные горшки двухъ типовъ встрѣчались очень часто: стояли они у головы или у ногъ и содержали въ себѣ органической перегной. Въ мужскихъ могилахъ встрѣчались поясныя бронзовыя пряжки, литыя бронзовыя кольца, привѣшавшіяся къ поясу, желѣзные ножики съ деревянными или костяными рукоятками. Женскія могилы обиліемъ украшеній значительно превосходили мужскія: височныя кольца семилопастныя (рѣже серьги), витыя бронзовыя гривны, ожерелья, состоящія либо изъ крупныхъ бусъ стеклянныхъ, глиняныхъ, сердоликовыхъ, аметистовыхъ и горнаго хрусталя, либо изъ мелкихъ глиняныхъ или стеклянныхъ бусъ, нанизанныхъ въ два ряда и перехваченныхъ серебряными привѣсками въ формѣ ромбовъ, ажурныхъ розетокъ, полумѣсяцевъ, бубенчиковъ и крестообразныхъ фигуръ; встрѣчались еще браслеты изъ бронзовыхъ проволокъ и пластинокъ, серебряныя перстни изъ проволокъ и пластинокъ (также бронзовыя литыя). Въ двухъ случаяхъ найдены фибулы дугообразныя; одна бронзовая и одна желѣзная. Серебряныя вещи численностью превосходили бронзовыя; спайки металлическихъ предметовъ не наблюдалось ни разу. Хронологическія данныя, встрѣтившіяся два раза, падаютъ на X-ое столѣтіе.

Таковъ радимичій погребальный типъ по изслѣдованіямъ проф. Антоновича, раскопавшаго 115 кургановъ этого типа. Его наблюденія во многомъ сходны съ данными раскопокъ М. В. Фурсова, произведенныхъ въ 1892 г. въ пяти центральныхъ уѣздахъ Могилевской

ровано 30 образцовъ предметовъ, находимыхъ въ древлянскихъ курганахъ раскопокъ проф. Антоновича.

губерніи. Г. Фурсовъ въ своемъ рефератѣ *Раскопки въ Могилевской губерніи* указавъ, правда, и на нѣкоторыя различія въ результатахъ раскопокъ его и проф. Антоновича, но они не существенно важны (въ одномъ изъ кургановъ найдена литая изъ жѣды фигура человѣка) 2).

Курганы дреговичскаго типа, на который проф. В. З. Завитневичъ успѣлъ указать еще на московскомъ съѣздѣ 1890 г. въ рефератѣ *Къ вопросу о критеріи для классификаціи кургановъ по типамъ*, къ виленскому съѣзду были обследованы съ должною обстоятельностью. Научное наблюденіе надъ 627 курганами этого типа дало возможность проф. Завитневичу въ рефератѣ *Формы погребальнаго обряда въ мозырскомъ, рѣчицкомъ и бобруйскомъ уѣздахъ Минской губерніи* нарисовать обстоятельную картину дреговичскихъ погребеній. Курганы, изслѣдованные референтомъ, по формѣ погребальнаго обряда дѣлятся прежде всего на двѣ категоріи: 1) курганы съ трупосожженіемъ и 2) курганы съ зарываніемъ покойниковъ въ землю. Процентное отношеніе кургановъ первой категоріи къ общей суммѣ изслѣдованныхъ кургановъ, а равно и распредѣленіе ихъ по территоріи изслѣдованной области, заставляютъ признать, что во 1) обрядъ трупосожженія не былъ господствующимъ въ данной области, а 2) такъ какъ форма этого обряда по направленію къ Днѣпру усиливается, то весьма вѣроятно, что она занесена на западную сторону Днѣпра съ восточной, гдѣ въ бассейнѣ р. Десны она имѣетъ господствующее значеніе. Курганы второй категоріи по обряду зарыванія покойниковъ въ землю въ свою очередь подраздѣляются на три категоріи: 1) погребеніе въ насыпи кургана, 2) — на поверхности земли и 3) — въ ямахъ. Первая форма встрѣтилась только въ трехъ курганахъ березинскаго бассейна; третья форма, встрѣчаемая къ сѣверу отъ Припети, вѣроятно, есть результатъ занесенія съ южнаго берега, гдѣ въ области древлянскихъ поселеній господствовало погребеніе въ ямахъ. Въ изслѣдованной же области доминируетъ обрядъ погребенія на почвѣ (70,85%); въ могилахъ этой формы погребенія найденныя вещи можно подраздѣлить на практически-бытовыя и служившія украшеніемъ (образцы были выставлены на археологической выставкѣ при съѣздѣ): первыя, по мнѣнію референта, свидѣтельствуютъ, что люди курганной эпохи жили въ *железномъ вѣкѣ* и находились на сравнительно высокой степени культурнаго развитія. Что касается предметовъ украшенія, группи-

2) Курганы радимичскаго типа раскапывалъ еще П. М. Еременко въ 1890 — 91 гг.; нѣкоторыя вещи изъ его раскопокъ въ Суражскомъ и Новозыбковскомъ уѣздахъ Черниговской губ. находились на выставкѣ при виленскомъ съѣздѣ. См. также *Дневникъ курганныхъ раскопокъ, произведенныхъ по порученію А. С. Дембовецкаго* Могилевъ 1898 (въ Климовичскомъ, Мстиславльскомъ и Черниковскомъ уѣздахъ Черниговской губерніи).

ровавшихся около головы, шеи и рукъ, то изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ бусы филигранной работы, повидимому, мѣстнаго приготовления. Измѣренія череповъ показали преобладаніе долихоцефализма. Хронологическія данныя, какъ и въ радимичскихъ раскопкахъ проф. Антоновича, падаютъ на X-е столѣтіе.

Вольшой разговоръ, послѣдовавшій вслѣдъ за чтеніемъ реферата проф. Завитневича, не заключалъ въ себѣ ничего особенно важнаго или интереснаго для текущей археологической работы.

Древности той же Минской губерніи затронуты были въ рефератѣ Г. Х. Татуръ *О курганахъ Минской губерніи* (на выставкѣ находилось нѣсколько вещей изъ раскопокъ референта, которымъ къ сѣзду издана обширная справочная книга *Очеркъ археологическихъ памятниковъ на прострaнствѣ Минской губерніи и ея археологическое значеніе* Минскъ 1892); референтъ настаивалъ особенно на двухъ положеніяхъ: 1) въ курганахъ, заключающихъ погребенія цѣлыхъ, не сожженныхъ труповъ, покойника клали на потухшемъ кострищѣ, а если и встрѣчаются скелеты, обложенные досками обуглившимися, то доски эти обожжены были не при покойникѣ, а раньше; 2) особенно важными для характеристики археологическаго значенія Минской губерніи являются курганы, которые слѣдуетъ относить къ бронзовому вѣку (при этомъ были продемонстрированы вещи, найденныя близъ м. Полевѣвки Борисовскаго уѣзда).

Проф. Завитневичъ не безъ основанія оспаривалъ оба положенія референта, при чемъ въ демонстрированныхъ вещахъ находилъ полное сходство съ вещами кургановъ *древническаго* типа, относимыми, какъ мы видѣли выше, къ желѣзному вѣку. Проф. Антоновичъ также отрицалъ принадлежность демонстрированныхъ референтомъ вещей къ бронзовому вѣку, настаивая на несомнѣнномъ приуроченіи ихъ къ самому концу желѣзнаго вѣка, какъ на то указываютъ, напр., серьги съ фиксированными бусами, орнаментъ находокъ и пр. Г. Татуръ однако не призналъ возраженій своихъ оппонентовъ достаточно вѣскими и остался при своемъ мнѣніи.

Какъ разъ умѣстно будетъ напомнить, что когда происходилъ споръ о приуроченіи вещей г. Татура къ бронзовому или желѣзному вѣку, членамъ сѣзда уже былъ знакомъ другой рефератъ проф. Антоновича *О бронзовомъ вѣкѣ въ бассейнѣ Днѣпра*, выслушанный съ высокими интересомъ. Референтъ доказывалъ возможность отсутствія въ цѣлой странѣ одной изъ эпохъ, на которыя скандинавскими учеными дѣлится до-историческое время: такъ, по его мнѣнію, на значительномъ пространствѣ Россіи отсутствуетъ бронзовый вѣкъ, и желѣзная культура прямо наслонлась на каменную. Присутствіе въ странѣ бронзоваго вѣка констатируется тремя признаками: 1) находж-

деніємъ такихъ предметовъ бронзоваго вѣка, которые быстро исчезли при появленіи желѣза, напр. оружіе (за исключеніемъ стрѣлъ и булавъ) и нѣкоторыя орудія, какъ топоры, ножи, серпы, бритвы; 2) наличиемъ мастерскихъ бронзоваго вѣка, характеризующихъ формами для отливки бронзовыхъ предметовъ, шлаками, запасами металла и готовыхъ проволокъ различнаго размѣра, орудіями недоконченными, испорченными при отливкѣ или испорченными употребленіемъ и назначавшимися для починки или переплавки; 3) наличиемъ въ странѣ гробницъ бронзоваго вѣка. Изъ нихъ особенно проченъ третій признакъ и далеко неустойчивъ первый. Принимая эти признаки къ Европейской Россіи, найдемъ, что бронзовая культура надвигалась сюда съ двухъ сторонъ и изъ двухъ самостоятельныхъ центровъ: 1) съ востока—культура центрально-азиатская, ходъ которой можно прослѣдить по чудскимъ копьямъ и гробницамъ отъ Алтая до Урала и которая, достигнувъ въ древней Біарміи высшаго своего развитія, не пошла дальше; 2) культура передне-азиатская, распространенная по всему бассейну Средиземнаго моря финиціанами, проникла, видоизмѣняясь и совершенствуясь, на материкъ западной Европы и съ запада двигалась къ восточной равнинѣ до Днѣпра и Западнаго Буга. Въ Финляндіи, Остзейскомъ краѣ, Литвѣ, Бѣлоруссіи, центральной Россіи, въ бассейнѣ средняго Днѣпра бронзовой культуры не было; въ предѣлахъ намѣченной сейчасъ территоріи находятъ лишь немногочисленные спорадически разсыпанные бронзовые предметы, но вовсе нѣтъ ни мастерскихъ, ни гробницъ бронзоваго вѣка. Ничего опредѣленнаго нельзя сказать лишь о побережьи Чернаго моря, гдѣ присутствіе бронзовой культуры можно доказать, но нѣтъ возможности указать ея происхожденіе, такъ какъ среди найденныхъ до сихъ поръ предметовъ нѣтъ такихъ, которые рѣзко, по формѣ или орнаменту, могли бы быть рѣшительно отнесены къ западной или восточной культурѣ.

Обиравъ мысли, послѣдовавшій вслѣдъ за чтеніемъ реферата проф. Антоновича, начать былъ длиннымъ разсужденіемъ проф. Д. Н. Анучина, которое можно свести къ тремъ существеннымъ положеніямъ: 1) распространеніе бронзовой культуры въ предѣлахъ Европейской Россіи дѣйствительно шло путями, указанными референтомъ; 2) къ нимъ слѣдуетъ прибавить еще новый путь, игнорированный проф. Антоновичемъ, путь съ юга, съ Кавказа; 3) культурѣ, надвигавшейся на восточно-европейскую равнину съ запада, едва ли приличествуетъ названіе финиційской, если обратить значительное вниманіе на преемниковъ и продолжателей финиціанъ, т.-е. этрусковъ и эллиновъ. Проф. Д. Я. Самохвасовъ датировалъ бронзовый вѣкъ на восточно-европейской равнинѣ въ бассейнѣ рѣки Дона VII-мъ вѣкомъ до Р. Х.,

когда, по его мнѣнію, основанному на Геродотѣ, массагеты вытѣснили сюда скивовъ изъ прикаспійскихъ степей. Проф. В. З. Завитневичъ на основаніи нѣкоторыхъ соображеній счелъ возможнымъ поставить такой вопросъ: не слѣдуетъ ли искать слѣдовъ бронзоваго вѣка въ средней полосѣ восточно-европейской равнины? Такъ какъ сравнительно ничтожное количество находокъ бронзовыхъ предметовъ *легко объясняется*, по утверженію проф. Завитневича, тѣмъ, что позднее ихъ передѣлывали въ предметы украшенія, то область бронзоваго вѣка, какъ предмета изслѣдованія, должна быть расширена, и пока это изслѣдованіе не будетъ произведено, весьма рискованно утверждать отсутствіе культуры бронзоваго вѣка въ средней полосѣ русской равнины. Проф. А. А. Кочубинскій сдѣлалъ малевскую лингвистическую справку, которая какъ бы подтверждаетъ выводъ проф. Антоновича: въ языкахъ славянъ и литовцевъ есть общій терминъ для желѣза (*жельзо-gelesis*) и нѣтъ для мѣди (*мѣдь-varys*, оба слова темнаго происхожденія); самый же терминъ для желѣза одного происхожденія съ греческимъ χαλκος (мѣдь) т.-е. слово, оказавшееся лишнимъ, получило значеніе желѣза.

Пренія ⁸⁾ не поколебали выводовъ проф. Антоновича, который въ своемъ отвѣтѣ настаивалъ на томъ, что пока не будетъ открыто мастерскихъ бронзоваго вѣка, до тѣхъ поръ нечего и говорить о наличности послѣдняго въ средней полосѣ русской равнины; обращаясь же въ частности по адресу проф. Анучина, замѣтилъ, что говорить о значеніи Кавказа можно будетъ лишь при условіи находокъ въ южной Россіи бронзовыхъ предметовъ съ опредѣленно выраженнымъ кавказскимъ характеромъ, а такихъ пока не найдено.

Живой научный интересъ реферата проф. Антоновича заставилъ на немъ остановиться можетъ быть нѣсколько долѣе, чѣмъ слѣдовало

⁸⁾ Нельзя не отмѣтить, что рефератъ проф. Антоновича и замѣчанія оппонентовъ въ частности выяснили насущную потребность изслѣдовать область Дона въ археологическомъ отношеніи (бронзовыя находки С. Е. Зѣрева въ предѣлахъ Воронежской губ.) и составить объяснительные каталоги предметовъ бронзоваго вѣка (по возможности съ ихъ изображеніями), найденныхъ на территоріи восточно-европейской равнины. Необходимость археологическаго изученія бассейна р. Дона еще разъ была подчеркнута на сѣздѣ А. А. Опницкимъ въ замѣчаніи на рефератъ А. В. Селиванова о Борковскомъ могильникѣ, содержаніе котораго въ предлагаемомъ обзорѣ не затрогивается, такъ какъ *Дневникъ раскопокъ Борковского могильника* (Рязань 1893) былъ доставленъ еще на сѣздѣ въ печатномъ видѣ. Слѣдуетъ замѣтить только, что въ преніяхъ по поводу весьма интереснаго доклада г. Селиванова проф. В. В. Антоновичъ, Д. Я. Самоквасовъ и, если не измѣняетъ память, также В. З. Завитневичъ и Д. Н. Анучинъ склонялись къ признанію Борковского могильника *финскимъ*.

бы по условіямъ журнальнаго отчета; но, допустивъ невольно одну такую ошлошность, приходится уже помириться и съ другой: прерывая на минуту нить предлагаемаго изложенія, покончимъ съ рефератами проф. Антоновича, который на виленскомъ съѣздѣ высказался еще по вопросу, затронутому имъ же на московскомъ съѣздѣ 1890 г. (тогда же вопросъ этотъ былъ затронутъ также Г. Д. Скадовскимъ и І. А. Хойновскимъ). Его *Замѣтка о крашеныхъ скелетахъ* имѣла цѣлью вновь подчеркнуть невозможность допущенія окраски костей уже послѣ того, какъ отъ трупа оставался одинъ скелетъ, и выдвинуть предположеніе, что трупы при погребеніи въ курганѣ покрывались поверхъ одежды толстымъ слоемъ охры, которою и окрашивались части скелета, не покрытыя одеждой и обнажившіяся при разложеніи трупа прежде другихъ. Референтъ сообщилъ при этомъ о любопытной находкѣ въ одномъ курганѣ окрашенныхъ сверху нагладницъ, какъ бы въ дополненіе къ которой проф. А. И. Маркевичъ сообщилъ о любопытной находкѣ г. Скадовскимъ въ одномъ довольно большомъ, но низкомъ курганѣ трехъ окрашенныхъ костяковъ: одинъ изъ нихъ—дѣтскій—былъ покрытъ краскою весьма густо и замѣчательно ровно; въ насыпи кургана найдено было огромное количество кусковъ охры въ величину большого орѣха, расположенныхъ гнѣздами.

Ознакомленіе съ ростомъ археологическихъ свѣдѣній въ сферѣ славянскихъ кургановъ удачно закончилось на виленскомъ съѣздѣ рефератомъ А. А. Спицына *Общій обзоръ восточно-славянскихъ курганныхъ древностей*, который на основаніи матеріала, отчасти уже извѣстнаго въ археологической литературѣ, отчасти добытаго новѣйшими раскопками сдѣлалъ опытъ характеристики древностей *бужанъ*⁴⁾, дреговичей, кривичей, древлянъ, сѣверянъ, новгородскихъ славянъ, радимичей и вятичей (раскопки полянскихъ кургановъ нажѣрленно были оставлены въ сторонѣ); референтъ старался выяснить отличительныя особенности упомянутыхъ древностей и наиболѣе характерныя предметы изъ обстановки погребеній. Едва ли слѣдуетъ еще разъ особенно подчеркивать, что рефератъ г. Спицына есть только послѣдняя попытка сведенія обширнаго археологическаго матеріала, до сихъ поръ добытаго, въ одну общую картину, но уже самое появленіе подобной попытки говорить о значительныхъ успѣхахъ, достигнутыхъ за послѣднее время русскою археологическою наукою; эти успѣхи были бы еще внушительнѣе, еслибы у насъ прилагали больше усилій къ описанію и наданію каталоговъ археологическихъ коллекцій, а ме-

⁴⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что „бужане“ здѣсь употреблено въ *географическомъ*, а не *этнографическомъ* значеніи, какъ поспѣшилъ оговориться самъ референтъ въ виду послѣдовавшаго возраженія со стороны проф. Антоновича.

жду тѣмъ о многихъ раскопкахъ мы совершенно ничего не знаемъ, какъ очень кстати и энергично замѣтилъ проф. Завитневичъ.

Общими характеромъ отличались и рефераты проф. А. Д. Бѣлева *Объ устройствѣ археологическо-этнографическаго музея* и проф. М. С. Корелина *Первые шаги классической археологіи*. Первый предложилъ принять въ основаніе классификаціи археологическихъ находокъ ступени культуры и памятники археологическіе и этнографическіе распредѣлять въ музеяхъ параллельно, для чего рекомендовалъ строить музеи „въ видѣ продолговато-широкихъ зданій, имѣющихъ въ основаніи правильныя параллелограммы“ (sic!). Вторымъ пытался охарактеризовать направленія классической археологіи за первое столѣтіе ея существованія, начиная съ половины XIV вѣка, въ связи съ господствовавшими тогда общественными теченіями: сперва на античныя древности смотрѣли какъ на средство подогрѣвать патріотическое одушевленіе и вести политическую пропаганду; съ XV вѣка имъ стали приписывать значеніе орудія въ моральномъ воспитаніи.

Отъ славянскихъ кургановъ, отъ споровъ о признаніи или непризнаніи за среднюю полосою восточно-европейской равнины правъ на бронзовый вѣкъ, переходимъ къ рефератамъ, посвященнымъ каменному вѣку. Здѣсь прежде всего приходится упомянуть рефератъ г-жи Е. Н. Мельникъ (ею составленъ къ виленскому съѣзду подъ руководствомъ проф. Антоновича каталогъ археологической коллекціи А. Н. Поля) *О мастерскихъ каменнаго вѣка въ бассейнѣ Днѣпра*. Мастерскія, числомъ до 40, были распредѣлены въ изложеніи г-жи Мельникъ на три большія географическія группы: 1) западно-волинская (типическій прииѣръ—мастерская полированныхъ орудій и отбивныхъ кремневыхъ, относящихся къ концу неолитическаго періода, у с. Мощаницы Дубенскаго уѣзда); 2) по берегамъ рр. Уши и Норини (преимущественное производство кремневыхъ отбивныхъ орудій и частію пряслицъ изъ краснаго шифера); 3) близъ Екатеринослава и днѣпровскихъ пороговъ. Типичная мастерская этого района у села Волоскаго Екатеринославскаго уѣзда съ четырьмя видами производства (отбивныя орудія изъ кремня, полированныя каменныя орудія, предметы изъ кости и гончарныя издѣлія) была описана еще на московскомъ съѣздѣ въ сообщеніи *Стоянка и мастерская каменнаго вѣка у днѣпровскихъ пороговъ*.

Коллекція С. В. Люба-Радвининскаго, которую члены съѣзда имѣли случай изучать при чтеніи послѣднимъ своего реферата *Памятники каменнаго вѣка въ западной Волини*, заставила г. Ж. де-Вая замѣтить, что на Волини были мастерскія, гдѣ обрабатывали камень такъ же хорошо и изящно, какъ и въ Скандинавіи, при чемъ обра-

тилъ вниманіе на количество особыхъ кривыхъ ножей въ коллекціи г. Люба-Радзвимицкаго. Данныя раскопокъ послѣдняго въ Острожскомъ уѣздѣ были тѣмъ интереснѣе для ознакомленія, что Волинь въ археологическомъ отношеніи еще совершенно не изслѣдована, а изученіе ея въ этомъ направленіи настолько желательно, что многіе изъ членовъ виленскаго съѣзда настойчиво высказывались (по крайней мѣрѣ въ кружкахъ, заговаривавшихъ частнымъ образомъ о будущемъ съѣздѣ) за организацію X-го археологическаго съѣзда въ г. Луцкѣ Волинской губ. Волинскимъ древностямъ посвященъ былъ только еще одинъ рефератъ *Языческое кладбище въ селѣ Б. Рыкань Дубенскаго уѣзда Л. К. Житинскаго* (начало раскопкамъ въ названномъ селѣ положено было еще въ 1858 г.), который, помимо нѣкоторыхъ спеціальныхъ вопросовъ, заставилъ гг. Антоновича и Спицына выразить желаніе, чтобы референтъ направилъ свою дѣятельность на дальнѣйшія археологическія изысканія въ краѣ.

Наличность мастерской кремневыхъ орудій и существованіе кладбища неолитической эпохи въ Гродненской губерніи близъ слиянія рѣкъ Нарева и Бобра доказывалъ графъ де-Флери въ рефератѣ *О неолитической стоянкѣ въ Кемпъ*, сопровождавшемся демонстраціей богатой коллекціи кремневыхъ орудій.

Если упомянемъ еще о двухъ рефератахъ князя П. А. Путятина *Каменный ножъ и его измѣненія* и *Къ вопросу о дѣленіяхъ предметовъ каменнаго вѣка въ Россіи*, то исчерпаемъ запасъ рефератовъ, имѣвшихъ отношеніе къ каменному вѣку.

Что касается археологическихъ рефератовъ такъ или иначе относившихся вообще къ южной и западной полосамъ восточно-европейской равнины, то ограничимся простымъ упоминаніемъ ихъ для полноты нашего обзора: графъ Л. де-Флери сообщилъ *О ятвяжскихъ кладбищахъ* (на пространствѣ между р. Наревомъ и г. Данцигомъ), И. А. Линниченко *О городѣ Глинскѣ и его древностяхъ* (въ Полтавской губ.), С. С. Слуцкій по вопросу, трактовавшемуся и на прошломъ съѣздѣ, именно *Къ вопросу о каменныхъ бабахъ* (дополненіе къ послѣднему реферату сдѣлано было проф. Э. Р. фонъ-Штерномъ ⁵⁾ и проф. А. И. Маркевичъ *Къ вопросу о народахъ, жившихъ въ древнее время въ Черноморьи* (эракійцы).

Минуя затѣмъ рефератъ В. И. Сизова *О расположенномъ близъ Москвы Дьяковомъ городищѣ*, которое референтъ еще на московскомъ

⁵⁾ К. П. Гуковскій бѣгло ознакомилъ членовъ съѣзда съ древностями г. Ковно и его уѣзда, куда предпринята была археологическая экскурсія уже послѣ закрытія виленскаго съѣзда. Другая экскурсія еще во время съѣзда состоялась въ г. Троки.

сѣздѣ 1890 г. признавалъ финскимъ, переходимъ къ сообщенію проф. Д. Н. Анучина *О слѣдахъ трепанации черепа въ доисторическую эпоху въ Россіи*. Замѣтивъ, что археологическія изслѣдованія, произведенныя за послѣднія 20 лѣтъ въ западной Европѣ, особенно во Франціи, доказали существованіе здѣсь въ неолитическій періодъ обычая трепанации черепа, референтъ поставилъ вопросъ о трепанации черепа по отношенію къ Россіи, гдѣ до послѣдняго времени не было констатировано никакихъ слѣдовъ трепанации. Черепной амулетъ изъ одного городища неолитическаго періода (раскопка г. Нефедова на р. Ветлугѣ Костромской губ.) и черепъ, добытый при раскопкахъ „Князей Горы“ (близъ Канева на Днѣпрѣ) Н. О. Вѣляшевскимъ (въ черепѣ—неправильно округлое отверстіе на верхней боковой части лобной кости, сдѣланное, очевидно, искусственно на мертвомъ черепѣ, и при томъ не посредствомъ удара, а съ помощью его—вырѣзанія ножомъ)—двѣ единственныя до сихъ поръ находки, извѣстныя референту какъ слѣды трепанации черепа въ неолитическую эпоху на русской равнинѣ (принадлежность черепа, найденнаго въ „Князей Горѣ“, неолитическому періоду оспаривалась барономъ Ж. де Ваемъ и Н. О. Вѣляшевскимъ). Въ заключеніе проф. Анучинъ просилъ всѣхъ лицъ, занимающихся раскопками, обращать вниманіе на подобныя измѣненія костей черепа и сохранять такіе черепа (или части) для ихъ дальнѣйшаго изслѣдованія компетентными лицами (анатомами или хирургами) 6).

Остается еще два реферата, дающихъ общій обзоръ доисторическихъ древностей цѣлыхъ территорій: во 1) рефератъ проф. Вецценбергера (на нѣмецкомъ яз.). *О доисторическихъ древностяхъ Восточной Пруссіи*, который въ неолитическій періодъ и древнѣйшій металлическій помѣщаетъ сюда населеніе тождественное литовско-латышскому племени; можно даже, по мнѣнію проф. Вецценбергера, констатировать, что уже съ весьма отдаленной эпохи литовское племя было представлено въ этой территоріи двумя вѣтвями, прусскою и литовскою, и что граница между ними шла приблизительно тамъ же, гдѣ она проходитъ и теперь; во 2) рефератъ проф. Пича *Замѣтки о чешской археологіи*, интересный сопоставленіемъ историческихъ и археологическихъ данныхъ о древнѣйшемъ населеніи Чехіи: данныя историческія начинаютъ заселеніе Чехіи съ Воіевъ; археологія же

*) Отъ имени московскаго нумизматическаго общества Н. О. Вѣляшевскій обращался въ заключительномъ засѣданіи сѣзда съ просьбою доставлять точныя свѣдѣнія о находимыхъ въ разныхъ мѣстахъ монетныхъ кладахъ; съ цѣлью выяснитъ вопросъ о топографическомъ распредѣленіи монетныхъ кладовъ въ Россіи Общество заготовило и особыя бланки для такихъ сообщеній.

вскрываетъ до Воіевъ какихъ то долихоцефаловъ и затѣмъ еще два народа: одинъ въ сѣверной, а другой въ южной Чехи; изъ нихъ одинъ жилъ здѣсь приблизительно до начала христіанской эры, а другой, пришедши съ культурою бронзоваго вѣка, оставался до начала римской имперіи.

Было бы большою несправедливостію умолчать еще объ одной работѣ, которая, хотя и не была читана и обсуждаема на съѣздѣ, но была приготовлена къ нему и издана въ *Трудахъ виленскаго отдѣленія московскаго предварительнаго комитета по устройству въ Вильнѣ IX археологическаго съѣзда*: это—археологическая карта виленской губерніи съ обширною объяснительною запиской Ѳ. В. Покровскаго.

Первобытныя древности, какъ можно усмотрѣть изъ предложеннаго обзора, поставлены были на виленскомъ съѣздѣ достаточно широко не количественно только, но и качественно: новыя данныя для характеристики славянскихъ кургановъ, попытка сведенія данныхъ о нихъ въ одну общую картину, новый матеріалъ о мастерскихъ каменнаго вѣка, постановка вопросовъ о бронзовомъ вѣкѣ въ Россіи, о трепанациі черепа, объ окраскѣ скелетовъ (послѣдній затрогивался и на московскомъ съѣздѣ 1890 г.), выдѣленіе мѣстностей, особенно нуждающихся въ археологическомъ изученіи для текущей ученой работы надъ первобытными древностями на территоріи восточно-европейской равнины (Волинь и Придонье), наконецъ попытки обзорной цѣльныхъ территорій въ археологическомъ отношеніи.

Остается очень и очень пожалѣть, что выставка, устроенная по обычаю при съѣздѣ, не была настолько богатой, насколько она могла бы быть (см. *Каталогъ предметовъ, доставленныхъ на археологическую выставку... Вильна 1893 и изданное уже по окончаніи съѣзда Прибавленіе къ каталогу выставки... на 30 стр.*), и что не сообразилось спеціальныхъ раскопокъ въ области, которую имѣлъ въ виду изучить въ археологическомъ отношеніи съѣздъ.

Сожалѣніями приходится начинать отчетъ о второмъ (и послѣднемъ) основномъ отдѣленіи съѣзда—*Памятники искусствъ и художествъ* (церковныхъ и свѣтскихъ)—, которое было представлено поразительно слабо, не брало даже количествомъ рефератовъ и какъ бы заранѣе рѣшило игнорировать Литву.

Наибольшій интересъ могъ представить только докладъ В. В. Суслова и Н. В. Покровскаго *О Спасо-преображенскомъ соборѣ въ Мирожскомъ монастырѣ въ 1. Псковѣ*. Г. Сусловъ познакомилъ главнымъ образомъ съ архитектурною стороною памятника, по типу сходнаго съ греко-византійскими церквами IX—XI вв. и относящагося въ своемъ первоначальномъ видѣ къ XII ст. Г. Покровскій остановился на фрескахъ внутреннихъ стѣнъ собора, по его мнѣнію, одновремен-

ныхъ съ сооружеиіемъ послѣдняго. По археологической важности и художественному характеру къ мирожскимъ фрескамъ всего ближе стѣнописи Спасо-передвицкой церкви близъ Новгорода, но въ нихъ не мало и такихъ композицій, какихъ не найдется ни въ одномъ русскомъ памятникѣ, относящемся къ первымъ вѣкамъ христіанства (на стѣнахъ Кіево-софійскаго собора, Кіево-кириллова монастыря, Старо-ладожской церкви св. Георгія); вотъ почему онѣ представляютъ высокій интересъ для изслѣдователя. Композиціи въ мирожскихъ фрескахъ—копіи съ византійскихъ образцовъ. Стиль фресокъ, по словамъ проф. Покровскаго, тотъ же самый, что въ фрескахъ передвижныхъ и старолдожскихъ; это условный іератическій стиль мозаикъ Бахриэ-Джами въ Константинополь, въ которомъ религиозная идея начинаетъ преобладать надъ свободою художественнаго творчества и личное религиозно-художественное воззрѣніе подчиняется установившемуся общецерковному воззрѣнію на задачи религиознаго искусства. Самое разнѣщеніе изображеній въ соборѣ носить на себѣ отпечатокъ византійскаго обычая, установившагося подъ вліяніемъ символическаго воззрѣнія на храмъ и его составныя части. Наибольшій интересъ, съ точки зрѣнія исторіи православной иконографіи, представляютъ изображенія, относящіяся къ дѣтству Богоматери и помѣщенныя въ западной части южнаго нефа. Въ заключеніе референты обмѣнились между собою нѣсколькими замѣчаніями по вопросу о реставраціи Мирожскаго Спасо-преображенскаго собора и вообще о реставраціи древнерусскихъ церковныхъ стѣнописей, изъ которыхъ слушатели могли убѣдиться какимъ иногда неожиданнымъ случайностямъ подвергается наша церковная старина.

У насъ все еще продолжаютъ временами открываться фрески то изъ подъ новѣйшей закраски, то изъ подъ позднѣйшей застройки. Такой случай затронуть, между прочимъ, въ замѣткѣ проф. Н. И. Петрова *О новизнѣ археологическихъ открытіяхъ въ г. Кіевѣ и особенно о новооткрытыхъ фрескахъ Кіево-софійскаго собора*, читанной на съѣздѣ и сопровождавшейся небольшимъ комментариемъ г. Хойновскаго, владѣльца частнаго археологическаго музея въ г. Кіевѣ, который иногда не отказывается сообщить, какимъ образомъ наша старина расплывается по частнымъ древне-хранилищамъ и даже за границу. Тотъ же г. Хойновскій сдѣлалъ весьма любопытный комментарий къ основательнымъ lamentаціямъ проф. Ю. А. Кулаковскаго и Э. Р. фонъ Штерна въ ихъ рефератахъ *О керченскихъ катакомбахъ съ фресками* ⁷⁾ и *Замѣтки по исторіи Ольвіи* (по тремъ вновь найден-

⁷⁾ Г. Кулаковскій настаивалъ на принадлежности фресокъ керченскихъ катакомбъ эллино-римскому искусству, категорически отрицая присутствіе во-

нымъ надписямъ), которые жаловались на тайныя и хищническія раскопки въ Ольвіи, что было подтверждено и проф. Ѳ. И. Успенскимъ. Разказы гг. Успенскаго и Хойновскаго должны были произвести довольно удручающее впечатлѣніе на членовъ съѣзда, который постановилъ отъ своего имени обратиться къ графинѣ Мусиной-Пушкиной, владѣлицѣ этой мѣстности, съ просьбою предоставить право членамъ Одесскаго общества исторіи и древностей производить въ Ольвіи раскопки.

Церковнымъ же фрескамъ, но уже новѣйшаго творчества посвященъ былъ рефератъ Н. И. Троицкаго *Письмѣ тѣсной съ фрескахъ тульскаго Успенскаго собора*, относящихся къ 1765—67 гг. Тульскія фрески—работа „града Ярославля посадскихъ людей стѣнного писанія“; онѣ замѣчательны, по мнѣнію референта, своею техникой, стилемъ, а главное—своею полнотою и содержательностью, представляя „последнее и совершеннѣйшее созданіе русскаго фресковаго письма“ и опытъ воспроизведенія всего содержанія книги „Пѣснь Пѣсней“ съ своимъ особеннымъ толкованіемъ основной ея идеи. По толкованію тульскихъ фресокъ, если соглашаться съ г. Троицкимъ, „Пѣснь Пѣсней“ воспѣваетъ любовь ветхо-завѣтной церкви къ обѣтованному Искупителю; такому опредѣленію идеи книги „Пѣснь Пѣсней“ соответствуетъ и символика-фресокъ, т.-е. размѣщеніе ихъ всѣхъ именно на западной сторонѣ храма.

М. П. Истомина въ рефератѣ *Къ исторіи живописи съ Києво-печерской лавры въ прошломъ столѣтіи*, подчеркнувъ фактъ пребыванія въ Лаврѣ художника-итальянца Веніамина Фредериче, замѣтилъ, что въ церковной иконописи Западной Руси имѣло мѣсто и западное вліяніе, которое должно было отразиться на видоизмѣненіи прежнихъ образцовъ и композицій, унаслѣдованныхъ отъ Византіи. Стало быть параллельное изученіе живописи въ древнихъ православныхъ и католическихъ храмахъ Западной Руси должно дать богатый матеріалъ для исторіи искусства съ точки зрѣнія соприкосновенія двухъ культуръ—византійско-русской и западно-латинской. Замѣчаніе ж. Евгенья, что лаврская иконопись 1772—76 гг. является „превосходною греческою“, безъ тщательной провѣрки отнюдь не можетъ быть принято. Поставленный г. Истиминымъ вопросъ заслуживаетъ вниманія; поставить его именно на виленскомъ съѣздѣ было вполне удобно.

Кромѣ двухъ рефератовъ проф. Н. И. Петрова *О Купятицкой*

сточнаго элемента (вопреки мнѣнію г. Стасова); указавъ, между прочимъ, на одну прочтатную пмъ надпись, въ которой катакомба названа словомъ *ѳрѳоч*, и съ большою подробностью рассмотрѣлъ сцену такъ называемой „семейной трапезы“.

иконъ Богородицы въ связи съ древними анколіонами (изъ Кіево-Софійскаго собора) и О монетахъ великаго князя кіевскаго Изяслава Ярославича (полемика съ гр. И. И. Толстымъ), а также барона Ж. де-Бая Объ Асторскомъ ковчегѣ для мощей остаются еще сообщенія графа де-Флери О церкви св. Михаила въ Ломжѣ и Н. П. Авенаріуса О дрогичинскихъ пломбахъ.

Главный интересъ ломжинской церкви, построенной въ 1520 г. и частію испорченной позднѣйшею реставраціей, составляютъ гробницы ломжинскихъ старостъ въ хорахъ капеллы и ихъ портреты, нарисованные на оловянныхъ доскахъ; доски эти прибывались къ изголовію гроба, такъ что портретъ замѣнялъ теперешнее надписаніе. Референтъ демонстрировалъ цѣлую серію досокъ съ портретами XVII и XVIII вв.

Г. Авенаріусъ въ своемъ докладѣ высказалъ мнѣніе, что дрогичинскія пломбы, носящія на себѣ изображенія славянскихъ буквъ, были изготовлены дома, на русской почвѣ, а не въ Германіи и имѣли значеніе печатей, которыя должны были привѣшиваться къ документамъ. По поводу реферата г. Авенаріуса говорено было очень много; предлагались самыя разнообразныя мнѣнія, но ни къ чему опредѣленному разговоръ не привелъ. Дѣло въ томъ, что палеографическая сторона дрогичинскихъ пломбъ еще не подвергалась изученію, а это весьма важно.

Мы исчерпали археологическую сторону виленскаго археологическаго съѣзда; остается еще другая сторона, обыкновенно находящая мѣсто на нашихъ археологическихъ съѣздахъ, но имѣющая къ нимъ очень отдаленное отношеніе или вовсе его неимѣющая. Этой другой стороны, весьма обширной, мы исчерпывать не намѣрены; возьмемъ изъ нея только то, что представляетъ исключительно мѣстный интересъ:

Три реферата были посвящены отдѣльнымъ вопросамъ по исторіи города Вильно. Академикъ В. Г. Васильевскій⁸⁾ отвѣчалъ на вопросъ *Гдѣ находился виленскій Кривой замокъ?* И старыя, и новыя исторіи Вильны и Литвы обыкновенно признаютъ существованіе въ г. Вильно въ XIV в. двухъ замковъ: верхняго и нижняго. Первый находился на нынѣшней Замковой горѣ, и развалины его существуютъ и доселѣ; второй лежалъ подъ горой, охватывая мѣстность отъ кафедральнаго костела св. Станислава и до костела св. Анны. Къ послѣднему и приурочиваютъ изслѣдователи названіе „Кривой замокъ“,

⁸⁾ Имъ же прочитанъ былъ на одномъ изъ засѣданій рефератъ *Когда жилъ Романъ Сладкопѣвецъ*, авторъ цѣлаго ряда пѣснопѣній, называемыхъ кондаками.

сохраненное въ нѣкоторыхъ историческихъ свидѣтельствахъ. Изученіе источниковъ, свидѣтельствующихъ объ осадѣ г. Вильно крестоносцами въ 1390 и 1394 гг., заставило референта придти къ иному выводу. Оказывается, что замокъ, взятый въ 1390 г. крестоносцами, былъ деревянный, стоялъ на возвышенности и былъ по своему времени достаточно укрѣпленъ, такъ какъ для его взятія нужна была помощь и искусство инженеровъ; этому деревянному замку, который и носилъ названіе *Кривою*, противопоставляются два другіе, окруженные каменными стѣнами, которыхъ не удалось взять крестоносцамъ, несмотря на продолжительную осаду. Итакъ, отождествленіе Кривого замка съ Нижнимъ есть ошибка исследователей виленской старины. Гдѣ же находился этотъ третій, такъ называемый Кривой, замокъ? Основываясь на нѣкоторыхъ мѣстныхъ сказаніяхъ о существованіи подземнаго хода съ Бакшты (гдѣ нынѣ дѣтскій пріютъ Младенецъ Іисусъ) на Замоквую гору, г. Васильевскій и высказалъ предположеніе, что „Кривой замокъ“ слѣдуетъ искать на Бакштѣ

Ю. О. Крачковскій, предсѣдатель виленской археографической комиссіи, въ рефератѣ *Къ исторіи старой Вильны* далъ общій очеркъ религіозныхъ отношеній въ центрѣ Литвы въ XVI и XVII вв. Это—отрывокъ изъ большой работы по исторіи г. Вильно, напечатанной въ видѣ предисловія къ 20-му тому *Актовъ, издаваемыхъ виленскою комиссіею для разбора древнихъ актовъ* и уже выпущенной въ свѣтъ. Въ названномъ томѣ *Актовъ* собранъ обширный и порою весьма цѣнный матеріалъ, касающійся различныхъ сторонъ виленской жизни за 1529 — 1804 гг. (собственно актовъ XVI в. до 120 №).

Наконецъ, третій рефератъ ⁹⁾ по исторіи г. Вильно *Московское*

⁹⁾ Пишущаго настоящія строки.—„Довольно значительный матеріалъ для исторіи польскихъ войнъ двухъ первыхъ царей изъ дома Романовыхъ находится въ столбцахъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи подъ не совсѣмъ точною рубрикою столбцовъ *Московского стола Разряда* и частію разбравшихся для академическаго изданія *Акты Московскаго Государства*. Первый томъ этого изданія вышелъ еще въ 1890 г., второй долженъ выйти въ самомъ началѣ будущаго года. Въ составъ втораго тома, между прочимъ, войдетъ серія актовъ, касающихся исторіи пребыванія г. Вильно въ рукахъ московскаго правительства XVII в. и воеводскаго управленія въ ней князя М. С. Шаховскаго, а частію военныхъ дѣйствій въ Виленскомъ повѣтѣ и Виленскаго посольскаго сѣзда; акты представляютъ собою рядъ донесеній виленскаго воеводы московскому правительству („отписки“) и отвѣтныхъ на нихъ или самостоятельныхъ указныхъ грамотъ; они не дадутъ матеріала для полной характеристики дѣятельности московскаго воеводы въ г. Вильно князя М. С. Шаховскаго, но, представляя все-таки самостоятельный мѣстный интересъ, становятся особенно цѣнными при сопоставленіи ихъ съ другими актами по-

управление от Вильны XVII века ни́тъ въ виду ознакомить специалистовъ съ серіей актовъ, касающихся исторіи пребыванія г. Вильно въ рукахъ московскаго правительства XVII в. и воеводскаго управленія въ ней князя М. С. Шаховскаго, а частію военныхъ дѣйствій въ Виленскомъ повѣтѣ и Виленскаго посольскаго сѣзда. Акты эти отпечатаны во II-мъ томѣ академическаго изданія *Акты Московскаго Государства*, по обстоятельствамъ не выпускаемаго въ свѣтъ съ 1891 г.

Е. Ф. Орловскій въ сообщеніи *О началѣ города Гродны* доказывалъ, что лѣтописныя извѣстія XII в. о Городнѣ относятся къ нынѣшнему губернскаму городу этого имени, а не къ Гроднѣ Пинскаго уѣзда, Минской губерніи. Сущность этого взгляда изложена въ статьѣ В. В. Грязнова *Коложская Борисоглебская церковь в г. Гроднѣ*, напечатанной въ *Трудахъ виленскаго отдѣленія московскаго предварительнаго комитета* (стр. 361—371); поэтому рефератъ г. Орловскаго

добнаго рода, такъ какъ выясняютъ направленіе и характеръ политики московскаго правительства въ процессѣ округленія границъ московскаго государства. Названные акты обнаруживаютъ страстное желаніе московскаго правительства удержать за собою Литву и Жмудь, такъ что приведеніе къ вѣрѣ на царское или мѣстнаго населенія должно было составить предметъ особенныхъ попеченій виленскаго воеводы; онъ долженъ былъ всечески привлекать сторонниковъ Москвы и въ общемъ строго держаться мѣръ примирительныхъ, гуманныхъ, отнюдь не репрессивныхъ. Эти сношенія съ мѣстнымъ населеніемъ и отдѣльными особенно извѣстными лицами давали виленскому воеводѣ матеріалъ для донесеній о польскихъ, литовскихъ, шведскихъ и жмудскихъ встѣяхъ, которыхъ такъ жаждало московское правительство. Борьба съ послѣдствіями военной угрозы, пронесшейся надъ страной и все еще продолжавшей носиться надъ ней, — второе, съ чѣмъ приходилось считаться виленскому воеводѣ въ разныхъ случаяхъ, напр., при сборѣ хлѣбныхъ запасовъ и денежныхъ доходовъ. Продовольственное дѣло, защита города, разрѣшеніе разнаго рода казусовъ гражданскаго и уголовнаго порядковъ, вопросы хозяйственной администраціи—словомъ все, что только можно себѣ представить, составляло предметъ вѣдомства виленскаго воеводы, крайне ограниченаго докладомъ государю и страхомъ жалобы на него со стороны мѣстнаго населенія, такъ что о самостоятельности воеводской власти въ г. Вильно можно говорить слишкомъ условно. Поцѣпно акты сообщаютъ интересныя данныя о состояніи русскаго войска и разореніи страны.

Референтъ полагаетъ, что для изученія такого любопытнаго эпизода изъ исторіи первой польской войны царя Алексѣя Михайловича, какъ пребываніе г. Вильно въ рукахъ московскаго правительства XVII в., много помогло бы подлинное дѣлопроизводство воеводскаго управленія князя М. С. Шаховскаго въ Вильно. Ему извѣстна, правда, одинъ документъ, косвенно относящійся къ дѣлопроизводству воеводскаго управленія, можетъ быть интересныи для исторіи г. Вильно и не вошедшій во второй томъ *Актовъ Московскаго Государства*: это—книги приходныя каменными 1668 г. по городу Вильно“.

ничего существенно новаго не давалъ, производя нѣсколько странное впечатлѣніе тономъ изложенія.

Г. А. Виссендорфъ въ коротенькой запискѣ *О мѣстоположеніи варяжской Руси* искалъ варяжскую Русь на берегахъ рѣки Руси въ Жомойтской землѣ, т.-е. сводилъ нашихъ варяговъ на литовцевъ, слѣдуя опасному примѣру З. А. Ляцкаго, который въ статьѣ *Значеніе литовскаго языка въ вопросѣ о происхожденіи Руси* (см. *Труды...* etc. стр. 337 и сл.) выступилъ, по его словамъ, на помощь теоріи покойнаго Н. И. Костомарова. Такимъ образомъ избитый въ литературѣ вопросъ о происхожденіи Руси трактовался и на виленскомъ съѣздѣ, даже какъ прилично мѣсту, въ литовской окраскѣ; попутно онъ былъ еще разъ затронутъ въ интересномъ рефератѣ проф. Э. И. Успенскаго *Вопросъ о ютахъ*. Проф. Успенскій настаивалъ на томъ, что занятія готами могутъ пролить свѣтъ на древности славянскія, а можетъ быть и русскія. Читающей публикѣ хорошо знакома выдвинувшаяся за послѣднее время готская теорія въ вопросѣ о происхожденіи Руси: въ „*Русской Мысли*“ 1890 г. П. Н. Милюковъ изложилъ рефератъ проф. А. С. Будиловича, искавшаго Русь въ готскомъ **Ūgōthis*; въ августовской книжкѣ текущаго года помѣщенъ обстоятельный отчетъ о *Русско-византійскихъ изслѣдованіяхъ* В. Г. Васильевскаго, который готской теоріи, хотя и „не хочетъ проповѣдывать“, однако, замѣтно поддерживаетъ своею работою. Поэтому ограничимся замѣчаніемъ, что проф. Успенскій въ своемъ рефератѣ подчеркивалъ теорію готскаго происхожденія имени Русь и названіе *Rosomanorum gens* у Иорнанда, указавъ на проникновеніе восточныхъ обычаевъ въ готамъ, сослался на имя **Ostros* или **Ostroos* въ доказательство того, что славяне вступали въ германскія дружины и наконецъ привелъ одно мѣсто изъ Феофана въ доказательство того, что „путь Траяновъ“—реальный фактъ. В. Г. Васильевскій замѣтилъ референту, что *gens Rosomanum*, упоминаемая Иорнандомъ,—кавказское племя, извѣстное одному изъ древнѣйшихъ армянскихъ историковъ; Е. Э. Карскій оспаривалъ референта въ его соображеніи относительно слова **Ostros*: въ славянскомъ имени такого образованія удареніе должно бы было стоять на послѣднемъ слогѣ, а по этому по гречески было бы **Ostroos*, а не **Ostros*.

Помимо г. Ляцкаго литовскій языкъ былъ затронутъ въ рефератѣ проф. А. А. Кочубинскаго *Литовскій языкъ и наша старина*, остановившагося на выясненіи генезиса слова *druska*—названія соли въ литовскомъ языкѣ (отъ города Труски близъ Эльбинга). Отвѣтъ на вопросъ *Что такое древнее западно-русское нарѣчіе* заставилъ Е. Э. Карскаго въ рефератѣ подъ такимъ заглавіемъ высказаться въ томъ смыслѣ, что изученіе стараго западно-русскаго нарѣчія такъ же инте-

ресно для исторіи русскаго языка, какъ и восточно-русскаго литературнаго языка того же времени.

Съ особеннымъ интересомъ выслушаны были чрезвычайно содержательные рефераты проф. А. Θ. Мѣржинскаго *О Криве* и Александры Яковлевны Ефименко *О кочевьяхъ судахъ* и *Къ вопросу о феодализме въ Западной Руси и Литвѣ*. Проф. Мѣржинскій выступилъ противъ ходячаго представленія о Криве, какъ о жрецѣ съ высшей іерархической властью, какъ своего рода папѣ среди языческой Литвы (критика показаній Дюсбурга); у литовцевъ и не могло выработаться понятія о верховномъ божествѣ, потому что они еще не знали тогда верховной политической власти, а небесный Олимпъ у всѣхъ народовъ характеризуется чертами социально-политическаго строя народа. Г-жа Ефименко въ своихъ рефератахъ выставила необходимость пересмотра вопроса о роли народнаго суда на ряду съ судомъ княжескимъ и оставленія дурной манеры объяснять архаическія явленія права, исходя изъ современныхъ понятій (какъ это случалось при толкованіи понятія земельной собственности).

О рефератахъ проф. А. И. Павинскаго *О Подляискомъ воеводствѣ въ XVI в. въ географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ*, проф. М. Н. Березкова *Елена Ивановна, великая княжна литовская и королева польская* и А. В. Лонгинова *О князѣ Любартьѣ Федорѣ Олмердовичѣ* (см. *Труды* etc.)⁹⁾ только упоминаемъ.

Предложенный обзоръ далеко не исчерпываетъ всѣхъ рефератовъ, прочитанныхъ на Съѣздѣ; основная его цѣль—дать полный отчетъ въ томъ, что сдѣлано на Виленскомъ Съѣздѣ въ областирусской археологіи вообще и мѣстной исторіи въ частности¹⁰⁾.

⁹⁾ Д. С. Паевскій сдѣлалъ очеркъ исторіи г. Вреста на основаніи главнымъ образомъ рукописной визитационной книги брестской каедры 1759 г.

¹⁰⁾ Къ отчету, только что предложенному, считаю необходимымъ сдѣлать одно исключительно для специалистовъ дѣла интересное дополненіе. Начиная съ VII-го Археологическаго Съѣзда въ Ярославлѣ организуется при съѣздахъ особое *археографическое отдѣленіе*, которому надлежало бы занимать первое мѣсто вслѣдъ за отдѣленіями *первобытныхъ древностей* и *памятниковъ искусства и художества*; къ сожалѣнію, оно еще не получило надлежащаго развитія, частію вслѣдствіе того, что у насъ еще почти нѣтъ ученыхъ архивистовъ, а частію вслѣдствіе того, что наши археологическіе съѣзды слишкомъ разбрасываются въ своихъ занятіяхъ и, стремясь охватить *все*, поневолѣ упускаютъ иногда изъ виду болѣе существенное (для съѣздовъ индѣй достаточно было бы четырехъ отдѣленій вмѣсто нынѣшнихъ десяти; это было бы, конечно, и не такъ громоздко, и виѣстѣ основательно, именно: I—„древности первобытныя“, II—„памятники искусства и художества“, III—„памятники археологическіе“ и IV—„этнографія и фольклоръ“). На Виленскомъ съѣздѣ спеціально археографическихъ рефератовъ было прочтано пять: три въ общихъ собраніяхъ (предсѣдателя археографическаго отдѣленія съѣзда В. Н. Сторожева

Московское управление въ Вильнѣ XVII вѣка, члена виленской археологической комиссіи В. М. Площанскаго *Акты Холмскихъ судовъ XV—XVII вв.* и ихъ значеніе для исторіи, этнографіи и пр. *русскаго Забужья* и г. управляющаго московскимъ архивомъ министерства юстиціи Д. Я. Самоквасова *О проектѣ Высочайше учрежденной 15 сентября 1892 года Коммисіи по преобразованію дѣятельности центральныхъ архивовъ въ западныхъ губерніяхъ*) и два въ единственномъ засѣданіи археографическаго отдѣленія (А. Н. Львова *Архивъ греко-уніатскихъ митрополитовъ* и Ив. Ив. Василева *Архивъ упраздненнаго рижскаго генералъ-губернаторства*). Рефераты вѣсть съ возраженіями и замѣчаніями на нихъ было затронули существенные вопросы архивнаго дѣла: о техникахъ изданія и описанія архивныхъ документовъ, объ организаціи и помѣщеніи архивовъ, о характерѣ ихъ, какъ учреждений. Наставляли на томъ, что архивы должны быть *учеными* учреждениями въ полномъ смыслѣ этого слова (задача архивовъ не описывать только документы, но и научно издавать ихъ), что *ученыя* изданія актовъ не должны отличаться случайностью состава и допускать произвольные пропуски въ погонѣ за сохраненіемъ мѣста, что въ настоящее время возможно только научное описаніе архивныхъ документовъ, т.-е. классифицированное (по родамъ актовъ и по учрежденіямъ, къ коимъ послѣдніе принадлежать) и съ строгимъ соблюденіемъ современной описываемой эпохи терминологіи: указывалось (въ сообщеніи Д. Я. Самоквасова,) на поразительную необезпеченность матеріальнаго положенія нѣкоторыхъ архивныхъ чиновниковъ, вслѣдствіе чего нѣтъ никакой возможности привлекать въ архивы наиболѣе способныхъ людей etc. etc. Особенно много обсуждалось сообщеніе Д. Я. Самоквасова, по поводу котораго О. П. Истоминъ прочелъ даже цѣлый рефератъ, а рядъ замѣчаній былъ сдѣланъ гг. И. Я. Спрогисомъ, свящ. Львомъ Паевскимъ, А. В. Лонгиновымъ, Арс. И. Маркевичемъ, А. Н. Львовымъ, С. Л. Пташицкимъ, И. А. Лянвиченко и Н. И. Петровымъ. Сущность реферата сводится къ положенію, что витебскій архивъ слѣдуетъ соединить съ виленскимъ центральнымъ архивомъ, в кѣ нижеслѣдующимъ пунктамъ.

1) „Опредѣлить штатъ Кіевскаго центрального архива древнихъ актовъ, состоящимъ изъ одного архиваріуса, трехъ помощниковъ архиваріуса и одного секретаря архива, исправляющаго и должности регистратора и казначея.

2) Определить штатъ Виленскаго центрального архива древнихъ актовъ, состоящимъ изъ одного архиваріуса, пяти помощниковъ архиваріуса и одного секретаря архива, исправляющаго и должности регистратора и казначея.

3) Назначить архиваріусу двѣ тысячи рублей, помощнику архиваріуса—тысячу пятьсотъ рублей и секретарю тысячу рублей годичнаго содержанія.

4) Должность архиваріуса положить въ VI, помощника архиваріуса въ VII и секретаря архива въ VIII классѣ.

5) Сравнить права по выслугѣ пенсіи архиваріуса, помощника архиваріуса и секретаря архива съ правами службы по учебному вѣдомству въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

6) Чиновники архива пользуются лѣтнимъ каникулярнымъ временемъ поочередно, каждый изъ нихъ въ размѣрѣ шести недѣль.

7) На должности архиваріуса и помощника архиваріуса опредѣляются лица, получившія высшее образованіе и преимущественно изъ окончившихъ послѣ того успѣшно курсъ въ Археологическомъ институтѣ, а, сверхъ того,

удовлетворяющих по своему происхождению условиям службы въ западныхъ губерніяхъ.

8) Должность архивиста несомѣстима съ другою службою въ архива, кромѣ службы въ мѣстныхъ археографическихъ комиссіяхъ.

9) Должностнымъ присутствіемъ въ архивѣ считается время съ 10 час. утра до 3 часовъ пополудни; въ присутственнаго времени архивъ долженъ быть закрытъ не только для постороннихъ лицъ, но и для служащихъ въ немъ.

10) На обязанности и отвѣтственности архиваріуса лежитъ строгое наблюденіе за тѣмъ, чтобы при занятіяхъ въ помѣщеніи архива не было употреблено огня и чтобы ни одна рукопись не была выносіма изъ зданія архива, за исключеніемъ требованій департамента герольдіи правительствующаго сената по дѣламъ о дворянствѣ, основаннымъ на выпискахъ изъ документовъ, признанныхъ архивами подложными и сомнительными.

11) На обязанности архиваріусовъ и помощниковъ архиваріусовъ лежитъ приемъ и храненіе въ порядкѣ документовъ архива, изготовленіе и выдача справокъ и выписей изъ документовъ архива, по требованіямъ правительственныхъ учрежденій и по прошеніямъ частныхъ лицъ, составленіе и печатаніе инвентарной описи и систематическаго описанія документовъ, хранящихся въ архивѣ, съ личнымъ и географическимъ указателями къ нимъ, исполненіе другихъ порученій министра народнаго просвѣщенія, возлагаемыхъ на архивъ соотвѣтственно его назначенію и обязанностямъ.

12) На канцелярскіе и хозяйственные расходы и на печатаніе инвентарной описи и систематическаго описанія, съ указателями къ нимъ, на архивы кievскій и виленскій назначается по двѣ тысячи рублей.

13) Подробныя правила внутренняго распорядка и дѣлопроизводства въ кievскомъ и виленскомъ центральныхъ архивахъ устанавливаются министромъ народнаго просвѣщенія*.

Для должнаго пониманія 11-го пункта необходимо прибавить замѣчаніе референта, что „по отношенію къ способу описанія архивнаго содержанія Высочайше учрежденная комиссія приняла для настоящаго времени наиболѣе дѣлособразною формою описанія центральныхъ архивовъ древнихъ актовъ въ западныхъ губерніяхъ инвентарную форму, съ обозначеніемъ вышнихъ признаковъ актовыхъ книгъ, номера, времени, количества листовъ, общаго содержанія и дефектовъ и съ указаніемъ документовъ подлинныхъ, сомнительныхъ и подложныхъ“.

„Практикуемые нынѣ способы описанія Кievскаго и Виленскаго центральныхъ архивовъ итаются одновременно преслѣдовать двѣ цѣли: облегчить практическія справки и указать хранимый въ архивахъ матеріалъ по рѣшенію научныхъ вопросовъ; но описывая въ теченіе десятилѣтій самую малую часть архивнаго содержанія, архивны не достигаютъ ни той цѣли, ни другой, а въ то же время упускаютъ изъ виду самую важную первостепенную обязанность каждаго архива,—привести въ порядокъ и хранить въ цѣлости его содержаніе. Для этой цѣли нужны прежде всего краткія инвентарныя описанія архивовъ древнихъ актовъ во всей ихъ цѣлости, а на составленіе такихъ инвентарей не потребуются ни тысячелѣтій, ни столѣтій. Такія инвентарныя описи закрѣпять за архивами ихъ содержаніе, составятъ лучшую ихъ охрану и въ печати дадутъ возможность живущимъ въ архивовъ узнать, какіе и въ какомъ количествѣ матеріалы хранятся въ данномъ архивѣ по данному вопросу. Подробное систематическое описаніе архивовъ важно, но это дѣло мед-

ленное, какъ дѣло науки, и составляетъ задачу не только нашего поколѣнія, но и будущихъ. Сохранить же въ порядкѣ и цѣлости матеріалы нашей историко-юридической жизни для будущихъ поколѣній—ваша первая, прямая и священная обязанность, а исполнить эту обязанность возможно только посредствомъ такихъ инвентарныхъ описей архивнаго содержанія, каковая уже принята московскимъ архивомъ министерства юстиціи, опытъ котораго показалъ, что инвентарнымъ способомъ одинъ архивистъ можетъ описать отъ 5 до 15 древнихъ книгъ въ недѣлю, глядя по сложности ихъ содержанія, при четырехъ часахъ работы въ день.

Совершеніе полного инвентарнаго описанія даннаго архива должно быть признано окончательнымъ приведеніемъ его въ порядокъ. Но на этомъ отнюдь не можетъ быть закончена дѣятельность чиновниковъ архива; другая важнѣйшая обязанность ихъ заключается въ изготовленіи систематическихъ описаній или обзорной архивнаго матеріала по его отдѣламъ. Эта послѣдняя дѣятельность ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть опредѣлена какимъ-либо срокомъ; она должна постоянно сопровождать жизнь архива и подлежать оцѣнкѣ только по количеству и качеству уже совершеннаго; было бы ошибочно торопить эту работу во вредъ ея основательности и зрѣлости^а.

Среди многихъ разсужденій по поводу проекта стоитъ отмѣтить только два замѣчанія по существу: 1) всякій прекрасный самъ по себѣ проектъ можетъ фактически ни къ чему не привести, разъ у архива нѣтъ безопаснаго помѣщенія (виленскій архивъ невозможенъ въ этомъ отношеніи; оставляетъ многого желать и помѣщеніе кievскаго центрального архива); проектъ ничего не говоритъ о помѣщеніи, стало быть цѣлость архивовъ безусловно не будетъ обезпечена; 2) такъ какъ преимущественное назначеніе историческихъ архивовъ служить интересамъ исторической науки, то они должны, прежде всего, озаботиться составленіемъ описей, приспособленныхъ къ современнымъ потребностямъ историческихъ изслѣдованій; проектъ на первый планъ ставитъ инвентарную опись, не выясняя подробно ея характера, возможности примѣненія ея къ большимъ архивамъ и степени полезности для ученыхъ историческихъ работъ. Второе замѣчаніе, если только я стѣмѣю его изложить болѣе или менѣе точно, принадлежитъ г. Истомина и само нуждается въ нѣкоторыхъ разъясненіяхъ.

Въ общемъ мнѣніе О. П. Истомина по вопросу объ упорядоченіи нашего архивнаго дѣла сводится къ нижеслѣдующему: 1) „наши архивы заключаютъ въ себѣ богатѣйшій и въ высшей степени важный матеріалъ по всѣмъ отдѣламъ русской исторіи; но пользованіе этими матеріалами въ настоящее время далеко не вполне удобно, такъ какъ издана (во множествѣ случаевъ очень неряшливо—курсивъ въ скобкахъ принадлежитъ мнѣ) только лишь незначительная ихъ часть; о неизданныхъ же матеріалахъ извѣстно такъ мало, что трудно судить, гдѣ, въ какомъ архивѣ и въ какихъ документахъ можетъ изслѣдователь найти все необходимое по интересующимъ его вопросамъ“; 2) „для ознакомленія съ архивами были бы очень полезны описи и указатели того, что находится въ архивахъ; описи и указатели составлены во многихъ архивахъ, издаются же только въ нѣкоторыхъ архивахъ; но и издаваемые описи и указатели не совсѣмъ удобны, такъ какъ не даютъ возможности сразу отмѣтить тѣ именно акты, которые интересны изслѣдователю“; 3) удобнѣе всего дѣлу могли бы помочь фактическіе указатели къ заключающимся въ мѣстныхъ архивахъ актамъ и документамъ и въ дополненіе къ нимъ указатели важнѣйшихъ личныхъ именъ и географіи-

ческих названий; въ тѣхъ же столичныхъ архивахъ, гдѣ хранится матеріалъ особенной важности по государственной исторіи должны быть издаваемы подробныя описи каждаго документа“; 4) „необходимо выработать приближительную общую схему, по какимъ рубрикамъ распределять матеріалъ въ подобныхъ фактическихъ указателяхъ; частныя измѣненія, зависящія отъ различнаго содержанія архивныхъ документовъ, могутъ быть указаны практикой при составленіи подобныхъ указателей въ каждомъ отдѣльномъ архивѣ“.

Изъ весьма интереснаго реферата Ив. Ив. Василева о тяжеломъ современномъ положеніи архива упраздненнаго рижскаго генералъ-губернаторства приводимъ одно мѣсто, которое, безъ преувеличенія можно сказать, должно было поразить слушателей: „въ архивъ переданы были: личныя переписки государей и государынь съ разными лицами Ливонскаго края; въ немъ есть письма Петра I со времени 1704 года, т.-е. ранѣе чѣмъ весь Ливонскій край былъ присоединенъ къ Россіи. Въ архивѣ поступала также и личная переписка генералъ-губернаторовъ съ органами мѣстнаго правленія и всѣ распоряженія по управленію краемъ. Если при этомъ я позволю напомнить, что компетенція рижскихъ губернаторовъ, хотя не въ силу закона, а лишь по установившемуся обычаю, распространялась до изданія мѣстныхъ законовъ, равносильныхъ утверждаемымъ Высочайшею властію, которой одной принадлежитъ законодательная власть въ Имперіи, и въ виду того, что подобныя генералъ-губернаторскіе законы дѣйствуютъ въ предѣлахъ края до сего времени, а вслѣдствіе сего существуютъ до сего времени цѣлыя учрежденія, сила которыхъ сохраняется лишь въ одномъ генералъ-губернаторскомъ архивѣ, то цѣнность, важность находящихся въ немъ документовъ возвышается до государственнаго ихъ значенія. Въ архивѣ же находятся особые отдѣлы секретныхъ дѣлъ, относящихся исключительно къ мѣропріятіямъ нашего правительства по дѣламъ сильно затрогивавшимъ интересы дворянства,—и такъ названные потому, что въ свое время генералъ-губернаторы не рѣшались дѣлать ихъ общественными, напримѣръ, дѣла по крестьянской реформѣ, по дѣламъ церковнымъ, школьнымъ, да, собственно говоря, и весь-то архивъ составлялъ и составляетъ до сего времени секретъ, потому что рѣдкое изъ мѣропріятій нашего правительства въ Ливоніи принималось иначе, какъ послѣ сильнаго протеста со стороны мѣстнаго управленія, сосредоточеннаго въ рукахъ мѣстнаго дворянства, а дѣйствія дворянства, какъ сословныя, могутъ быть предметомъ обсужденія общества или печати не иначе, какъ съ его разрѣшенія. До послѣдняго времени всѣ функціи мѣстнаго управленія, не исключая учреждений обще-имперскихъ, губернскихъ и уѣздныхъ: церковь, управленіе, судъ, хозяйство, какъ казенное, такъ и частное, состояли подъ сильнымъ и неотразимымъ вліяніемъ дворянства; а потому все, что дѣлалось въ учрежденіяхъ, составляло и составляетъ секретъ не только для края, а и для всей Россіи. Такъ что, стоя твердо на почвѣ нашего общаго закона о неприкосновенности сословныхъ интересовъ, принятаго и ливонскимъ дворянствомъ, ни одно дѣло рижскаго генералъ-губернаторскаго архива не можетъ быть ни достояніемъ печати, ни быть предметомъ изслѣдованія частнаго лица безъ разрѣшенія дворянства, потому что нѣтъ ни одного дѣла, въ которомъ такъ или иначе не заключалось бы чего-нибудь такого, что прямо или косвенно не относилось бы къ дѣйствіямъ ливонскаго дворянства. Напримѣръ, въ Лифляндіи до сего времени земство и дворянство не раздѣлены, всѣ прочія сословія, хотя бы они и не владѣли движимою или недвижимою собственностью, лишены права на участіе въ дѣлахъ лиф-

ляндскаго земства;—а какое же чисто государственное дѣло можетъ быть исполнено безъ участія земства, а слѣдовательно и ливляндскаго дворянства. По нашему глубоко вкоренившемуся понятію земское дѣло есть тоже государственное дѣло, въ Ливляндіи же оно чисто дворянское дѣло и оно можетъ быть достояніемъ не всего русскаго государства или общества, а лишь мѣстнаго ливляндскаго дворянства“. Трудно предположить, чтобы секретность рижскаго архива не была только факціей, которая необходимо должна разсѣяться къ рижскому археологическому съѣзду 1896 г.

Такъ археографическое отдѣленіе виленаго съѣзда подчеркнуло, что наши историческіе архивы должны быть прежде всего учрежденіями учено-археографическими и преслѣдовать прежде всего научные интересы: они должны давать *научно* составленные описанія и *научнымъ* изданія источниковъ отечественной исторіи.

Теодоръ Момзенъ ¹⁾.

Ф. Ф. Зѣлинскаго.

Историческое Общество выразило желаніе, чтобы состоявшійся недавно пятидесятилѣтній докторскій юбилей Момзена не прошелъ неотмѣченнымъ въ его лѣтописяхъ, и имѣло любезность обратиться ко мнѣ съ предложеніемъ сказать по этому поводу нѣсколько подобающихъ случаю словъ. Тутъ имѣетъ значеніе, разумѣется, лишь желаніе Общества почтить одного изъ главныхъ представителей той науки, по которой оно назвало себя, а вовсе не то, какъ выполню я возложенную на меня задачу. Такъ иногда, когда въ концертной залѣ появляется знаменитый мужъ, оркестръ привѣтствуетъ его торжественной игрой—не то важно, что играютъ; важно лишь вызвавшее эту игру торжественное настроеніе присутствующихъ. Прошу васъ, поэтому, не ожидать отъ меня ни біографіи, ни перечня сочиненій, ни сколько-нибудь полной характеристики великаго дѣятеля, котораго вы рѣшили почтить въ сегодняшнемъ засѣданіи: для этого не хватило бы времени, даже еслибы я захотѣлъ злоупотреблять вашимъ терпѣніемъ до крайнихъ предѣловъ возможнаго. Оно и не было бы умѣстно; не принято подводить итоги дѣятельности живого еще ученаго, которому мы всѣ желаемъ еще много лѣтъ оставаться въ нашей средѣ. Нѣтъ, то, что я имѣю сказать вамъ сегодня, сводится къ немногимъ торжественнымъ—насколько это въ моемъ умѣніи—аккордамъ, послѣ которыхъ вы перейдете къ очереднымъ дѣламъ.

Рѣшивъ присоединиться къ тѣмъ многимъ, которые поздравили Момзена съ радостнымъ для него и для науки днемъ, Историческое Общество видѣло въ немъ, разумѣется, главнымъ образомъ историка.

¹⁾ Читано въ засѣданіи Историческаго Общества 1 декабря 1893 г.

Но исторія не представляется намъ одной лишь наукой въ тѣсномъ смыслѣ слова: таковой она никогда не была. Настоящій историкъ соединяетъ въ себѣ три достоинства: онъ и ученый, онъ и мыслитель, онъ и художникъ. Конечно, на самомъ дѣлѣ лишь очень немногіе оказываются настоящими историками въ принятомъ нами смыслѣ этого слова, и уже одно то, что мы можемъ отнести къ Моизену и какъ къ ученому, и какъ къ мыслителю, и какъ къ художнику, доказываетъ его величіе.

Но если исторія и не исключительно наука, то все же она наука прежде всего, и историкъ Моизень, поэтому, прежде всего ученый. Но тутъ мы наталкиваемся на вопросъ: что такое историческая наука, и въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ назвать Моизена ученымъ? Мы знаемъ историковъ, видящихъ свое главное призваніе, какъ историковъ, въ томъ, чтобы увеличивать фактическій матеріалъ своей науки; мы видимъ, какъ они терпѣливо и самоотверженно роются въ музеяхъ, въ архивахъ, библіотекахъ, странствуютъ по пустыннымъ мѣстностямъ, производятъ раскопки—все для того, чтобы обогатить сокровищницу фактовъ новымъ памятникомъ или документомъ; какъ только этотъ памятникъ или документъ внесенъ куда слѣдуетъ, фактъ установленъ, они считаютъ свою задачу по отношенію къ нему конченной. Имъ, однако, возражаютъ другіе, говоря, что ихъ работа безцѣльна, что факты имѣютъ значеніе не сами по себѣ, а лишь по скольку они могутъ служить основаніемъ для важныхъ и общенитересныхъ выводовъ, что самый характеръ ихъ работы ведетъ къ тому, что они утрачиваютъ способность отличать важное отъ маловажнаго, интересное отъ неинтереснаго, и этимъ отнимаютъ у исторіи какъ разъ то, въ чемъ единственно и заключается ея образовательное значеніе. Мы знаемъ, затѣмъ, и такихъ историковъ, которые видятъ въ своей наукѣ систему законовъ развитія человѣчества. Они свысока смотрятъ на жизнь народовъ, стараясь уловить не единичныя ея проявленія, а тѣ сокровенныя силы, отъ которыхъ эти проявленія зависятъ, которыя при аналогичныхъ условіяхъ въ прошедшемъ вызвали аналогичныя послѣдствія и, слѣдовательно, могутъ вызвать таковыя и въ будущемъ. И они имѣютъ своихъ противниковъ, утверждающихъ, что ихъ работа беспочвенна, что вслѣдствіе этого она даетъ въ результатѣ не осязательныя данныя, а миражи, расплывающіеся при всякой попыткѣ приближенія къ нимъ, что добываемыя ими законы мирно уживаются между собою въ поднебесьи, между тѣмъ какъ факты, упрямые и глупые, продолжаютъ беспорядочно сталкиваться другъ съ другомъ на землѣ, не признавая этихъ законовъ. Есть, наконецъ, и третья категорія историковъ, средняя между только что поименованными: это тѣ, которые занимаются группировкой и комби-

націй фактовъ, вывода изъ нихъ заключенія, дозволяющія ихъ осмыслить и соединить въ одну живую и красивую картину; они, какъ это водится, подвергаются нападеніямъ обѣихъ крайнихъ категорій, находящихъ, что они, подобно гетевскимъ полувѣдъмамъ изъ вальпургіевой ночи, оставили землю, но не долетѣли до поднебесья.

Въ которой же изъ этихъ трехъ категорій должны мы причислить Момзена? И къ первой, и ко второй, и къ третьей; онъ соединяетъ въ себѣ достоинства всѣхъ ихъ, и именно въ силу этого не страдаетъ ни однимъ изъ ихъ недостатковъ. Никто не обогатилъ сокровищницу фактовъ въ одинаковой мѣрѣ, какъ онъ: достаточно будетъ привести слово одного извѣстнаго германскаго профессора, сказавшаго, что тремя четвертями того, что мы знаемъ о римской старинѣ, мы обязаны Момзену; но никто не скажетъ, что *эта* его работа, о размѣрахъ которой свидѣтельствуетъ исполненное изданіе римскихъ надписей, убила въ немъ способность распознавать важное и неважное, сдѣлала его, однимъ словомъ, „фактопоклонникомъ“. Никто этого не скажетъ — такъ какъ на другомъ концѣ длиннаго ряда работъ Момзена красуется столь же исполнская по своему содержанію и по умственной работѣ, которой она потребовала, система римскаго государственнаго права. Это сочиненіе, главнымъ образомъ, должно заставить историковъ второй категоріи принять его въ свою среду; но раздѣляя всѣ ихъ преимущества, — обширный кругозоръ, орлиную проникающую взора, глубокое пониманіе политической жизни народовъ (не забудемъ, что Момзень принималъ непосредственное участіе въ ней, какъ членъ палаты депутатовъ своей страны) — раздѣляя, повторяю, всѣ преимущества историковъ второй категоріи, онъ непримысленъ ни къ одному изъ ихъ недостатковъ. Никто не скажетъ про него, что установленные имъ законы не имѣютъ твердой почвы подъ собой; не скажетъ потому, что эти законы выведены Момзеномъ изъ фактовъ, имъ же найденныхъ, имъ же сгруппированныхъ, имъ же изслѣдованныхъ — это послѣднее обстоятельство, въ слову сказать, заставляетъ насъ причислить Момзена также и къ третьей категоріи историковъ. Относящихся сюда его сочиненій не перечестъ. Конечно, задавшись цѣлью охватить своей работой всю римскую жизнь отъ древнѣйшихъ временъ исторіи римскаго народа до ранняго періода среднихъ вѣковъ включительно, Момзень не могъ всѣ части этой огромной области изслѣдовать самъ: онъ сдѣлался также — и безъ этой черты его характеристика, какъ ученаго, была бы не полна — организаторомъ работы, при томъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ исторіи науки. Но непосредственно важныя для его цѣли части онъ обрабатывалъ самъ. Нерѣдко, созидавая одинъ изъ своихъ капитальныхъ трудовъ римскую исторію или систему римскаго государственнаго права,

онъ замѣчалъ, что одинъ изъ непосредственно интересующихъ его вопросовъ не изслѣдованъ вовсе, или изслѣдованъ недостаточно; тогда онъ бросалъ свою работу, принимался за этотъ вопросъ и послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ напряженнаго труда дарилъ ученый мiръ книгой, въ родѣ римской хронологіи, или южно-италійскихъ діалектовъ, или исторіи монетнаго дѣла у Римлянъ. Нерѣдко также новонайденный памятникъ обращалъ на себя его вниманіе: и тутъ онъ, ничуть не колеблясь, оставлялъ начатое дѣло, и результатомъ его экскурсій являлись сочиненія въ родѣ комментарія къ ангорской надписи или къ протоколу секулярныхъ игръ. Любое изъ этихъ сочиненій могло бы прославить своего автора, будь этимъ авторомъ кто-либо другой; но у Момзена всѣ они играютъ второстепенную роль, роль подготовительныхъ работъ.

Таковъ Момзень, какъ ученый, или, вѣрнѣе, таковы нѣкоторыя черты, характеризующія его какъ ученаго. Но эти немногія черты дали намъ возможность установить заодно и фактъ несомнѣннаго и выдающагося значенія Момзена, какъ мыслителя. Если мы, любясь на твореніе Момзена, склонны воскликнуть, какъ Фаустъ при видѣ макрокосма: „Какъ здѣсь всѣ частности слагаются въ одно цѣлое, какъ онѣ сплетаются и тяготѣютъ одна къ другой! что это за стройный круговоротъ восходящихъ къ небесамъ и нисходящихъ къ землѣ силъ, взаимно подающихъ другъ другу золотые сосуды и оплодотворяющихъ вселенную!“—то нѣтъ сомнѣнія, что содержаніе этихъ золотыхъ сосудовъ, то, чѣмъ оплодотворяется вселенная, то, благодаря чему факты живутъ, а законы неизменно покоятся на прочномъ основаніи фактовъ—что все это есть мысль гениальнаго творца всего зданія. Но чтобы оцѣнить Момзена, какъ мыслителя, недостаточно читать его собственные сочиненія; нужно знать и то, что было до него. Не хочу называть именъ — между ними пришлось бы назвать одно очень дорогое мнѣ имя; но возьмемъ любую тему изъ всей области римской жизни; возьмемъ нарочно, хотя это и трудно, такую тему, которая бы не была обязана Момзену ни однимъ новымъ фактомъ; и прочтемъ разсужденіе о ней сначала предшественниковъ Момзена, а потомъ самого Момзена. Разница поразительная, кажется, что видимъ одно и то же тѣло сначала мертвымъ, а затѣмъ живымъ: составъ одинъ и тотъ же, но раньше жизни не было, а теперь она есть. И это впечатлѣніе получается всегда, за что бы онъ ни взялся. Впрочемъ, говоря о Момзенѣ, какъ о мыслителѣ, нельзя не упомянуть и того историка, который первый въ области римской исторіи заслужилъ это имя; нельзя не упомянуть Нибура. И Момзену нѣтъ основанія бояться этого сравненія, которое, дѣйствительно, невольно напрашивается, когда говоришь объ одномъ изъ нихъ. И тотъ, и другой за-

мѣчательны тѣмъ, что приводили старину въ связь съ современностью; но про Нибура можно сказать, что это—политикъ, ставшій историкомъ, про Момзена, что это—историкъ, ставшій политикомъ. Постараюсь объяснить эту разницу. Мы благодарны иностранцамъ, которые, прїѣхавъ къ намъ и изучивъ нашъ бытъ, вступаютъ съ нами въ разговоръ о томъ, что они находятъ у насъ замѣчательнаго,—мы благодарны имъ потому, что, будучи воспитаны въ чужой средѣ, они легче насъ могутъ замѣтить и указать намъ то, что у насъ не ладно; но еще болѣе благодарны мы своимъ людямъ, которые, побывавъ въ чужихъ странахъ, возвращаются къ намъ и предоставляютъ намъ пользоваться тѣми званіями, которыя они приобрѣли тамъ; мы болѣе благодарны имъ потому, что они, какъ свои люди, понимаютъ насъ и нашъ бытъ лучше, чѣмъ иностранные гости, и поэтому не будутъ а рїогі склонны судить насъ по законамъ, непримѣнимымъ къ нашему быту. Для римской исторіи Нибуръ—гость изъ чужой страны, Момзень—свой человѣкъ. Въ этой разницѣ слѣдуетъ прибавить другую, характеризующую самый методъ мышленія того и другого историка. Дѣйствительно, что насъ болѣе всего поражаетъ у Момзена—это его умѣніе сдерживать свою мысль; и именно это умѣніе болѣе всего бросается въ глаза, если его сравнивать съ Нибуромъ. У Нибура индукціонная цѣпь очень коротка; ему довольно немногихъ данныхъ—и законъ уже готовъ; весь остальной индукціонный матеріалъ въ соображеніе не принимается. Происходитъ это оттого, что Нибуръ, какъ ученый, принадлежалъ ко второй изъ установленныхъ нами выше категорій; его духъ рвался наружу изъ тѣсной и душевной области фактовъ, онъ пребывалъ въ ней не долѣе, чѣмъ это казалось ему действительно необходимымъ. Совершенно другое дѣло—Момзень. Его индукціонная цѣпь всегда полна, онъ не позволеть себѣ ни малѣйшаго заключенія до тѣхъ поръ, пока не соберетъ всѣхъ данныхъ, имѣющихъ къ нему отношеніе (это правило кажется въ теоріи очень элементарнымъ; но какое самоотверженіе требуется для того, чтобы примѣнять его на практикѣ—это можетъ оцѣнить лишь тотъ, кто самъ пробовалъ это дѣлать). Результатъ на лицо. Изъ положеній Нибура ни одно, можно сказать, не устояло противъ позднѣйшей критики, его римская исторія имѣетъ сама лишь историческое значеніе; напротивъ, намъ представляется совершенно немыслимымъ, чтобы когда-либо могло настать время, когда сочиненія Момзена перестанутъ быть предметомъ первой необходимости для всѣхъ занимающихся римской исторіей ученыхъ.

Все же, какъ историкъ-мыслитель, Нибуръ держится рядомъ съ Момзеномъ хотя бы въ виду своего громаднаго историческаго значенія; но стоитъ произнести слова „историкъ-художникъ“—и Момзень

остается одинъ на недосыгаемой высотѣ. Напрасно стали бы мы искать въ его отечествѣ другого хотя бы даже для сравненія его съ Момзеномъ: для этого мы должны перейти Рейнъ. Тутъ дѣйствительно мы найдемъ историка-художника, образъ котораго не поблекнетъ рядомъ съ Момзеномъ — это Э. Ренанъ; но разница между ними останется громадной, и эта разница находится въ тѣсной зависимости отъ разницы между гепіями французской и нѣмецкой рѣчи вообще. Въ какомъ привилегированномъ положеніи находятся въ этомъ отношеніи французы — знаютъ всѣ; не даромъ ихъ предки, древніе римляне, занимались въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ „пустяками“, т. е. риторикой; это они дѣлали для того, чтобы завѣщать своимъ потомкамъ драгоцѣнное наследіе, художественную рѣчь. Въ силу этихъ условій всякій французскій писатель, какъ бы онъ ни былъ великъ, какъ художникъ, большею частью своего величія обязанъ своему языку. Другое дѣло нѣмецкій языкъ; на него излишекъ благодати, добытый нѣвковой работою древней культуры, не распространяется; онъ самъ по себѣ ни красивъ, ни некрасивъ, это безразличный матеріалъ; но зато онъ даетъ широкій просторъ индивидуальности писателя. Нѣмецкій писатель, если онъ великій художникъ, обязанъ этимъ исключительно самому себѣ. Въ связи съ этой коренной разницею между нѣмецкимъ языкомъ и французскимъ находится другое, многими замѣченное явленіе — что число писателей, которые бы хорошо писали на родномъ языкѣ, такъ велико во Франціи и такъ невелико въ Германіи; во Франціи даже человѣкъ съ посредственнымъ дарованіемъ можетъ хорошо писать, такъ какъ самъ языкъ за него мыслить и творить; въ Германіи это невозможно. Я не хочу прославлять Момзена на счетъ Ренана и считаю обоихъ великими художниками; но Ренанъ обязанъ своимъ величіемъ въ значительной мѣрѣ своему народу, Момзенъ — самому себѣ.

Но эта похвала покажется общей: въ чемъ же состоитъ въ частности характеръ Момзена, какъ художника? Въ этомъ отношеніи между Ренаномъ и имъ цѣлая пропасть; того *cliquetis de mots sonores*, въ которомъ Ренанъ, добродушно иронизируя надъ самимъ собой, видѣлъ свою главную заслугу, мы у Момзена не найдемъ. Онъ писатель чрезвычайно изящный и остроумный въ лучшемъ значеніи и того, и другого слова, но не изящество и не остроуміе бросается въ глаза читающимъ его сочиненія и остается въ его памяти; главное качество Момзена, какъ художника — сила; ему подчинены всѣ остальные. И эта сила чувствуется вездѣ, не только тамъ, гдѣ онъ говоритъ пылко и страстно — что онъ, какъ человѣкъ съ темпераментомъ, дѣлаетъ нерѣдко — но и въ сравнительно спокойной и дѣловой рѣчи.

Но изъ всѣхъ качествъ слога наименѣе поддается описанію его сила: за то съ другой стороны она тѣснѣе прочихъ его качествъ свя-

зана съ самой мыслью; вѣдь въ сущности самая сильная рѣчь—это та, въ которой мысль находитъ свое наиболѣе чистое, свободное отъ всякихъ вѣншихъ прикрасъ выраженіе. Какъ въ готическомъ стилѣ конструктивный элементъ является въ то же время элементомъ орнаментальнымъ, такъ же и у Моцзена осмысленность рѣчи является въ то же время ея украшеніемъ. Но раньше мы уже видѣли до какой степени вся ученость Моцзена проникнута, такъ сказать, мыслью; мы видѣли, что нельзя было характеризовать Моцзена какъ ученаго, не характеризуя его въ то же время какъ мыслителя: такъ тѣсно связаны между собою тѣ три качества Моцзена, которыя мы пытались разсматривать отдѣльно. Не могу не признать и этого явленія знаменательнымъ; мнѣ кажется, въ чемъ слѣдуетъ искать причину того цѣльнаго впечатлѣнія, которое производитъ на насъ Моцзенъ въ смыслѣ того высшаго единства, складывающагося изъ учености, мысли и художественности.

Заключая свою характеристику Моцзена, не могу не припомнить словъ, произнесенныхъ, согласно Фукидиду, Перикломъ при обстоятельствахъ, въ счастью, ничуть не похожей на нашу. Онъ осуждалъ типъ рѣчей, къ которому принадлежитъ и настоящая, говоря, что нехорошо представленіе о человѣкѣ, на дѣлѣ доказавшемъ свои высокія качества, ставить въ зависимость отъ того, хорошую или дурную рѣчь произнесетъ о немъ ораторъ. Конечно, онъ правъ; но въ данномъ случаѣ этой зависимости быть не можетъ. Знаю, что болѣе снисходительные изъ васъ найдутъ въ обѣщанныхъ мною торжественныхъ аккордахъ не мало диссонансовъ, а болѣе строгіе, пожалуй, сплошную какофонію. Тѣмъ неменѣе Моцзенъ останется Моцзеномъ, рѣшеніе Историческаго Общества почтить его въ сегодняшнемъ засѣданіи не потеряетъ своего значенія, какъ актъ заслуженной благодарности одному изъ величайшихъ дѣятелей въ области вашей науки.

Объ одной ученой полемикѣ¹⁾.

Зимой 1891—92 г. профессорами университета св. Владимира былъ устроенъ рядъ публичныхъ лекцій въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Одна изъ этихъ лекцій, именно лекція проф. Ю. А. Кулаковскаго „Христіанская церковь и римскій законъ въ теченіе первыхъ двухъ вѣковъ“ вызвала обширную полемику. По поводу этой лекціи, занимающей, въ печати („Кіев. Университ. Извѣстія“ 1891 г. № 12) 31 страницу, появились „Замѣтки“ въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи“ (1892 г. №№ 5 и 6) на 214 стр., которыя вызвали съ своей стороны отвѣтъ г. Кулаковскаго на 58 стр.; анонимный авторъ „Замѣчаній по поводу лекціи г. Кулаковскаго“ не остался въ долгу и напечаталъ отвѣтъ на отвѣтъ (Тр. Кіев. Дух. Ак. №№ 2 и 4 1893 г.) на 168 стр., и сверхъ того по поводу лекціи г. Кулаковскаго вышла въ Кіевѣ брошюра Н. Леопардова „Замѣтки на публичную лекцію, озаглавленную: Христіанская Церковь и римскій законъ въ теченіе первыхъ двухъ вѣковъ“ въ 16 стр. Такимъ образомъ, на каждое слово въ лекціи г. Кулаковскаго приходится чуть не по страницѣ полемики. Въ виду обширныхъ размѣровъ и своеобразнаго характера, которыми отличается эта полемика, а также въ виду интереса, возбужденнаго ею въ Кіевѣ, считаемъ нелишнимъ дать на страницахъ „Ист. Об.“ отчетъ, какъ о самой лекціи, такъ и о вызванныхъ ею полемическихъ статьяхъ.

Содержаніе лекціи г. К.—го въ общихъ чертахъ таково:

Римская имперія имѣла организованную военную силу, удовлетворявшую своему назначенію, администрацію, государственныя идеи и формы государственнаго строя, державшія въ единствѣ римскій міръ, но не имѣла *народности*. Понятіе народности замѣнялось понятіемъ римскаго гражданства, пути для приобщенія къ которому были многообразны. По римскимъ понятіямъ это разсѣянное по всей имперіи

¹⁾ Эта корреспонденція изъ Кіева была прислана въ Редакцію для помѣщенія въ VI т. „Историческаго Обзорнія“, но запоздала и появляется поэтому лишь теперь.

гражданство и составляло государство, остальное население, болѣе многочисленное, пребывало, по идеѣ, во власти этого государства. Религія въ древнемъ мірѣ по существу была тождественна съ государствомъ, была его выраженіемъ въ иной сферѣ понятій. Но, по самымъ основнымъ чертамъ римскаго народнаго духа, римская религія имѣла мертвый характеръ и застыла въ ясно и точно опредѣленныхъ формахъ. Теоретической догмы не было, замѣной ея служила философія. Слѣдствіемъ этого явилась возможность отождествленія чужихъ боговъ со своими. Государство крѣпко держалось за исконную религію, но, по самой ея сущности, съ вѣрностью ей могъ мириться самый широкій синкретизмъ; идея, что для римскаго гражданина обязательна и вѣра въ римскихъ боговъ, не исключала возможности почитанія со стороны даннаго гражданина даннаго новаго бога. Преслѣдованія за вѣру не знаетъ Римъ за все существованіе республики. Въ послѣдній вѣкъ республики и въ началѣ имперіи сущностью понятія преступленія противъ религіи было нарушеніе обряда или неуваженіе къ нему; въ лат. языкѣ нѣтъ даже общаго термина для обозначенія преступленія противъ религіи. Тиберію приписываются слова: „*deorum injurias dis curae*“. Государственная власть была равнодушна къ религіямъ подвластныхъ народовъ. Если въ нѣкоторыхъ религіяхъ выяснялись противныя римскому религіозному сознанію формы лѣтаку (напр. человѣческія жертвоприношенія), то противъ нихъ принимались только административныя мѣры. То же равнодушіе проявилъ Римъ и по отношенію къ религіи іудейской, которая имѣла совсѣмъ особый характеръ. Въ сознаніи іудеевъ, Іегова, какъ истинный Богъ, исключалъ собою всѣхъ боговъ другихъ народовъ. „Законъ“ Іеговы опредѣлялъ всѣ стороны жизни іудеевъ. Отсюда ихъ теократическій строй, ихъ единство даже въ разсѣяніи. Когда Іудея вошла въ составъ римскаго государства, римская власть не коснулась іудейской религіи и ея установленій, даже обезпечила ей большую свободу. Въ эпоху реорганизаціи римской державы іудеи стали на сторону Цезаря и послѣдній, въ благодарности, обезпечилъ имъ свободу на всемъ Востоку. По разрушеніи іудейскаго царства его населеніе превратилось въ *peregrini dediticii*, т. е. *pullius certae civitatis cives*. Предоставленные римскимъ закономъ самимъ себѣ, іудеи организовались на теократическихъ началахъ. Плата налога въ пользу храма Юпитера капитолійскаго („дирахму“), іудеи получили право соблюдать „законъ“ и уклоняться отъ обязанностей, падающихъ въ противорѣчій съ „закономъ“. Получилась возможность терпимаго закономъ существованія іудейскихъ общинъ. Послѣ разсѣянія іудеи явились въ рим. государствѣ пришлымъ элементомъ, изъятымъ отъ дѣйствія общихъ законовъ, ихъ религія была *religio licita*. Іудейская религія была только тер-

пимой. Неправильность и презрѣніе къ іудеямъ считались достаточной гарантіей противъ прозелитизма. Такъ какъ Іегова исключалъ всѣхъ другихъ боговъ, то переходъ въ іудейство разсматривался, какъ атеизмъ, безбожіе. Іудейское богослуженіе совершалось въ Римѣ подъ охраной полиціи, и нарушеніе его отправленія влекло за собою кару. Государственная власть, изъ уваженія къ религіи, даже освободила іудеевъ отъ службы въ рядахъ арміи; наконецъ, она допустила возстановленіе особаго іудейскаго патріарха (III в.). Такъ, подъ покровомъ дидрахмы, сохранялись іудейство въ имперіи на всемъ ея прострѣанствѣ и какъ особое, не преслѣдуемое государствомъ, вѣроученіе, и какъ особое племя.

Христіанство стояло въ началѣ въ тѣсной связи съ іудействомъ. Но когда оно предстало, какъ универсальная мировая религія, призывавшая все человѣчество къ общенію въ единствѣ вѣры, надежды и любви, въ союзѣ благодати, то такое расширеніе идеала оказалось недоступно іудейскому народу, оно сразу встрѣтило отпоръ и побудило іудеевъ замкнуться еще болѣе. Въ іудейской общинѣ Рима возникли раздоры, которые повели къ вѣшателству государственной власти: Светоній въ біографіи Клавдія говоритъ: (Клавдій) изгналъ изъ Рима іудеевъ, которые „постоянно волновались по пауленію нѣкоего Христа“. Такимъ образомъ, была принята полицейская мѣра противъ нарушенія общественнаго благоустройства; сущностью споровъ полиція не интересовалась, и Светоній причину беспорядковъ приписалъ проискавъ Христа, разумѣя, вѣроятно, одного изъ членовъ іудейской общины въ Римѣ. Полиція вскорѣ допустила іудеямъ снова появиться въ Римѣ. При Неронѣ здѣсь опять волновалась іудейская община изъ-за вопроса о христіанствѣ. Въ эту пору случился знаменитый пожаръ въ Римѣ. Виновникомъ былъ императоръ, и молва гласила это. Въ средѣ тревожнаго іудейскаго населенія столицы императоръ нашелъ виновныхъ. Какъ и почему найдена была возможность обвинять христіанъ— неизвѣстно, но найдены были свидѣтели, и нѣкоторые виновники преданы казни. Христіанъ судили, но судъ не искалъ истины. Такимъ образомъ, первые христіанскіе мученики въ Римѣ пострадали по простой случайности. Съ паденіемъ Іерусалима и разрушеніемъ единаго въ мірѣ храма единому Богу, христіанство окончательно отдѣлилось отъ іудейства; но эта раздѣльность не дошла до вниманія представителей римской власти. Подъ вліяніемъ наплыва іудейскихъ плѣнныхъ, умножилась и упрочилась въ Римѣ іудейская община, а вѣстѣ и рядомъ съ ней и христіанская церковь. При Домиціанѣ христіанство проникло во дворецъ: родственникъ императора, отецъ названныхъ наследниковъ престола Флавій Клеменсъ и его жена, Домитилла, были обвинены въ атеизмѣ (христіанствѣ), и Клеменсъ былъ казненъ. Если

христіанство проникло во дворець, то, значить, оно пользовалось довольно широкой свободой. Преслѣдованіе христіанъ Домиціаномъ было вызвано событіемъ чрезвычайнымъ: совращеніемъ семейства, въ которомъ росли и воспитывались наслѣдники престола въ невѣдомую религію, смѣшиваемую римлянами съ презираемымъ и ненавидимымъ іудействомъ. Слѣдовательно, „гоненія“ собственно не было, и христіанство, какъ таковое, не было осуждено и запрещено. Только при Траянѣ былъ изданъ первый указъ, въ которомъ христіанство признавалось ученіемъ вреднымъ и его исповѣдники—подлежащими наказанію. Это не былъ общій законъ, а только личный отвѣтъ императора намѣстнику Виенниі Плинію Младшему. Императоръ, не давая общаго закона, предписываетъ: не искать самому христіанъ, не производить дознанія по анонимнымъ доносамъ, допускать дознанія только тогда, когда обвинитель лично ведетъ обвиненіе; упорствующихъ въ непризнаніи римскихъ боговъ наказывать, но отрекающихся оставлять безнаказанными. Христіанство понимается здѣсь, какъ атеизмъ, и упорство въ немъ навлекаетъ наказаніе; государство оберегаетъ традиціонныя формы богопочитанія, но лишь въ принципѣ. Такое отношеніе къ христіанству длится до середины III вѣка. Власть караетъ упорствующихъ въ непризнаніи боговъ, чтимыхъ государствомъ. Форма процесса создавала видимость, что карается самое имя „христіанинъ“, но существу же государство караетъ за сопротивленіе власти въ ея законныхъ требованіяхъ, въ разсмотрѣніе причинъ сопротивленія власть не входила, а для самой возможности преслѣдованія необходимо было обвиненіе, исходившее изъ среды общества; кара зависѣла отъ представителя власти. Во 2 половинѣ II в. иные представители власти даже уклонялись отъ преслѣдованія христіанъ, хотя это были исключенія. Среди множества свѣдѣній о мученикахъ, собранныхъ христіанскою церковью, есть много недостовернаго и даже подложнаго, но есть и точные протоколы судебныхъ разбирательствъ, напр. процессъ 180 г. въ Каррагенѣ. Изъ этого процесса видно, что полномочія представителя государственной власти не имѣютъ никакого отношенія къ религіи, какъ таковой. Онъ осуществляетъ не судебную функцію, а *ius cogensendi*, т. е. право принуждать гражданина исполнять повелѣніе магистрата. Это не есть процессъ, а лишь дознаніе (*cognitio*) и рѣшеніе идетъ въ административномъ порядкѣ. Пока таково было отношеніе власти къ христіанству (весь II вѣкъ), говорить о „гоненіяхъ“ отъ государства нельзя. Преслѣдованіе шло изъ самыхъ нѣдръ общества, являвшася представителемъ стараго міра. Первыми преслѣдователями христіанъ были іудеи, итъ же, вѣроятно, принадлежатъ и тѣ искаженія христіанскаго культа, которыя проникли въ общество; ложныя представленія о христіанствѣ въ римскомъ обще-

ствѣ завясли и отъ того, что первоначально христіанство распространялось преимущественно въ низшихъ его слояхъ, просвѣщеннѣйшіе представители общества не знали христіанства и не интересовались имъ. Но христіанство усиливалось и распространялось, восходя къ высшимъ слоямъ общества, и государство не ставило препонъ этому распространенію до временъ Септімія Севера, когда запрещено было принимать вновь христіанство и повторено воспрещеніе принимать іудейство, но и теперь государство не создавало особыхъ органовъ для наблюденія за религіозными убѣжденіями. Съ половины II в. императорамъ подаются апологіи христіанскаго ученія, поясняющія его чистоту и обличающія языческіе культы массы, но ни государственная власть, ни просвѣщенная часть общества не обращаютъ на христіанство вниманія, въ массѣ же христіанство вызывало обвиненія и даже насилія, что подало поводъ Марку Аврелію издать указъ противъ распространителей ученій, которыя волнуютъ народъ. Христіанство здѣсь не названо, но на дѣлѣ только оно и тревожило умы. Власть карала христіанъ не за убѣжденія, а какъ виновниковъ безпорядковъ, ибо она допускала христіанскую пропаганду и позволяла христіанамъ укрываться подъ защитою законныхъ учрежденій и понятій, дѣйствовавшихъ по отношенію ко всѣмъ гражданамъ имперіи, именно тѣхъ, которыя относились къ области культа мертвыхъ. Христіанская община могла законно организоваться подъ именемъ погребальнаго общества и невозбранно отправлять свое богослуженіе. Когда государство увидѣло союзъ съ сильной организаціей, іерархіей, капиталами и прочнымъ единствомъ одного вѣроученія, оно признало въ христіанствѣ политическую опасность. Тогда, въ серединѣ III вѣка, и начались гоненія на христіанство отъ государства, хотя и непоследовательныя. Гоненія эти заключились провозглашеніемъ эдикта о вѣротерпимости, а это состояніе имперіи перешло въ господство христіанства и отсутствіе терпимости по отношенію къ остаткамъ язычества и разномыслиямъ съ ученіемъ господствующей церкви. Принципъ религіозной нетерпимости проведенъ былъ въ государственный строй христіанскими императорами древняго Рима. До него не могъ дойти древній міръ безъ христіанства, ибо ему была чужда увѣренность въ обладаніи абсолютной и единой истиной, а въ созданномъ Римомъ мировомъ государствѣ не было особыхъ органовъ духовной власти, особаго суда по дѣламъ религіи и спеціального трибунала, призваннаго вѣдать человѣческую совѣсть.

Анонимный авторъ замѣчаній по поводу публичной лекціи проф. Кулаковскаго (Труды Киев. Дух. Ак., 1892, №№ 5 и 6) указываетъ на то, что на публичныхъ лекціяхъ должна идти популяризація науки, и потому рекомендуетъ лекторамъ осторожность въ выборѣ сюжетовъ,

особенно если сюжеты эти затрагивают высшіе духовные интересы, нравственныя убѣжденія, религіозныя вѣрованія слушателей. Авторъ удивляется далѣе, что лекторъ, „считающій себя специалистомъ по классической филологіи“, избралъ предметъ для лекціи изъ исторіи христіанской церкви и притомъ предметъ, „по которому въ ученой литературѣ нѣтъ единства во взглядахъ“ (слова проф. Кулаковскаго). Но, ознакомившись съ лекціей по ея напечатанію, авторъ догадался, что она есть „отголосокъ реферата, превращеннаго въ публичную лекцію и читаннаго въ Имп. Московскомъ университетѣ 18 октября“. Можетъ быть, догадывается онъ далѣе, шумные аплодисменты, которыми встрѣтили и провожали московскаго референта, не дали покоя неравнодушному къ оваціямъ кievскому лектору... А можетъ быть г. Кулаковскій возревновалъ о поправленной и разбитанной московскими публицистами, юристами и филологами „истиннѣ“ соловьевской м... попытка поддержать основательно побитаго и окончательно сконфуженнаго московскаго философа“. „А можетъ быть, продолжаетъ догадываться авторъ, и то, и другое“. Далѣе анонимъ старается указать на связь лекціи г. Кулаковскаго съ рефератомъ г. Соловьева, ссылаясь даже на то, что лекція г. Кулаковскаго напечатана и въ „Русскомъ Обзорнѣи“, которое „приняло Соловьева подъ свою защиту отъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Затѣмъ авторъ обѣщаетъ „нарушить красоту складокъ классической тоги“ г. Кулаковскаго, „сотканной изъ цитатъ“. Авторъ сѣтуетъ, что г. Кулаковскій не дѣлаетъ указаній на сочиненія „о гоненіяхъ“, о положеніи христіанства въ римскомъ государствѣ во II и III вв., и указываетъ самъ на соч. Aubé „Histoire des persécutions de l'Eglise jusqu'à la fin des Antonins“, отмѣчая сходство въ возрѣніяхъ г. Кулаковскаго и Aubé, причѣмъ соображенія Aubé, по его мнѣнію, тенденціозно развиты г. Кулаковскимъ и направлены съ чисто „либеральной“ прямолинейностью, безъ имѣющихся у Aubé ограниченій и ослабленій, прямо къ напередъ поставленной цѣли“. Изложивъ содержаніе лекціи проф. Кулаковскаго, анонимъ возражаетъ противъ положенія, что „римская религія, по самымъ основнымъ чертамъ римскаго народнаго духа, имѣла *мертвый* характеръ“, говоритъ о значеніи религіи въ жизни римскаго государства и доказываетъ, что равнодушнаго отношенія къ религіямъ въ Римѣ не было; далѣе утверждаетъ, что въ эпоху Клавдія государственная власть не знала христіанъ, преслѣдованія христіанъ при Неронѣ приписываетъ не случайности, а интригамъ іудеевъ, это было „последнее іудейское гоненіе“. Не согласенъ анонимъ и съ мнѣніемъ г. Кулаковскаго о случайномъ и исключительномъ характерѣ казней при Домиціанѣ. Переходя ко времени Траяна, авторъ утверждаетъ, что „съ точки зрѣнія римскаго закона христіанское общество не имѣло права суще-

ствовать. Христианство было преступно вдвойнѣ^а, вводя культ новый, не національный, исключительный, неповоленный и разрушая культ старый, государственный. Особенно негодуешь авторъ на то, что г. Кулаковскій отказывается говорить объ изданіи указа Траяна съ полнотой и обстоятельностью, какихъ оно заслуживаетъ. Далѣе, авторъ возражаетъ противъ положеніи, что „указъ Траяна былъ изданъ не въ видѣ общаго закона на всю имперію, а какъ *личный ответъ* императора одному изъ намѣстниковъ“, и дѣлаетъ предположеніе, что это была *epistola generalis*. Въ розыскахъ Плинія авторъ усматриваетъ начало инквизиціи, которая развивается во второй половинѣ II вѣка и особенно въ III вѣкѣ, причѣмъ ссылается на акты ліонскихъ и вьенскихъ мучениковъ. Авторъ настаиваетъ, что запрещеніе Траяна отыскивать христіанъ не имѣетъ силы, такъ какъ въ римскомъ уголовномъ процессѣ всегда являлся *accusator*. Особенно возмущается авторъ утверженіемъ г. Кулаковскаго, что христіанъ казнили не за имя христіанина, а за сопротивленіе власти въ ея законныхъ требованіяхъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, анонимный авторъ обвиняетъ г. Кулаковскаго въ фальсификаціи протокола судебного разбирательства по дѣлу сцилитанскихъ мучениковъ, сопоставляя переводъ г. Кулаковскаго съ текстами изъ „Acta proconsularia ex Annalibus Ecclesiasticis Card. Baronii ad an. Chr. 202“ и „Acta alia sincera eruta ex Ms. codice in Bibliotheca ecclesiae Toletanae, et collata cum Ms. Colbertino“. Сходства между текстами и переводомъ не оказывается, и авторъ восклицаетъ, что г. Кулаковскій „сообщилъ ученому міру совершенно новую, самостоятельную редакцію актовъ сцилитанскихъ мучениковъ, подлинникъ которой онъ откопалъ въ своей „*либеральной котомкѣ*“, и говоритъ, что въ трехъ извѣстныхъ ему, автору, редакціяхъ актовъ слѣдуетъ прибавить четвертую: „Acta *falsa* ex Ms. Cotomcae Culacovianae“. Авторъ утверждаетъ, что г. Кулаковскій не видалъ и цитруемыхъ имъ актовъ Ахаціа, которые относятся ко времени Деціа, т.-е. уже времени гоненій на христианство отъ государства. Слѣдующее обвиненіе противъ г. Кулаковскаго заключается въ томъ, что онъ невѣрно передаетъ о гоненіи на христіанъ въ Ліонѣ въ 177 г. По предположенію анонима, г. Кулаковскій ліонскихъ актовъ не видалъ, ибо поставилъ невѣрный „цитатъ“ (sic). Euseb. h. e. V, 2 вмѣсто V, 1. Далѣе, анонимъ возражаетъ противъ мнѣнія г. Кулаковскаго, что въ процессѣ противъ христіанъ магистратъ осуществлялъ не судебную функцію своей власти, а *ius coëcendi* и что съ точки зрѣнія римскаго права это былъ не процессъ, а дознаніе (*cognitio*). Такъ какъ г. Кулаковскій дѣлаетъ при этомъ въ одномъ мѣстѣ ссылку на ст. Моммзена „Der Religionsfrevel nach römischen Recht“, то анонимъ даетъ на 22-хъ стр. переводъ части статьи Моммзена, затѣмъ разбираетъ

миѣнія его, сопоставляетъ ихъ съ цитатами изъ лекціи и приходитъ къ заключенію, что сходства между воззрѣніями Моммзена и г. Кулаковскаго нѣтъ, а потому, значить, г. Кулаковскій искажилъ Моммзена,—и рисуеть далѣе процессъ по Виллемсу и Пухтѣ и въ частности процессъ противъ христіанъ по актамъ мучениковъ. Изложивши свой взглядъ на отношеніе къ христіанству различныхъ слоевъ римскаго общества, анонимный авторъ возражаетъ противъ миѣнія г. Кулаковскаго, что христіане могли укрываться подъ защиту *collegia funeraticia*. Затѣмъ критикъ возстаетъ противъ словъ г. Кулаковскаго, что „христіанскіе апологеты запальчиво и яростно борются противъ служенія идоламъ, представляя его въ чертахъ фетишизма“ и „изобличаютъ тщету языческихъ вѣрованій и култовъ, причемъ изображаютъ ихъ въ томъ видѣ, какой они имѣли въ нижней массѣ населенія“,—и утверждаетъ опять, что г. Кулаковскій не видѣлъ апологетическихъ произведеній. „Можетъ быть, впрочемъ, и видѣлъ“, допускаеть онъ далѣе, но „либеральный туманъ застилаеть его очи“. Что касается нетерпимости относительно язычества, проивившейся въ то время, когда христіанство стало господствующей религіей, то критикъ ставить ее не на счетъ христіанства, а на счетъ государства, съ которымъ христіанская церковь никогда себя не отождествляла. Въ заключеніе, анонимный критикъ, усматривая въ „скандалѣ, учипенномъ г. Кулаковскимъ“ „тревожное и печальное знаменіе“, опять нтыается связать лекцію г. Кулаковскаго съ рефератомъ г. Соловьева, „которому сотрудники „Московскихъ Вѣдомостей“ сплели на голову довольно таки густой (sic) вѣнокъ“. Далѣе, пользуясь одноименностью г. Кулаковскаго съ Юліаномъ Апостатомъ, критикъ проводитъ параллель и между этими двумя лицами. Наконецъ, критикъ недоволенъ и аплодисментами „неразборчивой“ публики г. Кулаковскому.

Мы изложили въ общихъ чертахъ содержаніе „замѣчаній“ по поводу лекціи г. Кулаковскаго; что же касается тона этихъ „замѣчаній“, то онъ достаточно характеризуется встрѣчающимися въ нихъ выраженіями въ родѣ: „нелѣпныя, мнимо-либеральныя идеи“, „мы изучаемъ въ настоящій разъ враговъ христіанства“, „опереточный мастеръ“ и т. п.

Переходимъ къ отвѣту г. Кулаковскаго (Унив. Изв. 1802 г. № 7 1).

Въ началѣ отвѣта г. Кулаковскій заявляетъ, что такъ какъ статья въ „Тр. Киев. Дух. Ак.“ анонимна, испещрена бранными словами и уснащена грубыми приемами полемики, то онъ считалъ бы

¹⁾ Въ примѣчаніи г. Кулаковскій говоритъ, что намѣревался помѣстить свой отвѣтъ въ „Трудахъ кiev. дух. ак.“ и обращался къ ихъ редактору, но въ виду встрѣтившихся нѣкоторыхъ трудностей намѣреніе это не осуществилось.

отвѣтъ на нее ниже своего достоинства и если онъ отвѣчаетъ, то дѣ-
лаетъ это въ виду помѣщенія ея, притомъ безъ имени автора, въ
официальномъ органѣ ученаго учрежденія. Затѣмъ г. Кулаковскій
возражаетъ противъ „шумной связи лекціи съ рефератомъ Вл. С. Со-
ловьева, читаннымъ въ Москвѣ 18 октября“, не напечатанномъ и вызвав-
шемъ газетный шумъ въ ноябрѣ, между тѣмъ какъ тема и срокъ лекціи
г. Кулаковскаго были назначены въ засѣданіи 12 октября, а также воз-
ражаетъ противъ зависимости своей лекціи отъ книги Aubé. Г. Кулаков-
скій не беретъ на себя обязанности „перебрать въ отдѣльности всю
аргументацію антагониста“, ибо для этого надо написать по меньшей
мѣрѣ столько же, сколько написалъ онъ. Г. Кулаковскій предпочи-
таетъ „выбрать главное и существенное, а такъ какъ во всякой исто-
рической работѣ первымъ и главнымъ условіемъ является непосред-
ственное знакомство съ первоисточниками, ибо отъ ихъ правильнаго
пониманія зависитъ и самая постановка вопроса“, то онъ и ставитъ
на первомъ мѣстѣ именно этотъ пунктъ. По поводу обвиненія въ фаль-
сификаціи „Acta Martyrum Scilitanorum“ г. Кулаковскій указываетъ,
что рукописей „Acta Martyrum“ существуетъ не три, какъ полагаетъ
анонимъ, а гораздо болѣе (уже въ предисловіи къ акт. сцил. муч. въ
Acta Sanctorum есть свѣдѣнія еще о семи, а также о fragmentum
Angiense Мабильона). Г. Кулаковскій пользовался греческимъ перево-
домъ, открытымъ Узенеромъ и изданнымъ въ Боннѣ въ 1881 г., ко-
торый имѣетъ гораздо большую степень подлинности, чѣмъ латинскія
версіи, извѣстныя анониму. (Ссылки на изд. Узенера, по корректурной
ошибкѣ, нѣтъ въ текстѣ лекціи, напечатанномъ въ „Унив. Изв.“, но
ссылка эта есть въ текстѣ, напечатанномъ въ „Рус. Обзор.“ и упо-
минаемомъ анонимомъ). Въ 1891 г. Робинсономъ изданъ и открытый
имъ латинскій оригиналъ греческаго перевода. По поводу заявленія, что
въ Passio s. Achatii нѣтъ мѣста, соответствующаго по смыслу цитатѣ,
г. Кулаковскій приводитъ текстъ, предоставляя критику самому разы-
скать его въ изданіи Гуинара. По поводу цитаты изъ Евсевія г. Ку-
лаковскій указываетъ на изданіе Laeshner'a. На замѣчанія о Каллистѣ
г. Кулаковскій указываетъ, что критикъ не дочиталъ до конца раз-
сказа Ипполита, ибо когда римская церковь освобождала изъ сардин-
скихъ рудниковъ своихъ исповѣдниковъ, то Каллиста въ спискѣ ихъ
не было и онъ добился освобожденія только благодаря просьбамъ,
слѣд. критикъ ссылается на Ипполита въ томъ, что послѣдній опро-
вергаетъ. Далѣе г. Кулаковскій указываетъ на превратное толкованіе
анонимомъ мѣста изъ Тацита о Нероновыхъ казняхъ христіанъ. Ука-
заніемъ на невѣрное пониманіе текстовъ Тацита и рескрипта Траяна
по поводу переписки Траяна съ Плиніемъ Младшимъ г. Кулаковскій окан-
чиваетъ свои замѣчанія касательно отношенія его антагониста къ

источникамъ. Перехода къ обвиненію въ искаженіи статьи Момизена, г. Кулаковскій приводитъ изъ этой статьи рядъ цитатъ въ подтвержденіе своего мнѣнія, а также указываетъ рядъ ошибокъ и неточностей, сдѣланныхъ критикомъ въ переводѣ. Далѣе г. Кулаковскій опровергаетъ мнѣніе критика о положеніи христіанства въ римской имперіи, указываетъ ошибки критика въ области римскаго права, исторіи древнихъ религій, наконецъ искаженія и превратныя толкованія самаго текста лекціи, переходящія въ доносъ по уголовному дѣлу („мы изучаемъ въ настоящій разъ враговъ христіанства“). Нападки своего антагониста г. К. объясняетъ незнакомствомъ тѣхъ, „кто мнятъ себя специалистами по древнѣйшей церковной исторіи въ Кіевск. Духовн. Академіи“ съ источниками, привычкой къ произвольному обращенію съ ними, малымъ знакомствомъ съ ученой литературой, вслѣдствіе незнанія или плохого знанія иностранныхъ языковъ, отсутствіемъ уваженія къ наукѣ и литературному и многу приличію.

„Отвѣтъ“ г. Кулаковскаго вызвалъ снова „Нѣсколько замѣчаній“ въ № 2 и 4 „Трудовъ Кіев. Дух. Ак.“ за 1893 г. Въ примѣчаніи редакція мотивируетъ свой отказъ помѣстить въ „Трудахъ“ отвѣтъ г. Кулаковскаго тѣмъ, что „въгляда на дѣло, проводимаго имъ въ лекціи не можетъ не принимать, не допускать ни редакція „Трудовъ Ак.“, ни редакція другого какого-либо журнала, дорожащаго преданіями православной вселенской церкви“, и что г. Кулаковскій позволилъ себѣ „оскорбительныя и крайне неприличныя мисивуаціи“ противъ Академіи, между тѣмъ какъ анонимъ не задѣваетъ чести „того учрежденія, въ которомъ служитъ лекторъ и въ ученомъ органѣ котораго напечатана его публичная лекція, направленная къ подрыву св. преданій, дорогихъ, полагаемъ, для каждаго члена церкви, чтущей св. добропобѣднхъ мучениковъ“.

Хотя въ началѣ статьи анонимъ и заявляетъ, что „для вопроса о такъ называемомъ ученомъ Юліанѣ Кулаковскомъ“ (теперь анонимъ вездѣ пишетъ Кулаковскій, не прибавляя г.) ему „жаль и нѣсколькихъ страницъ“, но все же посвящаетъ г. Кулаковскому 168 стр. Теперь онъ уже ознакомился съ текстомъ, изданнымъ Узнеромъ и указываетъ, что переводъ г. Кулаковскаго не вполне соответствуетъ этому тексту, далѣе онъ возражаетъ по поводу *Passio s. Achatii*, доказываетъ свое знакомство съ книгой *Le Blanc's*, неправильный счетъ главъ въ Леммеровомъ изданіи Евсевія, неправильность возрвній г. Кулаковскаго на діонскія событія 177 г., опровергаетъ рассказъ Ипполита, доказываетъ правильное свое и неправильное г. Кулаковскаго пониманіе Момизена, защищаетъ свои положенія о сакральномъ происхожденіи римскаго права и о переходномъ времени въ его развитіи отъ Августа до Діоклетіана, свои мнѣнія о характерѣ римской и гре-

ческой религии, возражает г. Кулаковскому по поводу рескрипта Третьякова, говорить о Мученических Актах и об апологетах. Въ заключение, по поводу заявления г. Кулаковского, что полемика переходить въ „доносъ по уголовному дѣлу“, анонимъ говоритъ: „съ этими криками неможно опоздалъ Кулаковскій. Было, дѣйствительно, время, — и на нашей памяти, — когда отцы, по мнимому либерализму, Кулаковского и ему подобныхъ, сдѣлавши свободу привилегіей только своей софистики и пустословія, крикомъ: „доносъ“! „уголовщина“! давили проявленіе здоровой положительной мысли и привлекали къ себѣ сочувствіе простодушной толпы, боявшейся быть зачисленною въ ряды мнимыхъ обскурантовъ и отсталыхъ. Теперь эти „жупелы“ никого уже не пугаютъ и ничего участія не вызываютъ“.

Авторъ „Замѣтокъ“ на лекцію г. Кулаковского (К. 1892, 16 стр.) г. Н. Леонардовъ, „не желая давать повода г. Кулаковскому забить его (автора) своей ученостью“, общаетъ отнестись къ лекціи „на основаніи одного простого здраваго смысла“. Такъ какъ брошюра состоитъ изъ отдѣльныхъ замѣтокъ, то мы возьмемъ для примѣра двѣ изъ нихъ.

На слова г. Кулаковского: „въ іудейскихъ синагогахъ раздавалась проповѣдь и того Апостола, которому суждено было *вынести идеи христіанства* изъ (этого) ограниченія національности“ г. Леонардовъ говоритъ: „Здѣсь опять г. Кулаковскій видитъ *идеи христіанства*, проповѣдываемыя (или распространяемыя) Апостолами. Да развѣ Апостолы учили изъ идеи, развивали идею? Развѣ ученіе Іисуса Христа возникло изъ идеи? Богъ съ вами, что это такое?“ На слова г. Кулаковского: „доказательство силы христіанской *пропаганды* дано въ томъ“... г. Леонардовъ говоритъ: „Г. лекторъ, хотя и косвенно, заявляетъ слушателямъ его лекціи, что Апостолы вели пропаганду. И социалисты, и нигилисты, и коммунисты ведутъ нынѣ пропаганду. У слушателя, естественнымъ образомъ, складывается въ умѣ о пропагандѣ Апостоловъ что-то тождественное со словомъ пропаганда, какъ это слово мы понимаемъ нынѣ“.

Сергій Михайловичъ Георгіевскій.

Н. И. Веселовскаго.

26-го іюля 1893 г. скончался на чужбинѣ, въ г. Мецѣ, Сергій Михайловичъ Георгіевскій, экстраординарный профессоръ петербургскаго университета по кафедрѣ китайской словесности. Воспитанникъ двухъ столичныхъ университетовъ по двумъ факультетамъ, С. М. обладалъ многостороннимъ развитіемъ, широтою взгляда, умѣньемъ дѣлать обобщенія. Оттого кратковременная ученая дѣятельность его оставила значительный слѣдъ въ нашей литературѣ о дальнемъ Востокѣ. С. М., сынъ священника, родился въ 1851 г., въ г. Костромѣ, гдѣ и окончилъ гимназическій курсъ въ 1868 г., а затѣмъ поступилъ въ Московскій университетъ на историко-филологическій факультетъ, который и удостоилъ его степени кандидата въ 1873 г. Вслѣдъ затѣмъ онъ получилъ мѣсто испр. должн. учителя русскаго языка и исторіи въ костромскомъ реальной училищѣ; но черезъ два года долженъ былъ оставить службу. Тогда онъ поступилъ студентомъ въ петербургскій университетъ на факультетъ восточныхъ языковъ по китайскому разряду и окончилъ курсъ со степенью кандидата въ 1880 г. Послѣ того онъ отправился за границу, въ Западную Европу и Китай, гдѣ провелъ около 2½ лѣтъ. По возвращеніи изъ путешествія онъ былъ оставленъ при петербургскомъ университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ китайской словесности. Въ 1885 г. за диссертацию „Первый періодъ китайской исторіи“ С. М. получилъ степень магистра, а въ началѣ слѣдующаго года допущенъ къ чтенію лекцій въ званіи приватъ-доцента. Въ этомъ первомъ трудѣ С. М. намѣчались уже тѣ задачи и вопросы, разработкѣ которыхъ посвятилъ онъ свои силы: о древности китайской исторіи, о родствѣ китайцевъ съ аріями, объ этнографическомъ отношеніи собственнаго

Китая въ инородцахъ, о китайской философіи, какъ о серьезной работѣ мысли, и т. д. Заявляя, что синологіи, какъ установившейся науки, еще не существуетъ, что не опредѣлены ея цѣли и основы, а равно и условія научной разработки, самъ онъ проповѣдовалъ необходимость изученія Китая и старался выяснитъ тѣ явленія, которыми обуславливалась его многовѣковая жизненность. Самымъ капитальнымъ сочиненіемъ С. М. надо признатъ его „Принципы жизни Китая“ (Спб. 1888), гдѣ авторъ знакомитъ русскую публику съ религиозными вѣрованіями, философскими системами и строемъ жизни китайцевъ. Это сочиненіе единственное въ европейской литературѣ о Китаѣ, и если бы появилось на Западѣ, составило бы автору почетное имя; у насъ оно было встрѣчено не особенно сочувственно: Георгіевскаго упрекали въ увлеченіи Китаемъ, говорили, что книжная мораль и отраженіе ея въ жизни не одно и то же. Одному изъ своихъ критиковъ, графу И. И. Толстому, на статью его „Новая книга о Китаѣ и китайцахъ“ (Вѣстн. Европы 1888, декабрь) С. М. отвѣтилъ подробнымъ разъясненіемъ въ брошюрѣ подъ заглавіемъ: „Графъ И. Толстой и принципы жизни Китая“, Спб. 1889. Въ 1888 же году С. М. напечаталъ сочиненіе: „О корневомъ составѣ китайскаго языка, въ связи съ вопросомъ о происхожденіи китайцевъ“, и защитилъ диссертацию на степень доктора китайской словесности: „Анализъ іероглифической письменности китайцевъ, какъ отражающей въ себѣ исторію жизни древняго китайскаго народа“. Въ Запискахъ восточн. отд. Археол. общ. (т. I, вып. IV, 1887) онъ помѣстилъ статью: „Древнѣйшія монеты китайцевъ“. Въ 1890 г. С. М. напечаталъ книгу: „Важность изученія Китая“. Последнимъ его трудомъ явилось сочиненіе: „Миоическія воззрѣнія и мненія китайцевъ“, Спб. 1892.

Нельзя пройти молчаніемъ полемику Георгіевскаго съ Пржевальскимъ, такъ какъ эта полемика явилась отраженіемъ тѣхъ взглядовъ, которыя усвоилъ себѣ С. М. Когда появилась статья Пржевальскаго: „Современное положеніе центральной Азіи“ (Рус. Вѣстн. 1887, декабрь), на нее Георгіевскій возражалъ замѣткой: „Два изслѣдователя Китайской имперіи“ (Вѣстн. Европы, августъ 1887 г.). Пржевальскій напечаталъ въ „Новомъ Времени“ (14 окт. 1887, № 4176) „Отвѣтъ на критику о Китаѣ“. Заносчивый тонъ „отвѣта“ вызвалъ очень рѣзкую отповѣдь Георгіевскаго: „Вторичный совѣтъ г. Пржевальскому“ (Новое Время, 19 окт. 1887, № 4181).

Георгіевскаго упрекали въ усиленномъ пользованіи сочиненіями западно-европейскихъ синологовъ, которыми онъ руководился, вмѣсто подлинныхъ источниковъ; но едва ли не въ заслугу надо поставить Георгіевскому то, что онъ призналъ невозможнымъ игнорировать

труды западныхъ синологовъ, которые въ послѣднее время, несмотря на свою тенденціозность, много сдѣлали для изученія Китая.

Въ 1890 г. Георгіевскій былъ возведенъ въ званіе экстраординарнаго профессора. На лѣто 1893 г. онъ получилъ заграничную командировку для ознакомленія въ европейскихъ книгохранилищахъ съ сочиненіями по даосизму, надъ которыми работалъ въ послѣднее время; по чашотка прекратила эту жизнь въ самомъ разгарѣ дѣятельности. С. М. похороненъ въ Висбаденѣ, 2 августа.

О Т Д Ъ Л Ъ II.

Протоколы Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ за 1893 годъ.

Протоколъ XXXVI Общаго собранія гг. членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 27 января 1893 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣва присутствовало 16 членовъ.

1. Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго общаго собранія.

2. Г. предсѣдатель заявилъ, что въ виду истекшаго трехлѣтія на основаніи § 20 Устава члены комитета заново распредѣлили между собою занятія по дѣламъ Общества, причемъ званіе товарища предсѣдателя возложено на Г. В. Форстена, секретаря—на А. С. Лаппо-Давилевскаго, казначея—на С. Л. Степанова и бібліотекаря—на С. Л. Пташицкаго. Кромя означенныхъ лицъ, членами Комитета по выборамъ, производившимся въ прошлое общее собраніе, состоятъ И. М. Гревсъ и В. А. Мякотинъ.

3. Г. редакторъ „Историческаго Обзорѣнія“ заявилъ, что 5-й томъ „Историческаго Обзорѣнія“ вышелъ и разосланъ членамъ Общества, уплатившимъ годовые взносы, что отчетъ Общества и списокъ его членовъ отпечатаны и будутъ разосланы въ скорѣйшемъ времѣни, а шестой томъ „Историческаго Обзорѣнія“ начатъ печатаніемъ.

4. Г. бібліотекарь заявилъ о поступленіи въ бібліотеку Общества книжныхъ пожертвованій отъ С. А. Венгерова, Н. И. Карѣва, о Пирлинга, гг. Радецкаго и Соколова, Д. А. Столыпина, Е. Н. Щепкиной, Н. Н. Фирсова, и отъ редакціи Донскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей (девяти названій въ 10 томахъ и брошюралъ).

5. Приступлено къ баллотировкѣ кандидатовъ, предложенныхъ въ прошлое общее собраніе въ члены Общества: А. А. Васильева, К. А. Горскаго, В. М. Меліоранскаго, В. И. Эпимахъ-Шпицло. Всѣ оказались избранными единогласно.

6. С. А. Бершадскій прочелъ рефератъ объ „исторической географіи Литвы“.

7. С. Л. Степановъ сдѣлалъ сообщеніе о новомъ томѣ сочиненій Fustel de Coulanges'a: *Nouvelles recherches sur quelques problèmes d'histoire.*

Протоколъ XXXVII общаго собранія членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 24 февраля 1893 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣва и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 20 членовъ.

1. Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго общаго собранія.

2. Г. предсѣдатель заявилъ, что по случаю двадцатипятилѣтія ученой дѣятельности члена Общества И. В. Лучицкаго послана была поздравительная телеграмма юбиляру, за которую онъ письменно изъявляетъ Обществу свою признательность.

3. По случаю двадцатипятилѣтняго юбилея члена Общества Я. Г. Гуревича (21 марта) постановлено поручить г. предсѣдателю поздравить юбиляра отъ лица Общества.

4. Г. библіотекаръ доложилъ о вновь поступившихъ книжныхъ пожертвованіяхъ въ библіотеку Общества отъ Д. И. Вагалѣя, Е. І. Лихачевой, г. Папачека, г. Сукачева и редакціи Энциклопедическаго словаря военныхъ наукъ г.-л. Леера въ количествѣ 5 названій и столькожъ же книгъ и брошюръ. Крошѣ того изъявили желаніе вступить въ общій изданіями: Краковская академія наукъ и Редакціи журналовъ: *Museum, Przewodnik Naukowy, Przegląd Polski.*

5. Предложены кандидаты въ члены Общества: А. И. Деспоть-Зеновичъ, Н. А. Колоколовъ, А. А. Исаевъ, П. И. Новосадскій.

6. П. И. Вейнабергъ прочелъ рефератъ: *Отношеніе Байрона къ историческимъ событіямъ его времени.*

Протоколъ XXXVIII общаго собранія членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 17 марта 1893 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣва присутствовало 11 членовъ.

1. Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго общаго собранія.

2. Г. предсѣдатель заявилъ о смерти члена Историческаго Общества Александра Алексѣевича Кудрявцева. Память покойнаго почтена была присутствующими вставаніемъ.

3. Предложены кандидаты въ члены Историческаго Общества: З. А. Венгерова, Э. А. Волтеръ и А. А. Кондратьевъ.

4. Приступлено къ избранію гг. кандидатовъ, предложенныхъ въ прошлое собраніе въ члены Общества. Всѣ оказались избранными единогласно.

5. Г. предсѣдатель заявилъ, что г. Меліоранскій, по ошибкѣ избранный въ члены Общества въ прошлое собраніе, исключается изъ состава Общества.

6. С. Л. Пташицкій прочелъ рефератъ ¹⁾ о славянскихъ и русскихъ редакціяхъ исторій изъ Римскихъ дѣяній (Gesta Romanorum).

7. В. А. Мякотинъ сдѣлалъ сообщеніе о книгѣ: „Генеральное слѣдствіе о маѣностяхъ въ Черниговскомъ полку“. П. А. Шафрановъ высказалъ нѣсколько замѣчаній по поводу сообщенія г. Мякотина.

Протоколъ XXXIX общаго собранія членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 22 сентября 1893 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 15 членовъ.

1. Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго общаго собранія.

2. Г. предсѣдатель заявилъ, что 26 іюля текущаго года скончались члены Общества: А. С. Гацискій и С. М. Георгіевскій. Собраніе почтимо память усопшихъ вставаніемъ.

3. Г. предсѣдатель заявилъ, что проф. Варшавскаго Университета Новосадскій благодаритъ Общество за избраніе его въ члены.

4. Приступлено къ избранію въ члены Общества кандидатовъ, предложенныхъ въ прошлое общее собраніе. Всѣ оказались избранными единогласно.

5. Предложены кандидатами въ члены Общества: Н. И. Дебольскій и С. А. Шумаковъ.

6. Г. редакторъ „Историческаго Обзорнія“ доложилъ, что посланные Комитетомъ Общества въ Ученый Комитетъ, состоящій при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія—первые пять томовъ Обзорнія рекомендованы Комитетомъ для фундаментальныхъ библіотекъ, что шестой томъ Обзорнія вышелъ и разосланъ членамъ Общества, а седьмой печатается.

7. Г. библіотекаръ Общества доложилъ о вновь поступившихъ въ библіотеку Общества и пожертвованныхъ въ нее книгаль.

8. В. А. Мякотинъ сдѣлалъ сообщеніе объ идеяхъ раскола въ соч. протопопа Аввакума ²⁾. По поводу сообщенія В. А. Мякотина Е. А. Бѣловъ замѣтилъ, что прот. Аввакумъ едвали хорошо знакомъ былъ съ Вѣтхимъ Заѣтовъ и, напротивъ, широко воспользовался апокрифической литературой.

¹⁾ Помѣщенъ въ VI томѣ „Историческаго Обзорнія“.

²⁾ Глава изъ кнѣжки автора о протопопѣ Аввакумѣ въ біографической коллекціи Шавленкова.

Политическіе взгляды Аввакума не отличались ясностью, а Николаю попрекалъ онъ за латинскую ересь для того, чтобы на свою сторону привлечь побольше православныхъ русскихъ. Вслѣдъ затѣмъ Н. И. Марковичъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о значеніи столкновенія между патр. Николомъ и протопопомъ Аввакумомъ.

9. Н. И. Карѣвъ сдѣлалъ сообщеніе о мемуарахъ Токвиля и о книгѣ Лакянта „Un Prussien en France en 1792“.

Протоколъ Общаго XI Собранія членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 20 октября 1893 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣва и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 19 членовъ.

1. Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго Общаго Собранія.
2. Г. Предсѣдатель заявилъ, что 15 числа текущаго мѣсяца Комитетъ Общества послалъ привѣтственную телеграмму Императорскому Обществу любителей естествознанія, антропологии и этнографіи въ Москвѣ по случаю тридцатилѣтія его дѣятельности.
3. Г. Предсѣдатель заявилъ о рѣшеніи Комитета послать поздравительную телеграмму проф. Монизону по случаю пятидесятилѣтія его ученой дѣятельности. Рѣшеніе Комитета было утверждено Общиною Собраніемъ.
4. Доложенъ циркуляръ объ устройствѣ международной выставки въ Мадридѣ въ 1894 г.
5. Предложенъ кандидатомъ въ члены Историческаго Общества—проф. Н. А. Карышевъ.
6. Приступлено къ избранію въ члены Общества кандидатовъ, предложенныхъ въ прошлое Общее Собраніе. Всѣ оказались избранными единогласно.
7. Г. Библіотекарь прочелъ списокъ книгъ, поступившихъ въ бібліотеку Общества за прошлый мѣсяць.
8. Н. И. Карѣвъ сдѣлалъ сообщеніе подъ заглавіемъ: „Изъ новѣйшей литературы по исторіи Наполеона I“.
9. А. С. Лаппо-Данилевскій сдѣлалъ сообщеніе подъ заглавіемъ: „Новая теорія развитія семейныхъ отношеній въ первобытномъ обществѣ“.

Протоколъ XII Общаго Собранія членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 17-го ноября 1893 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣва и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 15 членовъ.

1. Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго Общаго Собранія.

2. Г. Предсѣдатель заявилъ, что недавно скончался одинъ изъ членовъ Историческаго Общества, Д. А. Столыпинъ, и предложилъ почтить память покойнаго вставаніемъ.

3. Доложено постановленіе Комитета Общества объ отправленіи поздравительной телеграммы Киевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ по случаю пятидесятилѣтія ея ученой дѣятельности.

4. Г. Редакторъ „Историческаго Обзорнія“ заявилъ, что въ виду недостаточныхъ денежныхъ средствъ Общества второй книжки „Историческаго Обзорнія“ въ текущемъ году издать не придется¹⁾.

5. Въ силу § 27 Устава приступлено къ избранію членовъ ревизіонной комиссіи. Избранными оказались: А. А. Кауфманъ (9 гол.), Ю. Ю. Цвѣтковскій (6 гол.) и В. И. Семевскій (5 гол.).

6. Приступлено къ избранію Н. А. Карышева, предложеннаго кандидатомъ въ члены Общества на прошлой общенъ собраніи. Н. А. Карышевъ оказался избраннымъ единогласно.

7. Предложены кандидаты въ члены Общества: А. Е. Прѣсняковъ и М. Ю. Поповскій.

8. Н. И. Карѣвъ сдѣлалъ сообщеніе „О новой попыткѣ экономическаго обоснованія исторіи“²⁾.

Протоколъ XLII Общаго Собранія членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 1 декабря 1893 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣва и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 16 членовъ.

1. Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго общаго собранія.

2. Доложено отношеніе отъ г. Попечителя Виленскаго учебнаго округа, въ которой г. Попечитель благодаритъ Историческое Общество за присылку полнаго экземпляра „Историческаго Обзорнія“ и увѣдомляетъ Общество о сдѣланномъ имъ распоряженіи выслать въ бібліотеку Общества изданія Управленія Виленскаго учебнаго округа и Виленской комиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ, вышедшихъ въ свѣтъ до настоящаго времени, а также высылать всѣ другія изданія, которыя будутъ выходить въ свѣтъ.

3. Приступлено къ баллотировкѣ въ члены Общества гг. кандидатовъ, предложенныхъ въ прошлой общенъ собраніи. По баллотировкѣ А. Е. Прѣсняковъ оказался избраннымъ единогласно, а М. Ю. Поповскій—большинствомъ голосовъ.

¹⁾ Печатаніе ея, однако, начато.

²⁾ Рефератъ этотъ помѣщенъ въ январской книжкѣ „Русскаго Богатства“ за 1894 г.

4. Въ силу § 19 Устава Общества взаимъ президентствующаго Обществомъ Н. И. Карѣва, Комитетъ предлагаетъ С. А. Вершадскаго и Н. И. Карѣва, а на мѣсто выбывающихъ по § 20 того же Устава С. Л. Пташицкаго и С. Л. Степанова четырехъ кандидатовъ: П. Д. Погодина, С. Л. Пташицкаго, В. И. Семеновскаго и С. Л. Степанова.

5. **Θ. Ф. Зѣлинскій** прочелъ сообщеніе: „По поводу пятидесятилѣтняго юбилея Моисеена“¹⁾.

6. **К. С. Шварсалонъ** прочелъ сообщеніе: „Объ отношеніи Венеціанской республики къ грекамъ въ XV ст. по поводу постройки греческой церкви св. Георгія“. Рефератъ К. С. Шварсалона возвалъ нѣсколько замѣчаній со стороны С. Л. Степанова, И. М. Гревса и **Θ. Ф. Зѣлинскаго**.

Протоколь XLIII общаго (годового) Собранія членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ 15 денября 1898 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣва и при секретарѣ А. С. Лапшова-Данилевскомъ присутствовалъ 21 членъ.

1. Читанъ и утвержденъ протоколь прошлаго Общаго Собранія.
2. Читанъ отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества за 1898 годъ.
3. Читанъ протоколь ревизіонной Комиссіи.
4. Приступлено къ разсмотрѣнію сѣты прихода и расхода въ предстоящемъ 1894 году. Постановлено: утвердить сѣту, предложенную Комитетомъ Общему Собранію, и установить годовой членскій взносъ въ размѣрѣ 5 руб.
5. Приступлено къ избранію предсѣдателя Общества на слѣдующее четырехлѣтіе въ силу § 19 Устава.—Единогласно избраннымъ оказался Н. И. Карѣвъ.
6. Приступлено къ избранію новыхъ членовъ Комитета взаимъ выбывшихъ въ силу § 20 Устава С. Л. Пташицкаго и С. Л. Степанова. Большинство голосовъ избраны: П. Д. Погодинъ и В. И. Семеновскій. По предложенію г. предсѣдателя Собраніе выразило благодарность выбывшимъ изъ Комитета: С. Л. Пташицкому и С. Л. Степанову за ихъ плодотворную дѣятельность на пользу Общества.
7. Доложено о назначенныхъ Комитетомъ на будущій годъ двухъ, въ которые предложено устроить общія Собранія. Они по прежнему падаютъ на среду: января 26, февраля 23, апрѣля 27, сентября 21, октября 19, ноября 16 и декабря 14.
8. Приступлено къ избранію въ члены Общества кандидатовъ, предло-

¹⁾ Печатается въ VII томѣ „Историческаго Обзорнія“.

женныхъ въ прошломъ Общемъ Собраніи. Всѣ оказались избранными единогласно.

9. Предложенъ кандидатомъ въ члены Общества проф. **Ө. Ө. Зѣлинскій**.

10. Доложены отношенія отъ Киевской Комиссіи для разбора древнихъ актовъ и отъ Комитета Воронежской Публичной библиотеки, въ которыхъ первая благодаритъ Общество за присланную ей поздравительную телеграмму по случаю пятидесятилѣтняго юбилея дѣятельности Комиссіи, а второй выражаетъ Обществу признательность за полученный имъ экземпляръ Историческаго Обзорѣнія.

11. **В. А. Мякотинъ** прочелъ сообщеніе о прикрѣпленіи крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII вѣкѣ. Рефератъ г. Мякотина вызвалъ нѣсколько замѣчаній со стороны **А. С. Лапо-Данилевскаго**, **М. И. Семевского** и **В. Л. Вервиштама**. По иніцію **А. С. Лапо-Данилевскаго**, референтъ, съ одной стороны, недостаточно обратилъ вниманіе на долговременное преобладаніе фактическихъ отношеній между помѣщиками и крестьянами въ Малороссіи, съ другой—не разслѣдовалъ мѣстныхъ экономическихъ условій, повліявшихъ на тотъ, а не другой исходъ подобнаго рода отношеній. **В. И. Семевскій** обратился съ нѣсколькими вопросами къ референту о значеніи Универсала гетмана **Мазепы** и заводской промышленности для развитія крѣпостного права, приписывалъ также вредное вліяніе Польши и Великороссіи на прикрѣпленіе. **В. Л. Вервиштамъ** выразилъ согласіе съ иніціемъ **В. И. Семевского** и указывалъ еще на роль Маллороссійской Коллегіи въ томъ же процессѣ прикрѣпленія.

Отчетъ о состояніи и дѣятельности Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ за 1893 годъ.

Общество вступило въ третій годъ своего существованія въ количествѣ 258 дѣйствительныхъ членовъ и 1 члена соребнователя. Въ теченіе года умерло четыре члена: **А. С. Гацскій**, **А. А. Кудрявцевъ**, **С. М. Георгіевскій** и **Д. А. Столыпинъ** и поступило 18 новыхъ членовъ. Въ Обществѣ такимъ образомъ къ концу отчетнаго года числилось 273 дѣйствительныхъ члена и 1 членъ соребнователь. Въ составѣ Комитета Общества также произошли перемѣны: въ силу § 20 Устава выбыли: **Е. А. Вершадскій** и **Н. А. Мешуткинъ** и на общемъ собраніи 23 декабря 1892 г. избраны были **И. М. Гревсъ** и **В. А. Мякотинъ**. Въ нынѣшнемъ году въ силу того же § 20 Устава выбываютъ: **С. Л. Пташицкій** и **С. Л. Степановъ**.

Средства Общества въ нынѣшнемъ отчетномъ (съ 1 дек. 1892 по 1 дек. 1893) году опредѣляются нижеслѣдующими данными:

П Р И Х О Д Ъ:

А. Остатокъ отъ прошлаго года	705 р. 47 к.
В. Поступленія 1892—1893 гг.:	
1) Членскіе взносы: 119 пятирублевыхъ	595 „ — „
1 сторублевый	100 „ „
Итого.	695 р. — к.
2) Пожертвованія: отъ Е. Н. Щепкиной.	5 р. — к.
отъ С. Ф. Ольденбурга на печатаніе рускаго перевода мемуаровъ г-жи Роландъ въ видѣ приложенія къ Историческому Обозрѣнію	100 „ — „
Итого	105 р. — к.
3) Отъ продажи экземпляровъ Историческаго Обозрѣнія (тт. I—VI)	403 р. — к.
Итого поступленій за 1892—1893 г.	1203 „ — „
Итого поступленій за истекшіи годъ съ остаткомъ.	1906 р. — „

Р А С Х О Д Ъ:

1) На изданіе Историческаго Обозрѣнія:	
Доната за IV т.	571 р. — к.
Печатаніе V тома	602 „ 85 „
Гонораръ А. Н. Браудо	75 „ — „
Итого.	1248 р. 85 к.
2) Почтовые расходы.	126 р. 55 к.
3) Вознагражденіе А. К. Кириллову за писмоводство	60 „ — „
4) Расходы по библиотекѣ Общества:	
Расходы по приобритенію библиотечныхъ книгъ и заказу карточекъ и бланковъ	11 „ 10 „
Вознагражденіе А. К. Кириллову за приведеніе библиотеки въ порядокъ	40 „ — „
Итого	51 р. 10 к.
5) Малкіе расходы.	5 р. — к.
Итого расходовъ въ отчетномъ году	1491 р. 50 к.
Въ остаткѣ къ 1-му декабря 1894 года	416 „ 97 „

Дѣятельность Историческаго Общества въ нынѣшнемъ отчетномъ году состояла въ чтеніи и обсужденіи рефератовъ на Общихъ Собраніяхъ, въ из-

даніи Историческаго Обзорія и въ заботахъ о пополненіи бібліотеки Общества.

Съ 1-го декабря 1892 по 1-е декабря 1893 г. было VIII общій собраній членовъ Общества. Научныя сообщенія, читанныя на этихъ собраніяхъ, сдѣланы были слѣдующими лицами: Н. И. Карѣвымъ: Новый трудъ по исторіи Итальянскаго Гуманизма; С. А. Вершадскимъ: Объ исторической географіи Литвы; П. И. Вейнбергомъ: Отношеніе Байрона къ историческимъ событіямъ его времени; С. Л. Пташицкимъ: О славянскихъ и русскихъ редакціяхъ Исторій изъ Римскихъ дѣяній (*Gesta Romanorum*); В. А. Мякотнымъ: Объ идеяхъ раскола въ сочиненіяхъ протопопа Аввакума; Н. И. Карѣвымъ: Изъ новѣйшей литературы по исторіи Наполеона I; А. С. Лапо-Давилевскимъ: Новая теорія развитія семейныхъ отношеній въ первобытномъ обществѣ; Н. И. Карѣвымъ: О новой попыткѣ экономическаго обоснованія исторіи; Ѳ. Ф. Зѣлинскимъ: По поводу пятидесятилѣтняго юбилея проф. Моммзена; К. С. Шварсалопомъ: Объ отношеніи Венеціанской республики къ грекамъ въ XV вѣкѣ по поводу постройки Греческой церкви св. Георгія. Кромя рефератовъ, читаны были сообщенія о новыхъ книгахъ: С. Л. Степановымъ о соч. *Fustel de Coulanges'a*: „*Nouvelles recherches sur quelques problemes d'histoire*“, П. И. Карѣвымъ о мемуарахъ Токвиля и книгѣ Лакіанта и В. А. Мякотнымъ объ изданіи: Генеральное слѣдствіе о маѣностяхъ въ Черниговскомъ полку.

Изданіе Историческаго Обзорія въ отчетномъ году продолжалось по привычкѣ прежнихъ лѣтъ. Въ виду, однако, числившихся за Обществомъ доплатъ по изданію V и VI томовъ Обзорія и недостаточности наличныхъ денежныхъ средствъ Общества, Комитету пришлось приостановить изданіе седьмого тома Обзорія, частью уже напечатаннаго, до будущаго года.

Въ бібліотекѣ Общества къ 1-му декабря 1892 г. числилось: а) книгъ, брошюръ и оттисковъ 359 названій въ 505 томахъ и в) 20 названій періодическихъ изданій. Въ отчетномъ году составъ бібліотеки продолжалъ пополняться, благодаря пожертвованіямъ частныхъ лицъ и учреждений, а также взаимному обмѣну, въ который Общество вступило съ разными учрежденіями и редакціями. Пожертвованія сдѣланы были слѣдующими лицами и учрежденіями: гг. Вузескудомъ, Вязигинымъ, Житоцкимъ, Карѣвымъ, Котляревскимъ, г-жею Лихачевой, г. Любавскимъ, Пирлягомъ, Пташицкимъ, Палачекомъ, Салуновымъ, Столыпиннымъ, г-жею Щепкиной, Цвѣтницкимъ и Эвальдомъ, Комитетомъ по устройству Географической выставки въ Москвѣ, Государственной канцеляріей, Комиссіей по празднованію юбилея высокопреосвященнаго Макарія архіепископа Донскаго, г. попечителемъ Виленскаго учебнаго округа, Саратовскимъ обществомъ вспоможенія нуждающимся литераторамъ, Обществами: Исторіи и древностей Россійскихъ въ Москвѣ, — г-тописца Нестора, — Исторіи, Археологій и Этнографіи при Казанскомъ университетѣ, Харьковскимъ Историко-филологическимъ, Западно-Сибирскимъ отдѣломъ Географическаго общества, *Towarzystwo*мъ *Przyjaciół Nauk* въ Познани, *Towarzystwo*

stw'omъ historyczn'ymъ во Львовѣ, Таврической ученой архивной комиссiей; въ обнѣтъ на свое изданiе Общество вступило съ университетами: Варшавскимъ, Казанскимъ, Киевскимъ, Московскимъ, Новороссiйскимъ, Харьковскимъ и Историко-филологическимъ институтомъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, которые прислали выпускаемыя ими записки. Обнѣтъ на изданiя Общества происходитъ также съ редакциями: русскими (Живой Старины, Киевской Старины, Сѣвернаго Вѣстника, Энциклопедiи военныхъ наукъ и Этнографическаго Обзорѣнiя) и иностранными (Ateneum, Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, Muzeum, Przewodnik naukowy, Przegląd Polski, Przegląd Powzszeczny, Ceskilid.). Такииъ образомъ въ отчетномъ году въ библиотеку Общества поступило: а) книгъ и брошюръ 69 названiй въ 156 томахъ и в) периодическихъ изданiй 30 названiй. Всѣиъ книгамъ и периодическимъ изданiямъ составлена инвентарная и алфавитная опись, а также карточныиъ каталогъ.

Протоколъ ревизионной комиссiи.

С.-Петербургъ, 10 декабря 1893 г. Рассмотрѣвъ отчетъ казначеиъ и провѣривъ наличныя деньги, книги и документы, ревизионная комиссiя нашла все въ полнѣйшемъ порядкѣ и безукоризненной исправности, за исключенiемъ двухъ неточныхъ записей въ приходорасходной книгѣ (по квитанции № $\frac{178-187}{8}$ и $\frac{135-140}{2}$), которыя были тутъ же исправлены. Но вѣстѣ съ тѣиъ комиссiя не могла не обратить вниманiя на то, что уменьшенiе членскихъ взносовъ, отнѣченное еще ревизионною комиссiею прошлаго года, продолжаетъ идти прогрессивно: вѣсто 836 рублей, поступившихъ въ прошломъ году, въ отчетномъ году поступило всего 690 рублей. Комиссiя полагала бы желательнымъ принятiе болѣе активныхъ мѣръ для собиранiя членскихъ взносовъ; такою мѣрою, по принѣру другихъ обществъ, могло бы служить собиранiе взносовъ, къ концу каждаго года, черезъ посильнаго.

Въ виду того, дагѣе, что недостаточность средствъ ведетъ къ ослабленiю издательской дѣятельности Общества, комиссiя находила бы возможнымъ предложить Обществу Собранiю установить на будущiй 1894 г. членскiй взносъ въ разнѣрѣ, повышенномъ до 6 рублей.

Дѣлонпроизводство секретаря оказалось въ отличномъ порядкѣ. Комиссiя полагала бы полезнымъ на будущее время отнѣчать въ протоколахъ, кто именно изъ членовъ комитета присутствовалъ въ общихъ собиранiяхъ.

Обревизовавъ библиотеку, комиссiя нашла ее въ полномъ порядкѣ; въ отчетномъ году заведены инвентаръ, алфавитныиъ списокъ и каталогъ, чтѣиъ и оправдывается сравнительно крупныиъ единовременныиъ расходъ въ 40 ру-

блей. Въ отчетномъ же году установленъ вполне удобный для членовъ порядокъ пользованія библіотекой.

Въ виду всего этого, коммиссія предлагаетъ общему собранію выразить благодарность Комитету Общества за его усердную и полезную дѣятельность. Виѣстѣ съ тѣмъ, по иниціативѣ В. И. Семейскаго, коммиссія предлагаетъ выразить особенную признательность предсѣдателю Общества, Николаю Ивановичу Карѣву, за его неутомимую и плодотворную дѣятельность по редактированію „Историческаго Обзорнія“.

А. Кауфманъ.

В. Семейскій.

Ю. Цвѣтковскій.

Смѣта прихода и расхода на 189²/₄ годъ.

ПРИХОДЪ:

Остатокъ отъ 189 ² / ₂ г.	421 р. 97 к.
Членскіе взносы	600 „ — „
Отъ продажи экземпляровъ Историческаго Обзорнія	400 „ — „
Итого —————	1421 р. 97 к.

РАСХОДЪ:

Печатаніе VI-го тома „Историческаго Обзорнія“	656 р. 50 к.
„ VII-го „ „ „ „ „	500 „ — „
Почтовые и мелкіе расходы	125 „ — „
Вознагражденіе за писмоводство	60 „ — „
Итого —————	1341 р. 50 к.
Остатокъ.	80 р. 47 к.

Составъ Комитета Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ за 1894 годъ.

Предсѣдатель *Н. И. Карѣвъ* (В. О., 10 л., д. 9). — Товарищъ предсѣдателя *Г. В. Форстенъ* (М. Итальянская, 41). — Секретарь *А. С. Лаппо-Данилевскій* (В. О. Вольшой просп., д. 4). — Казначей *И. Д. Погодинъ* (В. Конюшенная, д. 1). — Библіотекаръ *В. А. Мякотинъ*. (Коломенская, 15). — Члены Комитета *И. М. Гревсъ* (В. О., 2 л., д. 11) и *В. И. Семейскій* (В. О., 2 л., д. 11).

Изданію Историческаго Общества при Императорскомъ
С.-Петербургскомъ Университетѣ.

ЛИЧНЫЕ
МЕМОАРЫ

Г-жи Ролантъ.

~~~~~

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Н. Г. Вернадской.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28,
1893.

Печатается по постановленію Комитета Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ. Сиб. 20 декабря 1893 г.

Предсѣдатель *Н. Кареевъ*.

Дорогой памяти

АЛЕКСАНДРЫ ПАВЛОВНЫ

РЛЬДЕНБУРГЪ.

Посвящаетъ свой трудъ

переводчица.

Переводъ сдѣланъ по наиболѣе полному изданію
Добана: «Mémoires de madame Roland. Seule édition
entièrement conforme au manuscrit autographe, transmis en
1858 par un legs à la Bibliothèque Impériale, publiée avec
des notes par C. A. Dauban. Ouvrage orné du portrait de
madame Roland, gravé par Adrien Nargeot et enrichi du
fac-similé de fragments du manuscrit autographe de madame
Roland». Paris, Henri Plon, 1864.

H. B.

или усовершенствованію: это одинаково справедливо какъ относительно нравственной, такъ и физической ея природы. Исправность организма, равновѣсіе настроеній образуютъ собой здоровье; здоровая пища, умѣренное движеніе поддерживаютъ его. Соразмѣрность желаній, гармонія страстей опредѣляютъ нравственный характеръ, который лишь силой своей мудрости способенъ обезпечить себѣ превосходство и долговѣчность. Эти основные принципы основываются на интересахъ самой личности; и въ этомъ отношеніи правильно будетъ сказать, что добродѣтель — ничто иное, какъ вѣрность мысли, осуществленная въ нравахъ. Но добродѣтель въ собственномъ смыслѣ, начинается лишь въ отношеніяхъ человѣка къ его ближнимъ; человѣкъ мудръ для себя и добродѣтеленъ съ другими. Въ обществѣ все становится относительнымъ; тамъ уже не существуетъ независимаго счастья, приходится жертвовать частью того, чѣмъ можно было бы обладать, чтобы не подвергнуться риску потерять его совсѣмъ и обезпечить себѣ сохраненіе доброй его части впѣ всякой опасности. Здѣсь самый расчетъ говорить въ пользу разума; какъ бы ни была тяжела жизнь порядочныхъ людей, она менѣе тяжела, чѣмъ жизнь дурныхъ. Дѣйствуя противъ интересовъ большинства, рѣдко наслаждаешься спокойствіемъ; при такомъ поведеніи невозможно скрыть отъ себя, что васъ окружаютъ враги, или люди готовые сдѣлаться таковыми; и подобное положеніе всегда тяжело, какъ бы оно ни было лестно по внѣшности своей. Къ этимъ соображеніямъ прибавьте высокій инстинктъ, который испорченность можетъ сбить съ пути, но никакая ложная философія не способна убить, и который побуждаетъ насъ любить мудрость и великодушіе и восхищаться ими въ поступкахъ также, какъ симетріей и величіемъ въ природѣ и искусствахъ ¹⁾, — и въ этомъ кроется источникъ людскихъ добродѣтелей, вполне независимыхъ отъ всякихъ религіозныхъ системъ, нелѣпныхъ мечтаній метафизики и обмановъ священниковъ. Какъ только эти истины для меня вполне выяснились, я съ радостью вздохнула; онѣ обезпечивали мнѣ пристань на время бурь, и я съ меньшей душевной тоской могла теперь изслѣдовать заблужденія, вравшіяся въ вѣру народовъ и общественныя учрежденія. Прекрасная идея о Богѣ Создателѣ, Провидѣніе котораго печется о мірѣ, о духовности души, ея безсмертіи, этой утѣшительной на-

---

¹⁾ Я пишу это 4-го сентября, въ 11 часовъ вечера, подъ звуки смѣха, раздавагоса въ сосѣдней комнатѣ. Актрисы Théâtre-Français, арестованныхъ наканунѣ и заключенныхъ въ S-te Pélagie, сегодня отвозили къ нимъ на домъ для снятія печатей и вновь водворили въ тюрьму, гдѣ полицейскій чиновникъ ужинаетъ и веселится виѣсть съ ними. Ужинъ веселъ и шуменъ; раздаются игривыя словечки и пѣются иностранныя вина. Мѣсто, предметы, люди, образуютъ контрастъ съ моимъ занятіемъ, который мнѣ кажется пикантнымъ.

деждѣ гонимой добродѣтели, неужели все это лишь привлекательные и блестящіе призраки воображенія?!.. Какимъ мракомъ окутаны эти трудные вопросы! Какое великое множество возраженій, когда желаешь обсудить ихъ съ математической точностью!—Нѣтъ, человѣческому уму не дано увидѣть ихъ при яркомъ свѣтѣ совершенной очевидности; но какое дѣло чувствительной душѣ до того, что она не можетъ доказать ихъ? не достаточно ли для нее ихъ чувствовать?..

Въ тиши кабинета и въ пылу сухого спора я соглашаюсь съ атеистомъ или матеріалистомъ въ томъ, что нѣкоторые вопросы неразрѣшны; но среди полей и созерцанія природы, мое взволнованное сердце возносится къ животворящему принципу, одухотворяющему ихъ, къ разуму, руководящему ими, къ благодати, благодаря которой я чувствую въ нихъ столько прелестей; когда обширныя моря лежатъ между мной и тѣмъ, что я люблю, когда всѣ общественныя бѣдствія одновременно рушатся на насъ, какъ бы карая за то, что мы желали величайшаго общественнаго счастья, я вижу за предѣлами жизни награду за наши жертвы и счастье вновь соединиться. Какъ? какимъ образомъ? я этого не знаю; я только чувствую, что такъ должно быть.

Атеистъ въ моихъ глазахъ—не извращенный умъ; я также хорошо могу жить съ нимъ, какъ и съ ханжой, и даже лучше, такъ какъ атеистъ больше разсуждаетъ; но ему недостаетъ одного чувства, и моя душа не вполне сливается съ его душой; самое очаровательное зрѣлище оставляетъ его холоднымъ, и онъ ничетъ силлогизмовъ, въ то время, какъ я возношу хвалу.

Меня не сразу охватило подобное твердое и мирное расположеніе духа, въ которомъ, наслаждаясь раскрывшимися передо мной истинами, довѣрчиво отдавшись счастливымъ чувствамъ, я примирилась съ незнаемъ того, чего не могу знать, не заботясь никогда о томъ, что думаютъ другіе. Я въ немногихъ словахъ намѣчаю результатъ нѣсколькихъ лѣтъ размышленій и занятій, въ теченіе коихъ я по временамъ раздѣляла требовательность деистовъ, суровость атеистовъ, безразличіе скептиковъ; но всегда дѣлала это искренно, потому что для меня не было надобности смѣнять религію ради разнузданія нравовъ: мои правила относительно этого предмета были твердо установлены внѣ зависимости отъ всевозможныхъ предразсудковъ. Я тревожилась сомнѣніями, но не мучилась страхомъ, я исполняла обряды установленнаго вѣльца, потому что это являлось моею обязанностью благодаря моему возрасту, моему полу, моему положенію. Неспособная обманывать, я говорила аббату Морелю: „Я прихожу на исповѣдь, чтобы подавать этимъ примѣръ моимъ близкимъ и не тревожить мою мать; но я право не знаю, въ чемъ могу себя обвинить; мое настроеніе столь безмятежно и мои вкусы столь скромны, что моя совѣсть ни въ чемъ не упрекаетъ меня, хотя за-

слуга моя и не велика въ томъ, что я поступаю хорошо. Меня впрочемъ иногда слишкомъ занимаетъ желаніе нравиться, и я предаюсь вспышкамъ слишкомъ горячаго раздраженія противъ моей прислуги или всякой другой, когда что-нибудь не ладится. Я также, можетъ быть, недостаточно снисходительна въ своихъ сужденіяхъ и слишкомъ легко поддаюсь чувствамъ антипатіи къ людямъ, которіе мнѣ кажутся глупыми или скучными, хотя и не показываю этого; я хочу сдерживаться въ этомъ отношеніи. Я наконецъ слишкомъ расхлябанно и холодно исполняю религіозные обряды: я согласна съ тѣмъ, что слѣдуетъ относиться со вниманіемъ ко всему, что считаешь полезнымъ дѣлать, по какой-бы то ни было причинѣ. Добрый аббатъ Морель, истощивъ свою бібліотеку и риторику, чтобы спасти мою вѣру, благоразумно примирился съ моею умѣренностью; онъ убѣждалъ меня остерегаться внушеній гордости, изъ всѣхъ силъ старался изобразить сладости религіи, мудро отпускалъ мнѣ мои грѣхи и былъ доволенъ тѣмъ, что я по 2 или 3 раза въ годъ причащалась, изъ философской терпимости, такъ какъ это уже не было дѣломъ вѣры. Когда я отправлялась вкушать божественную пищу, я размышляла надъ словами Цицерона, что послѣ всѣхъ безумствъ людей по отношенію къ Божеству имъ только оставалось превратить его въ пищу, чтобы съѣсть его. Моя мать со всякимъ днемъ становилась набожнѣе, а это еще болѣе лишало меня возможности уклониться отъ обыкновенныхъ обрядовъ: меня ничто такъ не пугало, какъ опасеніе огорчить ее. Аббатъ Ле-Гранъ, другъ аббата Вимонъ, иногда навѣщалъ ее; это былъ человѣкъ большого ума, въ которомъ одно одѣяніе—и то достаточно стѣснявшее его—изобличало его духовное званіе. Семья его сдѣлала изъ него священника, потому что нужно же было изъ трехъ братьевъ хоть одного опредѣлить въ духовное званіе; онъ былъ духовникомъ князя де-Ламбаль, получилъ послѣ смерти послѣдняго пенсію отъ Пентьевра и основался въ одномъ приходѣ, чтобы имѣть гдѣ-нибудь пристанище; мѣсто онъ выбралъ поближе отъ своего друга для того, чтобы имѣть удовольствіе его видѣть. Онъ страдалъ слабостью зрѣнія и ослѣпъ въ очень молодыхъ годахъ; это обстоятельство усилило его склонность къ размышленію и сдѣлало его чрезвычайно мечтательнымъ. Онъ любилъ разговаривать со мной и часто приносилъ мнѣ книги; это большей частью были философскія сочиненія, принципы которыхъ онъ обсуждалъ очень свободно. Моя мать никогда не спорила; я не смѣла доводить вещи до крайности; но она все же не препятствовала мнѣ читать и не порицала подобнаго выбора книгъ. Одинъ женевецъ, часовщикъ, находившійся въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ моимъ отцомъ, добрякъ, всегда хранившій какую-нибудь книжку среди своихъ ин-

струментовъ и нѣвѣшій довольно хорошую бібліотеку, которую онъ зналъ такъ, какъ не знають своихъ бібліотекъ многіе вельможи, предложилъ мнѣ пользоваться этимъ маленькимъ сокровищемъ въ моемъ вкусѣ, и я воспользовалась его любезностью. Этотъ добрый г-нъ Морэ отличался здравымъ умомъ и разсуждалъ не только о своемъ искусствѣ, но и о морали и политикѣ; онъ затруднился въ выраженіяхъ и говорилъ такъ медленно, что я еле сдерживала свое нетерпѣніе; но за то онъ, подобно многимъ своимъ соотечественникамъ, отличался той основательностью ума, которая заставляетъ прощать недостатки привлекательности. Это онъ далъ мнѣ Бюфона и много другихъ произведеній; я упоминаю объ Бюфонѣ, чтобы напомнить то, что я говорила выше объ осторожности, съ какою его читала; философія, развивъ силу моей души и придавъ смѣлость уму, ничуть не уменьшила деликатности чувствъ и щепетильности моего воображенія, съ которымъ мнѣ столько приходилось бороться. Я занималась сперва нѣкоторое время физикой, затѣмъ математикой; Нолла, Реомюръ, Бонна, которые мечтаютъ въ то время, какъ другіе описываютъ, заинтересовали меня въ свою очередь, также, какъ Мопертюи, который постоянно жалуется, даже въ то время, какъ описываетъ удовольствія улитокъ: наконецъ Риваръ внушилъ мнѣ желаніе сдѣлаться геометромъ. Геренъ, мраморщикъ и землемѣръ, человѣкъ мудрый и кроткій въ своемъ простосердечіи, явившись однажды къ моему отцу, чтобы побесѣдовать съ нимъ, засталъ меня до такой степени поглощенной *in quarto* Ривара, что я не замѣтила его прихода. Онъ вступилъ со мной въ разговоръ, и сказалъ мнѣ, что „основныя начала“ Клеро были бы гораздо полезнѣе для полученія понятій, которыя я желала имѣть. Онъ принесъ мнѣ на слѣдующій день экземпляръ, которымъ располагалъ. Въ немъ я дѣйствительно нашла простое изложеніе основныхъ принциповъ, и разсчитавъ, что сочиненіе это было для меня полезно и что мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ неудобно было лишать собственника пользованія имъ на то продолжительное время которое мнѣ-бы хотѣлось его продержать у себя, я просто-на-просто рѣшила списать его отъ доски до доски, включая сюда и 6 таблицъ. Мнѣ всегда становится смѣшно при воспоминаніи объ этой операціи. Всякая другая на моемъ мѣстѣ пожелала-бы пріобрѣсти это сочиненіе; мнѣ эта мысль не пришла даже въ голову; мысль же списать его возникла также естественно, какъ могло бы возникнуть рѣшеніе срисовать узоръ, и была почти также скоро приведена въ исполненіе; это былъ маленький *in-octavo*. Среди моихъ бумагъ, вѣроятно, еще хранится эта забавная рукопись. Геометрія такъ заинтересовала меня, что мнѣ уже не нужно было алгебры; сухость этой послѣдней отбила у меня охоту заниматься ею, какъ только я изучила уравненія

1-й степени; я бросила за бортъ умноженіе дробей и рѣшила что лучше читать хорошіе стихи, чѣмъ изсѣкать надъ корнями. Г-нъ Роланъ, укаживая за мной нѣсколько лѣтъ спустя, тщетно пытался вновь пробудить это старинное увлеченіе; мы дѣлали много вычисленій; но выводъ посредствомъ икса никогда не увлекалъ меня настолько, чтобы надолго овладѣть моимъ вниманіемъ.

5-го сентября.

Я разрѣзываю тетрадь, чтобы вложить въ маленькій ящикъ то, что написала; когда я вижу, что издаются указы объ образованіи революціонной арміи, возникаютъ новые кровавые трибуналы, угрожаютъ голодъ, и тираны доведены до послѣдней крайности, — то я говорю себѣ, что они создадутъ новыя жертвы, и что никто не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что переживетъ еще 24 часа.

Переписка съ Софьей всегда была однимъ изъ самыхъ большихъ моихъ удовольствій; узы нашей дружбы стали еще тѣснѣе во время путешествій, которыя она нѣсколько разъ предпринимала въ Парижъ. Мое любящее сердце нуждалось, не скажу — въ химерѣ, но въ предметѣ особаго довѣрія и общенія; дружба давала мнѣ ихъ, я отдавалась ей съ наслажденіемъ. Мои отношенія къ матери, какъ они ни были нѣжны, не могли мнѣ замѣнить этой привязанности; они сохраняли характеръ серьезности, обусловливаемой съ одной стороны уваженіемъ, съ другой авторитетомъ. Моя мать могла все знать, я ничего не скрывала отъ нея; но я не могла ей всего сказать: матери дѣлаютъ признаніе, по свою довѣренность дарятъ лишь равнымъ.

Поэтому, хотя мать моя и не просила, чтобы я ей давала читать письма свои къ Софьѣ, она была очень довольна тѣмъ, что я ей ихъ показывала, и сдѣлка, придуманная нами по этому случаю, была очень забавна; мы пришли къ безмолвному соглашенію. Когда я получала извѣстія отъ своего друга, приходившія аккуратно всякую недѣлю, я прочитывала нѣсколько фразъ изъ ея письма, но не давала его читать. Когда я писала ей, я въ теченіе одного дня оставляла свое письмо на своемъ столѣ распечатаннымъ, но уже сложеннымъ въ конвертъ, на которомъ былъ надписанъ адресъ: моя мать всегда пользовалась свободной минутой, чтобы просмотрѣть его, что ей рѣдко случалось дѣлать въ моемъ присутствіи, и въ послѣднемъ случаѣ я всегда придумывала какой нибудь предлогъ чтобы удалиться; прочитывала ли она письмо или нѣтъ, — по истеченіи положеннаго нами определеннаго срока я занечатывала свое письмо, иногда предварительно сдѣлавъ *post-scriptum*. Ей никогда не случалось заговаривать со мной по поводу прочитаннаго ею такимъ образомъ, но я пользовалась этимъ

случаемъ, чтобы знакомить ее со всѣми тѣми, что мнѣ хотѣлось, чтобы ей было извѣстно относительно моихъ наклонностей, вкусовъ, взглядовъ; я излагала ихъ со смѣлостью, которую не рѣшилась бы имѣть въ разговорѣ съ ней. Мои письма отъ этого не становились менѣе откровенны, такъ какъ я чувствовала, что имѣю право быть откровенной, и что другіе не могутъ на это претендовать. Мнѣ часто послѣ приходило въ голову, что будь я на мѣстѣ своей матери, мнѣ-бы захотѣлось стать во исполнѣ дружескія отношенія со своей дочерью, и если я о чемъ сожалѣю теперь, такъ только о томъ, что моя дочь не походитъ на меня; мы бы шли рядомъ, какъ товарищи, и я была бы счастлива. Но при большой добротѣ, въ моей матери была какая-то холодность, она была болѣе умна, нежели чувствительна, болѣе осторожна, нежели любяща. Она, можетъ быть, также замѣчала, что во мнѣ былъ полетъ, который долженъ былъ повести меня дальше, чѣмъ ее; ея обращеніе не вызывало принужденности, но исключало всякую фамильярность. Она не была ласкова, хотя глаза ея дышали нѣжностью и были обыкновенно устремлены на меня; я чувствовала ея душу, она проникала въ мою; но ея сдержанность также побуждала и меня къ сдержанности, которой иначе у меня не было бы въ отношеніяхъ съ ней; казалось, будто разстояніе, отдѣлявшее насъ друга отъ друга, выросло съ тѣхъ поръ, какъ я вышла изъ дѣтскаго возраста. Въ моей матери была какая-то важность, правда трогательная, но все же это была важность; она подавляла порывы моей страстной души, и я поняла всю силу моей привязанности къ ней лишь по тому отчаянію и изступленію, въ какія повергла меня ея утрата.

Наши дни протекали среди чарующей тишины; я посвящала болѣшую часть своего времени своимъ одинокимъ занятіямъ, я вся переносилась въ древность, исторію и искусства которой я изучала, взгляды и ученія которой я изслѣдовала. Утренняя месса, нѣсколько часовъ совмѣстнаго чтенія, обѣды и выѣзды были единственнымъ временемъ, который мы проводили вмѣстѣ съ моею матерью. Мы рѣдко выѣзжали изъ дому; а когда приходили гости, которыхъ я не любила, я отлично умѣла не выходить изъ своего маленькаго кабинета, и моя добрая мать никогда не вызывала меня оттуда, чтобы не сдѣлать мнѣ непріятности. Всѣ воскресные и праздничные дни мы посвящали прогулкамъ; иногда мы уходили очень далеко, и въ скоромъ времени стали это дѣлать почти постоянно, благодаря предпочтенію, которое я оказывала деревнѣ передъ разукрашенными садами столицы. Удовольствіе появляться иногда на общественныхъ гуляньяхъ не оставляло меня равнодушной; они въ то время представляли очень блестящее зрѣлище, и на долю молодежи всегда выпадала при этомъ пріятная роль. Вѣшная привлекательность по-

стоянно вызывала къ себѣ поклоненіе, котораго всегда жаждетъ сердце молодой дѣвушки и котораго она не могла бы скрыть отъ себя изъ скромности. Но это удовольствіе не удовлетворяло меня; послѣ этихъ прогулокъ, во время которыхъ мое самолюбіе, чрезвычайно возбужденное, ловило все, что могло выставить меня въ выгодномъ видѣ, и увѣрить меня, что я не даромъ истратила свое время, я всегда ощущала невыносимую пустоту, безпокойство и отвращеніе, слишкомъ дорогой цѣной искупавшія удовольствіе, доставляемое тщеславіемъ. Я привыкла размышлять, отдавать себѣ отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ, вслѣдствіе чего я мучительно изслѣдовала причину такого тягостнаго чувства и пускала въ ходъ всю свою философію.

Неужели лишь для того, чтобы ласкать взоры подобно цвѣтамъ въ налсаднякахъ и получать нѣсколько суетныхъ комплиментовъ, въ женщинахъ воспитываютъ добродѣтели и развиваютъ таланты? — Чѣмъ объяснить эту страсть къ удовольствію, поглощающую меня и не дѣлающую меня счастливой даже тогда, когда она повидимому удовлетворена? Какое мнѣ дѣло до любопытныхъ взглядовъ, до комплиментовъ, шепотомъ раздающихся въ незнакомой мнѣ толпѣ, можетъ быть состоящей изъ людей, которые бы оказались недостойными моего уваженія, если бы я ихъ узнала? Неужели я для того родилась на свѣтъ, чтобы тратить свою жизнь на суетныя заботы или бурныя чувства? — Ахъ, безъ сомнѣнія, мое назначеніе лучше этого; восторгъ, воспламеняющій меня къ всему, что красиво, мудро, велико и благородно, доказываетъ мнѣ, что я призвана осуществлять все это въ жизни; высокія и восхитительныя обязанности супруги и матери выпадутъ когда-нибудь на мою долю: я должна употребить свои молодые годы на то, чтобы сдѣлаться способной исполнять ихъ. Я должна изучить ихъ значеніе, должна, обуздывая свои чувства, научиться въ будущемъ управлять чувствами своихъ дѣтей; я должна своей привычкой къ самообладанію, заботой о развитіи своего ума обезпечить счастье самаго милаго на свѣтѣ общества, осчастливить человѣка, который окажется достойнымъ моей любви, озарить все то, что насъ будетъ окружать, счастьемъ, которое я ему дамъ и которое всецѣло явится моимъ созданіемъ. Грудь моя волновалась отъ этихъ мыслей; тревога, волненіе, умиленіе, заставлявшія меня проливать обильныя слезы, охватывали мое сердце; оно тогда возносилось къ Высшему Разуму, этой основной причинѣ, этому провидѣнію, какъ знать? къ этому принципу чувства и мысли, познать и вѣрить въ который для него было необходимо. О ты, который бросилъ меня на землю, сдѣлай, чтобы я исполнила на ней свое назначеніе способомъ, наиболѣе согласнымъ съ твоей святой волей и наиболѣе дѣйствительнымъ для блага моихъ братьевъ!—Эта наивная мо-

литва, простосердечная, какъ сердце подсказавшее ее, стала моею единственною молитвою; въ разсужденія философіи, ни какія бы то ни было заблужденія никогда не могли иссушить ея источника. Среди вихря свѣта и въ глубинѣ тюрмы я произносила ее, также цѣльно отдаваясь своему чувству: я съ восторгомъ твердила ее при блестящихъ обстоятельствахъ своей жизни, я съ покорностью повторяю ее въ оковахъ; въ счастье я отъ всей души желала охранить себя отъ всякой привязанности, которая не была бы на высотѣ моего назначенія; я старалась при несчастіи поддержать силу, необходимую, чтобы вынести испытанія, которымъ я подверглась. Я была увѣрена, что въ мірѣ есть событія, которыхъ человѣческій умъ не можетъ предотвратить; убѣждена, что самыя несчастныя событія не могутъ удручить здоровую душу; что наконецъ внутренній міръ, покорность неизбѣжному представляютъ основаніе счастья и образуютъ настоящую независимость мудреца и героя. Деревня давала мнѣ впечатлѣнія гораздо болѣе гармонизировавшія съ моими мечтательными привычками, моимъ сосредоточеннымъ, нѣжнымъ и меланхолическимъ настроеніемъ, которое во мнѣ укрѣплялось размышленіемъ и развитіемъ любящаго сердца. Мы часто ходили въ Медонъ, это было моею любимой прогулкою; я предпочитала его дикіе лѣса, его уединенныя пруды, его еловыя аллеи, его высокоствольныя деревья наѣзженнымъ дорогамъ, однообразнымъ порослямъ Булонскаго лѣса, декораціямъ Вельвю, прилианнымъ аллеямъ Сень-Клу. — „Куда мы пойдемъ завтра, если будетъ хорошая погода“, улыбаясь говаривала мой отецъ въ лѣтніе вечера по субботамъ: — „Въ Сень-Клу? Фонтаны будутъ пущены, тамъ будетъ много народу. — Ахъ, папа, ести бы вы согласились пойти въ Медонъ, я бы гораздо больше была рада“. Въ 5 часовъ утра, въ воскресенье, всѣ уже были на ногахъ; легкое, свѣжее, очень простое платье, нѣсколько цвѣтовъ, газовая вуаль возвѣщали о планахъ на этотъ день. Оды Руссо, томъ Корнеля или что-либо другое, составляли весь мой багажъ. Мы отправлялись всѣ трое; шли къ Pont-Royal, который я видѣла изъ своего окна, и здѣсь сѣли въ маленькую лодку, привозившую насъ послѣ тихаго, пріятнаго и быстраго плаванія къ берегамъ Вельвю, неподалеку отъ стекляннаго завода, густой и черной дымъ котораго замѣчался на большомъ разстояніи. Тамъ, по крутымъ тропинкамъ, мы добирались до Медоновской аллеи: пройдя около двухъ третей ея, на правой сторонѣ и на небольшомъ возвышеніи мы замѣтили маленькій домикъ, сдѣлавшійся одной изъ нашихъ стоянокъ. Это былъ домъ одной молочницы, вдовы, жившей тамъ съ двумя коровами и нѣсколькими курицами. Такъ какъ нужно было сѣшнить, чтобы воспользоваться часами дня для прогулки, мы рѣшили, что домъ этотъ

будетъ служить намъ мѣстомъ отдыха на обратномъ пути, и что хозяйка намъ дастъ миску парного молока. Этотъ порядокъ былъ установленъ такимъ образомъ, что всякій разъ, какъ мы поднимались по аллеѣ, мы заходили къ молочницѣ, чтобы ее предупредить, что мы явимся къ ней вечеромъ или на слѣдующій день, и чтобы напомнить ей о мискѣ съ молокомъ.

Эта добрая старуха очень привѣтливо принимала насъ; завтракъ, приправленный небольшимъ количествомъ чернаго хлѣба и очень веселымъ настроеніемъ духа, всегда имѣлъ видъ маленькаго праздника, послѣ котораго въ карманѣ молочницы всякій разъ оставалось нѣкоторое о немъ воспоминаніе. Обѣдали мы у одного изъ привратниковъ парка; мое желаніе удалиться отъ людныхъ мѣстъ заставило насъ отыскать уединенное мѣстечко, вполне подходившее къ нашимъ вкусамъ. Въ одинъ прекрасный день, послѣ того, какъ мы долго ходили по незнакомой части лѣса, мы вышли въ уединенное мѣсто, очень открытое, съ принявшей къ нему аллеей большихъ деревьевъ, подъ которыми рѣдко встрѣчались гуляющіе; нѣсколько другихъ деревьевъ, разбросанныхъ по прелестной дужайкѣ, такъ сказать, скрывали маленькій двухъ-этажный домикъ, очень чисто выстроенный.— Что это такое?—Двое хорошенькихъ дѣтей играли передъ раскрытой дверью; они не имѣли городского вида, но на нихъ не лежалъ и отпечатокъ нищеты, столь обычной въ деревняхъ. Мы подошли и увидѣли на лѣвой сторонѣ огородъ, въ которомъ работалъ старикъ. Войти, поговорить съ нимъ, было дѣломъ одной минуты; мы узнали, что эта мѣстность называлась Villebonne; что тотъ, кто въ ней жилъ, былъ водопроводчикомъ въ Moulin Rouge, обязанный слѣдить за содержаніемъ въ порядкѣ канавъ, черезъ которыя была проведена вода въ нѣкоторыя части парка; что ничтожное жалованіе, получаемое на этой должности, частью поддерживало молодую семью, дѣтей которой мы видимъ передъ собой и которымъ онъ, старикъ, приходился дѣдушкой: что заботы о семьѣ падали на жену, между тѣмъ, какъ онъ обрабатывалъ этотъ огородъ, продукты котораго сынъ его въ минуты досуга ходилъ продавать въ городъ. Садъ былъ длиннымъ четырехугольникомъ, раздѣленный на 4 части, вокругъ которыхъ была проложена довольно широкая аллея; посрединѣ былъ расположенъ бассейнъ, поставлявшій воду для поливки; въ глубинѣ — ниша тисовыхъ деревьевъ, подъ которыми находилась большая каменная скамья, позволявшая отдыхать въ тѣни. Цвѣты, перешипавные съ овощами, придавали огороду веселый и привлекательный видъ; старикъ, сильный и довольный, напоминалъ мнѣ старика береговъ Галева, воспитанаго Виргиліемъ; онъ говорилъ съ удовольствіемъ и здравымъ смысломъ, и мнѣ не нуженъ былъ прихотливый вкусъ, чтобы оцѣнить

подобную встрѣчу; мое воображеніе не преминуло окружить ее всѣмъ тѣмъ, что могло придать ей обаяніе. Мы спрашиваемъ, не въ обычаѣ ли у нихъ принимать посѣтителей.— „Ихъ почти не бываетъ,— сказала намъ старикъ, это мѣсто мало кому извѣстно; но когда кто приходитъ, мы не отказываемся угощать ихъ тѣмъ, что въ себѣ заключаютъ птичій дворъ и садъ“. Мы просимъ, чтобы намъ дали пообѣдать; намъ подають свѣжія яйца, овощи, салатъ въ хорошенькой бесѣдкѣ изъ жинюлости, позади дома. Мнѣ никогда не случилось обѣдать болѣе пріятнымъ образомъ. Мое сердце успокоивалось подъ вліяніемъ невинности и радости очаровательнаго положенія. Я очень ласкала маленькихъ дѣтей; я выразила глубокое свое почтеніе старикъ; молодая женщина казалось очень довольной тѣмъ, что приняла насъ; они завели рѣчь о двухъ комнатахъ въ ихъ домѣ, которыми они могли располагать для тѣхъ, кто бы пожелалъ нанять ихъ на 3 мѣсяца, и мы составляли проектъ нанять ихъ. Этотъ привлекательный проектъ не былъ приведенъ въ исполненіе; я уже никогда не возвращалась въ Villebonne, такъ какъ мы уже съ давнихъ поръ посѣщали Медонъ, когда сдѣлали это открытіе, и мы избрали деревенскую гостинницу для ночлеговъ, когда два праздника къ раду позволили продолжить нашу отлучку. Въ этой гостинницѣ, носившей кажется названіе Королевы Франціи, съ нами случилось смѣшное приключеніе. Мы занимали комнату съ двумя кроватями, въ большей изъ нихъ я спала со своей матерью; другую, стоявшую въ углу комнаты, занималъ мой отецъ одинъ. Въ одинъ прекрасный вечеръ онъ улегся въ постель и, желая совсѣмъ аккуратно задернуть свой пологъ, онъ такъ крѣпко дернулъ его, что балдахинъ надъ кроватью упалъ и совершенно прикрылъ его собой; послѣ минутнаго испуга мы всѣ принялись смѣяться надъ происшествіемъ, до того балдахинъ упалъ удачно, прикрывъ собой моего отца, но не ушибивъ его. Мы зовемъ на помощь, чтобы его освободить: является хозяйка гостинницы; удивленная при видѣ своей разоренной кровати, она вскрикиваетъ съ видомъ величайшаго простодушія: — „Ахъ Боже мой! какъ это могло случиться? Вотъ уже 17 лѣтъ, какъ онъ поставленъ; онъ ни разу не трогался съ мѣста!“. Это разсужденіе разсмѣшило меня еще больше, чѣмъ паденіе балдахина; я часто имѣла случай его примѣнять или, вѣрнѣе, сравнивать съ доводами, которые мнѣ приходилось слышать въ обществѣ, и я тихонько говорила своей матери: „это также хорошо, какъ 17 лѣтъ существованія кровати для доказательства ея несокрушимости“.

Милый Медонъ! какъ часто я дышала подъ снѣгу твоихъ деревьевъ, благословляя творца своей жизни, жаждая того, что могло когда нибудь сдѣлать ее болѣе полной; но съ тою прелестью желанія,

лишеннаго нетерпѣнія, которая лишь окрашиваетъ облака будущаго лучами надежды! Сколько разъ я собирала въ твоихъ прохладныхъ уголкахъ листья крапчатого папоротника, яркіе цвѣты орхидей! Какъ я любила отдыхать подъ этими большими деревьями, неподалеку отъ лужаекъ, гдѣ я видѣла, какъ иногда пробѣгала робкая, быстрая лань! Я вспоминаю о тѣхъ болѣе темныхъ мѣстахъ, гдѣ мы сидѣли въ минуты жары; тамъ, пока мой отецъ, лежавшій на травѣ, и моя мать, тихо прислонившаяся къ кучѣ листьевъ, которые я приготовила, предавались послѣ-обѣденному сну, я созерцала величіе твоихъ безмолвныхъ лѣсовъ, я восхищалась природой, я поклонялась Провидѣнію, благодѣянія котораго я чувствовала; огонь чувства окрашивалъ мои влажныя щеки, и для моего сердца прелесть земного рая осуществлялась въ твоёмъ сельскомъ уединеніи. Разказы о моихъ прогулкахъ и о счастіи, доставляемомъ мнѣ ими, занимали много мѣста въ моей перепискѣ съ Софьей; иногда моя проза перебивалась стихами, — беспорядочными, но свободными и иногда счастливыми созданіями души, для которой все было жизнью, картиной и счастьемъ.

Софья, какъ я уже замѣтила, была брошена въ свѣтъ, гдѣ она была лишена удовольствій, которыми я, какъ она видѣла, наслаждалась въ своёмъ уединеніи; я познакомилась съ нѣсколькими членами ея семьи и въ ихъ обществѣ научилась еще больше цѣнить свое уединеніе.

Она останавливалась въ Парижѣ, во время своихъ путешествій со своей матерью, у двоюродныхъ сестеръ-дѣвицъ, которыхъ звали de Lamotte; это были двѣ старшія дѣвы; одна изъ нихъ, набожный меланхоликъ, не покидала своей комнаты, гдѣ она повторяла молитвы, бранила прислугу, вазала чулки и довольно дѣльно рассуждала о своихъ дѣловыхъ интересахъ; другая, добрая душа, сидѣла въ гостиной, принимала гостей, читала псалмы и играла въ карты: обѣ придавали большое значеніе тому, что родились благородными дѣвками; плохо понимали, чтобы возможно было себѣ создавать общество изъ лицъ, у которыхъ, по меньшей мѣрѣ, отецъ не получилъ дворянства, и берегли, не рѣшаясь имъ пользоваться, какъ эмблему знатности происхожденія ихъ семьи, мѣшокъ, въ которомъ прежде хранились и доставлялись въ церковь молитвенники ихъ матери. Они пріютили у себя молодую дѣвушку, свою родственницу, и предполагали увеличить ея маленькое состояніе еслибы только ей удалось выйти замужъ за дворянина. Дѣвица d'Haugard, такъ звали молодую дѣвушку, была полной, очень свѣжей брюнеткой, могучаго, почти страшнаго здоровья, съ провинціальными манерами, не скрывавшими нѣсколько рѣзкаго характера и оцѣпь посредственнаго ума. Самое любимое лицо въ домѣ былъ адвокатъ Perdu, вдовецъ, проѣвшій

свое состояніе, котораго сестра его (мать моей Софьи) помѣстила нахлѣбникомъ къ двоюроднымъ сестрамъ, чтобы онъ прилично провелъ послѣдніе годы своей бесполезной жизни. Г-нъ Regu, толстый и разряженный на-славу, посвящалъ большую часть утра заботамъ о своей особѣ, ѣлъ долго, критикуя кушанья, проводилъ въ Люксембургѣ по нѣсколькx часовъ въ день и заканчивалъ послѣдній партіей въ пикетъ. Онъ придавалъ знатности еще большее значеніе, чѣмъ его старья кузины, претендовалъ на аристократическую виѣшность и кичился знаніемъ мельчайшихъ тонкостей свѣтскаго приличія. Я его называла не иначе, какъ „командоръ“, когда говорила Софья объ ея дядѣ, до того онъ мнѣ напоминалъ командора изъ „Père de famille“. Итакъ тонъ „командора“ въ обращеніи со своими племянницами отличался извѣстнымъ превосходствомъ, къ которому вся его тонкая рыцарская любовь должна была служить, по его мнѣнію, какъ бы легкой приправой; но его поведеніе съ дѣвицею d'Haugard было странно; ея свѣжесть и постоянное присутствіе будили его воображеніе, внушали ему нѣчто такое, въ чемъ бы онъ не посмѣлъ признаться и что иногда заставляло его досадовать на своего племянника.

Этотъ племянникъ, котораго звали Selincourt, былъ высокимъ молодымъ человѣкомъ, съ нѣжнымъ лицомъ и голосомъ, онъ былъ нѣсколько похожъ на свою сестру Софью; разговоръ его былъ остроуменъ, манеры привлекательны; ихъ не безобразила нѣкоторая застѣнчивость, такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, казалось даже и тогда, когда я замѣчала, что она усиливалась въ моемъ присутствіи. Отношеніе къ нему всей семьи и все другое заставляло въ немъ предполагать искателя руки дѣвицы d'Haugard.

Что касается до общества дѣвицъ de Lamotte, то оно состояло изъ одного графа d'Essales, сдѣлавшагося кавалеромъ ордена Святого Людовика въ Канадѣ, гдѣ онъ женился на дочери губернатора; всегда старательно избѣгавшій всякой опасности, невѣжественный, заносчивый, болтливый, онъ приходилъ играть въ карты съ одной маркизой de Caillavelle, благородной вдовой, съ которой онъ игралъ не въ одну игру, чего не замѣчали добрыя старушки. Г-жа Bernier, большая янсенистка, при томъ женщина съ здравымъ смысломъ, мужъ которой вышелъ изъ парламента Бретани во время процесса Chalotais, появлялась въ этомъ домѣ, но рѣже, со своими двумя дочерьми—ученой и ханжой. Нѣжное сердце послѣдней привлекло бы меня къ себѣ, но ея наклонная шея съ трудомъ поддерживала на себѣ голову, до такой степени озабоченную, что въ ней не оставалось больше мѣста ни для какой мысли; ученая была нѣсколько болтлива, но отличалась такимъ здравымъ умомъ и вкусомъ, что они искупали ея отталкивающую наружность. Г-нъ de Vouglans какъ бы заканчивалъ собой картину.

Для тѣхъ, кто читалъ „Мотивы моея вѣры въ Иисуса Христа“, написанные однимъ чиновникомъ, и сборникъ „Преступныхъ законовъ“, добросовѣстную компиляцію, въ которой фанатизмъ и жестокость соперничаютъ съ трудолюбіемъ, — нѣтъ нужды писать его портретъ. Я никогда не встрѣчала человѣка, кровожадная нетерпимость котораго меня бы сильнѣе возмущала; онъ очень любилъ разговаривать съ отцемъ *Romain Joly*, старенькимъ капуциномъ, духовникомъ дѣвицы *de Lamotte*, писавшимъ противъ Вольтера стихи, въ которыхъ онъ его сравнивалъ съ сатаной, и постоянно цитировавшимъ въ своихъ проповѣдяхъ капитуларіи Карла Великаго и ордонансы нашихъ королей. Я имѣла удовольствіе обѣдать съ нимъ у кузинъ, слышать его проповѣди въ своей приходской церкви и прочесть его *Фазтона*; я могла бы на него написать хорошую карриатуру, еслибы имѣла смѣлость страхнуть съ его духовнаго одѣвія глупость и лицемеріе, соединенныя съ самой ребяческой ученостью. Подруга Софья играла забавную роль въ этомъ обществѣ, гдѣ за ея спиной, вдыхали о томъ, что такая благовоспитанная дѣвица не благороднаго происхожденія. Я даже не сомнѣваюсь, что командоръ со свойственной ему мудростью не разъ разсуждалъ о томъ, прилично ли его племянницѣ поддерживать подобное знакомство. Но дѣвица отличалась прекрасными манерами, скромностью, которою очень дорожили старыя кузины; и за исключеніемъ нѣкоторыхъ фразъ, отзывавшихся остроуміемъ, которыя командоръ заставлялъ свою племянницу осуждать, онъ не могъ воздержаться отъ того, чтобы не похвалить ее. Ему случалось брать на свое попеченіе письма своей племянницы во время ея отсутствія и самому приносить ихъ къ моей матери; это еще гораздо чаще дѣлалъ бы *Selincourt*, еслибы его сестра соглашалась давать ему это порученіе.

Ничтожность, причуды этихъ лицъ, на которыхъ, безъ сомнѣнія, походило много свѣтскихъ людей, заставляли меня размышлять о пустотѣ свѣта и о преимуществѣ не быть обязанной посѣщать его. Софья перечисляла мнѣ лицъ, которыхъ она видѣла въ *Ашленѣ*, обрисовывала мнѣ въ общихъ чертахъ ихъ характеры, давала мнѣ понятіе о безсодержательности большинства изъ нихъ; и въ общей сложности выходило въ концѣ года, что я въ своемъ уединеніи видѣла больше достойныхъ людей, чѣмъ она въ своемъ круговоротѣ. Это не трудно себѣ представить, если вспомнить, что мой отецъ поддерживалъ сношенія лишь съ артистами, изъ которыхъ никто у него не бывалъ постоянно, хотя нѣкоторые изъ нихъ иногда собирались у него. Столичные жители, хотя бы и не принадлежащіе къ высшему обществу, обладаютъ суммой познаний и тою воспитанностью, которая несомнѣнно отсутствуетъ какъ среди провинціальнаго дворянства, такъ и среди коммерсантовъ, спѣшащихъ обогатиться, чтобы купить себѣ дворянство. Разговоръ

добраго Jollain, художника Академіи, честнаго l'Épine, ученика Пигаллы, Desmarteau, сотоварища моего отца, сына Фальконета, d'Hauterne, который могъ бы, благодаря своимъ талантамъ, сразу попасть въ академію, еслибы доступъ въ нее не былъ закрытъ ему, какъ протестанту, женовцевъ часовщиковъ Ballexverd и Moré, изъ которыхъ первый писалъ физическомъ воспитаніи,—этотъ разговоръ отличался несомнѣнно большими достоинствами, чѣмъ разговоръ миллионера Cagnet, который, видя успѣхъ трагедіи своего родственника du Belloy и, рассчитавъ выгоду, которую послѣдній долженъ былъ изъ нея извлечь, говорилъ вполне серьезно и съ досадою: „отчего отецъ мой не научилъ меня сочинять трагедіи? я бы ихъ писалъ по воскресеньямъ!“ И со всѣмъ тѣмъ эти богатые люди, эти жалкіе новопожалованные дворяне, эти наглые военные, какъ D'Essales, эти убогіе чиновники, какъ Vouglans, считали себя устоями гражданскаго общества и дѣйствительно пользовались привилегіями, въ которыхъ отказано было достоинству. Я сравнивала эти недѣльные проявленія человѣческой гордости съ картинами Пона, изображавшаго ея дѣйствіе въ удовольствованіи ремесленника, наряжающагося въ свой фартукъ съ такою-же гордостью, съ какою король носитъ свою корону; я старалась вмѣстѣ съ нимъ находить, что все хорошо, но моя гордость мнѣ доказывала, что все лучше въ республикѣ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что положеніе наше сильно вліяетъ на нашъ характеръ и наши взгляды; но можно подумать, что въ воспитаніи, которое я получила, въ идеалъ, которыя приобрѣла путемъ занятій или подъ вліяніемъ свѣта, все было рассчитано на то, чтобы возбудить во мнѣ республиканскій энтузіазмъ, научая меня понимать смѣшныя стороны и чувствовать несправедливость множества преимуществъ и отличій. Поэтому я, когда читала, увлекалась реформаторами неравенства; я была Агисомъ и Клеоменомъ въ Спартѣ; была Гракхами въ Римѣ; и я бы, подобно Корнелии, упрекала своихъ сыновей за то, что меня называютъ лишь тещей Цициона. Я удалялась вмѣстѣ съ народомъ на Авентинскій холмъ и голосовала за трибуну. Теперь, когда опытъ научилъ меня все взвѣшивать съ безпристрастіемъ, я усматриваю въ предпріятіи Гракховъ и въ поведеніи трибуну ошибокъ и зло, ранѣе не производившія на меня достаточно сильнаго впечатлѣнія.

Когда я присутствовала при томъ зрѣлищѣ, какое часто представляла столица во время вѣздовъ королевы или принцевъ, благодарственныхъ молебствій послѣ родовъ и т. д., я съ болью въ сердцѣ сравнивала эту азіатскую роскошь, эту дерзкую пышность съ ничетою и униженіемъ одичалаго народа, который стекался при проѣздѣ идоловъ собственнаго созданія, глазу руконлеская блестящему великолѣпію, за

которое ему приходилось расплачиваться въ ущербъ удовлетворенія первыхъ потребностей. Распутство двора въ послѣдніе годы царствованія Людовика XV — это презрѣніе къ морали, охватившее всѣ классы; эти излишества, являвшіяся предметомъ всѣхъ частныхъ разговоровъ, возбуждали мое негодованіе и удивленіе. Не усматривая еще зародышей революціи, я спрашивала себя, какъ могъ поддерживаться подобный порядокъ вещей. Я знала изъ исторіи, что всѣ государства, достигшіе такой степени разврата, колебались и падали, и я слышала, какъ французы смѣялись и пѣли надъ собственными несчастьями; я находила, что ихъ сосѣди, англичане, были правы, считая ихъ дѣтьми. Я привязалась къ этимъ сосѣдямъ; сочиненіе Делольма ознакомило меня съ ихъ конституціей; я старалась узнать ихъ писателей, я изучала ихъ литературу, но тогда лишь въ переводахъ.

Такъ какъ доводы Ballehsærd не въ состояніи были побороть нежеланіе моихъ родителей привить мнѣ оспу въ дѣтствѣ, то я 18-ти лѣтъ заболѣла ею. Это время глубоко врѣзалось мнѣ въ память, не вслѣдствіе страховъ, внушенныхъ мнѣ болѣзью, — я уже тогда была слишкомъ философски настроена, чтобы не перенести это испытаніе съ твердостью, — но вслѣдствіе невѣроятной и трогательной заботливости моей матери. Какъ сильно было ея горе и какъ она была дѣятельна! Какъ безпокойство волновало ее! Какая нѣжность проявлялась во всѣхъ ея заботахъ! Даже ночью, когда я думала, что мнѣ передаетъ что-либо моя сидѣлка, я видѣла руку, слышала голосъ моей матери; она всякую секунду вскакивала изъ своей постели, чтобы подойти къ моему изголовью; она жадными глазами, такъ сказать, пожирала мои движенія и слова доктора; она украдкой и противъ воли своей проливала слезы, когда глаза ея устремлялись на меня, тщетно старавшуюся успокоить ее своей улыбкой. У нея никогда не было оспы, также какъ и у моего отца; ни тотъ, ни другой не пропустили ни одного дня, не поцѣловавъ мое больное лицо, которое я старалась спрятать отъ нихъ изъ опасенія, чтобы эти прикосновенія не были для нихъ пагубны. Моя Агата была въ отчаяніи, что ее задерживало заключеніе въ монастырѣ, и прислала ко мнѣ одну свою родственницу, милую мать четырехъ дѣтей, которой она внушила долю своей привязанности ко мнѣ и которая упорно продолжала посѣщать и цѣловать меня, не думая о себѣ. Пришлось скрыть отъ Софьи, бывшей тогда въ Парижѣ, о положеніи ея подруги; ей сказали, будто я внезапно уѣхала въ деревню, чтобы дать пройти опасному времени безъ сношеній: но Sélincourt всякій день приходилъ навѣдываться о моемъ здоровьѣ отъ имени своей матери; я изъ своей комнаты слышала его горестное восклицаніе, когда ему сказали, что боялись осложненія гнилой горячки и оспы. У меня сдѣлась сыпная лихо-

радна, своимъ высыпаніемъ ослабившая оспу, такъ что оспа у меня проявилась лишь въ видѣ очень крупныхъ и рѣдкихъ прыщей, незамѣтно спавшихъ безъ нагноенія и оставившихъ послѣ себя лишь сухую кожу, которая легко отпала. „Это, сказалъ мнѣ докторъ Missa, оспа, называемая итальянцами „gavaglioni“, прыщи ложнаго нагноенія; она не оставляетъ слѣдовъ“. И дѣйствительно, болѣзнь эта даже не испортила глади кожи; но золотуха повергла меня послѣ того, какъ опасность миновала, въ изнуреніе, изъ котораго и вышла лишь по прошествіи 4-хъ или 5-ти мѣсяцевъ. Когда я здорова, я сосредоточена и слишкомъ нѣжна, чтобы быть веселой, но я терпѣливо переношу страданія; когда я больна, я лишь о томъ думаю, чтобы развлечься отъ собственныхъ страданій и усладить томительныя заботы, которыми мои близкіе должны окружать меня: я тогда пускаю бразды своей фантазіи; говорю вздоръ и сама смѣшу другихъ. Докторъ Missa, человѣкъ умный, очень нравился мнѣ; онъ былъ достаточно старъ, чтобы я не чувствовала съ нимъ той принужденности, какая мною овладѣвала съ лицами его пола: мы во время его посѣщеній пріятно бесѣдовали съ нимъ, онъ охотно засиживался, и мы съ нимъ подружились. „Одинъ изъ насъ, сказалъ онъ какъ-то мнѣ, очень виноватъ передъ другими: или я родился слишкомъ рано, или вы родились слишкомъ поздно“. Хотя Missa и интересовалъ меня своимъ умомъ, но его возрастъ не позволилъ мнѣ счесть за вину то, что я родилась позже его; я только улыбнулась ему въ отвѣтъ. Онъ воспитывалъ племянницъ, съ которыми захотѣлъ познакомить меня; мы нѣсколько разъ были другъ у друга; но такъ какъ ихъ также не выпускали безъ гувернантки, какъ и меня мать моя не выпускала безъ себя, и такъ какъ занятія ихъ дяди не давали ему возможности поддерживать это знакомство, оно не упрочилось, благодаря затрудненіямъ, связаннымъ съ разстояніемъ и нашими взаимными домашними привычками.

Missa однажды очень бранилъ меня, когда нашелъ у меня на постели „Исслѣдованіе истины“ отца Мальбранша. „Ахъ, Боже мой!— сказала я ему:—еслибы всѣ ваши больные развлекались подобными вещами вмѣсто того, чтобы раздражаться на свои страданія и на васъ самихъ, у васъ не было бы столько дѣла“. Нѣсколько человѣкъ сидѣло у меня въ комнатѣ; разговоръ зашелъ о какомъ-то займѣ, указъ о заключеніи коего только-что появился и за которымъ уже гнался весь Парижъ. „Французы, сказалъ Missa, падки на довѣріе“.— „Скажите лучше, падки на вѣроятность“, замѣтила я ему. — „Да, отвѣтилъ Missa, ваше замѣчаніе справедливо и глубоко“. — „Не браните же меня за то, что я изучаю Мальбранша, перебила я его съ живостью; вы же видите, что я не теряю своего времени“.

Missa на его практикѣ сопровождалъ молодой врачъ, недавно получившій степень; онъ иногда присылалъ его впередъ, ждать своего прихода. Этого молодого человѣка, употребляя его выраженіе, нельзя было обвинить въ томъ, что онъ слишкомъ рано родился; но хотя онъ былъ довольно недуренъ собой, въ немъ было что-то высокомерное, что мнѣ не нравилось. У меня такое сильное природное отвращеніе къ жеманству и самонадѣянному тону, что я всегда считаю ихъ доказательствомъ посредственности, даже глупости, хотя нужно сказать, что при старомъ режимѣ они иногда являлись лишь странностями молодости. Словомъ, вѣсто того, чтобы очаровывать меня, эти качества меня сердятъ, и я всегда дурию сузу о людяхъ, ихъ обнаруживающихъ. Это все, что у меня осталось въ памяти о молодомъ докторѣ, котораго съ тѣхъ поръ я больше не видѣла и, вѣроятно, никогда больше не увижу, такъ какъ я слышала, что какой-то парижскій докторъ этого имени эмигрировалъ послѣ революціи.

Такъ какъ для полного моего выздоровленія мнѣ необходимо было уѣхать въ деревню, то мы отправились подышать ея благодѣтельными воздухомъ къ г-ну и г-жѣ Vespard; мы съ матерью уже въ теченіе двухъ лѣтъ проводили у нихъ почти весь сентябрь. Въ ихъ положеніи опять было нѣчто очень способное дать пищу моимъ философскимъ размышленіямъ и сосредоточить мои мысли на недостаткахъ общественнаго строя.

Г-жа Vespard, послѣ постигшаго ее вмѣстѣ съ сестрами разоренія, поступила къ одному откупщику, къ старику Naudry, хозяйствомъ котораго она завѣдывала; тамъ она вышла замужъ за управляющаго, г-на Vespard, съ которымъ она, съ давнихъ поръ удалившись отъ свѣта, жила скромно, наслаждалась миромъ и счастьемъ.

Г-жа Philron съ довольно неумѣстною гордостью вспоминала при мнѣ, въ семейномъ кругу, о томъ, какъ она была недовольна этой свадьбой; насколько я могла объ этомъ судить, она несомнѣнно была неправа. Г-нъ Vespard былъ честенъ, нравствененъ; какъ то, такъ и другое должно было тѣмъ болѣе говорить въ его пользу, чѣмъ рѣже эти свойства встрѣчались въ его средѣ; самые деликатные поступки всегда отмѣчали его отношеніе къ его женѣ; невозможно было высказывать больше благоговѣнія, нѣжности и самопожертвованія. Среди радостей счастливаго супружества они, новые Филемонъ и Бавкида, продолжаютъ свой жизненный путь, снискивалъ себѣ уваженіе всѣхъ, кто только можетъ быть свидѣтелемъ ихъ чистосердечія, ихъ добродѣтели: я горжусь родствомъ съ ними, и при ихъ характерѣ и поведеніи также гордилась бы этимъ, еслибы даже г-нъ Vespard былъ лакеемъ.

Старый Naudry, самъ нажившій свое богатство, умеръ; онъ оставилъ большое состояніе сыну, который, родившись въ достаткѣ, долженъ былъ расточить его. Этотъ сынъ, уже потерявшій свою очаровательную жену, очень много тратилъ и проводилъ, по обыкновенію богатыхъ людей, нѣкоторое время въ замкѣ Soucy, куда онъ гораздо болѣе переносилъ съ собой городской образъ жизни, чѣмъ приспосаблился къ тону, который приличенъ деревнѣ. Въ его владѣнія входило нѣсколько соединенныхъ имѣній; въ ближайшемъ къ Soucy имѣніи (Fontenay) былъ старинный замокъ, въ которомъ онъ любилъ поселять гостей; онъ помѣстилъ въ немъ одного нотариуса, одного управляющаго, и убѣдилъ г-на и г-жу Vespard занять въ немъ помѣщеніе, гдѣ бы они проводили часть лѣта. Это было очень полезно для надзора за помѣстьемъ и кромѣ того придавало ему тонъ вельможи, которымъ онъ дорожилъ. Г-нъ и г-жа Vespard имѣли хорошую квартиру и могли наслаждаться прогулками въ паркѣ, запущенность котораго представляла пріятный контрастъ съ садами Soucy и нравилась мнѣ больше, чѣмъ роскошь, отличавшая мѣстопробываніе откупщика. Когда мы пріѣхали къ г-жѣ Vespard, она пожелала, чтобы мы отправились съ визитомъ въ Soucy, гдѣ теща и свояченица Naudry жили съ нимъ и принимали его гостей. Этотъ визитъ мы скромно сдѣлали передъ обѣдомъ; я безъ всякаго удовольствія вошла въ гостиную, гдѣ г-жа Répault и ея дочь приняли насъ, правда, очень любезно, но съ тономъ нѣкотораго превосходства. Манеры моей матери, самый характеръ мой, который обнаруживался подъ внѣшнимъ видомъ моей застѣнчивости, проистекавшей отъ сознанія достоинства и опасенія не быть оцѣненной, почти не позволяли однако проявлять этого превосходства; мнѣ дѣлали комплименты, которые мнѣ мало льстили и на которые я отвѣчала съ нѣкоторымъ лукавствомъ, когда какіе-то паразиты, кавалеры креста Святаго Людовика, всегда слоняющіеся у богатыхъ, какъ тѣни на берегахъ Ахерона, стремились прибавить къ нимъ и свою лепту.

Нѣсколько дней спустя эти дамы не преминули отдать намъ нашъ визитъ; ихъ сопровождало общество, гостившее въ замкѣ; визитъ въ Fontenay былъ избранъ цѣлью прогулки: я тогда была любезнѣе и сумѣла выразить въ своемъ приѣмѣ тотъ отгѣнокъ скромной и исполненной достоинства учтивости, которая возстановляла равновѣсіе. Г-жа Répault однажды пригласила насъ къ обѣду; я никогда не была болѣе удивлена, чѣмъ когда узнала, что приглашала она насъ не къ себѣ, а въ людскую (office). Я прекрасно сознавала, что такъ какъ г-нъ Vespard прежде служилъ тамъ, я не должна была, изъ уваженія къ нему, казаться недовольной тѣмъ, что пахожусь въ ней; но мнѣ также казалось, что г-жа Répault могла иначе распорядиться и избавить насъ

отъ этой неучливой любезности. Моя бабушка также смотрѣла на это; но чтобы избѣгнуть всякаго столкновенія, мы приняли приглашеніе. Эти второстепенныя божества были для меня новымъ зрѣлищемъ; я не представляла себѣ, что такое горничныя, разыгрывающія роль знатныхъ дамъ. Онѣ принарядились, чтобы принять насъ, и подражаніе было дѣйствительно вѣрное. Туалетъ, манеры, ужимки, ничто не было забыто. Еще свѣжіе, обноски ихъ барынь придавали ихъ наряду великолѣпіе, котораго бы не позволили себѣ честныя буржуа; карриатура хорошаго тона придавала имъ нѣкоторое щегольство, столь же чуждое буржуазной скромности, какъ и артистическому вкусу; тѣмъ не менѣе болтовня и манеры могли бы ввести въ заблужденіе провинціаловъ. У мужчинъ было хуже: шпага г-на дворецкаго, ухаживание г-на повара, любезности и блестящее платье господъ камердинеровъ не могли искупить ихъ неловкихъ манеръ, замѣшательства рѣчи, когда они хотѣли, чтобы она казалась изящной, или тривіальности выраженій, когда они забывали наблюдать за собой. Разговоръ вертѣлся на маркизахъ, графахъ, финансистахъ, титулы, состояніе, связи которыхъ, казалось, были почетомъ, богатствомъ и дѣломъ тѣхъ, кто о нихъ толковалъ. Остатки съ господскаго стола вновь появлялись за этимъ вторымъ столомъ въ порядкѣ и чистотѣ, производившихъ иллюзію свѣжаго изготовленія, и въ такомъ изобиліи, что остатковъ должно было хватить для третьяго стола, людскаго въ собственномъ смыслѣ, — лица за вторымъ столомъ, назывались служащими (officiers). Послѣ обѣда слѣдовала игра въ карты по большой—обыкновенная партія этихъ дѣвицъ, которыя не пропускали безъ игры ни одного дня. Я увидѣла новый міръ, гдѣ нашла повтореніе предразсудковъ, пороковъ и глупости другого свѣта, который совсѣмъ не былъ лучше его, хотя и казался болѣе блестящимъ. Я тысячу разъ слышала рассказы о происхожденіи стараго Naudry, пріѣхавшаго въ Парижъ изъ деревни; ему удалось собрать милліоны на счетъ общества, выдать свою дочь за Montule, своихъ внучекъ за маркиза Duchillau и за графа Turpin, и оставить сына своего наслѣдникомъ своихъ богатствъ. Я вспомнила остроуміе Монтескье, что финансисты также поддерживаютъ государства, какъ веревка поддерживаетъ повѣшеннаго. Я понимала, что ростовщики, находившіе возможность обогащаться до такой степени и пользоваться своимъ богатствомъ для заключенія связей съ семействами, которыхъ политиче дворовъ считала необходимыми для блеска королевства и полезными для его охраны, могли появиться лишь при плохомъ строѣ и среди очень испорченнаго народа. Я не знала, что существуетъ еще болѣе ужасный порядокъ и еще болѣе гнусная

испорченность; но кто могъ себѣ это представить? Всѣ философы въ этомъ также обманулись, какъ я.

По воскресеньямъ въ Sousy танцовали подъ открытымъ небомъ, подъ сѣнью деревьевъ; здѣсь удовольствіе сглаживало большую часть сословныхъ различій, а какъ только дѣло касалось проявленія личного достоинства, я не боялась, что не съумѣю занять подобающаго мнѣ мѣста. Вновь прибывшіе шепотомъ спрашивали другъ у друга, кто я такая, но я никому не давала насытиться моимъ присутствіемъ; и повеселившись въ теченіе одного часа, я скрывалась отъ любопытныхъ и удалялась со своими родителями на прогулку, тихими мгновеніями которой я бы не пожертвовала ради шумнаго, но всегда бессмысленнаго для моего сердца удовольствія такого рода пріемовъ. Я иногда видала Naudry, еще молодого, разыгрывавшаго изъ себя вельможу, дававшего волю своимъ фантазіямъ, желавшаго казаться великодушнымъ и благороднымъ; онъ начиналъ внушать безпокойство своей семьѣ; его безрасудство съ куртизанкой Laguerre подготовляло его разореніе: его жалѣли, какъ вѣтренника, но не осуждали, какъ негодяя; это былъ баловень счастья, который, не родись онъ богатымъ, несомнѣнно былъ бы гораздо лучше. Смуглый въ лицѣ, съ поднятой головой, покровительственными манерами, милостивымъ видомъ, онъ, можетъ быть, былъ любезенъ съ тѣми, которыхъ считалъ своими равными: но я очень не любила встрѣчаться съ нимъ, и его присутствіе всегда заставляло меня принимать очень гордый и важный видъ.

Въ прошломъ году, выходя изъ той красивой столовой, которую элегантный Salonne устроилъ въ домѣ главной контрольной палаты, позже занятомъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, я встрѣтила во второй пріемной челоуѣка высокаго роста, съ сѣдыми волосами, приличнымъ видомъ, который почтительно заговорилъ со мной.—„Сударыня, я надѣялся, что мнѣ удастся поговорить съ министромъ, когда онъ встанетъ изъ за стола; мнѣ нужно побесѣдовать съ нимъ.“— „Милостивый Государь, вы сейчасъ увидите его, его задержали въ со-сѣдней комнатѣ, но онъ сейчасъ пройдетъ мимо“. Я поклонилась и продолжала свой путь, чтобы вернуться къ себѣ въ комнату. Нѣкоторое время спустя туда явился Роланъ; я спрашиваю его, не видѣлъ ли онъ господина, примѣты котораго я ему описываю, повидимому боявшагося, что не встрѣтится съ нимъ. „Да, это г-нъ Naudry“.—Какъ, бывший генеральный откупщикъ, промотавшій такое большое состояніе?—„Онъ самый“.—Какое у него дѣло до министра внутреннихъ дѣлъ?—„Онъ имѣетъ съ нимъ сношенія по дѣламъ Севрской фабрики, во главѣ которой онъ поставленъ“. Какая игра случая! Новый поводъ для размышленій; мнѣ уже представлялся большой поводъ къ этому, когда я въ

первый разъ вошла въ комнаты, въ которыхъ жила г-жа Неккеръ въ дни своей славы; я ихъ занимаю вторично, и онѣ тѣмъ вѣрнѣе свидѣтельствуя о превратности человѣческихъ дѣлъ; но по крайней мѣрѣ несчастія никогда не застигнутъ меня врасплохъ. Дѣло было въ октябрѣ мѣсяцѣ; Дантонъ доставлялъ мнѣ извѣстность, стараясь умалить достоинства моего мужа, и тайно сплеталъ клевету, посредствомъ которой хотѣлъ уничтожить насъ обоихъ. Я не подозрѣвала его намѣреній, но знала ходъ событій въ революціяхъ; я стремилась лишь сохранить чистоту души и честь своего мужа незапятнанной; я отлично знала, что честолюбіе такого рода рѣдко приводитъ къ инымъ результатамъ. Мое желаніе исполнено: Роланъ, преслѣдуемый, изгнанный, не умретъ въ потопствѣ; я заключена въ тюрьму и вѣроятно погибну жертвой; моя совѣсть замѣняетъ для меня все. Со мной случится тоже, что съ Соломономъ, который просилъ лишь мудрости и получилъ еще другія блага; я желала лишь мира праведныхъ, и буду отчасти жить среди будущихъ поколѣній. Но покажѣте возвратится въ Fontenay.

Маленькая бібліотека моихъ родныхъ доставляла тамъ еще нѣкое развлеченіе; я нашла въ ней всего Пуффендорфа, всеобщая исторія котораго, вѣроятно, скучна; болѣе интересны для меня были его „Обязанности человѣка и гражданина“; я нашла также „Ферму“ и различныя сочиненія по земледѣлію и хозяйству, которыя я читала за неимѣніемъ другихъ, потому что я всегда должна была учиться чему-нибудь; нашла хорошенкія мелкія стихотворенія, сочиненныя Берни, когда онъ не драпировался въ тогу римлянина, „Жизнь Кромвеля“ и тысячу другихъ разнообразныхъ вещей. Я считаю нужнымъ отиѣтитъ, что среди массы книгъ, побывавшихъ въ моихъ рукахъ благодаря случайностямъ или обстоятельствамъ, на которыя я вскользь указываю, когда мѣстности или люди напоминаютъ мнѣ объ нихъ, — еще нѣтъ Руссо: это потому, что я дѣйствительно прочла его очень поздно и хорошо сдѣлала: онъ бы свелъ меня съума, а бы не захотѣла читать никого другаго, онъ, можетъ быть, и такъ уже слишкомъ, если можно такъ выразиться, усилилъ мои слабости. Я имѣю основаніе предполагать, что мать моя приложила нѣкоторое стараніе, чтобы отстранить его отъ меня; но такъ какъ имя его для меня было небызвѣстно, я искала его произведеній; но къ тому времени когда я потеряла свою мать, я знала изъ нихъ лишь его „Lettres de la montagne“ и его письмо къ Христофору де-Вомонъ, хотя прочла уже всего Вольтера, и Boulanger, и маркиза Argens, и Гельвеція, и много другихъ философовъ и критиковъ. Моя чудная мать, которая знала, что нужно было дать мнѣ упражнять свой умъ, вѣроятно, не находила большого неудобства въ томъ, чтобы я серьезно изучала философію, даже съ

рискомъ нѣкоторой утраты вѣры; но она по всѣмъ вѣроятностямъ считала, что не слѣдовало увлекать мое чувствительное сердце, слишкомъ склонное предаваться страсти! Ахъ, Боже мой! сколько безплодныхъ стараній уйти отъ своей судьбы! Та же мысль руководила ею, когда она помѣшала мнѣ предаться живописи; она же опять заставила ее воспрепятствовать моимъ урокамъ на клавишинѣ, несмотря на великолѣпнѣйшій случай для этого. Сосѣдство доставило намъ знакомство аббата Jeauket, нѣмца по происхожденію, страстнаго музыканта, уродливаго, какъ смертный грѣхъ, добряка, любителя покушать: онъ родился въ окрестностяхъ Праги, провелъ нѣсколько лѣтъ въ Вѣнѣ, состоя при придворныхъ вельможахъ, и далъ нѣсколько уроковъ Маріи Антуанетѣ. Обстоятельства привели его въ Лиссабонъ; въ концѣ концовъ онъ поселился въ Парижѣ, чтобы въ независимости проживать здѣсь свою пенсію, составившую его небольшое состояніе. Онъ очень хотѣлъ, чтобы мать моя позволила ему давать мнѣ уроки на фортепьяно. Онъ увѣрялъ, что пальцы мои и моя голова скоро сильно двинули бы меня впередъ, и что я не премину посвятить себя композиціи. „Какая жалость, говорилъ онъ, бряцать на гитарѣ, когда обладаешь способностью сочинять и исполнять прекрасныя вещи на лучшемъ изъ инструментовъ!“ Этотъ энтузіазмъ и многократныя просьбы, даже мольбы его не были въ состояніи сломить мою мать; что касается до меня, то всегда готовая воспользоваться тѣмъ, чему мнѣ позволяли учиться, я однако привыкла почитать рѣшенія моей матери, также какъ страстно любить ее самое, и никогда ни о чемъ не просила: къ тому же ученіе вообще открывало передо мною такое широкое поприще, что томленіе праздности было для меня незнакомо. Я часто говорила себѣ: когда настанетъ мой чередъ быть матерью, я буду имѣть возможность употребить въ дѣло то, что я приобрѣту; мнѣ уже нельзя будетъ болѣе учиться,—и я спѣшила пользоваться своимъ временемъ, боясь утратить изъ него минуту. Аббатъ Jeauket отъ времени до времени встрѣчался съ людьми хорошаго общества; и когда онъ ихъ собиралъ у себя, онъ спѣшилъ пригласить и насъ: я такимъ образомъ видѣла въ числѣ лицъ, о которыхъ стоить вспоминать, ученаго Roussier, честнаго d'Odumont; но я не забыла дерзкаго Paradelle и г-жу de-Puisieux. Этотъ Paradelle, послній дѣтина, одѣтый аббатомъ, хлыщъ и врунь, болѣе чѣмъ какой бы то ни было дуракъ, котораго я когда-либо встрѣчала, увѣрялъ, будто онъ въ теченіе 20 лѣтъ разъѣзжалъ въ собственной каретѣ по улицамъ Ліона, и въ то-же время, чтобы не умереть съ голоду въ Парижѣ, давалъ уроки итальянскаго языка, котораго онъ вовсе не зналъ. Г-жа de Puisieux, слышавшая за автора „Caractères“, вышедшихъ подъ ея именемъ, сохраняла въ 60 лѣтъ, со сторбленной спиной и беззубымъ ртомъ,

ужинки и претензіи, аффектація которыхъ не прощается даже въ молодости. Я воображала, что женщина-авторъ должна была быть очень почтенною личностію, особенно если она писала о морали. Слабости г-жи de Puisieux заставили меня призадуматься, въ ея разговорѣ проявлялось столь же мало остроумія, сколь мало въ странностяхъ ея проглядывало здраваго смысла; я поняла, что можно искусственно показывать умъ другимъ, безъ того, чтобы пользоваться имъ для самого себя, и что мужчины, насмѣхавшіеся надъ женщинами-писательницами, можетъ быть, ошибались лишь въ томъ, что приписывали исключительно имъ то, въ чемъ сами грѣшили. Такимъ образомъ я умѣла при всемъ сосредоточенномъ образѣ жизни пополнять свой запасъ наблюдений; я жила въ уединеніи, но въ близкомъ соприкосновеніи со свѣтомъ, такъ что могла видѣть много вещей и не быть поглощенной ни одною изъ нихъ. Концерты г-жи l'Épine открыли мнѣ новую точку зрѣнія. Я уже упоминала о томъ, что l'Épine былъ ученикомъ Пигалли, у котораго онъ былъ правой рукой; онъ женился въ Римѣ на женщинѣ, которая, какъ я предполагаю, была пѣвицей и къ которой семья его отнеслась сперва непріязненно; но она доказала своимъ поведеніемъ, что это пренебреженіе было несправедливо. Она организовала у себя концерты любителей, составленные изъ искусныхъ исполнителей, на которые она допускала лишь то, что она называла хорошимъ обществомъ: концерты происходили по четвергамъ; моя мать довольно часто водила меня туда. Тамъ я слышала Jagne-wick, Saint-George, Dupont, Guérin и многихъ другихъ; тамъ я видѣла умниковъ обоихъ половъ,—дѣвицу de Morville, г-жу Benoit, Sylvain Maréchal, и т. д., дерзкихъ баронессъ и хорошенькихъ аббатъ, старыхъ кавалеровъ и молодыхъ птенцовъ. Какой забавный калейдоскопъ! Квартира г-жи l'Épine на улицѣ „Neuve-Saint-Eustache“ не была очень красива; концертная зала была немного тѣсна, но сообщалась съ другою комнатою, большія двери которой оставались раскрытыми; тамъ, рассаженные въ полукругъ, мы пользовались двойнымъ преимуществомъ слышать музыку, видѣть актеровъ и разговаривать во время антрактовъ. Всегда около матери своей, въ молчаніи, предписанномъ приличіемъ для молодыхъ дѣвушекъ, я вся превращалась въ зрѣніе и слухъ; но когда намъ случалось быть наединѣ съ г-жею l'Épine, я предлагала нѣкоторые вопросы, и отвѣты ея разъясняли мои наблюдения.

Эта дама однажды предложила моей матери отправиться на одинъ прелестный вечеръ, имѣвшій мѣсто у одного умнаго человѣка, съ которымъ мы иногда у нея встрѣчались: тамъ собирались просвѣщенные люди, изящныя женщины; тамъ занимались интересными чтеніями; это дѣйствительно было очаровательно! Приглашеніе было

повторено, прежде чѣмъ мы приняли его: „Посмотримъ - ка, сказала я мамѣ; я начинаю достаточно понимать свѣтъ, чтобы предположить, что это должно быть или очень мило, или очень смѣшно; и если справедливо послѣднее предположеніе, у насъ во всякомъ случаѣ будетъ поводъ позабавиться лишній разъ“. Рѣшили отправиться на вечеръ. Литературные вечера г-на Vase происходили по средамъ; мы отправились къ нему, къ заставѣ Темпля, съ г-жею l'Épine; поднялись на 3-й этажъ; входимъ въ довольно большую комнату, имѣвшую только самую необходимую мебель: соломенные стулья, тѣсно разставленные рядами, поджидали зрителей и начинали наполняться; салыныя свѣчи въ мѣдныхъ подсвѣчникахъ, чрезвычайно гразныхъ, освѣщали это пристанище, странная простота котораго не противорѣчила философской строгости и бѣдности ученаго человѣка. Нарядныя женщины, дѣвушки, нѣсколько вдовъ, много поэтиковъ, любопытные или интриганы составляли общество.

Хозяинъ дома, сидя за столомъ, замѣнявшемъ бюро, открылъ засѣданіе чтеніемъ стихотворенія собственнаго сочиненія; оно имѣло предметомъ хорошенькаго маленькаго сапажу, котораго маркиза de Prévile всегда носила въ своей муфтѣ, и котораго она показала всему обществу; она присутствовала при чтеніи, и сочла нужнымъ представить радушнымъ взорамъ всѣхъ героя стихотворенія. Криками браво и рукоплесканіями привѣтствовали вдохновеніе г-на Vase, который, очень довольный самимъ собою, хотѣлъ уступить свое мѣсто г-ну Delrêches, кажется, сочинявшему для театра Одно маленькія комическія драмы, по поводу которыхъ онъ имѣлъ обыкновеніе совѣтоваться съ обществомъ, т.-е. выслушивать его хвалебное поощреніе; но ему что то помѣшало въ этотъ день,—не знаю, болѣло ли у него горло или недоставало въ нѣкоторыхъ сценахъ нѣсколькихъ стиховъ. Поэтому предсѣдательское мѣсто занялъ Imbert, авторъ „Jugement de Paris“; онъ прочиталъ маленькую бездѣлицу, тотчасъ же превознесенную до небесъ. Награда ждала его тутъ же: дѣвица de la Cossonpiègre начала послѣ него читать „Adieux à Colin“; стихотвореніе было если не очень остроумно, то по крайней мѣрѣ довольно нѣжно. Тотчасъ-же узнали, что оно относилось къ Imbert, отправлявшемуся путешествовать; комплименты посыпались въ изобиліи; Imbert расплатился со своей музой и съ самимъ собою, перецѣловавъ всѣхъ присутствующихъ женщинъ. Эта вольная и веселая, хотя и приличная церемонія, совсѣмъ не понравилась моей матери и показалась мнѣ такой странной, что привела меня въ замѣшательство. Послѣ какой то эпиграммы или неважнаго четверостишія, одинъ чрезвычайно напыщенный господинъ прочелъ хвалебные стихи въ честь г-жи Venoit. Она присутствовала; нужно сказать нѣсколько словъ о

ней для тѣхъ, кто не читалъ ея романовъ, которые были уже забыты задолго до революціи и на которыхъ будутъ покоиться груды пепла, когда найдутъ мои мемуары.

Альбина родилась въ Ліонѣ, какъ я прочла въ „Исторіи знаменитыхъ французскихъ женщинъ“, составленной обществомъ литераторовъ,—исторіи, гдѣ я къ своему великому удивленію нашла женщинъ, которыхъ встрѣчала въ свѣтѣ, какъ г-жу Benoît, г-жу de-Puisieux, г-жу Champion и другихъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, можетъ быть, еще живы въ настоящую минуту или покинули земную жизнь лишь немного лѣтъ тому назадъ. Она была замужемъ за художникомъ Benoît и виѣсть съ нимъ побывала въ Римѣ, гдѣ удостоилась быть избранной въ „Academie des Arcades“; овдовѣла она недавно и еще носила трауръ по своему мужу; она поселилась въ Парижѣ, гдѣ сочиняла стихи и романы, а иногда являлась въ послѣднихъ дѣйствующихъ лицомъ; она позволяла у себя играть въ карты и бывала у знатныхъ дамъ, платившихъ ей денежными подарками или тряпками за удовольствие имѣть за своимъ столомъ ученую женщину.

Г-жа Benoît была когда то красива; уходъ за своею наружностью и желаніе нравиться, сохранившіеся за предѣлами возраста, обезпечивающаго имъ успѣхъ, доставляли ей еще нѣкоторыя побѣды. Глаза ея съ такой страстью молили о нихъ, ея всегда обнаженная грудь такъ сильно трепетала, чтобъ ихъ одержать, что нужно же было удовлетворить откровенному желанію и воспользоваться легкостью исполнить его, что впрочемъ для мужчинъ не составляетъ особеннаго труда, разъ отъ нихъ не требуютъ постоянства. Откровенно-сладострастный видъ г-жи Benoît былъ для меня совершенною новостью; я видѣла на прогулкахъ тѣхъ жрицъ удовольствія, неприличное поведеніе которыхъ оскорбительнымъ образомъ указывало на ихъ профессію; тутъ былъ другой отгѣнокъ; меня неменѣе удивила та поэтическая лесть, которую передъ ней расточали, и выраженія: мудрая Benoît, цѣломудренная Benoît, нѣсколько разъ повторявшіяся въ этомъ стихотвореніи и заставлявшія ее отъ времени до времени прикрывать глаза скромнымъ вѣромъ, между тѣмъ какъ нѣсколько мужчинъ съ восторгомъ рукоплескали похвалямъ, которыя они, вѣроятно, считали умѣстными. Я вспомнила то, что узнала изъ книгъ о волокитствѣ, то, что нравы вѣка и развратъ двора должны были къ этому прибавить сердечной испорченности и умственной извращенности; я видѣла извѣженныхъ мужчинъ, расточавшихъ свой восторгъ передъ легкомысленными стихотвореніями, передъ пустыми талантами, передъ страстью плѣнить ихъ всѣхъ, вѣроятно, не любя никого, такъ какъ тотъ, кто посвящаетъ себя счастью любимаго предмета, не расточаетъ себя взорамъ толпы. Я чувствовала припадокъ отвращенія и ненависти къ людямъ среди предметовъ, подстрекавшихъ мое во-

ображеніе и, полная такой меланхоліи, возвращалась въ свое уединеніе. Мы больше не были у г-на Vaze; съ меня довольно было одного раза, а лобзанія Иибера и похвальные рѣчи въ честь г-жи Benoit выдѣчили бы мою мать отъ желанія возить меня туда. Мы также, несмотря на приглашенія и связи, часто предлагаемыя намъ, благодаря любезности г-жи l'Épine, не бывали больше на концертахъ барона de Bask, очень пріятныхъ, но порой также очень скучныхъ вслѣдствіе претензій этого меломана. Также рѣдко мы посѣщали концерты, чрезвычайно многочисленныя, извѣстныя подъ именемъ любительскихъ. Мы были тамъ одинъ разъ, въ сопровожденіи нѣкоего г-на Boyard de Creusy, сочинившаго для своей забавы методичку для гитары, одинъ экземпляръ которой онъ испросилъ у матери моей позволеніе преподнести мнѣ. У него были чрезвычайно приличныя манеры; я упоминаю о немъ, какъ о человѣкѣ, имѣвшемъ достаточно ума, чтобъ понять, что въ положеніи, которое толпа продолжаетъ еще считать высокимъ, а съ удовольствіемъ встрѣчусь съ людьми, которые знали меня въ молодости. Онъ явился ко мнѣ съ визитомъ, когда я жила въ министерствѣ, и мой пріемъ вѣроятно показалъ ему, что я цѣнила и любила воспоминаніе о времени, которымъ я могу гордиться такъ же, какъ и всѣми другими эпохами моей жизни.

Съ театрами было еще гораздо хуже; мать моя никогда не посѣщала ихъ; при жизни ея меня повели одинъ только разъ въ оперу и одинъ разъ въ „Théâtre Français“; мнѣ было тогда 16 или 17 лѣтъ. Ни въ музыкѣ, ни еще гораздо менѣе въ драматическомъ дѣйствіи „Союзъ любви и искусствъ“ Floquet не далъ мнѣ ничего такого, что способно было бы создать иллюзію или поддержать представленіе, которое я себѣ составила о чарующихъ зрѣлищахъ; холодность сюжета, несвязность сценъ, неприличіе балета мнѣ не понравились; костюмы танцоровъ меня шокировали еще болѣе; они еще носили „rapiers“,—я никогда не видѣла ничего болѣе смѣшного; поэтому критика чудесъ оперы Пирона мнѣ казалась гораздо выше самого этого зрѣлища. Я видѣла въ „Français“ „Шотландку“; это также не очень способно было восхитить меня, одна лишь игра Dumesnil привела меня въ восторгъ. Моему отду иногда приходила фантазія водить меня въ нѣкоторые ярмарочныя театры; ихъ посредственность была мнѣ противна. Я слѣдовательно была предохранена отъ пристрастія къ остроумію, точно такъ, какъ спартанскія дѣти были предохранены отъ пьянства, благодаря зрѣлищу его излишествъ; и мое воображеніе не подверглось великимъ потрясеніямъ, которыя могло произвести въ немъ увлеченіе театромъ, еслибъ я присутствовала на самыхъ лучшихъ представленіяхъ; то, что я видѣла въ немъ, заставляло меня удовлет-

воряться чтеніемъ образцовыхъ произведеній великихъ писателей на дому и наслаждаться на досугѣ всѣми ихъ красотами.

Одинъ молодой человѣкъ, очень усердный посѣтитель концертовъ г-жи Г'Ерине, вздумалъ приходить къ мой матери освѣдомляться отъ имени г-жи Г'Ерине о нашемъ здоровьѣ, когда нѣсколько продолжительное отсутствіе могло дать поводъ предположить, что оно, можетъ быть, измѣнило намъ. Приличный видъ, пріятная живость, умъ и особенно рѣдкость визитовъ заставляли прощать эту маленькую уловку, довольно искусно придуманную для того, чтобы быть принятымъ въ домъ; и наконецъ la Blancherie отважился сдѣлать предложеніе. Но такъ какъ я дошла здѣсь до исторіи жениховъ, то нужно пропустить ихъ передъ нами толпой, милое выраженіе, могущее быть выставленное въ видѣ даты на моихъ запискахъ и напомнить о славныхъ дняхъ, когда всѣмъ располагають гуртомъ, вопреки самому великому раздѣленію вкусовъ и желаній. Читатель не забылъ еще испанскаго великана съ руками Исавы, г-на Mignard, столь любезнаго, имя котораго представляло забавный контрастъ съ его наружностью. Послѣ того, какъ онъ самъ признался, что ничему больше не можетъ научить меня на гитарѣ, онъ попросилъ позволенія иногда приходить слушать меня; онъ явился въ чрезвычайно рѣдкіе промежутки и никогда не могъ застать насъ дома. Гордясь талантомъ своей молодой ученицы, считая его своимъ созданіемъ и основывая на этомъ извѣстное право или извиненіе, онъ объявилъ себя дворяниномъ изъ Малаги, котораго несчастья заставили искать заработка въ своемъ знаніи музыки, началъ съ того, что потерялъ голову, и кончилъ тѣмъ, что сталъ говорить вздоръ, чтобы оправдать себя передъ самимъ собой за свои претензіи, послѣ чего рѣшилъ прислать ко мнѣ просить моей руки, не имѣя однако мужества объясниться лично. Такъ какъ увѣщанія лица, которому онъ далъ это порученіе, не въ состояніи было переимѣнить его намѣренія, оно было исполнено; изъ этого воспослѣдовала просьба прекратить свои посѣщенія въ нашемъ домѣ, съ присовокупленіемъ любезностей, которыя обязательно оказывать несчастнымъ. Я узнала о происшедшемъ благодаря шуткамъ моего отца, который любилъ разговаривать со мной о просьбахъ, съ которыми къ нему обращались по поводу меня; и такъ какъ онъ былъ немного тщеславенъ, то не щадилъ людей, въ которыхъ было чтонибудь смѣшное. Бѣдный Мозон овдовѣлъ; онъ далъ себѣ вырѣзать маленькую шишку, украшеніе его лѣвой щеки; онъ намѣревался завести кабріолетъ; мнѣ было 15 лѣтъ; его снова пригласили, чтобы усовершенствовать меня; его воображеніе воспалилось; онъ высоко ставилъ свое искусство; онъ счелъ бы Marcel очень благоразумнымъ: всѣ артисты равны, почему бы не вступить въ число искателей? Онъ

поручилъ передать о своей просьбѣ, и получилъ отказъ, также какъ и Mignard.

Съ той минуты, когда дѣвушка достигаетъ возраста, возвѣщающаго объ ея развитіи, рой жениховъ преслѣдуетъ ея шаги, словно рой пчелъ, жужжащихъ вокругъ только что распустившагося цвѣтка.

Воспитанная строгимъ образомъ и живя чрезвычайно уединенно, я могла быть предметомъ лишь серьезныхъ видовъ, и почтвенный характеръ моей матери, вѣроятность нѣкотораго состоянія, права единственной дочери, — все это могло сдѣлать эти виды очень соблазнительными для многихъ людей.

Женихи явились толпой, и такъ какъ было трудно получить доступъ въ нашъ домъ, большинство ихъ рѣшалось писать мнѣ родителямъ: мой отецъ всегда приносилъ мнѣ письма этого рода. Совершенно независимо отъ указаній на положеніе и состояніе, способъ ихъ изложенія прежде всего оказывалъ вліяніе на мое мнѣніе; я брала на себя набрасывать черновую отвѣта, которую мой отецъ очень точно списывалъ; я заставляла его писать всѣмъ просителямъ отказы съ достоинствомъ, не оставляя надежды, но и не обижая. Такимъ образомъ было поступлено по очереди со всею молодежью моего квартала; мнѣ не стоило труда сдѣлать такъ, чтобы мои отвѣты понравились большинству. Мой отецъ принималъ во вниманіе одно лишь богатство и имѣлъ для меня претензіи: такъ напр. тотъ, кто слишкомъ еще недавно началъ вести самостоятельное дѣло и чье нищество въ настоящемъ или надежды на будущее не обезпечивали большого достатка, не получалъ его одобренія; но если только эти свѣдѣнія оказывались благопріятными, его огорчало, что я не хотѣла давать согласія; здѣсь начали возникать между моимъ отцомъ и мной разногласія, которыя современемъ лишь увеличивались. Онъ любилъ и уважалъ торговлю, такъ какъ смотрѣлъ на нее, какъ на источникъ богатства; я ее ненавидѣла, потому что въ моихъ глазахъ она была источникомъ корыстолюбія и кошенничества.

Мой отецъ прекрасно понималъ, что мнѣ не могли нравиться люди, причастные къ мастерству въ собственномъ смыслѣ, и его самолюбіе также не позволило бы ему объ этомъ подумать, но онъ не понималъ, чтобы изящный ювелирь, имѣющій дѣло лишь съ красивыми вещами, доставляющими ему большіе барыши, не могъ быть для меня приличной партіей, когда онъ владѣлъ торговымъ домомъ, уже имѣющимъ прочное существованіе и блестящее будущее. Однако ювелирь, также какъ и мелочной торговецъ, котораго онъ считаетъ ниже себя, и богатый торговецъ сукнами, считающій себя выше ихъ всѣхъ, казался мнѣ всецѣло погруженнымъ въ жажду золота, въ расчеты наживы и хитрости для умноженія спо-

собовъ пріобрѣтенія; онъ чуждъ высокимъ идеямъ, утонченнымъ чувствамъ, которыми для меня была дорога жизнь.

Занятая съ дѣтства размышленіями объ отношеніяхъ человѣка въ обществѣ, воспитанная въ самыхъ чистыхъ правилахъ нравственности, знакома въ великими примѣрами, пеужели я для того лишь жила съ Плутархомъ и со всѣми филосогами, чтобы сочетаться бракомъ съ купцомъ, который относительно всего думалъ и чувствовалъ бы иначе чѣмъ я!..

Какъ я уже упоминала, моя разумная мать хотѣла, чтобы я чувствовала себя также на мѣстѣ на кухнѣ, какъ и въ гостиной, на рынкѣ, какъ и на прогулкѣ; я еще сопровождала ее, по возвращеніи моемъ изъ монастыря, когда она сама (а это случалось довольно часто) дѣлала закупки по хозяйству, и въ концѣ концовъ она иногда поручала мнѣ дѣлать ихъ одной, посылая меня съ прислугой. Мясникъ, у котораго она покупала, потерялъ вторую жену, онъ былъ еще молодъ и имѣлъ состояніе въ 50 тыс. экю, которое онъ собирался еще увеличить; я совсѣмъ не знала объ этихъ подробностяхъ, но замѣчала, что мнѣ хорошо прислуживали, оказывая множество любезностей, и очень удивлялась, встрѣчая этого человѣка на прогулкѣ, гдѣ мы бывали по воскресеньямъ, и куда онъ часто являлся въ красномъ черномъ фракѣ и тонкихъ кружевахъ и низко кланялся моей матери, но не подходилъ къ ней. Такъ продолжалось цѣлое лѣто; я захворала; мясникъ каждое утро присылалъ узнавать о томъ, чего мы могли пожелать, и предложить предметы, которыми торговалъ: это чрезвычайно опредѣленное ухаживаніе начинало смѣшивать моего отца и, желая позабавиться, онъ привелъ ко мнѣ нѣкую дѣвицу Michon, особу серьезную и набожную, въ тотъ день, когда она очень торжественно явилась сдѣлать отъ имени мясника предложеніе. „Вы знаете, дочь моя,—сказалъ онъ мнѣ серьезно,—что я принципиально не хочу стѣснять вашихъ привязанностей; вотъ предложеніе, съ которымъ ко мнѣ обратились для васъ“. И онъ повторилъ то, что дѣвица Michon передала ему. Я прикусила губы, немного обиженная тѣмъ, что веселое настроеніе моего отца взваливало на меня отвѣтъ, который онъ долженъ былъ бы дать за меня самъ. „Вы знаете, отецъ мой, отвѣчала я ему, передразнивая его, что я себя чувствую очень счастливою въ настоящемъ своемъ положеніи, и что я твердо рѣшилась не мѣнять его въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; вы можете, согласно съ этимъ намѣреніемъ, рѣшить то, что сочтете нужнымъ“,—и я удалилась. „Но, право,—сказалъ мнѣ позже отецъ мой наединѣ,—эта причина, которую ты сочинила,—это отличный способъ удалить всѣхъ“. — „Этимъ общимъ мѣстомъ, воплотѣ приличнымъ въ устахъ молодой дѣвушки, я оплатила вамъ за вашу шутку, папа, и предоста-

вила вамъ взять на себя обязанность формальнаго отказа, которую не должна была брать на себя".— „Ты отлично выпуталась изъ затрудненія; но скажи мнѣ, что для тебя будетъ приличной партіей".— „То, для для чего вы меня воспитали, пріучивъ думать и развивъ привычку къ занятіямъ: я не знаю, кто тотъ человѣкъ, которому я отдамся; но это будетъ лишь тотъ, съ кѣмъ я смогу объясняться и дѣлиться своими чувствами также, какъ и своими мыслями".— „Среди купцовъ бываютъ люди вѣжливыя и образованныя".— „Да, но не въ томъ родѣ, къ какому я привыкла: ихъ любезность заключается въ нѣсколькихъ фразахъ и поклонахъ; ихъ знанія всегда имѣютъ отношеніе къ денежному сундуку и нисколько не помогли бы мнѣ воспитывать моихъ дѣтей".— „Ты бы ихъ воспитывала сама".— „Этотъ трудъ показался бы мнѣ тяжелымъ, еслибъ его не раздѣлялъ со мной тотъ, кто произвелъ ихъ на свѣтъ".— „Неужели ты думаешь, что жена Lempreug не счастлива? они только что бросили торговлю; они покупаютъ важныя должности; они живутъ роскошно и принимаютъ у себя хорошее общество".— „Я не судья чужого счастья, и не полагаю свое счастье въ богатствѣ; я понимаю супружеское счастье лишь какъ душевный сердечный союзъ; я могу соединиться лишь съ тѣмъ, кто на меня походить, да и то еще нужно, чтобы мой мужъ былъ лучше меня; такъ какъ природа и законъ предоставляютъ ему превосходство, и бы стыдилась его, еслибъ онъ дѣйствительно его не заслуживалъ".— „Тебѣ нуженъ какой-нибудь адвокатъ? Эти кабинетные люди не дѣлаютъ женщинъ очень счастливыми; у нихъ много слѣси и мало денегъ"!— „Но, Господи папа, я не оцѣниваю людей по ихъ званію, я не говорю вамъ, что хочу той или другой профессіи,— я хочу человѣка, котораго бы я могла любить".— „Но если послушать тебя, то такого человѣка нельзя найти среди купцовъ".— „Ахъ!.. мнѣ признаюсь, кажется, что это очень трудно; я не встрѣчала никого среди нихъ, кто бы мнѣ нравился, я имѣю отвращеніе къ этой профессіи".— „Однако, очень пріятно сидѣть спокойно въ своей квартирѣ, въ то время какъ мужъ наживаетъ состояніе. Посмотри на г-жу d'Argens; она также хорошо знаетъ толкъ въ брилліантахъ, какъ и ея мужъ, она въ его отсутствіе ведетъ переговоры съ маклерами; она также торгуется съ покупателями; она продолжала бы торговать даже въ томъ случаѣ, еслибы овдовѣла; у нихъ уже значительное состояніе; они принадлежатъ къ товариществу, недавно купившему Bagnolet. Ты умна; ты даже свѣдуща по этой части съ тѣхъ поръ, какъ прочла трактатъ, который у меня есть, о драгоцѣнныхъ камняхъ, ты бы внушала довѣріе, ты дѣлала бы, что хотѣла; твоя жизнь была бы пріятна, если бы ты захотѣла выйти замужъ за Delorme, Dabreil или l'Obligeois"?— „Послушайте, папа, я слишкомъ хорошо знаю, что въ торговлѣ имѣешь

успѣхъ, лишь продавая дорого то, что покупаешь по самой дешевой цѣнѣ, лишь очень запрашивая и грабя бѣдныхъ рабочихъ; я никогда не соглашусь на что-либо подобное и не буду уважать того, кто этимъ занимается съ утра до вечера: я же хочу быть честной женщиной; и какъ я могу быть вѣрной человѣку, котораго ни во что не ставлю, даже допустивъ, что могла бы выйти за него замужъ?...— Мнѣ кажется, что приблизительно все равно, продавать ли брилліанты или пирожки, развѣ только, что послѣдніе продаются по опредѣленной цѣнѣ, что съ ними меньше обманываютъ, но больше пачкаются; я не хочу дѣлать ни того, ни другого". — „Неужели же ты думаешь, что нѣтъ честныхъ людей въ купечествѣ"? — „Я не хочу этого утверждать; но я увѣрена, что ихъ почти совсѣмъ нѣтъ; и еще и честные люди между ними не обладаютъ всѣмъ тѣмъ, чего я ищу въ мужѣ". — „Ты очень требовательна; а если ты не найдешь свою химеру"? — „Умру дѣвушкой". — „Это можетъ оказаться болѣе тяжело, чѣмъ ты думаешь; впрочемъ, у тебя есть еще время объ этомъ подумать: но въ одинъ прекрасный день ты начнешь скучать, толпы уже не будутъ вокругъ тебя,—ты вѣдь знаешь басню"! — „О! я отомщу за несправедливость, лишившую меня счастья, тѣмъ, что постараюсь сдѣлаться достойной послѣдняго". — „Вотъ ты опять въ облакахъ; тамъ хорошо, когда можешь туда подняться, но не такъ то легко тамъ удержаться: помни все-таки, что мнѣ хочется имѣть внуковъ раньше, чѣмъ я слишкомъ состарюсь".

Я бы очень охотно дала вамъ ихъ, подумала я про себя, когда мой отецъ, прекративъ діалогъ, удалился; но во всякомъ случаѣ я буду ихъ имѣть лишь отъ человѣка, который будетъ ко мнѣ подходить. На меня напала нѣкоторая меланхолія, когда я смотрѣла на окружающихъ меня людей, среди которыхъ я не видѣла никого, кто бы способенъ былъ сойтись со мной во вкусахъ, но продолжалось это чувство не долго; я чувствовала себя счастливой въ настоящемъ и заволакивала будущее смутной надеждой: это было полнотою благополучія, которое отливаетъ и на будущее, освобождая отъ всякаго беспокойства. „Не на этотъ ли разъ, сударыня? — сказалъ мнѣ однажды мой отецъ съ притворной серьезностью и тѣмъ довольнымъ видомъ, который онъ имѣлъ всегда, когда у него просили моей руки; прочтите это письмо"? Оно было очень хорошо написано по картинности и слогу и вызвало краску на моемъ лицѣ. Господинъ Morizot de Rozain выражался довольно изищно; но онъ обращалъ вниманіе на то, что его фамилія находилась въ книгѣ дворянскихъ родовъ его провинціи; а мнѣ казалось достойнымъ фата или неблаговоспитаннымъ хвастаться преимуществомъ, которымъ я не обладала и которое не было основанія предполагать, чтобы я искала. „И это опять не подлежитъ разсмотрѣнію,

сказала я, качая головой; нужно однако заставить высказаться этого господина; еще одно или два письма, и я узнаю его насквозь и соответственно съ этимъ напишу отвѣтъ". Всякій разъ, какъ дѣло шло о томъ, чтобы писать, мой отецъ былъ очаровательно послушенъ и охотно списывалъ то, что я писала. Меня забавляло разыгрывать роль отца; я обсуждала свои собственные интересы со всей серьезностью, которой этотъ предметъ заслуживалъ, и писала, какъ бы про себя, въ стилѣ и съ благоразуміемъ отца. Отъ г-на de Rozain получилось до трехъ объяснительныхъ писемъ; я ихъ долго хранила, такъ какъ они были очень хорошо написаны; они доказали мнѣ, что недостаточно еще было одного остроумія, чтобы нравиться мнѣ, если человѣкъ не обладалъ выдающимся умомъ и той душой, которую ничто не можетъ замѣнить и которая не доступна описанію, но тотчасъ же чувствуется. Къ тому же Rozain не имѣлъ ничего, кромѣ званія адвоката; моего же тогдашняго состоянія не могло хватить на двухъ, и онъ не представлялъ совокупности достоинствъ, которыми бы могли заставить преодолѣть это препятствіе.

Объявляя о поголовномъ ополченіи искателей моей руки, я не общала назвать ихъ всѣхъ по имени, и мнѣ это охотно простять; я хотѣла лишь показать странность положенія, заставлявшаго свататься ко мнѣ многихъ людей, которыхъ я не всегда даже видала въ лицо, и предоставлявшаго мнѣ свободу самой звѣшживать, подходила ли ко мнѣ партія и почему. Я правда иногда замѣчала въ церкви или на прогулкѣ новыя лица, наблюдавшія или слѣдовавшія за мной, и говорила про себя: „мнѣ скоро придется писать какой-нибудь отвѣтъ для моего папы!“ Но я никогда не видѣла никого, кто бы меня плѣнилъ или произвелъ впечатлѣніе своей наружностью.

Я уже упоминала о томъ, что la Blancherie былъ на столько уменъ, что проникъ въ нашъ домъ и, вѣроятно, почувствовалъ, что прежде, нежели дѣлать предложеніе, слѣдовало постараться понравиться. La Blancherie былъ еще очень молодъ, онъ уже путешествовалъ, много читалъ и даже печатался; его сочиненіе не отличалось большими достоинствами, но въ немъ была нравственная сила и здравыя мысли. Онъ его озаглавилъ: „Выписки изъ моихъ путешествій для поученія отцовъ и матерей“. Это очевидно не было слишкомъ скромно, но ему можно было это простить, такъ какъ онъ опирался на очень почтенные авторитеты въ философіи, довольно удачно ссылаясь на нихъ, и возмущался съ жаромъ честной души холодностью или небрежностью родителей, какъ распространенной причиною разврата, губящаго молодежь. La Blancherie, маленькаго роста, брюнетъ и довольно некрасивый, не плѣнилъ моего воображенія; но его умъ нравился мнѣ и мнѣ казалось, что я сама очень нравлюсь ему.

Однажды вечеромъ мы съ моею матерью вернулись отъ дѣдушки и бабушки и застали моего отца въ нѣсколько задумчивомъ настроеніи: „У меня новость, сказалъ онъ, улыбаясь: La Blancherie только что ушелъ, проведя у меня больше двухъ часовъ; онъ открылъ мнѣ свою тайну и такъ какъ она касается васъ, сударыня, то я долженъ сообщить ее вамъ (заключеніе это не было очень строго-логично, но мой отецъ имѣлъ обыкновеніе его выводить). Онъ любитъ тебя и предложилъ мнѣ быть моимъ зятемъ; но у него ничего нѣтъ; и это было-бы безумствомъ, которое я далъ ему почувствовать. Онъ занимается адвокатурой; онъ охотно купилъ-бы какую-нибудь судебную должность, но его законнаго наслѣдія было-бы недостаточно для этого; онъ вообразилъ себѣ, что если-бы онъ нравился намъ, приданое его жены пополнило-бы то, чего ему недостаетъ, и такъ какъ у насъ единственная дочь, то молодая семья могла бы первые годы жить съ нами. Онъ мнѣ наговорилъ по поводу всего этого прекрасныя вещи, отлично укладывающіяся въ молодой головѣ; но для осторожныхъ родителей нужно что-нибудь болѣе надежное. Пусть онъ откроетъ контору или купитъ должность, словомъ пусть онъ составитъ себѣ положеніе, а затѣмъ рѣшимъ; будетъ еще время жениться послѣ этого; было бы нелѣпостью жениться предварительно... Къ тому же еще нужно испытать человѣка; не долго навести основательныя справки; я предпочелъ-бы, чтобы онъ не былъ дворяниномъ, но имѣлъ какія нибудь сорокъ тысячъ экю. Онъ довольно добрый малый: мы долго бесѣдовали; мои доводы его нѣсколько огорчили, но онъ ихъ понялъ; онъ кончилъ тѣмъ, что просилъ меня не отказывать ему отъ дома, и просилъ объ этомъ такъ любезно, что я согласился, лишь-бы онъ не приходилъ чаще, чѣмъ обыкновенно. Я сказалъ ему, что ничего не скажу тебѣ; но такъ какъ ты благоразумна, то я предпочитаю ничего не скрывать отъ тебя“. Нѣсколько вопросовъ моею матери и мудрыхъ размышленій на тему о томъ, что слѣдовало подумать, прежде чѣмъ почувствовать склонность къ кому-бы то ни было, избавили меня отъ необходимости что-либо сказать, но не отъ того, чтобы помечтать.

Расчетъ моего отца былъ правиленъ, но все же предложеніе молодого человѣка не было безрасудно; я чувствовала желаніе видѣть его и извучать съ болѣшимъ интересомъ и любопытствомъ. Случаи къ этому представлялись не часто; прошло нѣсколько мѣсяцевъ; la Blancherie уѣхалъ въ Орлеанъ и я увидѣла его лишь два года спустя. Въ этотъ промежутокъ времени я чуть не вышла замужъ за врача Gardanne; одна наша родственница хлопотала объ этомъ бракѣ. Это была г-жа Desportes; родомъ изъ Прованса, она была замужемъ въ Парижѣ за купцомъ; оставшись очень молодой вдовой съ единственною дочерью, она продолжала вести ту торговлю драгоценными вещами, которую мой отецъ

находилъ столь пріятной. Умъ, честность, большая ловкость и прекрасныя манеры снискали ей всеобщее уваженіе; можно было-бы подумать, что она занималась торговлею лишь ради оказанія услугъ обращающимся къ ней лицамъ; не выходя изъ своей квартиры, прекрасно обставленной, гдѣ она принимала приличное общество, въ которомъ иногда бывали тѣ люди, которые дѣлали покупки ради удовлетворенія своей роскоши или моды, она поддерживала свое маленькое состояніе и свой достатокъ, не допуская потерь, но и не увеличивая его. Она была очень преклонныхъ лѣтъ, ей помогала дочь ея, которая, благодаря нѣжной своей привязанности къ ней, отказалась отъ брака, чтобы остаться со своей матерью въ самомъ тѣсномъ союзѣ.

Gardanne былъ землякомъ г-жи Desportes; природный умъ, южная живость, большая подготовка и сильное желаніе имѣть успѣхъ позволяли надѣяться, что этотъ молодой докторъ сдѣлаетъ карьеру, которую онъ уже хорошо началъ. Г-жа Desportes, принимавшая его съ тою покровительственною добротой, которая подобала ея характеру, возымѣла фантазію сдѣлать его мужемъ своей маленькой кузины: она умерла съ этимъ планомъ, который дочь ея рѣшила привести въ исполненіе.

Gardanne желалъ и боялся брака; взвѣсивъ преимущества и неудобства великой братіи, онъ не преслѣдовалъ исключительно, подобно мнѣ съ моею романтическою головою, мысли о личной склонности; онъ все принималъ въ расчетъ. За мной давали въ приданое лишь 20 тысячъ, но надежды на будущее искупали ограниченность этого приданого; денежные условія были обсуждены раньше, чѣмъ я что-нибудь знала: дѣло было покончено, когда со мной заговорили о томъ, чтобы выйти замужъ за одного доктора. Профессія эта мнѣ нравилась; она позволяла надѣяться, что человѣкъ будетъ просвѣщенный, но нужно было узнать его самого. Устроили прогулку въ Люксембургъ; предполагалось, что дождь захватитъ насъ по дорогѣ; и дѣйствительно, онъ пошелъ или боялись, чтобы онъ не пошелъ: укрылись у одной подруги г-жи Desportes, дѣвицы de la Barre, большой янсенистки, которая была въ восторгѣ отъ этого обстоятельства и предложила намъ угощеніе, во время котораго ея врачъ и землякъ какъ разъ явился къ ней съ визитомъ.

Обѣ стороны очень приглядываются другъ къ другу; я не подавала вида, что присматриваюсь, но тѣмъ не менѣе ничего не упустила изъ виду. Моя кузина торжествовала, — она какъ-бы говорила: „я не утверждала, что она хорошенькая, но что вы объ ней скажете?“ Моя добрая мать имѣла нѣжный и мечательный видъ; дѣвица de la Barre острила и восхитительно угощала своимъ вареньемъ и массой конфектъ; докторъ довольно много болталъ, ѣлъ сласти, говоря, отчасти

изъ любезности, отъ которой нѣсколько пахло школьной скамьей, что онъ очень любить „la douceur“; на что молодая дѣвушка отвѣтила застѣнчивымъ голосомъ, нѣсколько покраснѣвъ и слегка улыбувшись, что мужчинъ обвиняли въ чрезмѣрной любви къ ней (douceur), потому что они очень нуждаются въ томъ, чтобы ее выказывали по отношенію къ нимъ. Эта колкость, повидимому, разсмѣшила остроумнаго доктора. Мой отецъ уже охотно далъ-бы свое благословеніе; онъ былъ такъ любезенъ, что это взбѣсило меня. Докторъ удалился первый, на свою вечернюю практику; мы возвратились домой, такъ же, какъ и пришли, и вотъ что называлось свиданіемъ! Дѣвица Desportes, строго соблюдавшая внѣшнія формы, устроила все такимъ образомъ, потому что въ домъ, въ которомъ никого не принимаютъ и гдѣ находится дѣвушка, молодой человѣкъ, имѣющій намѣреніе жениться, можетъ имѣть доступъ лишь тогда, когда его предложеніе принято; но за то, разъ это сдѣлано, нужно написать сперва контрактъ и тотчасъ послѣ того отпраздновать свадьбу: это—незыблемый законъ. Докторъ въ своей профессиональной одеждѣ никогда не бываетъ привлекательнымъ для молодой дѣвушки; я никогда въ жизни не могла представить себѣ любовь въ парижѣ. Gardanne со своими тремя молотками, своимъ педантскимъ видомъ, своимъ южнымъ произношеніемъ, своими черными, близко сросшимися бровями, казался гораздо болѣе способнымъ расколаживать любовное волненіе, чѣмъ возбуждать его. Я инстинктивно чувствовала это, хотя эта мысль и не пришла мнѣ тогда въ голову; я имѣла о бракѣ такое цѣломудренное представленіе, что не находила ровно ничего смѣшного въ его предложеніи. „Ну что-жь, спросила меня моя добрая мать, какое на тебя произвелъ впечатлѣніе этотъ господинъ? понравится ли онъ тебѣ?—Мама, я не могу такъ скоро отдать себѣ въ этомъ отчетъ.— Но ты же можешь сказать, не чувствуешь-ли къ нему отвращенія?—Ни отвращенія, ни влеченія; но то или другое можетъ еще возникнуть. — Какъ! нужно же однако знать, что отвѣтить, если прійдутъ сдѣлать формальное предложеніе. — И этотъ отвѣтъ будетъ связывать?—Конечно, когда даешь слово честному человѣку, слѣдуетъ сдержать слово. — А если онъ не понравится? — Благоразумная дѣвушка, которая не рѣшается на что-нибудь изъ каприза, уже не отказывается отъ такого важнаго рѣшенія, лишь только она взвѣсила его мотивы. — Значитъ надо рѣшиться на основаніи этого свиданія? — Это не совсѣмъ такъ; отношенія г-на Gardanne къ роднымъ даютъ намъ возможность судить объ его жизни, нравахъ; нѣсколько справокъ могутъ помочь оцѣнить его характеръ; вотъ главныя основанія для принятія рѣшенія; свиданіе съ человѣкомъ устраивается лишь ради удовлетворенія пустого приличія. — Ахъ! мама, я не спѣшу выходить замужъ. — Вѣрю тебѣ, дитя мое;

но твое назначеніе выйти замужъ, и ты достигла возраста наиболѣе для этого подходящаго; ты отказала многимъ женихамъ изъ купечества, хотя ты по своему положенію именно среди нихъ можешь имѣть больше всего жениховъ; ты, повидному, рѣшила не выбирать себѣ мужа изъ этой среды; партія, которая тебѣ представляется теперь, удовлетворяетъ всѣмъ внѣшнимъ условіямъ; смотри, не отклоняй ея легкомысленно. — Мнѣ кажется, что у меня есть еще время объ этомъ подумать; самъ г-нъ Gardanne, можетъ быть, еще не рѣшился; вѣдь онъ наконецъ никогда раньше не видалъ меня. — Это справедливо; но если у тебя одна лишь эта отговорка, то она не долго будетъ имѣть силу: впрочемъ я не требую отвѣта сію-же минуту; ты подумаешь и сообщишь мнѣ свои соображенія черезъ два дня". И сказавъ мнѣ эти слова, моя мать поцѣловала меня въ лобъ и оставила меня моимъ мечтамъ.

Разумъ и природа дѣйствуютъ за одно, чтобы убѣдить благоразумную и скромную молодую дѣвушку въ томъ, что она должна выйти замужъ, и потому размышленіе можетъ коснуться лишь предмета выбора. А относительно самаго выбора доводы моей матери были довольно справедливы. Я разсудила къ тому-же, что мое временное согласіе, что-бы объ этомъ ни говорили, не могло меня окончательно связать; что было-бы нелѣпо считать меня связанной, изъ-за того, что я согласилась видѣть въ домѣ своего отца человѣка, который желалъ жениться на мнѣ; и я прекрасно чувствовала, что если-бы онъ мнѣ не понравился, никакія соображенія не заставили-бы меня выйти за него замужъ. Я, слѣдовательно, рѣшила про себя, что не скажу нѣтъ, но оставила за собой право подумать.

Мы собирались уѣхать въ деревню, гдѣ должны были провести двѣ недѣли; я нашла, что если-бы мы отложили путешествіе въ ожиданіи жениха, мы-бы уронили свое достоинство; моя мать была согласна со мной: но передъ нашимъ отъѣздомъ въ одинъ прекрасный день явилась дѣвица de la Bagge, въ большомъ парадѣ, сдѣлать отъ имени доктора то, что называли предложеніемъ. Мои родители отвѣтили общими мѣстами, принятыми для тѣхъ случаевъ, когда соглашались и рѣшались про себя, что подумають; испросили для жениха позволеніе засвидѣтельствовать свое почтеніе лично; оно было дано. Дѣвица Desportes, всегда осторожная, заключила, что она должна была привести его, и семейное угощеніе, на которомъ были также дѣвица de la Bagge и одна моя родственница, ознаменовало формальное вступленіе этого господина въ отеческій домъ. Мы уѣхали на слѣдующій день въ деревню, для того именно, чтобы провести тамъ время того, что называютъ „справками“. Это второе свиданіе не больше тронуло меня, чѣмъ первое; но Gardanne показался мнѣ человѣкомъ умнымъ,

съ которыми женщина думающая можетъ жить; а въ моей неопытности я думала, что разъ только возможно разсуждать и понимать другъ друга, существуетъ основаніе для супружескаго счастья. Мать моя замѣчала у него нѣкоторые признаки властнаго характера; но это меня не беспокоило. Я привыкла изучать самое себя, упорядочивать свои привязанности, владѣть своимъ воображеніемъ, я была проникнута строгостью и возвышенностью обязанностей жены, и потому совсѣмъ не представляла себѣ, какую-бы разницу составлялъ для меня нѣсколько болѣе или менѣе кроткій характеръ въ человѣкѣ и какъ онъ могъ-бы требовать отъ меня большаго, чѣмъ я сама. Я разсуждала, какъ философъ, все высчитывающій, и какъ отшельникъ, не знающій ни людей, ни страстей. Я принимала свое кроткое и любящее, великодушное и чистое сердце за обычную мѣрку нравственности человѣческаго рода и долгое время впадала въ эту ошибку; она была единственнымъ источникомъ моихъ заблужденій. Я спѣшу обратить вниманіе на это: это значитъ заранѣе дать ключъ къ пониманію моего внутренняго міра.

Я уѣхала въ деревню полная какого-то безпокойства; это не было тѣмъ сладкимъ волненіемъ, которое мнѣ обыкновенно внушало ея восхитительное зрѣлище и благодаря которому я еще съ большимъ восторгомъ наслаждалась ея трогательной прелестью. Я чувствовала себя наканунѣ новаго положенія; мнѣ предстояло повинуть, быть можетъ, свою чудесную мать, свои любимыя занятія, свое милое уединеніе, наконецъ нѣкоторую независимость, ради новаго положенія, которое я опредѣляла себѣ неясно и которое возложило-бы на меня большія обязанности: я полагала, что было доблестно быть обязанной ихъ исполнять и что я была создана, чтобъ принять ихъ на себя. Но я, словомъ, не все понимала; я испытывала желаніе и страхъ неизвѣстности. Дѣвица Desportes взяла съ меня обѣщаніе, что я ей напишу, я сдержала свое слово; но къ концу второй недѣли я узнала, что у нея была большая непріятность. Мой отецъ, понимавшій все буквально, считалъ необходимымъ, чтобы хорошо выдать дочь замужъ и исполнить отцовскія обязанности, навести по всѣмъ правиламъ то, что онъ называлъ справками. Gardanne былъ представленъ намъ одной нашей родственницей, знавшей его семью и его самого; всевозможныя свѣдѣнія о немъ были доставлены; нужды нѣтъ, — мой отецъ написалъ при самомъ началѣ дѣла въ Провансъ, тремъ или четыремъ лицамъ, чтобы справиться о мельчайшихъ особенностяхъ, касающихся семьи и личности доктора: его бдѣтельность не ограничилась этимъ во время нашего отсутствія; онъ пустилъ въ ходъ всякія средства, чтобы черезъ свою прислугу и поставщиковъ разузнать объ образѣ жизни своего будущаго зятя. Это не все: онъ отправился къ нему съ

интентомъ и съ ловкостью равной той, которую онъ пускалъ въ ходъ для своихъ развѣдываній, показывая всѣмъ, для чего онъ ихъ дѣлалъ, онъ захотѣлъ показать ему, что хорошо освѣдомленъ; онъ чрезвычайно неловко упомянулъ объ его соотечественникѣ, съ которымъ тотъ былъ въ большой ссорѣ, какъ о человѣкѣ, заслуживающемъ уваженія; онъ присоединилъ къ своимъ замѣчаніямъ преждевременные совѣты въ отеческомъ тонѣ. Gardanne одновременно получилъ и письмо со своей родины, гдѣ надъ нимъ смѣялись за дознанія, къ которымъ онъ давалъ поводъ, и свѣдѣнія о тщательныхъ изслѣдованіяхъ, производившихся вокругъ него, и, наконецъ, педагогическое поученіе своего предполагаемаго тестя. Огорченный, обиженный, раздраженный, онъ отправляется къ дѣвицѣ Desportes, жалуется съ юною горячностью на странные поступки человѣка, дочь котораго чрезвычайно привлекательна и виновата только тѣмъ, что имѣетъ столь страннаго отца; дѣвица Desportes, столь-же горячая и очень гордая, не одобряетъ, чтобы были такъ мало увлечены ея кузиной, чтобы жаловаться на эти маленькія непріятности, и довольно плохо принимаетъ его. Съ той минуты, какъ я узнала объ этихъ подробностяхъ, я съ поспѣшностью воспользовалась случаемъ выйти изъ своей неизвестности и написала, что надѣюсь по своему возвращенію не видѣть болѣе этого господина. Такимъ образомъ разстроился бракъ, который Gardanne рассчитывалъ привести къ концу въ теченіе недѣли, слѣдовавшей за моимъ возвращеніемъ: я была рада, что избавилась отъ узъ, которыми хотѣли закрѣпить меня такъ внезапно; моя мать, испуганная горячностью доктора, вздохнула, какъ-бы освобожденная отъ опасеній и съ другой стороны нѣсколько огорченная; мой отецъ постарался скрыть нѣкоторый стыдъ и неудовольствіе подъ видомъ большого достоинства; моя кузина сохранила все свое достоинство, отказавъ доктору отъ своего дома, и пять лѣтъ спустя дѣвица de la Vierge еще говорила ей, что этотъ бракъ былъ предопредѣленъ небомъ, что ея другъ не заключилъ другого, что перстъ провидѣнія готовилъ сближенія, которыхъ мы не могли предвидѣть.

Прекрасное пророчество! Оно имѣло такую же цѣну, какъ билетъ въ Шатръ!

Здоровье моей матери стало незамѣтно разстроиваться; у нея былъ нараличъ, который смягчили въ моихъ глазахъ, давъ ему, съ ея согласія, названіе ревматизма; хотя она не обманывалась, но желала, чтобы я не беспокоилась. Серьезная и молчаливая, она съ каждымъ днемъ утрачивала свою живость; она любила сосредоточиваться и заставляла меня иногда выходить изъ дому съ моей горничной, не желая покидать своей комнаты. Она часто говорила со мной о

моемъ замужествѣ и сожалѣла, что я не могла принять ни одной изъ представлявшихся партій. Однажды, между прочимъ, она съ грустью уговаривала меня дать свое согласіе честному торговцу драгоцѣнными камнями, сдѣлавшему мнѣ предложеніе. Въ пользу его говорить, сказала она мнѣ, репутація большой честности, нравственности и кротости, хорошее состояніе, которое можетъ сдѣлаться блестящимъ, а это побочное свойство также является однимъ изъ достоинствъ посредственнаго человѣка. Онъ знаетъ, что твой образъ мыслей необыченъ; онъ высказываетъ къ тебѣ большое уваженіе, сочтетъ за честь слѣдовать твоимъ совѣтамъ, и уже говорить, что не былъ-бы противъ того, чтобы его жена кормила своихъ дѣтей; ты-бы имъ руководила.—Ахъ! мама, я совсѣмъ не хочу имѣть мужа, которымъ-бы я руководила: это былъ-бы слишкомъ большой ребенокъ.—Но знаешь-ли, что ты можешь показаться довольно странной, такъ какъ ты также не хотѣла-бы вѣдь имѣть властелина?—Пойми меня, дорогая мама; я не хочу человѣка, который-бы мной командовалъ, онъ-бы меня лишь научилъ сопротивляться; но я также не хочу, чтобы мнѣ было нужно управлять своимъ мужемъ. Или я очень ошибаюсь, или эти люди въ 5 футовъ высоты съ бородой на подбородкѣ не очень упустятъ случай дать почувствовать, что они сильнѣе; человѣкъ, которому-бы пришла фантазія напомнить мнѣ объ этой силѣ, меня-бы раздражилъ, а своего владычества я стыдилась-бы, если-бы онъ позволялъ собой править. — Я понимаю; ты-бы хотѣла поработить кого-нибудь, кто-бы, исполняя твою волю, считалъ-бы себя господиномъ.—Это опять не то; я ненавижу рабство; но я не считаю себя созданной для власти, она-бы меня стѣсняла: для моего ума довольно заботы справляться съ собой. Я хочу вдохновить человѣка, достойнаго моего уваженія, такого, чтобы я могла гордиться близостью съ нимъ и чтобы онъ свое счастье полагалъ въ томъ, чтобы дѣлать меня счастливой, сообразно съ тѣмъ, какъ въ силу своего ума и привязанности будетъ понимать это счастье. — Счастье, дитя мое, не всегда является тѣмъ совершенствомъ отношеній, какимъ ты себѣ его представляешь; если-бы это счастье не существовало помимо этого совершенства, оно-бы отсутствовало почти во всѣхъ супружествахъ.— Я и не знаю такихъ, которымъ-бы я завидовала. — Положимъ, что это такъ, но среди этихъ супружествъ, которымъ ты не завидуешь, можетъ быть есть такія, которыя предпочтительнѣе тому, чтобы всегда оставаться въ дѣвушкахъ. Я могу умереть раньше, чѣмъ ты думаешь; ты-бы осталась одна со своими отцемъ; онъ еще молодъ, и ты себѣ не представляешь всѣхъ горестей, которыхъ моя нѣжность страшится за тебя: какъ-бы я была спокойна, если-бы я тебя оставила замужемъ за порядочнымъ человѣкомъ раньше, чѣмъ

покину этотъ міръ!“ Эти послѣднія мысли меня удручили; моя мать, казалось, приподнимала страшную завѣсу надъ темнымъ и страшнымъ будущимъ, котораго я даже не подозрѣвала: я никогда не думала, что должна была ее потерять; одинъ бѣглый взглядъ на эту утрату, о которой она мнѣ говорила, какъ будто она была близкой, наполнилъ меня ужасомъ; страшная дрожь пробѣжала по моему тѣлу; я устремила на нее дикіе глаза, и улыбка ея заставила ихъ пролить слезы. „Что это! ты испугалась? Какъ будто не слѣдуетъ въ предпринимаемыхъ рѣшеніяхъ взвѣшивать всѣ случайности! Я не больна, хотя и переживаю критическое время, перевороты котораго иногда становятся пагубными; но именно, когда люди здоровы, они должны думать о противоположномъ; настоящій случай меня къ этому особенно побуждаетъ. Добрый и достойный человѣкъ предлагаетъ тебѣ свою руку; тебѣ 20 слишкомъ лѣтъ; у тебя не будетъ больше столько жениховъ, сколько ихъ представлялось въ истекшія 5 лѣтъ: я могу умереть, и потому не отказывай мужу, который, правда, не обладаетъ той утонченностью, которой ты придаешь такую цѣну (утонченность, всегда очень рѣдкая даже въ тѣхъ, въ которыхъ думаешь ее найти), но который будетъ нѣжно любить тебя и съ которымъ ты будешь счастлива.— Да, мама, воскликнула я съ глубокимъ вздохомъ, счастьемъ подобнымъ вашему!“ Моя мать смутилась, ничего не отвѣтила мнѣ и не раскрывала больше со мной рта ни объ этомъ бракѣ, ни о какомъ-либо другомъ, по крайней мѣрѣ съ тѣмъ, чтобы торопить меня. Слово вырвалось, какъ вырывается выраженіе сильнаго, необузданнаго чувства; дѣйствіе, произведенное имъ, доказало мнѣ его слишкомъ большую справедливость.

Посторонніе должны были съ перваго взгляда замѣтить чрезвычайную разницу, существовавшую между моею матерью и моимъ отцомъ; и кто могъ больше меня чувствовать все превосходство первой? Но я собственно не взвѣшивала того, какъ она должна была страдать; при-выкшая съ дѣтства видѣть, что въ домѣ царилъ величайшій миръ, я не могла знать, трудно ли было его поддерживать: мой отецъ любилъ свою жену и нѣжно любилъ меня; у моей матери никогда не только не срывался упрекъ,—она не подавала даже вида недовольства; когда она не раздѣляла мнѣніе своего мужа и не могла измѣнить его, можно было подумать, что она отказывается отъ своего мнѣнія безъ всякаго усилія. Только въ послѣдніе годы разсужденія моего отца возбуждали во мнѣ тягостное чувство и я иногда позволяла себѣ вступать въ споръ; я приобрѣла благодаря этому нѣкоторое вліяніе; вскорѣ я стала пользоваться имъ съ извѣстной смѣлостью. Новизна-ли, слабость-ли, но мой отецъ скорѣе уступалъ мнѣ, чѣмъ своей женѣ; я пользовалась этимъ для нея; я, такъ сказать, сдѣлалась сторожевой собакой моей матери; въ

моемъ присутствіи не позволялось мучить ее, и либо лая, дергая платье за фалды, чтобы задрать, либо не на шутку сердясь, я всегда могла его заставить выпустить свою добычу; что было удивительно, это то, что я была столь-же сдержана, какъ была моя мать относительно своего мужа; я никогда не говорила ей наединѣ и вдали отъ моего отца ничего такого, что-бы противорѣчило дочернему уваженію. Я, чтобы защитить ее, употребляла силу, скажу даже авторитетъ разума, когда недостаточно было изобрѣтательной хитрости; но съ глазу на глазъ я-бы не проронила слова относительно происшедшаго. Ради нея, я могла даже бороться съ ея мужемъ; но когда этотъ мужъ отсутствовалъ, онъ былъ лишь моимъ отцомъ, о которомъ каждая изъ насъ молчала, если не нужно было выражать ему благодарности. Я замѣчала однако, что мой отецъ постепенно утратилъ свою привычку къ труду; сначала дѣла его общины отвлекали его, затѣмъ они выработали въ немъ потребность чаще отлучаться изъ дому; незамѣтно онъ увлекся страстью къ удовольствіямъ; всякое зрѣлище или событіе внѣ дома привлекало его; къ этому примѣшалась любовь къ игрѣ; знакомства, заключенныя въ кафѣ, завели его въ другія мѣста. Его соблазнила лотерейная приманка. Желаніе разбогатѣть заставило его испробовать торговныя предпріятія, чуждыя его искусству, и которыя не всегда были счастливы; это желаніе, когда онъ утратилъ привычку къ работѣ, заставило его нести по рискованнымъ предпріятіямъ потери. По мѣрѣ того, какъ онъ меньше изощрялъ свой талантъ, онъ утрачивалъ его, его способности уменьшились, а благодаря менѣе правильной жизни зрѣніе его ухудшилось, рука утратила твердость. Его молодые люди, за которыми хозяинъ уже не такъ присматривалъ, все хуже замѣняли его; скоро пришлось сократить ихъ число, потому что мода перешла въ другія мѣста. Эти перемѣны произошли незамѣтно и постепенно, и ихъ дѣйствіе стало чрезвычайно чувствительно, раньше чѣмъ успѣли взвѣснить все ихъ значеніе. Моя мать, очень задумчивая, стала иногда полупамеками высказывать мнѣ свое безпокойство; я боялась усиливать его, говоря о томъ, чего ни она, ни я не могли измѣнить. Я старалась ей давать чувствовать все удовлетвореніе, которое зависѣло отъ меня; она стала очень лѣнива на ходьбу,—я приносила для нея ту жертву, что уходила отъ нея, чтобы идти со своимъ отцемъ, котораго я просила водить меня гулять; онъ не искалъ моего общества, какъ бывало, чтобы имѣть меня при себѣ, но ему еще доставляло удовольствіе сопровождать меня, и я возвращала его съ нѣкоторыхъ торжествовъ своей доброй матери, все умиленіе которой, когда мы собирались вмѣстѣ, я чувствовала. Мы не всегда выигрывали отъ этого: для того, чтобы не отказывать своей дочери и въ то-же время не поступаться другими своими удовольствіями, отецъ, приведя меня домой, снова уходилъ, на ми-

ниту, говорилъ онъ; но вмѣсто того, чтобы вернуться къ ужину, онъ забывалъ время и возвращался въ полночь. Мы молча плакали; и если мнѣ случалось при его возвращеніи высказать ему наше огорченіе, онъ относился къ этому легко, отклоняя мои кроткія жалобы шутками, или удалялся съ молчаливыми неудовольствіемъ. Семейное счастье скрывалось за этии тучами; но миръ не нарушался, и равнодушные глаза не замѣтили-бы переиѣтъ, совершавшихся каждый день.

Моя мать очень страдала уже больше года отъ чего-то въ родѣ заложения носа, походившаго на насморкъ, причину котораго доктора не могли понять; послѣ разныхъ лекарствъ, они особенно совѣтовали движеніе, котораго она уже не любила, и хорошей деревенскій воздухъ. Дѣло было незадолго до Троицына дня 1775 г.; было рѣшено, что мы отправимся провести эти праздники въ Медонъ. Я не проснулась въ воскресенье утромъ, какъ привыкла это дѣлать, когда мы собирались на эти загородныя прогулки; меня одолѣвалъ тяжелый и прерывистый сонъ и снились зловѣщія видѣнія: мнѣ видѣлось, что мы возвращались въ Парижъ по рѣкѣ, преслѣдуемые грозой, и что при выходѣ изъ галіоты, въ которой мы ѣхали, трупъ, который выносили изъ нея, задержалъ меня на моемъ пути: это зрѣлище поразило меня ужасомъ; я старалась понять, кто былъ этотъ печальный трупъ. Въ эту-же минуту моя мать, слегка дотронувшись до моихъ ногъ, и называя меня по имени своими кроткими голосомъ, разбѣла мой сонъ; я была въ восхищеніи увидѣть ее, какъ будто она меня спасла отъ величайшей опасности: я протянула къ ней руки и поцѣловала ее съ умиленіемъ, говоря ей, что она мнѣ очень помогла тѣмъ, что разбудила. Я вскакиваю съ постели; мы дѣлаемъ всѣ распоряженія и уѣзжаемъ. Погода была хорошая, воздухъ тихъ, маленькій ботикъ скоро привезъ насъ къ нашему мѣстопребыванію и деревенскія радости вернули мнѣ мое спокойствіе. Моя мать послѣ путешествія чувствовала себя хорошо, она стала нѣсколько дѣятельнѣе; это было на второй день, что мы открыли Villebonne и фонтанчика „Moulin Rouge“. Я обѣщала своей Агатѣ пойти ее навѣстить на второй день праздниковъ; мы вернулись во вторникъ вечеромъ: моя мать собиралась сопровождать меня въ монастырь; но такъ какъ моціонъ предъидущихъ дней немного утомилъ ее, то она въ минуту ухода переиѣнила рѣшеніе и отправила со мною мою горничную. Я захотѣла было остаться; она настояла на томъ, чтобы я сдержала слово, прибавивъ, что я хорошо знала, что она охотно оставалась одна, и что если я желала прогуляться въ „Jardin du Roi“, я могла себя доставить это удовольствіе.

Я посѣтила Агату, но скоро ушла отъ нея: Отчего ты такъ скоро уходишь?—говорила она мнѣ; тебя стало быть ждуть?—Нѣтъ; но мнѣ хочется скорѣе вернуться къ мамѣ. — Ты мнѣ сказала, что она

здорова? — Это правда, она меня также не ждет такъ рано, но не знаю, что меня беспокоитъ, мнѣ нужно увидать ея.— При этомъ мое сердце противъ воли сжималось.

Можетъ быть подумаютъ, что эти событія сочинены подъ влияніемъ отраженнаго чувства, придающаго свою окраску предметамъ, предшествовавшимъ ему; но я лишь точный историкъ и передаю факты, о которыхъ лишь послѣдующія событія напомнили мнѣ.

Изъ изложенія моихъ взглядовъ и особенно послѣдовательнаго развитія идей, которыя я усвоила, можно было, конечно, догадаться, что я также мало раздѣляла тогда нѣкоторые предразсудки, какъ мало суевѣрна и теперь. Поэтому, размышляя о томъ, что могло дать поводъ къ тому, что называютъ предчувствіями, я думаю, что они заключаются въ томъ быстромъ, у людей съ живымъ умомъ и утонченнымъ чувствомъ, воспріятіи массы незамѣтныхъ вещей, которыхъ невозможно было-бы даже назвать, которыя скорѣе чувствуются, чѣмъ обсуждаются, и въ результатѣ которыхъ получаютъ волненія, не подлежащія объясненію, но освѣщаемыя и оправдываемыя послѣдствіями.

Чѣмъ больше предметъ внушаетъ намъ интереса къ себѣ, тѣмъ проникательнѣе и воспримчивѣе мы бываемъ по отношенію къ нему,— тѣмъ болѣе въ насъ тѣхъ физическихъ воспріятій, которыя впоследствии называются предчувствіями и которыя древніе считали предзнаменованіями или совѣтами боговъ.

Моя мать была для меня самымъ дорогимъ человекомъ; она приближалась къ смерти безъ того, чтобы какіе-нибудь внѣшніе признаки извѣстили объ этомъ посторонніе глаза, мое вниманіе не улавливало ничего такого, что-бы заставило ожидать этого страшнаго удара; но въ ней, вѣроятно, были легкія измѣненія, волновавшія меня безъ моего вѣдома; я не могла-бы сказать тогда, что беспокоилась, я-бы не знала о чемъ,—но я чувствовала себя встревоженной, мое сердце порой сжималось, когда я устремляла на нее глаза, и вдали отъ нея я ощущала тягостное чувство, не позволявшее мнѣ тамъ оставаться. Я покинула Агату такимъ страннымъ образомъ, что она просила тотчасъ-же ей написать о себѣ; я успѣшно вернулась, несмотря на замѣчанія горничной, находившей, что время было очень благопріятно для прогулки по Jardin du Roi. Приближаясь къ дому, я увидала у дверей дѣвушку, жившую по сосѣдству, которая воскликнула при видѣ меня: — „Ахъ! сударыня, ваша мать почувствовала себя очень плохо; она пришла за моей матерью, которая вмѣстѣ съ нею отправилась къ ней въ комнату“. Пораженная ужасомъ, я произношу какіе-то бессвязные звуки; я лечу, стремительно бросаюсь; я нахожу свою мать на креслѣ, съ откинутой головой, опущенными руками, блуждающими глазами, полуоткрытымъ ртомъ: при видѣ меня ея лицо оживляется; она хочетъ

говорить; ея скованный языкъ съ трудомъ произноситъ недоконченныя слова: она хочетъ сказать, что ждетъ меня съ нетерпѣніемъ; она дѣлаетъ усиліе, чтобы приподнять свои руки, лишь одна изъ нихъ повинуется побужденію ея воли: она кладетъ руку свою на мое лицо, вытираетъ пальцами своими слезы, покрывающія его, тихонько проводитъ ими по моимъ щекамъ, какъ-бы для того, чтобы успокоить меня; желаніе улыбнуться изображается на ея лицѣ, она пробуетъ говорить... напрасная попытка! Параличъ сковываетъ ей языкъ, отягчаетъ голову, разбиваетъ половину ея тѣла. Маточная вода (горькая), соль во рту, растиранія, все это не производитъ никакого дѣйствія; сіп-же минутою я отправила людей за докторомъ и за моимъ отцомъ, съ быстротою молніи сбѣгала въ ближайшую аптеку за рвотнымъ порошкомъ; докторъ пришелъ, моя мать была въ постели, лекарства давались, но успѣхи болѣзни росли съ ужасающей быстротою, глаза были закрыты, голова, склоненная на грудь, не могла уже приподниматься, учащенное и тяжелое дыханіе показывало общее изнеможеніе, однако она слышала то, что ей говорили, и если ее спрашивали, страдаетъ ли она, она клала лѣвую руку на лобъ, какъ-бы для того, чтобы показать, гдѣ у нея болѣло. Я была невыразимо дѣятельна, я приказывала и сама исполняла раньше, чѣмъ исполняли другіе, я, казалось, не отходила отъ изголовья ея постели и въ то-же время приготавливала то, что было нужно; въ 10 ч. вечера я вижу, что докторъ отводитъ въ сторону нѣсколькихъ женщинъ и моего отца; я хочу знать, что онъ предлагаетъ, мнѣ говорятъ, что отправились за священникомъ; мнѣ кажется, будто я это вижу во снѣ. Является священникъ, молится и дѣлаетъ не знаю что, я машинально держу восковую свѣчу, стоя прямо у изголовья постели, не отвѣчая и не уступая тѣмъ, которые хотятъ меня согнать съ моего мѣста, съ глазами, устремленными на мою умирающую и обожаемую мать, поглощенная однимъ чувствомъ, лишаящимъ меня на послѣдокъ всѣхъ моихъ способностей; восковая свѣча выпадаетъ изъ моей руки, я падаю безъ чувствъ, меня уносятъ, я прихожу въ сознаніе нѣкоторое время спустя въ гостиной, смежной съ ея комнатой, окруженная родственниками; я устремляю глаза на дверь, встаю, меня удерживаютъ, я дѣлаю умоляющіе знаки, чтобы получить разрѣшеніе вернуться... Грустное молчаніе, угрюмое и твердое сопротивленіе, все препятствуетъ мнѣ; ко мнѣ возвращаются силы, я прошу, я вскакиваю, они неумолимы, я вхожу въ какое-то бѣшенство. Въ эту минуту является мой отецъ, онъ блѣденъ и молчаливъ: они какъ будто предлагаютъ ему безмолвный вопросъ, онъ отвѣчаетъ движеніемъ глазъ, которое заставляетъ ихъ испускать жалобныя стоны. Я укрываюсь отъ надзора своихъ пораженныхъ хранителей, и выхожу стремительно: моя мать... ея уже не стало! Я приподнимаю ея руки,

не вѣря этому, я то открываю, то закрываю эти глаза, которые меня больше не увидать и которые смотрѣли на меня съ такой нѣжностью: я ее зову, я кидаюсь на ея постель въ изступленіи, прикладываю свои губы къ ея губамъ, растворяю ихъ, стараюсь вдохнуть въ себя смерть, надѣюсь спасти ее своимъ дыханіемъ и умереть на мѣстѣ. Я не знаю хорошо, что было затѣвъ, я помню, что къ утру я оказалась у сосѣда; туда появился г-нъ Vespard, который велѣлъ меня снести въ карету и увезъ къ себѣ. Я пріѣзжаю, моя двоюродная бабушка меня безмолвно обнимаетъ, сажаетъ меня за маленькій столъ и даетъ мнѣ чего-то выпить, умолая это сдѣлать, я хочу исполнить ея желаніе,—и лишаюсь чувствъ; меня кладутъ въ постель, и я въ ней провела двѣ недѣли между жизнью и смертью, въ страшныхъ судорогахъ. Физическое страданіе, сохранившееся у меня въ памяти, — это постоянное удушье, мое дыханіе превратилось въ какое-то завываніе, которое было слышно съ улицы; какъ мнѣ говорили впоследствии, во мнѣ свершился переворотъ, который въ силу моего положенія былъ опасенъ и отъ котораго я могла вылечиться только благодаря силѣ моего организма и великолѣпному уходу, которымъ меня окружили. Мои почтенные родные удалились въ маленькія комнаты, чтобы помѣстить меня удобно; они какъ-бы вдохнули въ себя новую бодрость, чтобы возвратить мнѣ жизнь, и не позволяли, чтобы наемныя руки что-либо подавали мнѣ; они захотѣли сами прислуживать мнѣ, и въ непосредственномъ уходѣ допустили лишь помощь г-жи Trude, рожденной Robineau, молодой женщины, моей кузины, приходившей всякій вечеръ проводить у меня ночь; она спала въ моей постели, и вся была поглощена тѣмъ, чтобы предусмотрѣть и смягчить судорожные припадки, которые часто дѣлались у меня.

Недѣля прошла, я еще не могла плакать,—у великаго горя нѣтъ слезъ.

(Я проливаю въ эту минуту слезы, которая горьки и жгучи, такъ какъ я опасаясь еще худшаго зла, чѣмъ то, которое терплю; я всѣ свои пожеланія направила на спасеніе того, что люблю; это спасеніе болѣе сомнительно, чѣмъ когда-либо! Несчастья напромождаются, словно темная и страшная туча, готовая покрыть, заволокнуть все то, что мнѣ было дорого, я съ трудомъ стараюсь отвлечь свое вниманіе отъ настоящаго, принуждая себя изображать прошлое).

Письмо отъ Софьи вновь открыло источникъ слезъ; голосъ дружбы, нѣжныя выраженія заставили меня собраться съ духомъ, смягчили мое сердце; они произвели дѣйствіе, котораго ванны и искусство врачей тщетно добивались; это было новымъ переворотомъ, я заплакала, я была спасена. Удушье уменьшилось, всѣ припадки болѣзни осла-

бѣли и судороги дѣлались рѣже; но всякое тяжелое впечатлѣніе возобновляло ихъ приступы.

Мой отецъ явился ко мнѣ въ траурномъ одѣяніи, свидѣтельствомъ о нашей общей, хотя и не одинаково прочувствованной утратѣ; онъ принялся меня утѣшать, доказывая мнѣ, что Провидѣніе даже въ самомъ несчастіи устраивало все къ лучшему, что моя мать закончила на этомъ свѣтѣ свою задачу, воспитаніе своей дочери, и что если мнѣ нужно было потерять мать или отца, хорошо было, что небо оставило мнѣ того изъ нихъ, который могъ быть наиболѣе полезнымъ для моего состоянія; моя утрата была, конечно, непоправима даже въ этомъ отношеніи, какъ то доказали событія, но мнѣ эта мысль не пришла въ голову, я лишь почувствовала сухость мнимаго утѣшенія, столь плохо приноровленнаго къ моему образу мыслей. Я, можетъ быть, въ первый разъ измѣрила все разстояніе, раздѣлявшее насъ съ отцомъ; мнѣ показалось, будто онъ самъ сорвалъ почтительную завѣсу, сквозь которую я на него смотрѣла, я почувствовала себя совсѣмъ сиротой, потому что моей матери уже не было, а мой отецъ никогда не пойметъ меня...

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ.

Въ тюрьмѣ Св. Пелагіи, 10 сентября 1793.

Моей матери было не больше пятидесяти лѣтъ, когда смерть столь жестоко похитила ее у меня; оказалось, что причиной страннаго заложенія носа, столь долго беспокоившаго ее, былъ нарывъ въ головѣ, неизвѣстно какъ образовавшійся и обнаружившійся только благодаря вытеченію матеріи черезъ носъ и черезъ уши; второй ударъ паралича, вѣроятно, не былъ-бы смертельнымъ безъ этого осложненія. Ея кроткое и свѣжее лицо не предвѣщало ея безвременной кончины; случаи недомоганія, казалось, являлись принадлежностью возраста, который женщины рѣдко минуютъ безъ поврежденія здоровья; меланхолія, даже уныніе, которыя я въ ней съ нѣкотораго времени замѣчала, я объясняла нравственными причинами, слишкомъ для меня понятными.

Наши послѣднія прогулки за городъ ее повидимому оживили; въ тотъ самый день, когда я лишилась ея, я ее оставила здоровой въ три часа дня: я вернулась въ 5¹/₂ часовъ и застала ее разбитою параличемъ; въ полночь ея уже не стало. Какія мы слабыя игра-

лица безжалостной судьбы, отчего столь горячія чувства и великія намѣренія связаны со столь браннымъ существованіемъ?

Такимъ образомъ покинула жизнь одна изъ лучшихъ и прелестнѣйшихъ женщинъ, когда-либо жившихъ на свѣтѣ. Ничего блестящаго въ ней не обращало на себя вниманіе, но все заставляло ее любить, когда ее узнавали ближе. Она была благоразумна и добра по природѣ, и добродѣтель, казалось, не стоила ей усилій; она умѣла придавать ей такой-же кроткій и снисходительный видъ, какова была сама. Разумная и спокойная, нѣжная, хотя и не страстная, ея чистая и безмятежная душа дышала, подобно тому, какъ течетъ покорная рѣка, съ одинаковой снисходительностью омывающая подножіе скалы, захватившей ее въ плѣнъ, и долину, которую она украшаетъ. Эта внезапная утрата познакомила меня съ глубокой печалью горя и самымъ дикимъ изступленіемъ.

„Прекрасно быть одаренной душой; но несчастье имѣть столько души“, грустно говорилъ, глядя на меня, аббатъ Legrand, который пришелъ навѣстить меня у дѣдушки и бабушки. Когда въ моемъ состояніи наступило улучшеніе, успѣвши пригласить или принять, одного за другимъ, различныхъ инокъ знакомыхъ, чтобы освоить меня съ внѣшними предметами. Я казалась отсутствующею въ томъ свѣтѣ, гдѣ меня видѣли; сосредоточенная въ своемъ горѣ, я почти не замѣчала того, что происходило вокругъ меня; я совсѣмъ не разговаривала или отвѣчала на свои мысли вмѣсто того, чтобы слѣдить за мыслями другихъ, я имѣла видъ помѣшанной; дорогой образъ, никогда не выходившій у меня изъ памяти, порою пробуждалъ страшное чувство его утраты, я испускала внезапные крики, мои распростертныя руки кочевѣли и я теряла сознаніе. Я была неспособна ни въ какому напряженію, но иногда у меня были хорошія минуты, когда я чувствовала грусть своихъ родныхъ, ихъ доброту ко мнѣ, нѣжную заботливость моей кузины, и когда я старалась уменьшить ихъ безпокойство. Аббатъ Legrand догадался, что со мной нужно было много говорить о моей матери, чтобы сдѣлать меня способной думать о чемъ-либо другомъ; онъ и началъ со мной говорить о ней и незамѣтно навелъ меня на размышленія, на мысли, которыя хотя и не были чужды ей, но отвлекали отъ постоянного воспоминанія объ ея утратѣ. Лишь только онъ счелъ меня способной хоть слегка просморгнуть книгу, онъ принесъ мнѣ Элоизу Руссо; чтеніе этой книги дѣйствительно было моимъ первымъ развлеченіемъ. Мнѣ исполнился 21 годъ; я уже много читала; я знала довольно большое число писателей, историковъ, литераторовъ и философовъ; но Руссо произвелъ на меня тогда впечатлѣніе подобное тому, какое на меня произвелъ Плулархъ, когда мнѣ было 8 лѣтъ: повидимому это была наиболѣе

подходящая для меня пища, истолковавшая чувства, которыя были во мнѣ до того, но которыя онъ одинъ умѣлъ мнѣ объяснить.

Плутархъ подготовилъ меня стать республиканкой; онъ пробудилъ ту силу и ту гордость, которыя являются отличительными чертами республиканскаго духа; онъ вдохнулъ въ меня настоящій энтузіазмъ общественной добродѣтели и свободы; Руссо показалъ мнѣ семейное счастье, къ которому я могла стремиться, и невыразимыя наслажденія, которыя я способна была вкушать. Ахъ! ему удалось окончательно предохранить меня отъ того, что называютъ слабостями; но могъ-ли онъ меня оберечь отъ страсти? Для жизни въ извращенный вѣкъ, въ которомъ я должна была жить, во время революціи, которую я совсѣмъ не предвидѣла, я съ давнихъ поръ принесла съ собой все, что могло меня сдѣлать способной къ великимъ жертвамъ и подвергнуть меня большимъ несчастьямъ. Смерть будетъ для меня лишь концомъ тѣхъ и другихъ. Я жду ее и не подумала-бы заполнить короткое разстояніе, отдѣляющее меня отъ нея, повѣстью о моей собственной жизни, если-бы клевета не вывела меня на сцену, чтобы еще болѣе жестоко напасть на тѣхъ, кого она хочетъ погубить. Я люблю обнаруживать дѣйствительные факты тамъ, гдѣ они касаются не меня одной, и я не хочу замолчать ни одного изъ нихъ, чтобы ихъ связь послужила къ ихъ выясненію.

По возвращеніи своемъ къ отцу я испытала все то, что заставляетъ перечувствовать видъ мѣстъ, въ которыхъ жили съ предметомъ, котораго уже нѣтъ; приняли довольно неловкую предосторожность снять портретъ моей матери, словно это пустое мѣсто не должно было мнѣ напомнить еще болѣе мучительно, чѣмъ ея изображеніе, утрату, которую я понесла; я его тотчасъ-же потребовала, мнѣ его возвратили. Такъ какъ хозяйственныя хлопоты касались меня одной,—я ими занялась; но они были немногочисленны въ семьѣ, состоявшей изъ трехъ лицъ. Я никогда не понимала, чтобы эти хлопоты могли поглощать женщину, любящую порядокъ и дѣятельную, какъ-бы ни была значительна ея семья,—въ этомъ случаѣ есть больше людей, чтобы ихъ раздѣлять; нужно только правильное распредѣленіе и нѣкоторая внимательность. Я въ этомъ отношеніи прошла черезъ нѣсколько различныхъ положеній, но никогда ничто не дѣлалось у меня безъ моего приказанія; и даже когда эти хлопоты у меня занимали больше времени, они никогда не брали у меня больше двухъ часовъ въ день. Всегда имѣешь досугъ, если умѣешь заниматься; не хватаетъ времени для всего тѣмъ людямъ, которые ничего не дѣлаютъ. Впрочемъ не удивительно, что женщины, которыя дѣлаютъ или принимаютъ бесполезныя визиты и которыя считали-бы себя недостаточно разряженными, если-бы не посвящали много времени своему зеркалу, находятъ, что время тянется

отъ скуки, но бѣжить слишкомъ быстро для исполненія ихъ обязанностей; но я видала такъ называемыхъ хорошихъ хозяекъ, невыносимыхъ для свѣта и даже для своихъ мужей благодаря утомительной поглощенности своими мелкими хлопотами; я ничего не знаю болѣе неосноснаго, чѣмъ эта слабость, и болѣе способнаго заставить человѣка увлекаться какою угодно другою женщиною, но не своею женою; такая женщина должна казаться своему мужу очень хорошею ключницей, но не лишитъ его желанія искать въ другомъ мѣстѣ развлеченій. По моему мнѣнью, женщина должна держать или заставлять держать въ порядкѣ бѣлье и вещи, кормить дѣтей, заказывать или даже стрипать кушанья, не разговаривая объ этомъ; она должна дѣлать это съ беззаботностью и умѣнемъ распредѣлять минуты, которыя-бы ей давали возможность говорить о чемъ-либо другомъ и, наконецъ, правиться какъ своимъ настроеніемъ, такъ и изяществомъ, свойственнымъ ея полу. Я имѣла случай замѣтить, что приблизительно тоже, что и въ семьѣ, происходитъ въ управленіи государствомъ: пресловутыя хозяйки, вѣчно говорящія о своихъ хлопотахъ, либо оставляютъ много дѣла несдѣланнымъ, либо затрудняютъ его для другихъ; общественные дѣятели, болтливые и вѣчно хлопочущіе, кричатъ о затрудненіяхъ только вслѣдствіе своей неспособности справиться съ ними или невѣжества въ дѣлѣ управленія.

Мои занятія стали мнѣ болѣе дороги, чѣмъ когда либо; они были мнѣ утѣшеніемъ: еще болѣе предоставленная сама себѣ, и находясь часто въ грустномъ настроеніи, я почувствовала потребность писать. Я любила отдавать себѣ отчетъ въ своихъ мысляхъ: писаніе содѣйствовало ихъ уясненію; когда я не писала, я скорѣе мечтала, чѣмъ размышляла; во время писанія я сдерживала свое воображеніе и слѣдила за ходомъ разсужденія. Я уже раньше начала нѣсколько сборниковъ, теперь я ихъ расширила подъ заглавіемъ „*Oeuvres de loisir et réflexions diverges*“. Я не имѣла много намѣренія, какъ фиксировать на бумагѣ свои мнѣнія и имѣть свидѣтельства о своихъ чувствахъ, которыя бы я могла когда-нибудь сравнить между собой, такимъ образомъ, чтобъ ихъ послѣдовательность и ихъ измѣненія послужили для меня поученіемъ и иллюстраціей. У меня сохранилась довольно большая связка этихъ твореній дѣвическихъ годовъ, сваленная въ пыльномъ углу моей бібліотеки или, быть можетъ, на чердакѣ. Никогда у меня не было ни малѣйшаго искушенія сдѣлаться писательницей; я очень рано убѣдилась въ томъ, что женщина, которая снимкиваетъ себѣ это званіе, теряетъ больше, чѣмъ пріобрѣтаетъ. Мужчины не любятъ ея, а ея полъ ее критикуетъ; если ея произведенія плохи, надъ нею смѣются,—и хорошо дѣлаютъ; если они хороши,—не вѣрятъ, чтобъ они принадлежали ея перу. Если принуждены

признать, что она сама написала лучшую часть этих произведений, то до такой степени чернять ее личный характер, ее нравственность, поведение и ее таланты, что перевѣшивают репутацию ее ума той оглаской, которой предають ее недостатки.

Къ тому-же моею главною задачею было мое личное счастье, и я никогда не видѣла, чтобы толпа виѣшивалась въ это дѣло, не разстроивъ его. Для меня нѣтъ ничего болѣе пріятнаго, чѣмъ то, чтобы меня цѣнили по достоинству люди, съ которыми я живу, и нѣтъ ничего болѣе бессмысленнаго, чѣмъ поклоненіе лицъ, съ которыми я не должна больше встрѣтиться.

О Боже мой! какую плохую услугу оказали мнѣ тѣ, которые осмѣлились приподнять завѣсу, подъ которою я любила пребывать! Въ теченіе 12 лѣтъ своей жизни я работала съ моимъ мужемъ также, какъ и ѣла съ нимъ, потому что одно для меня было также естественно, какъ и другое. Если цитировали какой-нибудь отрывокъ изъ его произведений, гдѣ находили особенно изящный слогъ, если принимали какую-нибудь академическую бездѣлицу, какія онъ любилъ писать для представленія ученымъ обществамъ, членомъ которыхъ онъ состоялъ, я наслаждалась его удовольствіемъ, не обращая особеннаго вниманія—не было ли это написано мной, и онъ часто, въ концѣ концовъ, убѣждался, что дѣйствительно былъ въ ударѣ, когда писалъ такое-то мѣсто, принадлежавшее моему перу. Во время управленія министерствомъ, когда нужно было высказывать сильныя и великія истины, я въ это дѣло вкладывала всю свою душу; совершенно естественно, что выраженія этой души отличались болѣшими достоинствами, чѣмъ измышленія ума какого-нибудь секретаря. Я любила свою страну; я была проникнута энтузіазмомъ къ свободѣ: я не знала никакихъ интересовъ, ни страстей, которыя могли-бы сравниться съ этими чувствами; мой языкъ долженъ былъ быть чистымъ и патетическимъ,—это былъ языкъ сердца и правды. Я такъ сильно проникалась важностью предмета, что не думала о себѣ. Одинъ только разъ меня разсмѣшила странность контрастовъ въ положеніяхъ. Это было, когда я писала папѣ, чтобы потребовать выдачи французскихъ артистовъ, заключенныхъ въ Римѣ въ тюрьму. Письмо къ папѣ, отъ имени исполнительнаго совѣта Франціи, тайно начертанное женщиной, въ просто обставленномъ кабинетѣ, который Маратъ любилъ называть будуаромъ,—все это мнѣ показалось до того забавнымъ, что я много смѣялась, написавъ письмо. Удовольствіе, доставляемое этими контрастами, заключалось въ самой тайнѣ; но оно по необходимости стало менѣе полнымъ въ положеніи, которое уже не было положеніемъ частнаго человѣка, когда глазъ чиновника отличалъ почерки рукописей, съ которыхъ снималъ копии. Во всемъ этомъ, однако, нѣтъ ничего страннаго, кромѣ необычности; отчего женщина не можетъ исполнять роль

секретаря своего мужа, безъ того, чтобы это умаляло его заслуги? Вѣдь извѣстно, что министры не могутъ все дѣлать сами; и конечно, еслибы жены министровъ стараго режима или даже жены всѣхъ министровъ новаго были способны писать проекты писемъ, циркуляровъ или объявленій, онѣ-бы лучше сдѣлали, употребляя свое время на это, чѣмъ на хлопоты и интриги за всякаго встрѣчнаго и поперечнаго: одно исключаетъ другое въ силу самой сущности вещей. Если-бы тѣ, кто понялъ меня, представили себѣ факты такими, какими они были, они-бы меня избавили отъ нѣкоторой знаменитости, которой я не желала; вмѣсто того, чтобы теперь тратить свое время на опроверженіе лжи, я-бы читала главу изъ Монтеня, рисовала-бы цвѣтокъ или играла какой-нибудь мотивъ, и этимъ услаждала-бы свое уединеніе въ тюрьмѣ, не занимаясь писаніемъ своей исповѣди. Но я забѣгаю впередъ къ эпохѣ, до которой еще не дошла; я безъ сознанія неловкости обращаю на это вниманіе читателя, также какъ и не совѣстно было это сдѣлать; потому что дѣло идетъ о томъ, чтобы описать меня, и нужно чтобы меня видѣли съ моими недостатками. Я не повелѣваю своимъ перомъ, оно меня увлекаетъ, куда ему хочется, и я не сопротивляюсь ему.

Мой отецъ въ первое время своего вдовства искренно старался порѣже выходить изъ дому; но дома онъ скучалъ; и съ тѣхъ поръ, какъ любовь къ искусству перестала предотвращать эту болѣзнь, всѣ мои усилія не могли излѣчить ея. Я хотѣла съ нимъ разговаривать; но у насъ было мало общихъ мыслей, и вѣроятно онъ тогда интересовался вещами, которыми-бы не хотѣлъ, чтобы я увлекалась. Я часто играла съ нимъ въ пикетъ; его не очень оживляло играть со своей дочерью; къ тому-же ему было небезизвѣстно, что я ненавиждѣла карты, и какъ я ни желала убѣдить его, что игра мнѣ доставляла удовольствіе, какъ я ни старалась дѣйствительно находить удовольствіе въ томъ, чтобы его развлечь, онъ не сомнѣвался, что это было съ моей стороны снисхожденіемъ. Я хотѣла-бы сдѣлать его домъ пріятнымъ для него, но не имѣла къ тому возможности: я поддерживала сношенія лишь съ дѣдушкой и бабушкой, которыхъ мы ходили навѣщать и которые сами не двигались изъ дому. Нужно было-бы, чтобы онъ самъ собиралъ у себя общество; но у него было общество въ другомъ мѣстѣ, и онъ отлично сознавалъ, что было-бы не прилично меня въ него вводить. Неужели моя мать была дѣйствительно неправа, когда сосредоточивалась въ самое себя и не дѣлала свой домъ достаточно оживленнымъ, чтобы удержать въ немъ своего мужа? Было-бы слишкомъ легкомысленно осуждать ее за это; и было-бы также несправедливо считать моего отца столь достойнымъ порицанія за нѣкоторыя ошибки, отъ которыхъ онъ самъ пострадалъ. Иныя сцѣпленія несчастій неизбѣжно

проникаютъ отъ первичной причины, и нужно всегда возвращаться къ этой послѣдней, чтобы найти объясненія для всего.

Законодатели нашего вѣка стремятся создать общее благо, отъ котораго будто-бы зависить счастье каждаго отдѣльнаго человѣка; я очень боюсь, что они начинаютъ дѣло съ конца. Было-бы болѣе сообразно съ природой и, можетъ быть, съ здравымъ смысломъ, хорошо изучить то, что образуетъ семейное счастье, и упрочить его за личностями такимъ образомъ, чтобы общее счастье составлялось изъ счастья каждаго въ отдѣльности, и чтобы всѣ были заинтересованы въ поддержаніи порядка вещей, который имъ доставилъ это счастье. Какъ-бы ни были прекрасны писанные принципы конституціи, но если я вижу часть людей, принявшихъ ее, въ горѣ и слезахъ, я буду ее считать не больше, чѣмъ политическимъ уродомъ; если тѣ, которые не плачутъ, радуются страданіямъ другихъ, я скажу, что она ужасна, и что ея творцы—глупцы или злодѣи.

Въ бракѣ, гдѣ мужъ и жена не подходятъ другъ къ другу, добродѣтель одного изъ двухъ можетъ поддерживать порядокъ и миръ, но отсутствіе счастья рано или поздно заставляетъ себя чувствовать и влечетъ за собой болѣе или менѣе серьезныя затрудненія. Построеніе такихъ союзовъ походитъ на систему нашихъ политиковъ: его основанія не крѣпки; оно должно рухнуть въ одинъ прекрасный день, вопреки искусству, потраченному на его сооруженіе.

Моя мать могла привлекать къ себѣ лишь людей, которые-бы походили на нее, а такіе люди были-бы не по плечу моему отцу: съ другой стороны тѣ, ежедневное общество которыхъ доставляло-бы ему удовольствіе, были-бы въ тягость моей матери и несовмѣстны съ тѣмъ, какъ она хотѣла меня воспитывать. Ей, поэтому, пришлось удовлетвориться семьей и тѣми поверхностными сношеніями, которыя доставляютъ знакомства, но не образуютъ тѣсныхъ связей.

Все шло хорошо, пока мой отецъ, обладая пріятною профессіей и молодою женой, находилъ въ своемъ домѣ работу и наслажденія, которыя были для него необходимы. Но онъ былъ годомъ моложе своей жены, и она съ раннихъ поръ стала хворать; нѣкоторыя обстоятельства уменьшили его усердіе къ работѣ; страсть къ наживѣ заставила его броситься въ рискованныя предпріятія; съ той поры все было потеряно. Любовь къ труду — основная добродѣтель человѣка въ обществѣ, а въ особенности человѣка съ неразвитымъ умомъ; лишь только любовь эта замираетъ, появляется опасность; если она гаснетъ, человѣкъ отдается заблужденіямъ страстей, всегда болѣе пагубнымъ, когда меньше обязанностей, потому что тогда ничто уже не сдерживаетъ. Овдовѣвъ въ такую минуту, когда ему нужны были-бы новыя цѣпи у себя дома, мой бѣдный отецъ завелъ лю-

бовницу, чтобъ не дать своей дочери мачихи; онъ игралъ въ карты, чтобъ покрыть недостатокъ заработка или свои издержки; и не переставая быть честнымъ человѣкомъ, боясь повредить кому-бы то ни было, онъ потихоньку разорялся. Мои родные, добрые люди, не свѣдущіе въ дѣлахъ и къ тому-же очень вѣрившіе въ привязанность моего отца ко мнѣ, послѣ смерти его жены не потребовали у него предьявленія баланса; имъ казалось, что мои интересы вполне хорошо охраняются имъ; они-бы считали, что наносятъ ему оскорбленіе. Я могла предчувствовать противоположное; но я-бы сочла неприличнымъ раскрыть это; поэтому я смолчала и покорилась.

Итакъ, я оказалась одна въ домѣ, дѣля свое время между мелкими руководѣльными работами и своими занятіями, отъ которыхъ я иногда отвлекалась, чтобъ принимать тѣхъ, которые сердились, что слишкомъ рѣдко заставляли моего отца; у него оставалось всего два ученика, справлявшіеся съ его работой; только одинъ изъ нихъ столовался у него. Моя прислуга была маленькая женщина 55 лѣтъ, худая и проворная, живая и веселая; она меня очень любила, потому что я доставляла ей пріятную жизнь. Она всякій разъ сопровождала меня, когда я выходила безъ моего отца; а мои прогулки всегда ограничивались квартирой дѣдушки и бабушки и церковью. Я не стала опять набожной; но то, чего я уже не обязана была дѣлать ради спокойствія моей матери, я продолжала быть обязанной дѣлать ради общественнаго порядка и назиданія своимъ ближнимъ. Согласно съ этимъ принципомъ, я приносила съ собой въ церковь если не нѣжную набожность прежнихъ дней, то, по крайней мѣрѣ, то-же приличіе и сосредоточенность мыслей. Я уже не слѣдила въ церкви за служебникомъ, а читала тамъ какое-нибудь христіанское сочиненіе; мнѣ попрежнему очень нравился св. Августинъ; и, конечно, есть и другіе отцы церкви, которыхъ можно перечитывать, и не будучи набожной; въ нихъ находишь пищу для сердца и ума. Я захотѣла научиться проповѣдниковъ, живыхъ и мертвыхъ; церковное краснорѣчіе было поприщемъ, гдѣ талантъ могъ проявиться въ полномъ блескѣ. Я уже читала Боссюэ и Флешье; я очень рада была пересмотрѣть ихъ болѣе опытнымъ глазомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ познакомилась съ Бурдалу и Массильономъ; ничего не могло быть забавнѣе, какъ видѣть ихъ на моихъ полкахъ разставленными рядомъ съ По, Рейналемъ и „Системой природы“; но что было еще забавнѣе,—это то, что я, начитавшись проповѣдей, сама захотѣла написать проповѣдь. Меня сердило, что проповѣдники все возвращаются къ чудесамъ; мнѣ казалось, что слѣдовало говорить проповѣди о нравственности, гдѣ діаволъ и воплощеніе были-бы ни при чемъ: я взялась за перо, чтобы увидѣть, какъ я могла-бы справиться съ этимъ, и написала проповѣдь о любви къ ближнему. Я доставила

этими развлеченіе дядечкѣ; онъ сдѣлался къ тому времени каноникомъ въ Венсенѣ и выразилъ сожалѣніе о томъ, что мысль объ этой работѣ не приходила мнѣ въ голову раньше, когда онъ долженъ былъ составлять проповѣди, — онъ-бы тогда пользовался монни. Я часто слышала, какъ перевозносили діалектику Бурдалу; я осмѣливалась не во всемъ раздѣлять мнѣніе его поклонниковъ и написала критику на одну изъ самыхъ почитаемыхъ его проповѣдей, но ее никому не показала; я любила отдавать себѣ отчетъ въ своихъ взглядахъ, но ни передъ кѣмъ не хотѣла умичать. Массильонъ, менѣе гордый, чѣмъ онъ, и гораздо болѣе трогательный, снискалъ себѣ мое уваженіе. Я тогда не знала протестантскихъ ораторовъ, среди которыхъ особенно отличался Blaig; съ такой-же простотой, какъ и изяществомъ, онъ подвизался въ этой области, о существованіи которой я подозрѣвала и которую мнѣ хотѣлось-бы видѣть принятою.

Изъ проповѣдниковъ того времени я слышала аббата l'Elfant въ его послѣдніе хорошіе дни; его характерными чертами мнѣ казались любезность и здравый смыслъ. Отецъ Elisée уже вышелъ изъ моды, несмотря на его превосходную логику и чистоту его слога; въ его умѣ было слишкомъ много метафизическаго и его рѣчь была слишкомъ проста, чтобы долго плѣнять толпу. Парижъ того времени представлялъ изъ себя нѣчто странное; этотъ центръ разврата всего королевства былъ также очагомъ просвѣщенія и вкуса; являлся-ли проповѣдникъ или актеръ, профессоръ или шарлатанъ, — всякимъ, кто обладалъ талантомъ, увлекались поочередно; но величайшій талантъ въ мірѣ не могъ-бы долго сосредоточить на себѣ общественное вниманіе, которому всегда нужно было что-нибудь новое, и которое шумъ привлекалъ такъ-же, какъ и достоинство. Одинъ человекъ, вышедшій изъ знаменитаго ордена іезуитовъ и ставшій миссіонеромъ, появлялся при дворѣ, и этимъ способомъ успѣлъ сдѣлаться предметомъ шумнаго увлеченія. Я также пошла слушать аббата de Beauregard; это былъ маленькій человекъ съ могучимъ голосомъ, декламировавшій съ рѣзкимъ безстыдствомъ и необыкновенной наглостью. Онъ произносилъ вдохновеннымъ тономъ общія мѣста; онъ подчеркивалъ ихъ такими страшными жестами, которые убѣждали многихъ, что эти общія мѣста прекрасны. Я еще не знала такъ хорошо, какъ узнала это впоследствии, что люди, соединенные въ большую толпу, имѣютъ скорѣе большія уши, чѣмъ большой смыслъ; что удивлять ихъ значить прельщать ихъ, и, что тотъ, кто присвоиваетъ себѣ власть приказывать имъ, тѣмъ самымъ склоняетъ ихъ къ послушанію: я не могла достаточно надивиться успѣху этого человека, большого фанатика или большого плута, а можетъ быть — и то и другое вмѣстѣ. Я не достаточно хорошо вдумывалась въ изложеніе условій, при которыхъ

говорились рѣчи съ трибунъ въ древнихъ республикахъ; я-бы лучше представляла себѣ способы производить впечатлѣніе на народъ. Но я никогда не забуду, какъ одинъ простолюдинъ, стоявшій прямо противъ кафедры, гдѣ метался Beauregard, съ глазами, устремленными на оратора, съ раскрытымъ ртомъ, невольно далъ сорваться выраженію своего глупаго восхищенія, вылившася въ трехъ словахъ, которыя я хорошо запомнила: „Какъ онъ потѣтъ!“ Итакъ, вотъ способъ внушать почтеніе глупцамъ! Какъ Фокіонъ былъ правъ, когда изумленный тѣмъ, что ему рукоплескали на народномъ собраніи, онъ спросилъ своихъ друзей, не сказалъ-ли онъ какой-нибудь глупости!

Этотъ г. de Beauregard былъ-бы замѣчательнымъ клубистомъ; и сколько братьевъ народныхъ обществъ своимъ энтузіазмомъ къ наглымъ болтунамъ напомнили мнѣ восклицаніе моего простолюдина: какъ онъ потѣтъ!

Опасность, которой я подвергалась, произвела нѣкоторый шумъ; очевидно находили рѣдкимъ или прекраснымъ, что молодая дѣвушка подверглась опасности умереть съ горя изъ-за смерти матери. Мнѣ выказывали знаки сочувствія, которые мнѣ были дороги; г. de Boislogel былъ однимъ изъ первыхъ, проявившихъ мнѣ сочувствіе; я его не видала со времени его визитовъ къ моей бабушкѣ. Я замѣтила впечатлѣніе, какое произвели на него измѣненія, совершившіяся во мнѣ съ того времени. Онъ явился еще разъ, когда меня не было дома; онъ долго бесѣдовалъ съ моимъ отцомъ, который говорилъ ему, вѣроятно, о моихъ вкусахъ, показалъ ему маленькое убѣжище, гдѣ я проводила свои дни; взглянули на мои книги; мои произведенія, лежавшія на моемъ столѣ, возбудили его любопытство: мой отецъ далъ возможность удовлетворить это чувство, передавъ ему мои тетради.

Большое неудовольствіе и большія жалобы съ моей стороны, когда, возвратившись домой, я узнала о вторженіи въ мое убѣжище: мой отецъ увѣрялъ, что онъ ничего подобнаго не сдѣлалъ-бы по отношенію ко всякому другому человѣку, менѣе серьезному и менѣе достойному уваженія, чѣмъ г. de Boislogel; этотъ доводъ не заставилъ меня примириться съ его поступкомъ, который посягалъ на мою свободу, на мою собственность, который безъ моего позволенія располагалъ тѣмъ, чѣмъ одно довѣріе должно было пользоваться. Но дѣло было сдѣлано. На слѣдующій день я получила отъ г. de Boislogel любезное письмо, слишкомъ мило написанное, чтобы не заслужить ему прощенія за то, что онъ воспользовался нескромностью моего отца, тѣмъ болѣе, что я получила предложеніе пользоваться всѣмъ, что заключалось въ его библіотекѣ. Я не отнеслась къ этому предложенію равнодушно; съ этой минуты мы вступили въ переписку; я въ первый разъ сознательно насладилась великимъ удовольствіемъ, кото-

рое испытываетъ наша чувствительность, наше самолюбіе, когда насъ цѣнять тѣ, чьимъ мнѣніемъ мы дорожимъ.

Г. de Voismogel въ то время уже не жилъ въ самомъ Парижѣ; его любовь къ деревнѣ и желаніе не слишкомъ отдалять свою мать отъ жизни въ столицѣ побудили его купить, ниже Шарантона, помѣстье petit Bergu, — красивый домъ съ садомъ, простиравшимся до береговъ Сены. Онъ очень приглашалъ насъ сдѣлать этотъ домъ цѣлью нашихъ прогулокъ, выражая величайшее желаніе принимать насъ въ немъ. Я помнила пріемъ, который когда-то оказала мнѣ его мать; мнѣ вовсе не хотѣлось опять подвергнуться ему, и я долго противилась настояніямъ моего отца. Онъ настаивалъ, и такъ какъ я не хотѣла отказываться отъ прогулокъ, которыя ему приходило въ голову дѣлать со мной, то мы однажды отправились въ Bergu. Госпожи de Voismogel сидѣли вѣстѣ въ лѣтней гостиной; присутствіе невѣстки, о любезности которой я много слышала, внушило мнѣ вдругъ ту непринужденность, которая мнѣ была необходима, чтобы самой не быть нелюбезной. Мать, которой тонъ читатель не забылъ, котораго годы не сдѣлали болѣе скромнымъ, оказалась, однако, гораздо болѣе вѣжливой съ молодою особой, очевидно чувствующей свою силу, чѣмъ она была съ ребенкомъ, котораго она считала незначительнымъ. — „Какъ она мила, ваша дорогая дочь, господинъ Phlipon! знаете ли вы, что мой сынъ въ восторгѣ отъ нея? Скажите, пожалуйста, сударыня, не хотите ли вы выйти замужъ?“ — Другіе уже объ этомъ думали за меня, но я еще не нашла поводовъ для того, чтобы на это рѣшиться. — „Вы, я думаю, требовательны! Имѣли-ли бы вы что-нибудь противъ человѣка извѣстныхъ лѣтъ?“ — Одно лишь знакомство съ человѣкомъ могло-бы мотивировать влеченіе или отвращеніе. — Такого рода браки болѣе прочны, — молодой человѣкъ часто ускользаетъ, когда мы думаемъ, что привязали его къ себѣ“. — А почему, мать моя, сказалъ г. de Voismogel, который только-что вошелъ, вы-бы не желали, чтобы дѣвица имѣла увѣренность въ своей способности покорить его вполне? — Она одѣта со вкусомъ, сказала г-жа de Voismogel своей невѣсткѣ. — Ахъ, очень хорошо и такъ прилично! отвѣтила молодая женщина тѣмъ сладкимъ тономъ, который отличаетъ однихъ только ханжей, — она принадлежала къ этому разряду людей, и маленькіе локончики на ея пріятномъ 34-хъ лѣтнемъ лицѣ служили тому вывѣской. — И нѣтъ того вороха перьевъ, продолжала она, которыя носить на себѣ легкомысленныя головы! Вы не любите перьевъ, сударыня? — Я ихъ никогда не ношу, сударыня, потому что я дочь художника и выхожу изъ дому пѣшкомъ; мнѣ казалось-бы, что они показываютъ претензію на положеніе и состояніе, которыми я не обладаю. — Но въ другомъ положеніи вы-бы ихъ носили? — Не знаю; я мало придаю значенія

этихъ мелочамъ; я соблюдаю ихъ, лишь поскольку того требуетъ приличіе, и остерегаюсь судить о людяхъ по первому бѣглому взгляду на ихъ туалетъ“.

Отвѣтъ этотъ былъ рѣзокъ; но я произнесла его съ такой кротостью, которая смягчила его колючесть. — „Философъ“! сказала молодая женщина со вздохомъ, какъ-бы понявъ что я не принадлежу къ числу ея единомышленниковъ.

Послѣ чрезвычайно тщательнаго осмотра моей особы, приправленнаго любезностями въ родѣ тѣхъ, о которыхъ я только что упоминала, G. de Voismorel прекратилъ этотъ осмотръ, предложивъ взглянуть на его садъ и библіотеку; я полюбовалась въ первомъ его мѣстоположеніи, и онъ обратилъ тамъ мое вниманіе на великолѣпный ливанскій кедръ; я осмотрѣла съ интересомъ библіотеку, и указала сочиненія и коллекціи, которыя мнѣ хотѣлось, чтобы онъ мнѣ одолжилъ; между прочимъ, я указала на Baule и мемуары академій. Дамы пригласили насъ къ обѣду въ назначенный ими день; мы были на этомъ обѣдѣ, и увидавъ двухъ или трехъ дѣловыхъ людей, приглашенныхъ вмѣстѣ съ нами, я поняла хорошо, что дамы эти подобрали общество для моего отца, не принявъ меня въ соображеніе. Но G. de Voismorel прибѣгнувъ, какъ и въ первый разъ, къ библіотекѣ и саду, гдѣ мы пріятно бесѣдовали: онъ присоединилъ къ намъ своего сына; это былъ молодой человекъ 17 лѣтъ, довольно некрасивый и болѣе странный, чѣмъ любезный. Большое общество, которое явилось вечеромъ и которое я внимательно наблюдала, не показалось мнѣ очень привлекательнымъ, несмотря на свои титулы: дочери маркизовъ, совѣтники, одинъ настоятель и нѣсколько старыхъ баронессъ бесѣдовали съ большою важною, но совершенно также пошло, какъ дамы изъ человеколюбиваго общества, церковныя старосты и ищчане. Эти картины большого свѣта, которыя я урывками улавливала, внушали мнѣ отвращеніе къ нему, все болѣе привязывая меня къ моему образу жизни.

G. de Voismorel пользовался всякимъ случаемъ, чтобы поддерживать знакомство, на которомъ онъ, можетъ быть, строилъ какой-нибудь планъ; онъ старался устраивать такимъ образомъ, чтобы наше общество состояло изъ 4 лицъ—двухъ отцовъ и двухъ дѣтей. Въ такомъ обществѣ онъ повелъ меня въ ближайшій день св. Людовика на публичное засѣданіе французской академіи. Эти засѣданія были тогда иѣстомъ свиданія всего хорошаго общества, и они представляли всѣ контрасты, которыхъ не могли не породить наши нравы и наше безразсудство. Утромъ дня св. Людовика въ маленькой домово́й церкви академіи служили обѣдню, гдѣ пѣли пѣвцы оперы; по окончаніи ея великовѣтскій проповѣдникъ произносилъ похвальное слово въ честь

святого короля. Аббатъ de Vesplas исполнилъ при мнѣ эту обязанность; а его прослушала съ большимъ удовольствіемъ, несмотря на пошлость столь избитаго предмета; онъ усвѣялъ свою рѣчь смѣльными философскими мыслями и косвенными намеками на правительство, которые онъ принужденъ былъ выпустить, когда отдалъ свою рѣчь въ печать. Г. de Voismogel, который былъ съ нимъ знакомъ, тщетно надѣялся получить полный экземпляръ рѣчи, чтобы сообщить его мнѣ; аббатъ de Vesplas, состоявшій при дворѣ въ качествѣ придворнаго священника Monsieur, былъ слишкомъ счастливъ купить прощеніе за свою смѣлость безусловнымъ исключеніемъ мыслей, внушенныхъ ему этой смѣlostью.

Вечеромъ, засѣданіе академіи открывало поприще извѣстнѣйшимъ записнымъ унникамъ королевства, вельможамъ, любившимъ причислять себя къ ихъ составу и показываться въ креслѣ, на глазахъ публики, наконецъ любителямъ, приходившимъ слушать однихъ, видѣть другихъ, показываться всѣмъ, и хорошенькимъ женщинамъ, которыя были увѣрены, что обратятъ на себя ихъ вниманіе.

Я наблюдала за д'Аламберомъ, котораго имя, мелкія произведенія (Mélanges) и энциклопедическія рѣчи возбуждали мое любопытство; его маленькая фигура и тонкій голосъ дали мнѣ поводъ подумать, что интереснѣе знакомиться съ твореніями философа, чѣмъ съ его внѣшностію. Аббатъ Delille подтвердилъ это наблюденіе относительно литераторовъ; недовольнымъ голосомъ онъ прочелъ прелестныя стихи. Похвала Catinat, написанная La Harpe, была представлена для соисканія преміи и вполне достойна полученія ея.

Столь-же скромная въ академіи, какъ и въ церкви, я оставалась такой-же, вполнѣдствіи, и въ театрѣ; я не принимала участія въ шумныхъ рукоплесканіяхъ, съ восторгомъ расточаемыхъ хорошимъ вещамъ, и съ тщеславіемъ—тѣмъ изъ этихъ вещей, относительно которыхъ каждый виѣняетъ себя въ заслугу, что обратилъ на нихъ свое вниманіе; я была очень внимательна, я слушала, не обращая вниманія на зрителей, и когда бывала растрогана, я плакала, не зная даже, что это можетъ показаться кому-нибудь страннымъ. Я имѣла случай замѣтить, что это было новостію; такъ какъ выходя изъ засѣданія академіи, подъ руку съ г. de Voismogel, я увидѣла мужчинъ съ улыбкой показывавшихъ на меня другъ другу; я была не достаточно тщеславна, чтобы подумать, что мною любятъ, но въ этой улыбкѣ ничего не было неучтиваго, и я слышала, какъ говорили о моей чувствительности. Я испытывала какую-то смѣсь удивленія и сладкаго замѣшательства, и была очень рада скрыться отъ взглядовъ толпы.

Похвала Catinat внушила г. de Voismogel мысль интересной поѣздки; онъ предложилъ мнѣ посѣтить Saint-Gratien, гдѣ этотъ ве-

ливій человекъ окончилъ свои дни въ отставкѣ, вдали отъ двора и почестей; это была философская прогулка совершенно въ моемъ вкусѣ. Г. de Voismorel въ Михайловъ день явился со своимъ сыномъ за мной отцомъ и мной; мы отправились въ долину Montmorency, на берега пруда, украшающаго ее; мы добрались до Saint-Gratien, гдѣ отдохнули подъ тѣнью деревьевъ, посаженныхъ Catinat собственно-ручно; послѣ простого обѣда, мы провели остатокъ дня въ очаровательномъ паркѣ Montmorency; мы увидѣли маленькій домъ, въ которомъ жилъ Jean Jacques, и вполне насладились удовольствіемъ, которое доставляетъ созерцаніе прекраснаго вида, когда рассматриваешь его съ людьми, съ которыми одинаково чувствуешь. Въ одну изъ такихъ минутъ отдыха, когда мы въ безмолвіи созерцали величіе природы, г. de Voismorel вынулъ изъ кармана рукопись, написанную его рукой; онъ прочелъ намъ отрывокъ, который онъ списалъ, и который былъ тогда мало извѣстенъ; это былъ рассказъ изъ жизни Монтескье: его разыскалъ въ Марсели молодой человекъ, отца котораго онъ спасъ, и онъ укрылся отъ изъявленной благодарности тѣхъ, кому онъ оказывалъ услугу.

Тронутая великодушіемъ Монтескье, я не особенно восхищалась его упорнымъ отрицаніемъ факта, что онъ, дѣйствительно, былъ обожаемымъ освободителемъ этой восхищенной семьи; великодушный человекъ никогда не ищетъ благодарности; но если прекрасно укрываться отъ ея проявленія, то доблестно принимать выраженіе этой благодарности; я даже думаю, что этимъ оказываешь новую услугу очень чувствительнымъ людямъ, обязаннымъ намъ, такъ какъ для нихъ—это способъ отплатить намъ за наше одолженіе.

Не слѣдуетъ думать, чтобы я себя чувствовала вполне легко, когда мой отецъ бывалъ съ г. de Voismorel; между ними не было личнаго равенства, и это меня мучило; его сынъ очень на меня заглядывался и не нравился мнѣ; мнѣ казалось, что я скорѣе возбуждаю въ немъ любопытство, чѣмъ интересъ; къ тому-же онъ былъ на 3 или на 4 года моложе меня, и это прокладывало между нами значительное разстояніе. Его отецъ это вполне понималъ, и я узнала впоследствии, что онъ однажды сказалъ моему отцу, пожимая его руку: „Ахъ! если-бы мой сынъ былъ достоинъ вашей дочери, я считалъ-бы себя слишкомъ счастливымъ!“ — Я не подозрѣвала ничего подобнаго; я даже не звѣшивала различій; я ихъ чувствовала, и они мнѣ чѣшались что-либо воображать себѣ. Я находила, что г. de Voismorel поступалъ, какъ человекъ умный и чувствительный, уважавшій мой полъ, цѣнившій меня и, такъ сказать, покровительствовавшій моимъ склонностямъ. Его письма походили на него самого; они отличались кроткой серьезностью, носили отпеча-

токъ ума, стоявшаго выше предразсудковъ, и почтительной дружбы. Онъ знакомилъ меня съ тѣмъ, что называли новинками въ ученое и литературное мѣръ. Я рѣдко видалась съ нимъ, но каждую недѣлю получала отъ него письма; и чтобы избѣгнуть частыхъ посылокъ своимъ слугѣ ко мнѣ, а также избавить меня отъ необходимости посылать разсильнаго въ Вегсу, отъ отправлялъ книги, предназначенныя мнѣ, на храненіе къ швейцару своей сестры, г-жи de Favières, куда я за ними посылала. Г. de Voismogel, очень любившій литературу и воображавшій, изъ пристрастія ко мнѣ, что я должна была посвятить себя литературнымъ занятіямъ, быть можетъ также для того, чтобы испытать меня, уговаривалъ меня избрать себѣ какой-нибудь родъ литературы и работать: я сначала посмотрѣла на это, какъ на комплиментъ; но когда онъ снова заговорилъ объ этомъ, и воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы изложить ему мои взгляды по этому предмету, мою вполне одобряемую несклонность какимъ-бы то ни было образомъ выдвигаться, и мою безкорыстную любовь къ занятіямъ; и хотѣла, чтобы послѣдняя сдѣлала меня счастливой, безъ вѣшательства славы, которая мнѣ казалась лишь способной помутить это счастье. Послѣ того, какъ я серьезно изложила ему свой взглядъ, и къ своимъ разсужденіямъ прибавила стихи, налившіеся экспромптомъ, въ которыхъ мысли были лучше, нежели выраженіе; я помню, что, толкуя о бѣгахъ и о томъ, какъ они распределяли блага и обязанности, я говорила:

„Открывая просторъ великимъ и благороднымъ талантамъ мужчинъ, они не положили никакого предѣла ихъ самымъ возвышеннымъ порывамъ. Отъ моего пола, слабого и чувствительнаго, они требуютъ лишь добродѣтели; мы можемъ подражать Титу, но на менѣе трудномъ пути. Наслаждайтесь благомъ быть призванными ко этого рода славѣ; для насъ храмъ памяти находится въ сердцахъ нашихъ друзей“.

Г. de Voismogel иногда отвѣчалъ мнѣ на томъ-же языкѣ; его стихи были не лучше моихъ, но ни тотъ, ни другой изъ насъ не придавалъ этому значенія. Однажды онъ пришелъ повѣрить мнѣ, что желаетъ употребить одно средство для оживленія сильно охладившагося прилежанія своего сына. Этотъ молодой человекъ былъ, вполне естественно, друженъ со своимъ сверстникомъ и двоюроднымъ братомъ de Favières, въ 21 годъ софѣтникомъ въ парламентѣ, вѣтреннымъ, какъ бывають люди въ этомъ возрастѣ, со всею самонадѣянностью судьи, имѣющаго высокое мнѣніе о своемъ званіи, не признавая обязательствъ, имъ налагаемыхъ, съ вольностями, быть можетъ даже съ зарождающимися странностями богатаго и единственнаго наследника.

Итальянская комедія и опера гораздо болѣе поглощали обонхъ кузеновъ, одного изъ нихъ—чѣмъ Куиціи и Бартоль, а другого,—нежели

математика, которую онъ началъ заниматься.— „Нужно, сказалъ мнѣ г. de Voismorel, чтобы вы сдѣлали моему сыну выговоръ, разумный и убѣдительный, какой вы сдумаете почерпнуть изъ своей души, который-бы подстрекнулъ его самолюбіе и пробудилъ великодушныя намѣренія.—Я, сударь, я! (я не вѣрила ушамъ своимъ)... но какимъ образомъ, скажите пожалуйста, я могу дѣлать наставленія вашему сыну?— Вы придадите этому оборотъ, какой пожелаете; вы не назовете себя; мы это пошлемъ въ видѣ письма отъ кого-то, кто видитъ его близко, знаетъ объ его дурномъ поведеніи, интересуется имъ и предупреждаетъ его объ опасности; я сдумѣю передать ему письмо въ такую минуту, когда оно произведетъ все свое дѣйствіе; нужно только, чтобы онъ не подозрѣвалъ въ этомъ меня; я скажу ему, когда настанетъ время, кому онъ этимъ обязанъ.—О, вы никогда не должны называть меня! Но вѣдь у васъ есть друзья, которые-бы это сдѣлали лучше, чѣмъ я.—Я думаю совсѣмъ противное и прошу у васъ этой милости.— Ну, такъ я отказываюсь отъ своего самолюбія; чтобы доказать вамъ свое желаніе быть вамъ полезной, я набросаю черновую письма, о которой вы мнѣ скажете ваше мнѣніе и которую вы исправите“.

Въ тотъ-же вечеръ я написала письмо, довольно колкое, нѣсколько насмѣшливое,—такое, какое я считала нужнымъ, чтобы задѣть самолюбіе, поощрить благоразуміе молодого человѣка, съ которымъ нужно говорить объ его счастіи, когда хочешь вернуть его къ серьезнымъ привычкамъ. Г. de Voismorel былъ въ восторгѣ и просилъ меня переслать это письмо безъ всякихъ измѣненій. Я отправила его Софіи, чтобы она снесла его на почту въ Аміенъ, и ожидала съ нѣкоторымъ любопытствомъ свѣдѣній о томъ, какъ подѣйствовала моя проповѣдь.

Г. de Voismorel вскорѣ далъ мнѣ объ этомъ извѣстія, очень меня заинтересовавшія; онъ воспользовался многими удобными обстоятельствами для того, чтобы письмо произвело ббльшее впечатлѣніе; молодой человѣкъ былъ тронутъ; онъ вообразилъ, что знаменитый Duclos былъ авторомъ выговора и отправился къ нему поблагодарить его; обманутый въ своемъ предположеніи, онъ обратился къ другому пріятелю своего отца, и тутъ тоже невпопадъ; но, словомъ занятія снова вступили въ нѣкоторыя права.

Вскорѣ послѣ этого съ г. de Voismorel, отправившимся въ жаркій день изъ Версу въ Венсенъ, гдѣ, какъ онъ зналъ, я была у своего дяди, чтобы принести мнѣ экземпляръ Георгикъ, переведенныхъ Delille, сдѣлался солнечный ударъ. Онъ отнесся къ нему недостаточно серьезно; у него сдѣлались головныя боли, къ нимъ присоединился жаръ, затѣмъ спячка; онъ умеръ во цвѣтѣ лѣтъ, послѣ нѣсколькихъ дней болѣзни. Было не многимъ больше 1½ лѣтъ, что мы съ нимъ вступили въ переписку; я его оплакивала, кажется болѣе горько

тѣмъ его собственный сынъ, и при воспоминаніи о немъ всегда испытываю то горестное сожалѣніе, то чувство уваженія и нѣжности, которыми окружаешь память праведниковъ.

Когда мое горе немного утихло, я посвятила ему романсъ, котораго никто не видѣлъ, который я пѣла подъ аккомпаниментъ гитары и который я послѣ забыла и потеряла. Я больше не слышала объ его семьѣ; только когда мой отецъ отправился къ нимъ съ визитомъ для выраженія соболѣзнованія, молодой de Boisrogel, котораго имя было Roberge, сказалъ ему очень развязнымъ тономъ, что онъ нашелъ и отложилъ въ сторону, съ тѣмъ, чтобы ихъ ему передать, мои письма къ его отцу, среди которыхъ онъ узналъ оригиналъ нѣкоего посланія, полученнаго имъ самимъ. Мой отецъ прекрасно зналъ о происшедшемъ; онъ почти ничего не отвѣчалъ, и нашелъ, что молодой человѣкъ имѣлъ обиженный видъ; изъ чего я заключила, что онъ былъ глупъ, и не очень этияъ огорчилась; не знаю, вѣрно-ли я отгадала.

Нѣкоторое время спустя г-жа de Favières пришла къ моему отцу, чтобы поручить ему покупку какихъ-то золотыхъ вещей или предметовъ искусства; я была въ своей маленькой кельѣ, и услышала ее въ сосѣдней комнатѣ:—„у васъ, господинъ Philipon, сказала она, прелестная дочка; мой братъ мнѣ сказалъ, что это одна изъ самыхъ умныхъ женщинъ, которыхъ онъ знаетъ; берегитесь, чтобы она не вдалась въ умничаніе,—это было-бы очень плохо: не проглядываетъ-ли въ ней нѣкоторый педантизмъ? Это опасно; мнѣ кажется, что я что-то слышала объ этомъ. Она хороша собой, пріятной наружности“.—Вотъ сказала я про себя въ своемъ углу, дерзкая дама, которая очень похожа на свою мать: Боже мена избави увидѣть ея лицо или показать ей свое!

Мой отецъ, который прекрасно зналъ, что я должна была слышать ея слова, воздержался отъ того, чтобы позвать меня, разъ я не показывалась сама; я никогда, исключая этого дня, не слышала голоса г-жи de Favières.

Я еще ни слова не говорила о своей превосходной кузинѣ Trude. Это была одна изъ тѣхъ душъ, которыя небо создаетъ въ своей благодости для чести рода человѣческаго и утѣшенія несчастныхъ: великодушная по инстинкту, любезная, хотя и необразованная, она не имѣла, сколько я знаю, иного недостатка, кромѣ чрезмѣрной деликатности и самолюбія добродѣтели. Она считала-бы, что не исполняетъ своихъ обязанностей, если-бы дѣйствовала такимъ образомъ, чтобы кто-нибудь могъ подозрѣвать, что она ихъ выполняетъ. Благодаря этому она была совершенной жертвой самаго сумасброднаго изъ мужей. Trude была какой-то невѣжа, столь же дикій въ своихъ мысляхъ, сколько вспыльчивый по характеру и грубый въ обращеніи; онъ занимался

торговлей зеркалами, какъ всѣ Trude, отъ отца къ сыну, занимались этимъ уже нѣсколько поколѣній; и это онъ мнѣ дѣлалъ честь быть моимъ двоюроднымъ братомъ со стороны моей матери. Дѣятельный по темпераменту, трудолюбивый вспышками, поддерживаемый заботливостью и умомъ кроткой и умной жены, онъ оставилъ себѣ довольно хорошее состояніе и обязанъ былъ достоинствамъ своей жены тѣмъ, что его хорошо принимали въ собственной его семьѣ, которая отвергла-бы его, будь онъ одинъ.

Моя мать очень любила свою двоюродную племянницу, которая, въ свою очередь, удивительно благоговѣла передъ ней и горячо привязалась ко мнѣ. Она доказала мнѣ это, какъ мы видѣли, послѣ смерти моей матери; занятая днемъ своимъ хозяйствомъ и своимъ мужемъ, она хотѣла быть моей сидѣлкой ночью; она приходила издалека, чтобы исполнять эти обязанности, и постоянно выполняла ихъ, пока я была въ опасности. Это обстоятельство должно было еще больше сблизить насъ, и мы часто видались. Ея мужу пришла фантазія приходить еще чаще нея, и притомъ безъ своей жены; я сперва выносила его ради нея, не смотря на свое неудовольствіе; наконецъ онъ сталъ окончателью для меня невыносимъ, и со всею осторожностью, съ какой необходимо обращаться съ человѣкомъ буйнаго нрава, я дала ему почувствовать, что званіе родственника и мужа моей подруги было недостаточно, чтобы дать ему право на частныя посѣщенія, которыя уже не могли объясняться состояніемъ недомоганія и болѣзни, бывшимъ слѣдствіемъ моего горя.

Мой милый кузень сталъ приходить нѣсколько рѣже; но онъ водворялся съ визитомъ на три или четыре часа, что-бы я ни дѣлала, даже когда я писала и говорила ему, что спѣшу; когда, вынужденная высказаться откровенно, я рѣшительно просила его удалиться, онъ бывалъ до того не въ духѣ у себя дома и поднималъ такой шумъ со своей женой, что она просила меня имѣть терпѣніе, ради ея спокойствія. Особенно часто приходилось мнѣ подвергаться этого рода неприятностямъ по воскресеньямъ и праздникамъ; когда погода бывала хороша, я убѣгала и назначала его женѣ свиданія у своихъ старыхъ родственниковъ, такъ какъ принимать ее у себя вмѣстѣ съ нимъ на непродолжительное время,—это значило не видѣть ее, но быть свидѣтелемъ сценъ, которыя ея грубый мужъ не упускалъ ей дѣлать. Зимой я избрала другое средство: немедленно послѣ обѣда я отпускала свою прислугу на всѣ четыре стороны,—и она запирала меня въ два поворота замка и на три засова; я оставалась совершенно одна и была спокойна до 8 часовъ вечера. Trude приходилъ, никого не заставлялъ, кто-бы ему отвѣтилъ, возвращался и иногда прогуливался по два часа вокругъ дома, въ дождь или въ снѣгъ, чтобы выждать

минуту, когда ему можно будет войти. Заставить запереть себя, когда я действительно бывала дома съ кѣмъ-нибудь, было почти-что невозможно; совсѣмъ не принимать его, убѣдивъ отца прервать знакомство съ этимъ господиномъ (это было-бы и трудно, потому что онъ былъ бездѣтенъ и мой отецъ считалъ нужнымъ щадить его), — это значило вѣдаться въ крайность, которой боялась его жена, отказаться отъ нашей дружбы и подвергнуть ее новымъ напастьмъ.

Я ничего не знаю худшаго, какъ имѣть дѣло съ сумасшедшимъ; по отношенію къ нимъ дѣйствительно одно только средство — связывать ихъ, — все остальное бесполезно. Этотъ несносный кузень былъ для меня настоящимъ бичемъ; и самое большое доказательство того, какъ я цѣнила его жену, — это то, что я могла воздержаться отъ того, чтобы не выбросить его изъ окна; хотя и въ этомъ случаѣ онъ-бы вернулся черезъ чердакъ. Слѣдуетъ, однако, быть справедливымъ: Trude не былъ лишень извѣстнаго рода честности; болѣе сумасшедшій, чѣмъ глупый, онъ какъ-бы зналъ, до какого предѣла онъ могъ безнаказанно говорить вздоръ; никогда его грубый разговоръ не бывалъ неприличенъ, и если онъ вѣчно поступалъ безтактно и неблагоразумно, то онъ никогда не оскорблялъ чувства скромности или стыдливости. Когда его жена отправлялась гулять со мной, онъ слѣдилъ за нами; и если съ нами заговаривалъ или кланялся какой-нибудь мужчина, онъ начиналъ беспокоиться и сердиться до тѣхъ поръ, пока не узнавалъ, кто-бы это могъ быть. Можетъ быть подумаютъ, что онъ ревновалъ къ своей женѣ, — эта догадка была-бы до извѣстной степени справедлива; но гораздо больше онъ ревновалъ ко мнѣ. Несмотря на странность ея положенія, кротость г-жи Trude сопровождалась веселостью: одинъ день она плакала, а на слѣдующій день собирала своихъ друзей; отъ времени до времени она дѣлала обѣды, и за этими семейными пиршествами, одинъ или два раза въ зиму, слѣдовали танцы. Ея кухня всегда бывала героиней праздника, и это дѣлало ее мужа на нѣсколько дней болѣе любезнымъ. Я у нея познакомилась съ двумя лицами, о которыхъ хочу упомянуть; одно изъ нихъ былъ аббатъ Вехон, маленькій горбунъ, исполненный ума, большой другъ François de Neufchâteau и Masson de Morvilliers, авторъ книги по исторіи Лотарингіи, не имѣвшей, впрочемъ, большого успѣха; перомъ его пользовался Вюффонъ, какъ и перьями нѣкоторыхъ другихъ, для приготовленія матеріаловъ и черновыхъ набросковъ, которымъ онъ затѣмъ придавалъ отдѣлку и колорять. Вехон, поддерживаемый Вюфономъ, своимъ покровителемъ, и нѣкоторыми знатыми женщинами, родственницъ которыхъ онъ знавалъ въ Remigemont, мѣстѣ его рожденія и въ то-же время мѣстѣ пребыванія капитула знатныхъ канониссъ, сдѣлался регентомъ пѣвчихъ въ Sainte-Chapelle въ Парижѣ; онъ привезъ съ собой свою

мать и сестру, которыя-бы мнѣ доставили матеріалъ для вводнаго разсказа, еслибы мнѣ захотѣлось записывать эпизоды, неимѣющіе прямого отношенія къ предмету.

Вѣдныя умеръ слишкомъ рано для блага своей взрослой сестры, — дѣвушка съ черными глазами, искавшими поклонниковъ, и красивыми плечами, которыя она любила показывать. Онъ два раза приходилъ поведаться со мной къ моему отцу, и пришелъ въ такой восторгъ, когда нашелъ на моемъ столѣ Ксенофонта in-folio, что въ испущенномъ восхищеніи хотѣлъ меня поцѣловать. Такъ какъ, по моему мнѣнію, меня не за что было цѣловать, то я такъ хорошо успокоила его своею холодною, что впоследствии онъ лишь острилъ, не выказывая восторговъ, и я выдалась съ нимъ только у моей кузины.

Другое лицо былъ честный Gibert; серьезный по характеру, безконечно кроткій въ обращеніи, онъ женился молодымъ на женщинѣ, которая была болѣе красива, чѣмъ кротка, и имѣлъ отъ нея единственнаго сына, воспитаніемъ котораго занимался съ горячею любовью. Онъ служилъ въ почтовомъ вѣдомствѣ и посвящалъ немногія минуты досуга музыкѣ и живописи.

Въ Gibert были всѣ черты характера человѣка справедливаго и правдиваго; онъ никогда не измѣнялъ ниъ. Его ошибки были ошибками противъ разсудка; дружба у него была какинь-то фанатизмомъ, и являлось искушеніе уважать даже его заблужденія, сожалѣя о нихъ. Gibert былъ съ дѣтства друженъ съ человѣкомъ, къ которому онъ выказывалъ столько-же благоговѣнія, сколько любви; при всякомъ случаѣ онъ восхвалялъ его достоинства и гордился дружбою съ нимъ. Gibert пожелалъ познакомиться со мной, его жена и онъ пришли къ моему отцу; я отдала имъ визитъ, и такъ какъ они не часто бывали вмѣстѣ, то онъ отъ времени до времени приходилъ одинъ. Я всегда принимала его съ удовольствіемъ и уваженіемъ, и современемъ мы заключили настоящую дружбу. Gibert скоро заговорилъ со мной о своемъ фениксѣ; онъ, казалось, не могъ быть счастливымъ, пока его другъ и я не получили возможности взаимно восхищаться другъ другомъ; наконецъ, онъ насъ обихъ пригласилъ къ себѣ обѣдать. Я увидѣла человѣка, чрезвычайная простота котораго доходила до не-ряшливости; онъ мало говорилъ, ни на кого не устремлялъ свои глаза, и потому для всякаго, кто-бы никогда ни слыхалъ о немъ, было-бы трудно составить себѣ о немъ понятіе по одному свиданію; и признаюсь, что несмотря на мое особенное пристрастіе къ скромности, тонъ этого человѣка былъ столь смирененъ, что я охотно повѣрила-бы ему на слово въ томъ, что онъ говорилъ о себѣ. Однако, такъ какъ у него не было недостатка ни въ умѣ, ни въ нѣкоторыхъ познаніяхъ, ему были благодарны, когда случалось, что онъ мелькомъ проявлялъ эти

качества, и кончали тѣмъ, что подобно Gibert'у, приписывали ихъ ему въ гораздо большей дозѣ, нежели онъ имѣлъ ихъ въ дѣйствительности. Его жена, довольно неинтересная, но чувствительная, всегда напоминала *in-tentique oga tenebant* Виргилія, когда смотрѣла, какъ говорилъ ей мужъ. Нельзя, однако, признать за вполне обыкновенное существо того, кто умѣетъ такъ обманывать даже близко знающихъ его, относительно дѣйствительнаго размѣра своихъ достоинствъ; нужно, чтобы онъ былъ въ чемъ-нибудь великъ, хотя бы въ притворствѣ; и если обстоятельства побуждаютъ его проявлять это притворство въ важныхъ дѣлахъ, онъ можетъ превратиться изъ поддѣльнаго мудреца, пользующагося незаслуженнымъ уваженіемъ, въ злодѣя по отношенію къ своимъ современникамъ. Въ этомъ я могла убѣдиться впоследствии. Я мало видала друга Gibert; онъ покинулъ выгодное мѣсто и даже Францію, чтобы поселиться въ Швейцаріи, куда его влекла любовь къ деревнѣ, куда его манила свобода. Пусть онъ пока уѣзжаетъ; къ несчастью, онъ слишкомъ скоро вернется! Такимъ образомъ я познакомилась съ Расе'емъ, такъ какъ пора, наконецъ, сказать, что рѣчь идетъ о немъ. Читатель увидитъ, какъ, болѣе чѣмъ 10 лѣтъ спустя, Gibert привелъ его ко мнѣ, познакомилъ его съ моимъ мужемъ, который счелъ его человѣкомъ необыкновенно честнымъ и высказалъ это въ такую минуту, когда его аттестація могла создать репутацію; она сдѣлалась причиной его вступленія въ министерство; онъ только надѣлалъ глупостей, которыя доставили ему возможность перейти въ мѣрію, гдѣ онъ давалъ разрѣшеніе лишь на гнусности.

Г-жа Trude очень хотѣла предпринять поѣздку къ одной родственницѣ, которая была ей дорога; дѣло шло о двухъ- или трехнедѣльномъ отсутствіи. Ея мужъ находилъ неудобнымъ, чтобы контора оставалась такъ долго безъ представительства; но дѣло казалось ему исполнимымъ, если-бы я согласилась приходить иногда среди дня занимать ея мѣсто. Моя кузина желала, чтобы я ей сдѣлала это одолженіе; для нея было достаточно выразить это пожеланіе для того, чтобы я не могла ей въ этомъ отказать, и я согласилась на это безъ колебаній. Я такимъ образомъ 7 или 8 разъ ходила занимать мѣсто г-жи Trude въ ея конторѣ, отъ двѣнадцати до шести часовъ; ея мужъ, веселый и гордый, велъ себя очень хорошо: онъ занимался дѣлами внѣ дома, и, казалось, вполне оцѣнилъ мой поступокъ. Было, очевидно, предопредѣлено, чтобы мнѣ, несмотря на мое отвращеніе къ торговлѣ, пришлось по крайней мѣрѣ разъ въ моей жизни продавать очки и стекла для часовъ! Положеніе было невеселое; Trude жилъ на улицѣ *Montmartre*, близъ улицы *Ticquetonne*, гдѣ еще и сейчасъ, вѣроятно, помѣщается его преемникъ: я ничего себѣ не могу представить болѣе адскаго, чѣмъ доносившійся въ широко открытую дверь лавки стужъ эки-

пажей, вѣчно проѣзжавшихъ въ этомъ мѣстѣ; я-бы тамъ оглохла, какъ то теперь случилось съ моей бѣдной кузиной. Покинемъ ея грустную семью, судьбу которой узнаемъ впоследствии, и вспомнимъ о другой моей родственницѣ.

Я бывала у дѣвицы Desportes разъ или два раза въ недѣлю, въ день, когда у нея постоянно собиралось общество. Я-бы могла дать нѣсколько характеристикъ, еслибы оригиналы того стояли; но еслибы я изобразила совѣтниковъ изъ Châtelet, въ родѣ маленькаго Морипот, имѣвшаго притязаніе на остроуміе съ эпиграммами; ханжу de la Preisle, господина, имѣвшаго лишь тотъ недостатокъ, что онъ былъ желчнымъ и ясенистомъ; вдову, скрывавшую страсть къ удовольствіямъ подъ неглубокою набожностью, какова была г-жа de Blancfuné; одного стараго и богатаго холостяка, слишкомъ отвратительнаго, чтобы о немъ упоминать; чиновника Baudin, честнаго человѣка, рассуждающаго и точнаго, какъ часы,—и множество другихъ лицъ различныхъ оттѣнковъ, но со столь-же небольшими достоинствами,—я бы потеряла даромъ свои краски и свое время. Я, однако, любила встрѣчаться съ отцомъ Rabbe, очень тонкимъ священникомъ ораторіи, почтеннымъ по возрасту, пріятнымъ по тонкости ума, и съ докторомъ Coste, провансальскимъ докторомъ, подражавшимъ Ruggault, не воздвигая Лувра, и рассказывавшимъ ужасы о бракѣ, словно дьяволъ, кривляющийся передъ кропильницей.

Дѣвица Desportes унаслѣдовала отъ своей матери деликатность и гордость, а также искусство получать хорошій доходъ со своихъ денегъ, пущенныхъ въ торговлю, не показывая вида, что занимается этимъ, и рассуждать тономъ довѣрія и равенства съ богатыми или титулованными господами, которые обращались къ ней. Но такъ какъ такое поведеніе непригодно для торговли, поддерживаемой дѣятельною алчностью, то ея наслѣдственное состояніе уменьшилось, и кончилось тѣмъ, что она отказалась отъ торговли и сократила свои надержки. Ея характеръ, поведеніе, приличный тонъ, господствовавшій у нея, привязанность, которую она мнѣ выказывала, заставили мою мать желать, чтобы я поддерживала съ нею знакомство; она меня къ ней часто посылала. Игра въ пикетъ à écarte занимала ббольшую часть общества, остальные члены котораго бесѣдовали и занимались рукодѣльемъ; дѣвица Desportes довольно часто засаживала меня за игру, которой я не любила, для того, я думаю, чтобы приучить меня угождать другимъ; но помощь какого-нибудь партнера и позволеніе смѣяться надъ моей разсѣянностью дѣлали это занятіе менѣе тягостнымъ.

Теперь пришла очередь вывести на сцену одного старика, пріѣзжавшаго изъ Пондишери, съ которымъ я часто и съ большимъ инте-

ресомъ встрѣчалась въ теченіе приблизительно года. Мой отецъ познакомился, не знаю какими образомъ, но, кажется, по дѣлу, и затѣмъ принималъ у себя въ качествѣ пріятеля отставнаго офицера, впоследствии ставшаго приказчикомъ безъ мѣста, по фамилии Demontchéry; это былъ человѣкъ 36 лѣтъ, обладавшій вѣжливыми манерами, сердечнымъ тономъ, тою прелестью, которая дается привычкой обращаться въ свѣтѣ и, быть можетъ, удачнымъ волокитствомъ. Demontchéry поддерживалъ знакомство съ моимъ отцомъ, но рѣдко заходилъ къ моей матери, которая-бы не потерпѣла укаживаній. Онъ откровенно высказывалъ ко мнѣ уваженіе, почтеніе и т. д., и говорилъ о желаніи просить моей руки, если счастье перестанетъ ему быть противнымъ. Эта судьба побудила его уѣхать прямо въ Остъ-Индію; онъ писалъ оттуда и не скрывалъ своихъ надеждъ на успѣхъ, который-бы ему позволилъ вернуться съ побѣдой; но будучи простымъ начальникомъ снапавъ и слишкомъ порядочнымъ человѣкомъ, чтобы что-нибудь смыслить въ наживѣ, онъ, кажется, немногаго достигъ, когда вернулся послѣ 7-ми лѣтъ отсутствія и, поспѣшивъ къ моему отцу, узналъ, что я двѣ недѣли тому назадъ вышла замужъ: я не знаю, что съ нимъ сдѣлалось потомъ и какое-бы чувство онъ мнѣ внушилъ, если-бы мнѣ пришлось подумать о немъ. Во время его пребыванія въ Пондишери, онъ познакомился съ нѣкимъ г-номъ Sainte-Lette, однимъ изъ членовъ совѣта, и далъ ему письмо къ моему отцу, когда совѣтъ отправилъ его въ 1776 г. въ Парижъ по какому-то важному дѣлу.

Sainte-Lette было болѣе 60 лѣтъ; это былъ человѣкъ, котораго живость ума и увлеченія страстей сбили съ пути въ молодости, когда онъ промоталъ свое состояніе въ Парижѣ. Онъ уѣхалъ въ Америку; въ Луизианѣ онъ оставался въ теченіе 13 лѣтъ распорядителемъ торга съ дикарями; понавъ оттуда въ Азію, онъ служилъ въ управленіи Пондишери и стремился добыть средства, чтобы въ будущемъ жить во Франціи или увереть тамъ вблизи друга своей юности, г-на de Bévelinges, о которомъ я позже кое-что расскажу. Серьезный и торжественный голосъ, въ которомъ слышался отзвукъ пережитаго опыта и несчастій, который отгнѣялся свободнымъ выраженіемъ мыслей разятого ума, поразилъ меня въ Sainte-Lette при первомъ свиданіи. Demontchéry говорилъ ему обо мнѣ; это, вѣроятно, было причиной, внушившей ему желаніе познакомиться со мной; мой отецъ его хорошо принималъ; я встрѣтила его съ радушіемъ, потому что онъ вскорѣ заинтересовалъ меня; его общество было мнѣ очень пріятно, а онъ искалъ моего общества, и въ теченіе всего времени, пока длилось его пребываніе въ Парижѣ, онъ не пропускалъ четырехъ или пяти дней, не навѣстивъ меня.

Всегда пріятно слушать людей, много видѣвшихъ, а тѣ, которые

много чувствовали, всегда больше видѣли, чѣмъ другіе, хотя-бы они даже меньше путешествовали, чѣмъ Sainte-Lette. Онъ обладалъ тѣмъ родомъ познаній, которыя гораздо больше даются опытомъ, нежели книгами; менѣе ученый, чѣмъ философъ, онъ черпалъ свои знанія изъ сердца человѣческаго; сохранивъ отъ своей юности любовь къ легкой поэзіи, онъ и самъ писалъ шлепскія вещицы. Онъ мнѣ далъ нѣсколько своихъ отрывковъ; я сообщила ему нѣкоторыя изъ своихъ грезъ, и онъ мнѣ повторилъ нѣсколько разъ пророческимъ, т.-е. убѣжденнымъ тономъ: „сударыня, какъ вы ни отговариваетесь, вы кончите тѣмъ, что напишете что-нибудь“.—Это, стало быть, будетъ подъ чужимъ именемъ, отвѣчала я ему, такъ какъ я скорѣе отрывала бы себѣ пальцы, чѣмъ сдѣлалась-бы писательницей.

Sainte-Lette встрѣтилъ у моего отца одного человѣка, съ которымъ я познакомилась нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, и который долженъ былъ сильно повліять на мою судьбу, хотя я этого тогда и не предвидѣла. Я уже упоминала о томъ, что Софія, которую больше, чѣмъ меня, отвлекали свѣтскія связи, далеко не считала этого своимъ преимуществомъ; она иногда говорила мнѣ объ одномъ человѣкѣ, исполненномъ достоинствъ, жившемъ и состоявшемъ на службѣ въ Аміенѣ, который часто бывалъ у ея матери, когда бывалъ въ своемъ постоянномъ мѣстопребываніи; это, однако, случалось не часто, потому что онъ всякую зиму пріѣзжалъ въ Парижъ, а лѣтомъ часто предпринималъ болѣе дальнія путешествія. Она мнѣ назвала его, потому что въ незначительной толпѣ, которая ее окружала, она съ удовольствіемъ отличала человѣка, поучительный разговоръ котораго казался ей всегда новымъ, суровыя, но простыя манеры котораго возбуждали ея довѣріе, который, не будучи любимъ всѣми, за свою подчасъ насмѣшливую строгость, не нравившуюся многимъ, однако былъ всѣми уважаемъ. Софія также говорила ему о своей подругѣ; впрочемъ, въ ея семьѣ только и говорили, что о задушевности, о постоянствѣ дружбы, заключенной въ монастырѣ, принимавшей съ годами извѣстный почтенный характеръ; наконецъ, онъ видѣлъ мой портретъ, который г-жа Cagnet повѣсила у себя на видномъ мѣстѣ. „Отчего, говорилъ онъ часто, вы не знакомите меня съ этой подругой? Я всякій годъ ѣзжу въ Парижъ; не дадите-ли вы мнѣ письмо къ ней“? Наконецъ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1775 онъ получилъ это желанное порученіе, когда я еще носила трауръ по моей матери, и переживала ту тихую грусть, которая слѣдуетъ за сильнымъ горемъ. Всякій, кто-бы ни явился отъ имени Софіи, не могъ не быть хорошо принятымъ. „Это письмо передастъ тебѣ, писала мнѣ моя подруга, философъ, о которомъ я тебѣ уже нѣсколько разъ упоминала, г-нъ Roland de la Platière, человѣкъ просвѣщенный, чистыхъ нравовъ, которому можно поставить въ упрекъ

лишь его слишком большое поклонение древнимъ, въ ущербъ современникамъ, которыхъ онъ презираетъ, — и слабость слишкомъ много говорить о себѣ". Этотъ портретъ былъ менѣе, нежели наброскомъ, но черты были схвачены точно и вѣрно. Я увидѣла человѣка сорока слишкомъ лѣтъ; высокаго роста, небрежной осанки, съ тою угловатостью, которая пріобрѣтается, благодаря привычкѣ къ сидячей жизни и запатіямъ наукой; но его манеры были просты и привѣтливы, и хотя онъ и не отличался свѣтскимъ изяществомъ, но въ нихъ сочетались любезность человѣка хорошей семьи съ серьезностью философа. Худоба, желтизна въ цвѣтѣ лица, очень высокій лобъ, на которомъ волосы уже порѣдѣли, не искажали его правильныя черты, но дѣлали ихъ болѣе почтенными, чѣмъ привлекательными. Впрочемъ, чрезвычайно тонкая улыбка и живое выраженіе измѣнили его лицо и заставляли его казаться совсѣмъ инымъ человѣкомъ, когда онъ оживлялся во время разговора или при мысли о чемъ-нибудь, что для него было пріятно. Его голосъ былъ мужественъ; его рѣчь — отрывиста, какъ то бываетъ у людей съ короткимъ дыханіемъ; его разговоръ — очень содержателенъ, потому что голова его была исполнена мыслей; онъ больше занималъ умъ, чѣмъ ласкалъ ухо; его дикція иногда бывала привлекательна, но угрюма и не гармонична. Миѣ кажется, что прелесть голоса — рѣдкое и могущественное удовольствіе для чувства; эта прелесть не только зависитъ отъ качества звука, а также является результатомъ той деликатности чувства, которая равнообразитъ выраженіе и смягчаетъ удареніе...

Меня прервали, чтобъ извѣстить о включеніи меня въ обвинительный актъ по дѣлу Бриссо, со столькими другими депутатами, которыхъ недавно арестовали. Тирани въ отчаянномъ положеніи; они думаютъ, что заполнить пропасть, раскрытую передъ ними, низвергая туда честныхъ людей, но они сами падутъ въ нее за ними. Я не боюсь идти на эшафотъ въ такомъ хорошемъ обществѣ; стыдно жить среди злодѣевъ.

Я отправлю эту тетрадь съ тѣмъ, чтобы продолжатъ въ другой, если мнѣ предоставятъ возможность это сдѣлать.

Пятница, 4-го октября, день рожденія моей дочери, которой сегодня исполнилось 12 лѣтъ.

Эта красота голоса есть нѣчто, вполне отличное отъ силы его, и не чаще встрѣчается среди ораторовъ, которые въ силу своей профессіи должны упражнять голосъ, чѣмъ среди толпы, образующей общество. Я искала ее въ нашихъ трехъ національныхъ собраніяхъ, но ни у кого не нашла ея въ совершенствѣ; самъ Мирабо, съ его благородной рѣчью, полной величественнаго очарованія, не обладалъ ни привлекательнымъ голосомъ, ни особенно пріятнымъ произношеніемъ.

Клермоны больше приближались къ этому идеалу. „Гдѣ же вы нашли вашъ образецъ“? могутъ меня спросить. Я отвѣчу, какъ тотъ художникъ, котораго спрашивали, откуда онъ беретъ тѣ очаровательныя выраженія, которыя онъ придаетъ головамъ, созданнымъ его кистью. „Здѣсь“, отвѣчалъ онъ, прикладывая палецъ къ своему лбу; я поднесла-бы свой палецъ къ моимъ ушамъ. Я мало бывала въ театрѣ, но мнѣ казалось, что и тамъ также трудно было встрѣтить этотъ даръ. Даже *Latife*, быть можетъ единственный, котораго можно было-бы назвать, былъ не вполне совершененъ. Когда въ первые годы моего отрочества я испытывала тотъ родъ волненія, которое пробуждается желаніемъ нравиться молодымъ людямъ, меня трогалъ звукъ моего собственнаго голоса, я чувствовала потребность смягчить его, чтобъ нравиться себѣ самой. Я понимаю, что тонкая чувствительность грековъ должна была заставлять ихъ придавать значеніе всѣмъ отраслямъ искусства слова; я также понимаю, почему *санкюлотизмъ* заставлялъ пренебрегать этимъ изяществомъ и приводитъ насъ къ свирѣпой грубости, столь же далекой отъ точности спартанцевъ, въ ихъ исполненномъ здраваго смысла языкѣ, какъ и отъ краснорѣчія привлекательныхъ аеяннѣ.

Но мы когда-то оставили *La Blancherie* въ Орлеанѣ или въ другомъ мѣстѣ, теперь слѣдуетъ покончить съ этимъ господиномъ.

Вернувшись вскорѣ послѣ смерти моей матери, онъ узналъ объ этомъ событіи, когда пришелъ ее навѣстить, и выразилъ удивленіе и горе, которыя меня тронули и мнѣ понравились. Онъ явился ко мнѣ еще нѣсколько разъ; я видалась съ нимъ съ интересомъ. Мой отецъ, наложившій на себя, вначалѣ, обязанность оставаться со мной, когда кто-нибудь приходилъ, нашелъ, что роль дуэньи не была занимательна, и что для него было-бы удобнѣе прямо отказывать отъ дома всякому, кто не обладалъ достаточной въ его глазахъ положительностью возраста, чтобъ избавить его отъ необходимости присутствовать, и оставить меня въ обществѣ моей прислуги или въ одиночествѣ. Онъ объявилъ, что намѣренъ просить *La Blancherie* больше не приходить; я не отвѣтила ни слова, хотя и почувствовала нѣкоторое огорченіе; я подумала объ огорченіи, которое, какъ я ожидала, онъ почувствуетъ при этомъ запрещеніи; я рѣшила смягчить это огорченіе, передавъ объ этомъ распоряженіи сама, такъ какъ манера моего отца давала мнѣ поводъ бояться, чтобъ онъ не сдѣлалъ этого въ грубой формѣ. Нужно сказать правду, *La Blancherie* интересовалъ меня, и я воображала, что могу полюбить его; голова, вѣроятно, работала одна, но она была на пути къ увлеченію. Я написала, поэтому, любовное письмо, которымъ отказывала ему отъ дома и отнимала у него всякій поводъ отвѣчать мнѣ, но не разрушала надежды, что онъ нравился мнѣ, если онъ льстилъ себя ей.

Сдѣлавъ этотъ шагъ, я предалась грустнымъ и тихимъ мыслямъ, не очень возмущавшимъ мое благополучіе. Софія пріѣхала въ Парижъ; она оставалась въ немъ нѣкоторое время со своею матерью и сестрой Генріетой; послѣдняя находилась тогда на равномъ съ нами положеніи, благодаря тому, что мы стали старше, а она стала спокойнѣе, и я подружилась и съ ней. Прелесть ея живого воображенія всюду метала искры и оживляла дружескія связи, въ которыя она вступала.

Я часто ходила въ Люксембургъ съ подругами и дѣвицей d'Har-gard; я тамъ встрѣчала la Blancherie: онъ почтительно кланялся мнѣ, и я отвѣчала на поклонъ съ нѣкоторымъ волненіемъ. „Ты значить знакома съ этимъ господиномъ?“ сказала мнѣ однажды дѣвица d'Har-gard, которая раньше принимала его поклоны на свой счетъ.—Да, а ты также?—„О да, конечно; но я никогда не разговаривала съ нимъ. Я бываю у дѣвицы Bordenave ¹⁾, онъ младшей изъ нихъ дѣлалъ предложеніе“.—Давно ли?—„Годъ, полгода, можетъ быть и полтора; онъ съумѣлъ втереться въ домъ; онъ туда ходилъ отъ времени до времени, въ концѣ концовъ сдѣлалъ предложеніе: эти барышни богаты, младшая хорошенькая; у него самого нѣтъ ни гроша, и онъ ищетъ богатую наслѣдницу; онъ сдѣлалъ подобное-же предложеніе другой ихъ знакомой, и онѣ объ этомъ узнали; его спровадили; мы говоримъ, что онъ влюбленъ въ одиннадцать тысячъ дѣвъ. А откуда ты его знаешь?“— Я часто съ нимъ встрѣчалась на концертахъ г-жи l'Erine“. И я прикусила себѣ губы, умалчивая объ остальномъ, очень обиженная тѣмъ, что вѣрила въ любовь человека, который, безъ сомнѣнія, просилъ моей руки лишь потому, что я была единственной дочерью, и еще болѣе разсерженная тѣмъ, что написала ему любовное письмо, котораго онъ не заслуживалъ. Урокъ быть осторожнѣе въ другой разъ!

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, когда однажды маленькій савояръ пришелъ сказать моей прислугѣ, что кто-то гдѣ-то хочетъ ей что-то сказать: она выходитъ, возвращается, и говоритъ мнѣ, что г-нъ La Blancherie поручилъ ее упросить меня принять его. Дѣло было въ воскресенье; ко мнѣ должны были прійти мои родственники: „Да, отвѣтила я, пусть онъ приходитъ, но сію-же минуту; такъ какъ онъ поджидаетъ васъ около дома, то пойдите за нимъ и приведите его“. La Blancherie является; я сидѣла у камина. „Я не смѣлъ, сударыня, явиться къ вамъ послѣ того, какъ вы мнѣ запретили это дѣлать; я очень хотѣлъ побесѣдовать съ вами, и не могу вамъ выразить, что меня заставило перечувствовать дорогое и жестокое письмо, которое вы мнѣ тогда написали; мое положеніе измѣнилось съ того времени; у меня

---

¹⁾ Ихъ отецъ былъ очень извѣстнымъ хирургомъ, членомъ Академіи наукъ.

теперь планы, которымъ вы могли-бы не остаться чуждой". Онъ мнѣ изложилъ планъ сочиненія по критикѣ и морали, въ письмахъ, вродѣ *Spéculateur*, приглашая меня также писать по какому-нибудь вопросу. Я дала ему говорить, не прерывая его; я даже подождала еще немного послѣ того, какъ онъ сдѣлалъ короткую передышку, чтобъ дать ему рассказать все, что у него лежало на сердцѣ. Когда онъ кончилъ, я высказалась, въ свою очередь, и замѣтила ему спокойно и вѣжливо, что я сама позаботилась извѣстить его о томъ, чтобъ онъ прекратилъ свои посѣщенія, потому что чувство ко мнѣ, въ которомъ онъ открылся моему отцу, заставило меня предположить, что онъ придавалъ значеніе продолженію этихъ посѣщеній и впустило мнѣ желаніе выразить ему свою благодарность за такое вниманіе; что въ мои годы живость воображенія прииѣшивается ко всему, и иногда все представляетъ въ другомъ видѣ; но что заблужденіе не было преступленіемъ, и что я слишкомъ охотно отреклась отъ своей ошибки для того, чтобъ онъ придавалъ ей значеніе; что я восхищаюсь его литературными планами, но не желаю принимать въ нихъ никакого участія, такъ же, какъ и вообще въ чьихъ-бы то ни было планахъ; что я довольствуюсь пожеланіями успѣха всѣмъ авторамъ въ мірѣ такъ-же, какъ и ему, во всѣхъ областяхъ; что я согласилась его принять, чтобъ ему все это сказать, и прошу его уволить себя отъ всякой подобной попытки въ будущемъ; послѣ чего я попросила его на этомъ закончить свой визитъ. Онъ собирался обнаружить удивленіе, горе, обиду,—вообще все, что въ такихъ случаяхъ подобаешь, но я его остановила, сказавъ *La Blancherie*, что я не знаю, высказались-ли дѣвицы *Bordenave* и другія, къ которымъ онъ обращался приблизительно въ то-же время, какъ и ко мнѣ, съ одинаковой откровенностью, но что моя откровенность безгранична, и что намѣренія, которыя я высказываю съ этою откровенностью, не допускаютъ объясненій. Я встала въ ту-же минуту, поклонилась и сдѣлала рукой тотъ знакъ, которымъ указываютъ на дверь тѣмъ, кого желаютъ удалить. Кузенъ *Trude* явился въ эту минуту; никогда я не видѣла его грубое лицо съ большимъ удовольствіемъ; *La Blancherie* ретировался въ молчаніи; съ тѣхъ поръ я его больше не видала; но кто не слыхалъ, послѣ того, объ *agent general de la correspondance pour les sciences et les arts*?

Такъ какъ *La Blancherie* сошелъ со сцены, вернемся къ *Sainte-Lette* и *Ролану*.

Наступилъ конецъ лѣта 1776 г. Въ теченіе 8 или 9 мѣсяцевъ я видѣла г-на *Роланъ* нѣсколько разъ. Онъ приходилъ не часто, но сидѣлъ долго, какъ человѣкъ, который бывалъ въ извѣстномъ мѣстѣ не съ тѣмъ, чтобъ показываться, а потому, что это ему доставляло удо-

вольствіе, почему и заснживался такъ сколько ногъ. Его разговоръ, поучительный и откровенный, никогда не наводилъ на меня скуки; онъ любилъ, чтобъ его слушали съ интересомъ, а я умѣю очень хорошо дѣлать это даже съ тѣми, кто менѣе образованъ, чѣмъ онъ, и это мнѣ доставило, быть можетъ, еще больше друзей, чѣмъ умѣніе самой выражаться съ нѣкоторою легкостью. Я повнакомилась съ нимъ по его возвращеніи изъ Германіи; теперь онъ предлагалъ сдѣлать путешествіе по Италіи, и приводилъ дѣла въ порядокъ, какъ это почти всегда дѣлаютъ благоразумные люди, накануне долгаго отсутствія, онъ избралъ меня хранительницей своихъ рукописей, которыя должны были остаться въ моемъ распоряженіи, еслибъ съ нимъ случилось какое-нибудь несчастье; я была искренно тронута этимъ знакомъ совершенно особеннаго уваженія, и приняла его съ благодарностью. Въ день его отъѣзда, онъ обѣдалъ у моего отца съ Sainte-Lette; прощаясь со мной, онъ попросилъ позволеніе поѣхать ко мнѣ; я не знаю почему, но эта любезность никогда не оказывается безъ того, чтобъ молодая дѣвушка не покраснѣла, хотя-бы даже ея воображеніе было вполне спокойно. „Вы счастливы, что уѣзжаете, скавалъ ему Sainte-Lette своимъ серьезнымъ и торжественнымъ голосомъ, но спѣшите вернуться, чтобъ попросить о томъ-же!

Во время пребыванія Sainte-Lette во Франціи, его другъ de Sévelinge овдовѣлъ; онъ отправился къ нему въ Суассонъ, мѣсто его жительства, чтобъ раздѣлить его горе, и привезъ его въ Парижъ, чтобъ развлечь его. Они вмѣстѣ были у меня. Sévelinge, небогатый дворянинъ, былъ человѣкомъ пятидесяти двухъ лѣтъ. Онъ служилъ въ провинціи по финансовому вѣдомству, и занимался писательствомъ, какъ философъ, который знаетъ прелесть назидной литературы. Познакомившись съ нимъ такимъ образомъ, я поддерживала съ нимъ знакомство послѣ отъѣзда Sainte-Lette, который говорилъ, что ему доставляетъ нѣкоторое удовольствіе, покидая Францію, думать, что его другъ не лишится, благодаря этому, преимущества имѣть сношенія со мной; онъ даже испросилъ у меня позволеніе передать своему другу, съ тѣмъ чтобы тотъ вернулъ мнѣ ихъ нѣсколько позже, нѣкоторыя рукописи, которыя, какъ я упоминала, я сообщила ему. Этотъ интересный старикъ пустился въ море, быть можетъ, въ пятый или шестой разъ въ своей жизни. Язва на головѣ, отъ которой онъ уже раньше страдалъ, раскрылась во время плаванія: онъ пріѣхалъ больнымъ въ Пондшери, гдѣ умеръ чрезъ шесть недѣль по своему возвращеніи. Мы узнали объ его смерти чрезъ Demontchéry. Sévelinges горько оплакивалъ его. Онъ писалъ мнѣ отъ времени до времени, и его письма, которыя были такъ-же хороши по краскамъ, какъ и по слогу, доставляли мнѣ большое удовольствіе; они носили отпечатокъ вѣтхой фи-

лософiи и грустной чувствительности, къ которымъ я всегда питала большую склонность. Я убѣдилась, по этому поводу, въ справедливости замѣчанiя Дидеро, что развитой вкусъ предполагаетъ большой умъ, деликатныя чувства и нѣсколько меланхолическiй темпераментъ.

Мой отецъ, благiя намѣренiя котораго незамѣтно улетучивались, нашелъ, что довольно бесполезно выказывать свой умъ, когда это стоитъ денегъ за пересылку писемъ. Я рассказала о своемъ огорченiи дядечкѣ, который разрѣшилъ мнѣ посылать письма Sevelinges, котораго онъ видѣлъ у насъ, на его имя. Мои рукописи были возвращены мнѣ съ нѣкоторыми критическими замѣчанiями, которыми я очень гордилась, потому что я не воображала, чтобы мои произведенiя были достойны критики. Это были, въ моихъ собственныхъ глазахъ, довольно умныя, но избитыя мечтанiя на темы, которыя, какъ мнѣ казалось, всѣмъ должны были быть извѣстны; я не думала, чтобы они имѣли иное достоинство, кромѣ того, что были написаны молодою дѣвушкой. Я долго при оцѣнкѣ своей личности сохраняла полнѣйшую наивность; нужны были круговоротъ революцiи, движенiе событiй, разнообразiе положенiй, обилiе сравненiй, среди большой толпы и среди людей уважаемыхъ за ихъ достоинства, для того, чтобы дать мнѣ замѣтить, что ступень, на которой я нахожусь, не переполнена народомъ. Впрочемъ, — я слышу это замѣтить,—это гораздо болѣе доказало мнѣ недостатокъ людей въ моей странѣ, чѣмъ внушило высокое понятiе о себѣ самой. Не въ остроумiи ощущается недостатокъ,—оно встрѣчается очень часто,—а въ правильности сужденiй и силѣ характера. Безъ этихъ двухъ качествъ, по моему мнѣнiю, нельзя быть тѣмъ, что я называю женщиной. Поистинѣ, Дiогенъ былъ правъ, когда бралъ фонарь! Но революцiя можетъ замѣнить его: я не знаю болѣе точнаго мѣрила или лучшаго пробнаго камня!

Безансонская Академiя предложила для соисканiя премii вопросъ о томъ, „какимъ образомъ воспитанiе женщинъ можетъ способствовать улучшенiю человѣчества?“ Мое воображенiе начало работать. Я взялась за перо и написала разсужденiе, которое отправила инкогнито, и которое, какъ то легко себѣ представить, не нашли достойнымъ премii. Ни одно изъ присланныхъ сочиненiй не удостоилось, впрочемъ, этой чести. Тема была вновь предложена; но я не знаю, какiе получились результаты на слѣдующiй годъ. Помню только, что, собираясь трактовать объ этомъ предметѣ, я почувствовала, что было-бы нехѣно устанавливать способъ воспитанiя, который-бы не соответствовалъ общему характеру нравовъ, зависящихъ отъ образа правленiя, и что слѣдовало не стремиться преобразовать одинъ полъ посредствомъ другого, но улучшить людей, путемъ хорошихъ законовъ. Такимъ образомъ, хотя

я говорила какими, по моему мнѣнію, должны были-бы быть женщины, но я присовокупляла, что такими можно ихъ было сдѣлать лишь при другомъ порядкѣ вещей. Эта мысль, несомнѣнно вѣрная и философская, не соответствовала академической задачѣ: я рассуждала по поводу вопроса, вмѣсто того, чтобы разрѣшить его.

Я сообщила это разсужденіе г-ну de Sévelinges, къ которому отправила его въ Безансонъ; Sévelinges сдѣлалъ мнѣ замѣчанія исключительно по поводу слога. Моя голова уже остыла; я наводила свою работу очень несовершенной по существу и доставила себѣ развлеченіе написать на нее критику, какъ будто-бы она была написана кѣмъ-нибудь другимъ, надѣ кѣмъ я хотѣла посмѣяться. Можно сказать, что это значило щекотать себя, чтобы смѣяться или давать себѣ пощечины, чтобы нагрѣть себѣ щеки, но несомнѣнно, что невозможно было-бы смѣяться въ одиночествѣ отъ болѣе чистаго сердца и болѣе невинно. За то Sévelinges сообщилъ мнѣ академическую рѣчь своего сочиненія объ искусствѣ рѣчи, съ которою онъ обратился въ Академію, и по поводу которой д'Аламберъ написалъ ему любовное письмо. Въ этомъ произведеніи было, какъ мнѣ помнится, много метафизики и нѣкоторое жеманство. Болѣе года протекло среди этого умственного общенія, подѣ вліаніемъ котораго пробуждались, однако, мысли другого порядка. Sévelinges, повидимому, безпокоился о моемъ положеніи, и самъ скучалъ въ одиночествѣ; онъ много разсуждалъ о прелести интеллигентнаго общества; я придавала послѣднему большую цѣну. Мы долго разсуждали объ этомъ предметѣ; я не знаю какъ слѣдуетъ, какія, благодаря этому, пришли ему въ голову мысли, но онъ поѣхалъ въ Парижъ и явился къ моему отцу incognito, какъ-бы по дѣлу. Что было особенно смѣшно, это то, что я его не узнала, хотя и приняла его. Но чрезвычайно огорченный видъ, съ которымъ онъ простился со мной, поразилъ меня и пробудилъ въ моей памяти воспоминаніе объ его чертахъ. Я нашла послѣ его ухода, что незнакомецъ очень походилъ на него, и вскорѣ убѣдилась изъ его писемъ, что это дѣйствительно былъ онъ. Эта странность произвела на меня не особенно пріятное впечатлѣніе, сущности котораго я-бы не могла опредѣлить. Наша переписка стала менѣ дѣятельной; она впослѣдствіи прекратилась, какъ я то разскажу.

Я иногда бывала въ Венсенѣ. Духовное убѣжище моего дяди было очень красиво, прогулки прелестны, общество пріятно; но хотя дѣвица д'Наппашевъ прекрасно вела его хозяйство, онъ начиналъ чувствовать, что приходится искупать это удобство цѣной всякихъ дразгъ, благодаря дурному расположенію духа и глупости старой дѣвушки съ претензіями. Въ Венсенскомъ замкѣ жило множество лицъ, которыхъ дворъ снабжалъ квартирами: одну квартиру занималъ старшій

королевскій цензоръ, Moreau de la Garve; другую — женщина съ репутаціей ума, г-жа de-Puisieux; дальше помѣщалась графиня de-Laurencier; ниже—одна офицерская вдова, и такъ далѣе, не считая лейтенанта короля, ставшего извѣстнымъ благодаря Мирабо—Rougemont, лицо котораго, покрытое прыщами, и наглая глупость представляли самую отвратительную комбинацію. Рота инвалидовъ, жены офицеровъ которой тоже входили въ составъ мѣстнаго общества, составляла, вмѣстѣ со всѣми этими жильцами и капитуломъ, не считая заключенныхъ въ замковой башнѣ, 600 человекъ населенія въ оградѣ замка. Мой дядя былъ принятъ повсюду, но никуда не ходилъ часто и принималъ у себя лишь небольшое число лицъ. По вечерамъ, при возвращеніи съ прогулокъ, дѣлались обыкновенно остановки въ бесѣдкѣ на мосту въ паркѣ, гдѣ собирались женщины. Я тамъ могла-бы еще позаимствовать сюжетовъ для картинъ, еслибъ у меня было время ихъ писать. Но часы гонятся за мной, путь, которыи мнѣ остается пройти, очень дологъ; и потому, очертя голову, перескакиваю черезъ множество вещей. Можно было-бы, однако, много рассказать забавнаго о балахъ въ „allée des voleurs“, о скачкахъ графа д'Артуа, о безумствахъ Seguin, кассира герцога Орлеанскаго, именины котораго (Seguin) праздновались иллюминаціями и который вскорѣ послѣ того обанкрутился; и пріятныя прогулки въ лѣсу, и красивый видъ изъ верхняго парка на Марну, — видъ, ради котораго мы перебирались черезъ проломъ въ стѣнѣ, и кельи отшельниковъ въ лѣсу, расположенныя столь живописнымъ образомъ, въ церкви которыхъ находилась картина, цѣнная, какъ произведение художества, интересная по сюжету, гдѣ тысячи чертей мучили осужденныхъ всаеческими способами; и мои чтенія съ дядей, особенно чтеніе трагедій Вольтера, изъ которыхъ мы однажды декламировали, каждый по очереди, нѣсколько ролей, когда въ самую патетическую минуту дѣвица d'Hannaches, молчаливо правшая, начала кричать своимъ тонкимъ голосомъ на куръ, къ которымъ намъ очень хотѣлось ее отправить. И эти подхрамывавшіе концерты въ послѣобѣденное время, когда на столѣ, съ котораго только-что убрали посуду, футляры отъ стеклянныхъ цилиндровъ служили пропитромъ для добраго каноника Вагеux съ его очками, заставлявшаго гремѣть свой басъ, между тѣмъ какъ я пилила на своей скрипкѣ, а мой дядя фальшивилъ на флейтѣ. Ахъ! я еще вернусь къ этимъ милымъ картинамъ, если мнѣ дадутъ жить, но нужно возвратиться домой; однако сначала я расскажу о нѣкоемъ хвастунѣ, имѣвшемъ довольно извѣстное имя.

КРАТКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ТОГО, ЧТО МНѢ ОСТАВАЛОСЬ РАЗСКАЗАТЬ,
СЛУЖАЩЕЕ ПОСЛѢДНИМЪ ДОПОЛНЕНІЕМЪ КЪ МЕМУАРАМЪ ¹⁾.

Рукописи, которыя мнѣ оставилъ г-нъ Роланъ, лучше познакомили меня съ нимъ въ теченіе 18 мѣсяцевъ, проведенныхъ имъ въ Италіи, чѣмъ-бы то сдѣлали частныя посѣщенія. Это были путешествія, размышленія, планы работъ, анекдоты, касавшіеся его частной жизни; сильная душа, строгая честность, суровые принципы, знаніе и вкусъ явно выказывались въ нихъ.

Родившись въ достаткѣ, изъ стариннаго рода, отличившагося въ судейскомъ сословіи своей честностью, онъ еще въ молодости былъ свидѣтелемъ потери фамиліаго состоянія, благодаря недостатку порядка, съ одной стороны, и чрезмѣрнымъ тратамъ—съ другой. Какъ младшаго изъ пяти братьевъ, его заставляли аступить въ духовное званіе; одинъ и безъ помощи, 19 лѣтъ отъ роду, онъ покинулъ отцовскій домъ, чтобы не быть принужденнымъ избрать профессію священника или купца, къ которымъ онъ чувствовалъ одинаковое отвращеніе. Прежде всего онъ поѣхалъ въ Нантъ, гдѣ поступилъ къ одному судохозяину, чтобы пріобрѣсти нужныя свѣдѣнія и затѣмъ уѣхать въ Индію; всѣ распоряженія были сдѣланы, но съ нимъ вдругъ сдѣлалось кровохарканіе, благодаря которому ему, подъ страхомъ смерти, запретили путешествіе по морю. Тогда онъ отправился въ Руанъ, гдѣ г-нъ Godinot, его родственникъ, инспекторъ мануфактуръ, предложилъ ему вступить въ это вѣдомство. Онъ согласился на это, вскорѣ отличился своей расторопностью и трудолюбіемъ и, словомъ, оказался полезнымъ на своемъ мѣстѣ. Онъ дѣлилъ свое время между путешествіями и занятіями, наполнявшими его жизнь. Передъ своимъ отъѣздомъ въ Италію онъ привелъ къ моему отцу своего любимаго брата, бенедиктинца, бывшаго въ то время настоятелемъ гимназій (collége) Cluny въ Парижѣ. Это былъ человекъ умный, кроткаго нрава и пріятнаго характера. Онъ иногда приходилъ навѣщать меня и сообщалъ замѣтки, которыя ему присылалъ братъ: послѣдній, по мѣрѣ того, какъ путешествовалъ, набрасывалъ на бумагу

---

¹⁾ Я въ своей послѣдней тетради остановилась на Венсенѣ: я собиралась разсказать о Саггасціолі, котораго я видѣла у каноника и писала котораго, вышедшія подъ именемъ Ganganelli, имѣли нѣкоторыя усяхъ, хотя въ нихъ много было повтореній изъ его собственныхъ мелкихъ произведеній. Но слѣдить, такимъ образомъ, шагъ за шагомъ, за событіями, было-бы, слишкомъ большой работой, для которой у меня уже не остается достаточно времени жизни; я ограничиваюсь, поэтому, краткимъ обзорѣемъ.

свои наблюденія; это тѣ самыя замѣтки, которыя онъ разбилъ, по своему возвращеніи, на письма и) иадалъ, поручивъ ихъ печатаніе своимъ Діепскимъ друзьямъ; одинъ изъ послѣднихъ, помѣшанный на итальянскомъ языкѣ, далъ слишкомъ большое мѣсто выпискамъ на этомъ языкѣ. Этому произведенію, полному содержанія, недостаетъ лишь хорошей редакціи, чтобы занять первое мѣсто среди путешествій по Италіи. Исправить его было однимъ изъ нашихъ намѣреній съ тѣхъ поръ, какъ мы вступили въ бракъ; но мнѣ также хотѣлось увидѣть Италію; время и событія увлекли насъ въ другую сторону.

По возвращеніи г-на Роланъ я приобрѣла въ немъ друга; его серьезность, его характеръ, его привычки, всецѣло посвященныя работѣ, заставляли меня считать его, такъ сказать, существомъ безъ пола, или философомъ, который жилъ лишь разумомъ. Установилось нѣкоторое довѣріе; и удовольствіе, которое онъ испытывалъ вблизи меня, постепенно выработало въ немъ потребность приходить все чаще. Я уже около пяти лѣтъ была знакома съ нимъ, когда онъ открылся мнѣ въ нѣжныхъ чувствахъ; я не была къ этому равнодушна, потому что я уважала его больше, чѣмъ кого-бы то ни было, кого я знала до тѣхъ поръ; но я замѣтила, что онъ, можетъ быть, подъ вліяніемъ семьи, не былъ равнодушенъ къ матеріальнымъ обстоятельствамъ. Я ему откровенно отвѣтила, что его предложеніе мнѣ очень лестно, и что я съ удовольствіемъ приняла-бы его, но что я не считаю себя хорошей партіей для него; я изложила ему безъ обиняковъ положеніе нашей фирмы, которая была разорена. Я спасла, рѣшившись наконецъ потребовать отчета у моего отца, подъ страхомъ испытать его немилость, 500 ливровъ ежегоднаго дохода, что вмѣстѣ съ моими платьями составляло весь остатокъ того мнимаго богатства, въ которомъ я воспитывалась.

Мой отецъ былъ еще молодъ; его заблужденія могли вовлечь его въ долги, которые невозможность выплатить сдѣлала-бы впослѣдствіи позорными; онъ могъ необдуманно жениться и прибавить къ этимъ бѣдамъ дѣтей, которыя носили-бы мое имя въ нищетѣ, и т. д., и т. д., и т. д.. Я была слишкомъ горда, чтобы желать подвергнуться недоброжелательству семьи, которая не почла-бы за честь родство со мной, или великодушію мужа, который нашелъ-бы въ этомъ бракѣ одни огорченія; я посоветовала г-ну Роланъ, какъ то могло-бы сдѣлать постороннее лицо, перестать думать обо мнѣ. Онъ упорствовалъ; я была тронута и позволила ему сдѣлать необходимые шаги у моего отца; но, такъ какъ онъ предпочиталъ высказываться письменно, то было рѣшено, что онъ объяснится лишь въ письмѣ, когда вернется въ свое мѣсто жительства; и мы провели остатокъ времени его тогдашняго пребыванія въ Парижѣ, выдавъ каждый день; я на него

смотрѣла, какъ на существо, съ которымъ должна была соединить свою судьбу, и привязалась къ нему. Немедленно по возвращеніи въ Амьенъ, онъ написалъ моему отцу, чтобы высказать ему свои желанія и намѣренія. Мой отецъ нашелъ его письмо сухимъ: онъ не любилъ строгость г-на Роланъ,—ему не особенно хотѣлось имѣть зятемъ чело-вѣка суроваго, взгляды котораго напоминали ему взглядъ цензора; онъ отвѣчалъ ему грубо, дерзко, и показалъ мнѣ всю переписку, лишь когда уже отправилъ отвѣтъ. Я немедленно приняла рѣшеніе. Я напи-сала г-ну Роланъ, что событіе это слишкомъ оправдывало мои опа-сенія относительно моего отца, что я не хочу ему причинять дальнѣй-шихъ неприятностей и что я прошу его отказаться отъ своего намѣ-ренія. Я объявила моему отцу о томъ, что его поведеніе заставило меня сдѣлать; я прибавила, что послѣ этого онъ не можетъ удив-ляться моему рѣшенію создать себѣ новое положеніе и удалиться въ монастырь. Но такъ какъ я знала, что у него было нѣсколько спѣш-ныхъ долговъ, я оставила ему часть денегъ, принадлежавшихъ мнѣ, для ихъ уплаты; я наняла у общины маленькую комнату и устроила себѣ въ ней убѣжище, твердо рѣшивъ ограничить свои потребности соразмѣрно со своими доходами. Я это исполнила. Я могла-бы раз-сказать очень интересныя подробности объ этомъ положеніи, гдѣ я начала изощрять твердость сильной души. Я строго рассчитывала свои издержки и откладывала кое-что для подарковъ монастырской прислугѣ. Картофель, рисъ, фасоль, сваренная въ горшкѣ съ нѣ-сколькими крупинками соли и масломъ, — таково было разнообразіе кушаній, которыя составляли мою пищу, не отнимая у меня много времени. Я выходила изъ дому два раза въ недѣлю; одинъ разъ, чтобы посѣтить дѣдушку и бабушку, другой—, чтобы пойти къ отцу, пере-смотреть его бѣлье и взять съ собой то, что нужно было починить. Остальное время, покрытая снѣжной крышей (я жила въ верх-немъ этажѣ, и дѣло было зимой), не желая быть постоянно въ об-ществѣ дамъ-пансіонерокъ, я предавалась занатіямъ; я закалила свое сердце противъ несчастій и отомщала судьбѣ, не дарившей мнѣ счастья, тѣмъ, что старалась быть достойной послѣдняго. Каждый вечеръ чувствительная Агата приходила провести со мною полчаса; кроткія слезы дружбы сопровождали изліянія ея сердца; я прогуливалась въ одиночествѣ по саду въ часы, когда всѣ оттуда удалялись; покор-ность разсудительнаго ума, миръ чистой совѣсти, высота характера, презиравшая несчастія, та привычка къ труду, благодаря которой часы протекаютъ такъ быстро, тотъ тонкій вкусъ здоровой души, ко-торый въ сознаніи жизни и своихъ собственныхъ достоинствъ нахо-дитъ утѣшенія, незнакомыя толпѣ,—таковы были мои сокровища. Я не всегда была свободна отъ меланхоліи, но и она имѣла свою пре-

лесть; и если я не была счастлива, то внутри меня было все, что требуется для счастья; я могла гордиться своимъ умѣніемъ обходиться безъ того, въ чемъ все-же чувствовала недостатокъ.

Г-нъ Роланъ, удивленный, огорченный, продолжалъ мнѣ писать, какъ человѣкъ, не переставшій любить меня, но оскорбленный поведеніемъ моего отца: онъ явился ко мнѣ по прошествіи пяти или шести мѣсяцевъ, и увидѣвъ меня у рѣшетки, съ моимъ счастливымъ видомъ, захотѣлъ меня освободить отъ заключенія; онъ снова предложилъ мнѣ свою руку черезъ своего брата, бенедиктинца, и уговаривалъ меня принять его предложеніе. Я тщательно обдумала, что дѣлать. Я не скрыла отъ себя, что человѣкъ, которому было-бы меньше 45 лѣтъ, не сталъ-бы ждать нѣсколько мѣсяцевъ, прежде чѣмъ попытаться убѣдить меня переимѣнить мое рѣшеніе, и признаюсь, что это уменьшило мое чувство до раздѣра, при которомъ во мнѣ уже не оставалось никакихъ иллюзій; съ другой стороны его настойчивость, также очень обдуманная, давала мнѣ увѣренность въ томъ, что онъ меня оцѣнилъ, и что если онъ побѣдилъ свою щекотливость относительно внѣшнихъ непріятностей, которыя бракъ со мной могъ ему доставить, то я тѣмъ болѣе должна была быть увѣрена въ его уваженіи, которое мнѣ не трудно было оправдать. Наконецъ, если бракъ былъ, какъ я думала, строгимъ союзомъ, ассоціаціей, въ которой женщина большею частью брала на свое попеченіе счастье двухъ людей, то не лучше ли было упражнять свои способности въ этой почетной работѣ, чѣмъ въ уединеніи, гдѣ я жила?

Мнѣ пришлось-бы изложить здѣсь очень умныя, какъ мнѣ кажется, размышленія, которыя побудили меня дать согласіе; и однако мнѣ не пришли въ голову всѣ тѣ мысли, на которыя могли-бы натолкнуть обстоятельства, но въ наличности которыхъ одинъ опытъ даетъ возможность убѣдиться. Я стала женой истинно-добродѣтельнаго человѣка, который любилъ меня тѣмъ больше, чѣмъ лучше узнавалъ. Мое замужество было плодомъ вполне сознательнаго рѣшенія, и ничто не могло-бы меня заставить отклониться отъ него въ сторону; я пожертвовала собой въ болѣе восторженномъ, чѣмъ обдуманномъ порывѣ. Думая лишь о счастіи другой стороны, я позже замѣтила, что чего-то недоставало для моего счастья; я ни одну минуту не переставала видѣть въ своемъ мужѣ одного изъ самыхъ почетныхъ людей, какіе только существуютъ, и сознавать свое право гордиться тѣмъ, что принадлежу ему; но я часто чувствовала, что между нами недоставало равенства, что вліяніе властнаго характера и двадцати лѣтъ, на которые онъ былъ старше меня, дѣлали излишнимъ одно изъ этихъ двухъ превосходствъ. Когда мы бывали въ уединеніи, мнѣ иногда приходилось переживать тяжелые часы; когда мы

выѣзжали въ свѣтъ, а видѣла хорошее отношеніе ко мнѣ людей и замѣчала, что нѣкоторые изъ нихъ могли-бы произвести на меня слишкомъ большое впечатлѣніе: я погружалась въ работу со своимъ мужемъ, — другая крайность, имѣвшая свои неудобства; я приучила его неумѣть обходиться безъ меня ни за что на свѣтѣ и ни на одну минуту, — и меня это утомило.

Я уважаю, я нѣжно люблю моего мужа, словно чувствительная дочь, обожающая добродѣтельнаго отца, для котораго она даже пожертвовала-бы своимъ любовникомъ; но я нашла человѣка, который могъ-бы быть этимъ любовникомъ; оставаясь вѣрной своему долгу, я однако, благодаря моей искренности, не сумѣла скрыть чувствъ, которыя я принесла ему въ жертву. Мой мужъ, чрезвычайно чувствительный и въ своихъ привязанностяхъ, и въ самолюбіи, не могъ вынести мысли о малѣйшемъ умаленіи своей власти; его воображеніе омрачилось, его ревность раздражила меня, счастье далеко улетѣло отъ насъ; онъ меня обожалъ, и для него пожертвовала собой, — и мы были несчастны. Если-бъ я была свободна, и всюду слѣдовала-бы по его стопамъ, чтобы смягчить его печаль и утѣшить его старость; обладая душой, подобною моею, никогда не можешь дѣлать жертвы въ половину; но Роландъ ожесточился при мысли о жертвѣ, и съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ, что я ее приношу ему, — его счастье разрушилось; онъ страдаетъ, что долженъ принять жертву, и не можетъ безъ нея обойтись.

Изложеніе всѣхъ этихъ событій, а также того, чѣмъ заполнялись предшествовавшіе имъ годы, дало-бы много свѣдѣній для познанія человѣческаго сердца и полезныхъ уроковъ чувствительнымъ людямъ.

Весь первый годъ моего замужества мы провели въ Парижѣ, куда Роландъ былъ призванъ управленіемъ торговли, желавшимъ провести новыя фабричныя постановленія, — постановленія, противъ которыхъ Роландъ боролся изо всѣхъ силъ во имя принциповъ свободы, всюду имъ проводимыхъ. Онъ печаталъ описаніе нѣкоторыхъ ремеслъ, сдѣланное имъ для Академіи, и приводилъ въ порядокъ свои рукописи объ Италіи; онъ сдѣлалъ меня своимъ переписчикомъ и своимъ корректоромъ; я исполняла эту работу со смиреніемъ, при воспоминаніи о которомъ не могу удержаться отъ смѣха, и которое мнѣ кажется почти несомвѣстнымъ съ столь развитымъ умомъ, какимъ я обладала; но оно исходило отъ сердца; я такъ искренно уважала моего мужа, что очень охотно вѣрила въ превосходство его сужденій; и я такъ боялась омрачить его лицо, онъ такъ крѣпко держался за свои взгляды, что я лишь много времени спустя приобрѣла смѣлость ему противорѣчить. Въ то-же время я прослушала курсъ естественной исторіи и курсъ ботаники; это было единственнымъ, хотя

и труднымъ отдохновеніемъ отъ моихъ занятій секретаря и хозяйки; такъ какъ Парижъ не былъ нашимъ обычнымъ мѣстопребываніемъ, и потому мы жили въ меблированныхъ комнатахъ, а слабое здоровье моего мужа, какъ я замѣтила, не могло приворовиться ко всякому столу, то я брала на себя трудъ сама готовить кушанья, которыя ему нравились. Мы провели четыре года въ Аміенѣ; тамъ я сдѣлалась матерью и выкормила ребенка, не переставая раздѣлять работу моего мужа, который взялъ на свое попеченіе значительную часть новой энциклопедіи. Мы покидали кабинетъ лишь ради загородныхъ прогулокъ; я составила гербарій растений Пикардіи, и занятія изученіемъ водяныхъ растений дали матеріалъ для *Art du tourbier* (искусство добывать торфъ). Частыя заболѣванія давали мнѣ поводъ беспокоиться за жизнь Ролана; мои заботы не были ему бесполезны и послужили между нами новою связью: онъ меня любилъ страстно за мое самопожертвованіе,—я привязалась къ нему за добро, которое ему дѣлала.

Въ Италіи онъ познакомился съ однимъ молодымъ человѣкомъ, котораго онъ уважалъ за кроткую и честную душу, и который, вернувшись съ нимъ во Францію, гдѣ занялся медициной, сдѣлался нашимъ близкимъ другомъ. Это былъ Lanthenas, котораго я бы уважала еще больше, еслибъ революція, этотъ вробный камень людей, не обнаружила, толкнувъ его въ движеніе, слабость его характера и его посредственность. Онъ отличается личными добродѣтелями, но лишень внѣшней привлекательности; онъ очень нравился моему мужу и очень привязался къ намъ обоимъ; я любила его и относилась къ нему, какъ къ брату,—я даже его называла этимъ именемъ. Его привязанность, его честность съ давнихъ норъ были неизмѣнны. Онъ захотѣлъ поселиться съ нами; Роланъ соглашался принять его, но я воспротивилась этому, потому что считала, что столь полная жертва со стороны человѣка его возраста, испытывающаго привязанность, какую онъ выказывалъ, влекла за собой тайную мысль о взаимности, которую мнѣ запрещали мои принципы, и которой онъ, къ тому-же, не могъ-бы добиться отъ меня. Это былъ добрый и нѣжный братъ, но онъ не могъ быть чѣмъ нибудь инымъ для моего сердца, и это сознаніе дѣлало меня особенно свободной и искренней въ задушевной дружбѣ, установившейся между нами тремя. Lanthenas, какъ, по всей вѣроятности, большинство людей, былъ доволенъ тѣмъ, что имѣлъ, пока другіе не получали больше, чѣмъ онъ; но замѣтивъ, что я не осталась равнодушной (къ другому), онъ сталъ несчастнымъ и ревнивымъ; ничто не дѣлаетъ людей столь угрюмыми и даже несправедливыми; я это почувствовала, и была слишкомъ горда, чтобъ пощадить его: онъ удалился еще болѣе разозленный, воображая себѣ самое худшее; самъ его убѣж-

денія получили новый отбнокъ; его сердце мѣшало ему быть жестокимъ, какъ монтаньяры, но онъ ни на что не хотѣлъ болѣе смотрѣть, какъ смотрѣла я, и еще менѣе—какъ тотъ, кого, какъ онъ видѣлъ, я страстно любила; онъ хотѣлъ стать между *правой стороны, страсти* которой онъ порицалъ, и лѣвой, крайностей которой онъ не могъ одобрить; онъ сталъ менѣе, нежели ничѣмъ, и заставилъ обѣ стороны презирать себя.

Софья вышла замужъ, во время моего пребыванія въ Амьенѣ, за кавалера de Comicourt, который жилъ въ шести лье оттуда и велъ хозяйство въ своемъ имѣніи. Генриетта, которая любила г-на Роланъ и за котораго ея семья мечтала выдать ее замужъ, открыто одобрила предпочтеніе, оказанное имъ мнѣ, съ тою трогательною искренностью, которая дѣлаетъ честь ея характеру, съ тѣмъ великодушіемъ, которое заставляетъ ее любить. Она вышла замужъ за старика de Vouglans, вдовца, и которому духовникъ и докторъ совѣтовали жениться, хотя ему было 75 лѣтъ. Обѣ онѣ овдовѣли: Софья снова стала ханжой, и ея большая грудь дѣлаетъ ее очень слабой и заставляетъ опасаться за ея жизнь, необходимую двумъ хорошенькимъ дѣтямъ. Разница нашихъ характеровъ и убѣжденій, въ связи съ разлукой и событіями, ослабила нашу дружескую связь, хотя и не порвала ее. Генриетта, свободная, по прежнему живая и любящая, посѣтила меня въ моемъ заключеніи, гдѣ она охотно заняла-бы мое мѣсто, чтобы спасти меня.

Въ началѣ нашей супружеской жизни Роланъ пожелалъ, чтобы я рѣже видалась со своими подругами; я подчинилась его желанію, и только когда время внушило моему мужу достаточно довѣрія ко мнѣ и устранило всякое безпокойство относительно соперничества въ привязанности, я позволила себѣ ихъ чаще посѣщать; это былъ съ его стороны плохой расчетъ; бракъ вещь серьезная и суровая; если вы лишите чувствительную женщину сладости дружбы съ лицами ея пола, вы лишаете ее необходимой пищи и подвергаете ее опасности. Какъ подробно можно было-бы развить эту истину!

Въ 1784 г. мы перешли въ Лионскій округъ; мы поселились въ Вильфраншѣ, въ домѣ семьи г-на Роланъ, гдѣ еще жили его мать, 84-лѣтняя старушка, и его старшій братъ, каноникъ и совѣтникъ. Я могла-бы изобразить много картинокъ нравовъ маленькаго города и ихъ вліанія на людей; изобразить домашнія непріятности, вытекавшія изъ совмѣстной жизни съ женщиной, почтенной по своему возрасту, но ужасной по характеру, и среди двухъ братьевъ, изъ которыхъ младшій имѣлъ страсть къ независимости, а старшій—привычку къ власти и связаннне съ нею предразсудки.

Въ теченіе двухъ зимнихъ мѣсяцевъ мы жили въ Лионѣ, который я хорошо узнала и о которомъ могла-бы многое разсказать. Городъ вели-

колѣнный по своему мѣстоположенію и постройкамъ, съ дѣйствующими фабриками и торговлей, интересны своими древностями и коллекціями, блестящій своимъ богатствомъ, внушавшій зависть императору Іосифу и имѣвшій видъ великолѣпной столицы; нынѣ—обширное кладбище, гдѣ волнуются жертвы правительства въ сто разъ болѣе жестокаго, чѣмъ самый деспотизмъ, на развалинахъ котораго оно возвысилось. Осенью мы ѣздили въ деревню; а послѣ смерти г-жи de la Platière, моей свекрови, мы проводили тамъ большую часть года. Приходъ Thézée, расположенный въ двухъ лье отъ Вильфранша, гдѣ находится Clos la Platière,—край съ бесплодною почвой, богатый виноградниками и лѣсами; это—послѣдняя область произрастанія винограда передъ высокими горами Beaujolais. Тамъ мои простые вкусы приобрѣли навыкъ во всѣхъ тонкостяхъ сельскаго хозяйства и животноводства; тамъ я приняла, для облегченія своихъ сосѣдей, приобрѣтенныя познанія; я стала деревенскимъ докторомъ, тѣмъ болѣе любимымъ, что подавала денежную помощь, вмѣсто того, чтобы требовать вознагражденія, и что удовольствіе быть полезно дѣлало мой уходъ приятнымъ. Какъ легко крестьяне дарятъ свое довѣріе тѣмъ, кто дѣлаетъ имъ добро! Говорять, что они неблагодарны; правда, что я не претендовала на то, чтобы кто-нибудь считалъ себя имъ обязаннымъ; но меня любили, и когда я уѣзжала, меня оплакивали. Со мной также случались забавная сцена, и иногда добрыя женщины пріѣзжали за мной за три или за четыре лье съ лошадыю, чтобы просить меня отправиться спасти отъ смерти кого-нибудь, отъ кого отказался докторъ. Моего мужа я-таки спасла въ 1789 г. отъ смерти, во время одной страшной болѣзни, отъ которой предписанія доктора не выдѣляли-бы его безъ моего ухода. Я провела двѣнадцать дней безъ сна, не раздѣваясь, прожила шесть мѣсяцевъ въ безпокойствѣ и волненіи, во время опаснаго выздоровленія, и даже не прихворнула,—настолько сердце придаетъ силъ и удваиваетъ энергію. Революція наступила и воспламенила насъ; друзья челоуѣчества, поклонники свободы, мы думали, что она должна переродить людей, уничтожить позорную нищету того несчастнаго класса, которому мы такъ часто соблазновали; мы встрѣтили ее съ восторгомъ. Наши убѣжденія возстановили противъ насъ въ Ліонѣ многихъ людей, которые, благодаря привычкѣ къ расчетливости въ торговлѣ, не понимали, чтобы философскіе взгляды людей могли побудить ихъ вызвать и одобрить переменны, полезны лишь для другихъ; это одно сдѣлало ихъ врагами г-на Роланъ; за то другіе съ той поры стали больше уважать его. Онъ былъ избранъ въ муниципалитетъ перваго созыва; здѣсь онъ отличился своей непреклонной прямотой; его стали бояться, и клевета, съ одной стороны, открыла противъ него походъ, между тѣмъ какъ, съ другой, его защи-

пали привязанность или справедливость. Будучи избранъ депутатомъ для защиты интересовъ города въ *Assemblée constituante*, онъ прѣхалъ въ Парижъ; мы провели тамъ около года: въ другомъ мѣстѣ я рассказала, какъ мы тамъ познакомились съ нѣкоторыми членами этого собранія, и, естественно, подружались съ тѣми, которые, подобно намъ, свободу любили не ради себя, но ради нея, и которые нынѣ вмѣстѣ съ нами дѣлать участь, общую почти всѣмъ основателямъ свободы,—участь настоящихъ друзей человѣчества, какъ на примѣръ Діона, Сократа, Фокіона и столькожъ другихъ изъ древнаго міра, Барневельта и Сиднея,—изъ новѣйшаго времени.

Вмѣстѣ съ моимъ мужемъ я совершила путешествіе въ Англію въ 1784 г. и въ Швейцарію въ 1787 г., и познакомилась съ интересными личностями въ обѣихъ этихъ странахъ; мы сохранили сношенія съ нѣкоторыми; меньше года тому назадъ я получила письмо отъ Lavater'a—того знаменитаго Цюрихскаго пастора, который извѣстенъ своими сочиненіями, своимъ блестящимъ воображеніемъ, своимъ любящимъ сердцемъ и чистотой своихъ нравовъ: честный и ученый Gossé изъ Женевы навѣрно горюетъ о преслѣдованіи, которое мы претерпѣваемъ; я не знаю, что случилось съ способнымъ Dezach, недавно объѣздившимъ Германію, бывшимъ прежде профессоромъ въ Вѣнѣ; съ нимъ я часто встрѣчалась въ Лондонѣ, гдѣ Роланъ спорилъ съ нимъ у Banks, предсѣдателя королевскаго общества, у котораго собирались ученые его страны и иностранцы, гостившіе въ Лондонѣ. Я путешествовала съ удовольствіемъ и пользой, которая извлекаешь въ обществѣ чловѣка, уже знающаго мѣста и хорошо ихъ изучившаго; я наблюдала и излагала письменно то, что производило на меня наибольшее впечатлѣніе. Я посѣтила также нѣкоторыя части Франціи: революція помѣшала нашей поѣздкѣ на югъ Франціи и путешествію въ Италію, котораго я желала и на которое надѣялась. Мы были влюблены въ общественное благо, и оно завладѣло всѣми нашими мыслями; оно подчинило себѣ всѣ наши планы; мы предались страсти служить ему. Читателю уже извѣстно изъ другого отрывка (первое министерство), какимъ образомъ Роланъ попалъ въ члены правительства, такъ сказать, безъ его вѣдома, и его общественное поведеніе не можетъ не доказать безпристрастному потомству его безкорыстіе, его знаніе, его добродѣтель.

Мой отецъ, который отнесся къ намъ не очень хорошо, не заключилъ ни брака, ни слишкомъ обременительныхъ обязательствъ; мы заплатили нѣкоторые сдѣланные имъ долги и убѣдили его оставить дѣла, которыя могли лишь быть неудачными, и обезпечили ему пенсію. Какъ ни были для него пагубны его ошибки, благодаря которымъ онъ только что спустилъ еще и небольшое наслѣдство моей

бабушки, и хотя онъ могъ быть только доволенъ нашимъ поведениемъ по отношенію къ нему,—его высокоуміе заставляло его сильно страдать отъ сознанія, что онъ намъ обязанъ; это раздраженное состояніе мѣшало ему, порой, быть справедливымъ даже относительно тѣхъ, кто желалъ угождать ему; онъ умеръ шестидесяти лѣтъ отъ роду, въ суровую зиму 1787—1788 г., отъ катарра, которымъ онъ болѣлъ уже давно. Мой дорогой дядя умеръ въ Венсенѣ въ 1789 г.; вскорѣ вслѣдъ за этимъ мы потеряли любимаго брата моего мужа; онъ совершилъ вмѣстѣ съ нами путешествіе въ Швейцарію, сдѣлался настоятелемъ и приходскимъ священникомъ въ Longpont, былъ назначенъ избирателемъ своего округа; здѣсь онъ проповѣдывалъ свободу и велъ жизнь, проникнутую евангельской добродѣтелью; адвокатъ и врачъ своихъ прихожанъ, болѣе мудрый, чѣмъ слѣдуетъ монаху, онъ былъ преслѣдуемъ честолюбцами своего ордена и очень страдалъ отъ придирокъ, доставившихъ ему огорченія, которыя ускорили его кончину. Такъ всюду, во всѣ времена, добрые умираютъ: есть, вѣроятно, для нихъ другой міръ, въ которомъ они должны возродиться,—иначе не стоило-бы родиться въ этомъ мірѣ!

Слѣпые клеветники, пойдите слѣдомъ за Роланомъ, выискивайте ошибки въ его жизни, наблюдайте мою жизнь, наведите справки въ обществѣ, среди котораго мы жили, въ городахъ, гдѣ мы обитали, въ деревнѣ, гдѣ нельзя притвориться; изслѣдуйте... Чѣмъ ближе вы насъ увидите, тѣмъ вамъ будетъ досаднѣе: вотъ почему вы хотите насъ уничтожить!...

Ролана упрекали за то, что онъ хлопоталъ для себя о дворянствѣ; вотъ какъ было дѣло. Семья Ролана пользовалась правами дворянства въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, въ силу должностей, которыя она занимала, не передававшихъ, однако, дворянство по наслѣдству, и благодаря богатству, дававшему возможность поддерживать всѣ знаки его—гербъ, домовую церковь, ливрею, помѣстье и т. д. Богатство исчезло; его мѣсто занялъ умѣренный достатокъ, и Роланъ ожидалъ умереть въ помѣстьѣ, единственнымъ сохранившемся въ его семьѣ и принадлежащемъ его старшему брату; онъ думалъ, что его труды дадутъ ему право обезпечить за своими потомками преемство, которымъ пользовались его предки и кушеть которое онъ-бы погнушался. Въ виду этого онъ предъявилъ свои документы, чтобы получить грамоты для удостовѣренія своего дворянства или быть возведеннымъ въ это званіе. Это было въ началѣ 1784 г.; я не знаю чело-вѣка, который въ то время и въ положеніи Ролана счелъ-бы противнымъ благоразумію сдѣлать то-же самое. Приѣхавъ въ Парижъ, я вскорѣ увидѣла, что новые *intendants de commerce*, завидовавшіе его старшинству въ отрасли администраціи, гдѣ онъ былъ болѣе ихъ свѣдущъ,

не раздѣлявшіе его взглядовъ на свободу торговли, которую онъ энергично защищалъ, при выдачѣ ему письменнаго удостовѣренія объ его большихъ работахъ, въ которомъ они не могли ему отказать, не дадутъ ему того отгѣнка, который обезпечилъ-бы ходатайству успѣхъ. Я рѣшила, поэтому, что отъ этой мысли нужно отказаться и не дѣлала уже никакихъ дальнѣйшихъ попытокъ. Узнавъ о перемѣнахъ, о которыхъ я говорила въ любопытной статьѣ о Lazowski, я просила и добилась перевода Ролана въ Лионъ, что приближало его къ родинѣ и давало возможность жить въ своей семьѣ, куда, какъ я знала, онъ желалъ впоследствии удалиться... Патріоты дня, которымъ нужна была революція, чтобы сдѣлаться чѣмъ-нибудь, предъявите ваши творенія и осмѣльтесь сравнить!

Тринадцать лѣтъ, проведенныхъ въ различныхъ мѣстахъ, среди непрерывной работы и очень разнообразныхъ личныхъ отношеній, изъ которыхъ самыя недавнія имѣютъ столь близкую связь съ современной исторіей, дали-бы матеріалъ для четвертаго и самаго интереснаго отдѣла моихъ мемуаровъ. Отрывочныя статьи, которыя читатель найдетъ въ *Portraits et Anecdotes*, заступать ихъ мѣсто: я не могу больше водить перомъ среди ужасовъ, раздирающихъ мою родину; я не могу жить на ея развалинахъ, я предпочитаю быть погребенной подъ ними. Природа, разверзни свое лоно! Боже праведный, прійми меня!

Въ тридцать девять лѣтъ.

ПРИМЪЧАНІЕ.

Если-бы я могла еще остаться въ живыхъ, у меня, кажется, было-бы лишь одно желаніе: написать *мѣтотиси ѡтца* и быть г-жею Маколей 1) своей родины; я чуть было не сказала Тацитомъ Франціи, —но это было-бы нескромно, и повѣсы (*polissons*—игра словъ), по претендующіе быть таковыми въ другомъ смыслѣ, сказали-бы, что мнѣ кое-чего для этого недостаетъ. Въ тюрьмѣ я прониклась настоящею страстью къ Тациту; я не могу уснуть, не прочитавъ изъ него нѣсколькихъ отрывковъ: мнѣ кажется, что у насъ съ нимъ одинаковые взгляды, и современемъ, очень можетъ быть, я по поводу столь-же богатаго сюжета стала-бы подражать ему въ изложеніи.

Мнѣ очень жаль, что вмѣстѣ со своими *Notices historiques* я потеряла одно письмо, которое написала Garat 6-го іюня. Я ему вручила свой протестъ противъ моего ареста; онъ написалъ мнѣ въ отвѣтъ любезное письмо въ четыре страницы, въ которомъ высказывалъ мнѣ все свое уваженіе, горе и пр.; въ то-же время онъ входилъ въ любовную сдѣлку съ общественнымъ благомъ и старался приписать двадцати двумъ ихъ собственную погибель, обвиняя ихъ въ томъ, будто они дѣйствовали и говорили въ собраніи противно интересамъ республики. Я отвѣтила Garat убѣдительными доводами, но въ выраженіяхъ, о которыхъ сожалѣю; я изобразила ему его поведеніе, какъ результатъ слабости, которой я приписывала всѣ наши страданія,—слабости, раздѣляемой трусливымъ большинствомъ, повинующимся лишь чувству страха; я доказала ему, что онъ и Барреръ способны были-бы лишь погубить всѣ государства въ мірѣ и опозорить самихъ себя своимъ двусмысленнымъ поведеніемъ; я никогда не могла выносить безсмысленныхъ, высокопарныхъ разсужденій стада глупцовъ, направленныхъ противъ того, что они называли страстями правой. Честные люди, твердые въ принципахъ, проникнутые

1) Англійская писательница Macaulay-Graham (1733—1791), авторъ восьмитомной исторіи Англій въ XVII и началѣ XVIII вѣка (1763 и слѣд.), отличавшаяся большою любовью къ свободѣ.

Прим. Ред.

справедливымъ негодованіемъ противъ преступленій, энергично возставали противъ порочности нѣсколькихъ злодѣевъ и жестокихъ мѣръ, внушаемыхъ этою порочностію,—и эти евнухи въ политикѣ упрекали ихъ въ излишней горячности!

Ролана изъ всѣхъ силъ обвиняли за то, что онъ покинулъ министерство вскорѣ послѣ того, какъ сказалъ, что никакія волненія не заставятъ его уйти оттуда. Не поняли того, что ему нужно было показать свою рѣшимость, чтобы поддержать слабыхъ, и что 6 января онъ этимъ способомъ ободрилъ ихъ; но что приговоръ надъ Людовикомъ XVI, произнесенный 18 января или около того, доказалъ, что благоразумные люди были въ меньшинствѣ и что ихъ владычество въ Конвентѣ пало; что онъ, поэтому, не могъ надѣяться ни на какую поддержку и долженъ былъ уйти какъ можно скорѣе, чтобы не принять участія въ ихъ безумствахъ. Конечно! Роланъ ненавидѣлъ тиранію и считалъ Людовика виновнымъ; но онъ хотѣлъ упрочить свободу и рѣшилъ, что она погибла, какъ только горячія головы захватили власть въ свои руки. Онъ оказался слишкомъ правымъ, также какъ и тѣ, которыхъ сегодня везутъ на казни! Впрочемъ, мнѣ кажется, что я уже изложила это въ статьѣ, озаглавленной *Второе министерство*. Выходъ Ролана изъ министерства послужилъ знакомъ пораженія; онъ это предвидѣлъ.

Моя бѣдная Агата! Она вышла изъ монастыря, не переставъ быть плачущею голубкою; она плачетъ по своей дочери, какъ она меня называетъ. Ахъ! Я могла-бы описать многихъ людей, повѣствованіе о которыхъ связано съ исторіей моей жизни; эта добрая кузина Desportes, умершая пятидесяти лѣтъ, послѣ многихъ горестей; эта маленькая кузина Trude, удалившаяся въ деревню и нынѣ разводящаяся со своимъ мужемъ; моя старая няня, прозванная Mignonne, которая умерла у моего отца и испустила духъ у меня на рукахъ, со словами: „Сударыня, я всегда просила Провидѣніе лишь объ одномъ,— умереть около васъ; и довольна“. И эта несчастная дружба моего несчастнаго отца съ однимъ негодаемъ—Leveilly, къ дочери котораго я выказала участіе; я сдѣлала ее предметомъ благодарній, ея молодость, живость, нѣкоторая привлекательность возбуждали жалость,—и она такъ низко пала; потерявъ всякій стыдъ, она заставила меня, недавно, прогнать ее отъ себя, между тѣмъ, какъ я принимала ея братьевъ и оказывала имъ услуги.

